

Г. ФЕРРЕРО

ВЕЛИЧИЕ
И ПАДЕНИЕ
РИМА

Величие и падение Рима

I том СОЗДАНИЕ ИМПЕРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ПЕРВОМУ ИТАЛЬЯНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Эти два тома содержат историю века Цезаря от смерти Суллы до мартовских ид. Они охватывают ту критическую эпоху, когда римский империализм окончательно утвердил свое влияние над цивилизованным миром и Италия, обратив Средиземное море в Итальянское озеро, принялась за свою историческую задачу в качестве посредницы между эллинистическим Востоком и варварской Европой.

Предпосланные всему труду пять вступительных глав дают общий очерк римской истории до того момента, с которого начинается подробный рассказ, несмотря на многие недостатки, которым легко дает место такой стиль изложения, я прошу читателей терпеливо и благосклонно изучить эти главы, являющиеся необходимым введением в подробное описание и понимание века самого Цезаря.

Человеческая история, подобно другим явлениям жизни и эволюции, является бессознательным продуктом бесконечного числа малых и незаметных усилий. Ее работа судорожно и беспорядочно выполняется отдельными индивидуумами или группами индивидуумов, действующих обычно но непосредственным мотивам, результаты которых всегда превосходят знание и намерение современников и даже редко открываются, и то неясно и на мгновение, для последующих поколений. Найти путь к непосредственным, случайным и преходящим мотивам, побуждавшим людей прошлого к их трудам; описать живо и откровенно их превратности и беспокойства, их борьбу и те иллюзии, с какими они выполняли свой труд; открыть, как и почему во время своего труда люди одного поколения часто не удовлетворяются чувствами, побуждавшими их к действию и вызвавшими продолжительное изменение в жизни их общества, — все это должно быть, по моему мнению, истинным вдохновением задачи историка.

Надеюсь, что моя книга содержит доказательства, того, что завоевание римлянами мира, одно из тех изумительных зрелищ в истории, которые на расстоянии, по-видимому, не боятся сравнения и объяснений, были действием (правда, замечательным для специальных условий места и времени) внутренней трансформации; последняя, постоянно возобновляясь в большей или меньшей степени в истории обществ, вызвана теми же самыми причинами и ведет к тому же самому окончательному расстройству и страданию — росту национальной и индустриальной демократии на развалинах федерации земледельческих аристократий.

Я намерен в последующих томах продолжать рассказ вплоть до окончательной гибели империи. Мы проследим в поколении между Августом и Нероном возникновение новой аристократии из индустриальной демократии цезарского века; проследим, как эта аристократия, всемогущая в спокойной империи, медленно распалась на куски от собственного благополучия, в то время как христианство и восточные культы подрывали ее духовные основы, и, наконец, проследим, как было поглощено вновь и опустилось в бездну все, что было самого древнего и почтенного в греко-латинской цивилизации. Таким образом, книга включает в себе весь ход развития одного из самых замечательных обществ в истории — от его рождения до его смерти, от отдаленного утра, когда маленький клан земледельцев и пастухов вырубил леса на Палатинском холме,

чтобы воздвигнуть жертвенники своим племенным божествам, до того трагического часа, в который солнце греко-латинской цивилизации озарило опустошенные поля и покинутые города с бездомными, невежественными и грубыми народами латинской Европы.

Турин, 1 декабря 1901 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АВТОРИЗОВАННОМУ ФРАНЦУЗСКОМУ ПЕРЕВОДУ

Настоящая книга представляет первый том труда, посвященного всестороннему изучению образования, развития и падения Римской империи.

После краткого обзора истории Рима от его отдаленного и темного начала до смерти Суллы настоящий том вводит в подробности событий 78—59 гг. до Р. Х., т. е. периода со смерти страшного диктатора до консульства Цезаря. Здесь можно видеть, среди каких интриг и какой борьбы, под влиянием каких социальных сил подготовлялось событие, наиболее значительное в истории Рима, — завоевание Галлии. Во втором томе рассказывается о покорении страны кельтов легионами Цезаря и о непосредственных результатах этих завоеваний для политического мира Рима и италийского общества; далее говорится о тех исключительных обстоятельствах галльской войны, которые вызвали гражданскую войну между Цезарем и Помпеем, и о тех роковых превратностях, которым подвергся Цезарь и римский мир с начала гражданской войны и до трагических мартовских ид 44 г. до Р. Х. Я надеюсь, что завоевание Галлии в моем изложении предстанет в совершенно новом освещении, что лучше будет понять, как это завоевание сделало возможной европейскую цивилизацию и позволило Риму осуществить его великую историческую миссию посредника между культурным Востоком и варварской Европой.

В следующих томах мы увидим, как, выполняя эту миссию, Рим и Италия из совокупности бесчисленных покоренных государств образовали постепенно живое единство империи; как затем это большое целое мало-помалу распадалось и разрушалось.

Я воспользовался французским переводом для того, чтобы пересмотреть многие места, удалив и прибавив то, что казалось мне полезным. Я предупреждаю об этом читателя и прошу у него в то же время снисхождения для первых пяти глав, излагающих вкратце историю Рима до смерти Суллы. Этот род работы весьма неблагодарен, и автор сознает в нем свои недостатки; но такой предварительный обзор необходим для изучения истории Цезаря и его времени.

Турин, 22 апреля 1904 г.

Маленькое начало великого государства

Италия во второй половине пятого века до Р. Х. — Войны между мелкими республиками и их причины. — Рим — маленькая аристократическая и земледельческая республика; его положение среди этих войн. — Организация семьи; консервативный дух знати; государственные учреждения строго аристократические и республиканские. — Первые войны Рима во главе латинской федерации в V и первой половине IV столетия до Р. Х. — Их результаты: увеличение территории, колонизация, заключение союзов, увеличение государственных доходов и частных имений, масса рабов, распространение скотоводства, приток драгоценных металлов. — Медленные успехи роскоши: верность древним нравам; укрепление власти в руках аристократии из крупных собственников. — Победоносные войны IV и III столетий до Р. Х. и завоевание политической гегемонии в Италии. — Расцвет земледельческого и аристократического общества; его достоинства и недостатки. — Завоевание Великой Греции; первая война с Карфагеном и завоевание Сицилии. — Появление торгового духа. — Первые откупщики налогов. — Знать начинает заниматься спекуляциями. — Начало литературы. — Первое появление демократической партии. — Гай Фламний и завоевание долины По. — Нашествие Ганнибала: сила и слабость, потери и приобретения Рима во вторую пуническую войну.

Рим в 450–400 гг. до Р. Х. Во второй половине V в. до Р. Х. Рим еще был аристократической республикой земледельцев. Он занимал площадь приблизительно в 450 кв. миль¹ и имел свободное население, которое не превышало 150 000 душ и почти все было рассеяно по области, разделенной на 17 округов, или сельских триб.² Большинство семейств владело небольшим полем; родители и дети жили вместе в маленьких хижинах и возделывали преимущественно рожь, уделяя лишь немного места таким культурам,

¹ 1000 кв. километров. Ср.: Beloch. I. В., 29 сл. и 69.

² Правда, по Титу Ливию (III, 24), перепись 459 г. до Р. Х. показывала число граждан в 117 319 человек, что соответствовало бы свободному населению приблизительно в 400 000 человек. Но эта цифра мне кажется невероятной: 1) если бы Рим имел тогда 120 000 солдат, то ему не составляло бы столько труда победить мелкие соседние народы; 2) 400 жителей на кв. километр, как бы бедны они ни были, не могли бы существовать в ту эпоху, когда Рим жил единственно продуктами собственной территории; 3) эта цифра не согласуется с другими, более достоверными. Если в 339 г. до Р. Х. насчитывали 165 000 граждан на территории в 2709 кв. километров, а в 293 г. до Р. Х. — 260 321 граждан на 4161 кв. километров (Beloch. I. В., 89), то, предполагая, что густота населения была та же самая, Рим в 459 г. до Р. Х. должен был бы насчитывать до 60 000 граждан, или 190 000 человек свободного населения. Но густота населения должна была быть меньше при большей бедности и варварстве. Из этого следует, что население Рима составляло не более 150 000 свободных и 45 000 граждан, что соответствовало бы армии немного более чем в 20 000 человек, как полагает Моммзен. Большие цифры мне кажутся невероятными.

как виноград и оливки.

Свои немногочисленные стада они пасли на лежащих по соседству общественных землях, сами изготовляли себе сельские орудия и одежды и только время от времени отправлялись в укрепленный город. Там находились храмы богов, правительственные учреждения республики, дома богачей, лавки ремесленников и купцов, где крестьяне обменивали небольшое количество хлеба, масла и вина на соль, железные сельскохозяйственные инструменты и оружие. Там они присутствовали на религиозных празднествах и исполняли свои гражданские обязанности. Все римские собственники по своему имуществу делились на 5 классов; каждый класс делился на центурии; каждый собственник волеводил в своей центурии, голос которой считался за одно целое; таким образом гражданин участвовал в комициях, в утверждении законов и в выборе высших должностных лиц республики.

Патриции, всадники и плебеи Однако, несмотря на то что все должности были тогда выборными, Рим был республикой вдвойне аристократической. Центурии, восходя от более бедных классов к более богатым, всегда содержали в себе все меньшее число избирателей. Кроме того, высшие государственные должности оставались наследственной привилегией небольшого числа патрицианских фамилий, владевших наиболее значительными земельными угодьями, более многочисленными стадами и рабами. Сыновья сенаторов и плебеи из свободных достаточно богатых и уважаемых семей составляли особое всадническое сословие, промежуточное между знатью и плебсом, признанное государством и среди других привилегий имевшее право в случае войны служить в коннице. Плебеи каждого округа образовывали собрание для обсуждения своих местных интересов; они избирали ежегодно народных трибунов, которые считались неприкосновенными и могли налагать свое veto на все действия должностных лиц. Для выбора некоторых низших магистратов и для текущих дел собрание собиралось не по центуриям, а по трибам, т. е. собирались все приписанные к 17 сельским и 4 городским трибам Рима.³ Власть несмотря на это все же оставалась в руках патрициев, которые вместе с тем были и земледельцами, не пренебрегавшими работать мотыгой и плугом.⁴ Их жилища были малы и бедного вида, они вели умеренный образ жизни, одевались просто, владели небольшим количеством драгоценных металлов и почти всё — как хлеб, так и одежду — изготовляли у себя дома руками немногих рабов и женщин.

Ранняя римская торговля Рим мало что покупал за границей: металлы и керамические изделия для общественных построек в Этрурии, артистические пунические или финикийские безделушки; изделия из слоновой кости, благовония для погребений, пурпур для церемониальных одежд магистратов и незначительное количество рабов. Вывоз был также незначителен: вывозился лес для постройки судов и соль.⁵ Рим был мал и беден: даже богатые патриции проводили большую часть времени в деревне и явля-

---

³ Ср. замечания Моммзена (R.F.I, 165) о значении законов Валерия Горация 449* г.

⁴ Val. Max., IV, 4 5; Plin. H. N., XVIII, 3, 19; Marquadrat. V. P. R., II, 294.

⁵ Schiller-Voigt, 291; Voigt. I. N., II, 552 и 557; Decotti. T. S., 146 сл.

лись в город только для отправления своих должностей и присутствия в сенате, который состоял из прежних магистратов, назначаемых туда пожизненно сперва консулами, а потом цензорами. Сенат надзирал за магистратами, заведовал государственным казначейством, утверждал принятые центуриатными и трибутными комициями законы и произведенные ими выборы,⁶ решал столь частые тогда вопросы войны и мира.

**Военное устройство жизни
в Италии**

Вся Италия до Лигурии, Эмилии и Романьи, еще населенных, как и долина По, дикими лигурами и кельтами, была усеяна небольшими укрепленными городками, подобными Риму; они охраняли течение рек, наблюдали за равниной с горных высот, защищали горные проходы и являлись издали путевыми знаками для купцов, плывших на своих маленьких судах. Государственное устройство их было аристократическое или демократическое, монархический образ правления был весьма редок. Каждый город владел более или менее обширной территорией; многие между ними образовывали союзы, основывавшиеся на однородности расы или языка; таковы были союзы оско-сабельские в Южной Италии, латинские, этрусские и умбрские в центре полуострова; эллинские в прекрасных греческих колониях на берегу моря — в Анконе, Таренте, Неаполе. Однако, несмотря на эти союзы, происходила непрерывная борьба человека с человеком, города с городом, горы с равниной, реки с морем, постоянно возбуждаемая тем, чем обыкновенно возбуждаются войны среди варваров, — нуждой в рабах, в землях, в драгоценных металлах, стремлением к приключениям, гордостью знатных, народной ненавистью, необходимостью самим нападать, чтобы не подвергнуться нападению и, может быть, уничтожению.

Римская военная система

Рим, подобно другим городам, был вовлечен в эту нескончаемую борьбу, но находился еще в опасном состоянии слабости, хотя ему уже удалось сгруппировать вокруг себя союз мелких сельских республик Лация, население которого говорило на одном и том же латинском языке. Римская армия состояла из мелких собственников под командой собственников богатых; тот, кто не владел землей, не имел права быть солдатом. Все собственники (а их к середине V в. до Р.Х. приблизительно было до 30 000) в возрасте от 16 и до 46 лет обязаны были являться всякий раз, как консул объявлял набор, и выступать в составе легионов под начальством магистратов, выбранных из зажиточных патрициев.

Рабство за долги

К несчастью, жестокая ненависть существовала тогда между богатыми и бедными; население слишком быстро увеличилось на слишком тесной территории; войны часто становились причиной опустошений и разрушений; земля легко истощалась из-за слишком экстенсивного возделывания злаков. В то время как несчастные мелкие собственники были обременены долгами, знатные, семьи которых были весьма многочисленны, захватывали себе земли, отнятые у неприятеля, и увеличивали свои стада в ущерб общественным пастбищам, лишая бедных возможности пользования ими; еще хуже было то, что богатая знать давала деньги под проценты бедным,

---

⁶ Я не касаюсь здесь вопроса об *auctoritas senatus* по отношению к трибутным комициям в древнейшие времена — вопроса, столь еще неопределенного. Дело идет о подробности, не существенной при таком беглом описании древнего Рима, и было бы бесполезно касаться ее даже в примечании.

обращая затем их в рабство на основании закона о долгах. Богатые плебеи ненавидели патрициев также и за то, что они отстраняли их от государственных должностей. Из всего этого возникали ссоры, беспорядки, раздоры, даже в то время, когда угрожала война.

Раннее римское общество И однако Рим, во главе латинского союза, победил мало-помалу другие города и союзы Италии, потому что в его политическом устройстве была железная дисциплина, способная сдерживать такую страшную разрушительную силу нации, как страсть к наслаждению; она же подавляла пороки в богатом господствующем классе, который наиболее легко развращается и распространяет везде пьянство, разврат, любовь к драгоценным металлам и личное тщеславие, желающее получить удовлетворение хотя бы ценой общей гибели.

Римляне были первобытным народом без свойственных последним недостатков, поэтому они и победили столько народов, более цивилизованных, но ослабленных пороками их собственной цивилизации. Древнее римское общество можно сравнить с некоторыми монашескими орденами, где мы находим остроумные комбинации обучения, примеров, надзора и взаимных угроз; благодаря этому небольшая группа людей, подвергая каждого из своих членов тирании мнений и чувств всей общины и отнимая у них все средства жить вне этой группы, заставляла их обнаруживать, по крайней мере в некоторых делах, более ревности, самоотвержения и дисциплины, чем можно было бы ожидать от каждого взятого в отдельности. В древнем Риме всё — богатство, религия, учреждения, суровость законов — было направлено к тому, чтобы, поддерживать и развивать в высших классах это взаимодействие примеров, наставлений и взаимных угроз, к этому были направлены требования общественного мнения, которые безжалостно применялись отцами к детям, мужьями к женам; наконец, сама семья была первой школой этой суровой дисциплины душ.

Римская фамилия Римские семьи того времени во многих отношениях были еще пережитками патриархального периода, и в них, как в маленьких монархиях, отец распоряжался самовластно: он один владел имуществом, совершал куплю и продажу, принимал на себя обязательства. Он мог требовать полного повиновения от сына, как от своего слуги, независимо от его возраста и положения. Строптивного сына он мог изгнать, ввергнуть в нищету, продать в рабство, присудить к полевым работам; консула, только что командовавшего на войне легионами, он мог заставить повиноваться, как ребенка, по его возвращении в отцовский дом. Он был высшим судьей жены, детей, внуков, рабов; он сам должен был осуждать их даже на смерть, по суровым нормам обычая, за провинности против семьи, государства или отдельных лиц.⁷

Древнеримское воспитание Аристократическая республика новых времен оставила существовать эти маленькие монархии, постепенно ограничивая и поглощая их, но часть работы для поддержания нравственного и политического порядка могла быть выполнена отцами семейств более легко в этих миниатюрных монархиях, чем магистратами в государстве; и отцы семейств становились, таким образом, в действительности ор-

---

⁷ Dion. Hal., II, 25–27; Bonfante. D. R., 151 сл.; Fustel de Coulanges. C. A., 100–105; Lange. R. A., I, 95 сл. — Ср. яркий пример К. Фламиния: Cicero. De inv., II, XVII, 52; Val. Max., V, 45.

ганами государства. При такой власти родителям легко было долгое время подавлять в новых поколениях тот присущий юности дух новшеств, который во все времена приносит вместе с прогрессом и порчу нравов. Они могла растить детей по собственному образу и подобию: приучать сыновей к трезвости, целомудрию, труду, религии, точному соблюдению законов и обычаев, узкому, но прочному патриотизму и обучать их основным началам земледелия и домашнего хозяйства. Им легко было приучать дочерей жить всегда под властью мужчины — отца, мужа или опекуна, не имея права владеть даже собственным приданым, быть послушными, скромными, целомудренными, заботиться только о доме и детях; нетрудно было и тем и другим, и сыновьям и дочерям, внушить точное соблюдение традиций, верность древним нравам, боязнь всякой новой роскоши. И горе непослушным и мятежным! Отец и домашний трибунал безжалостно карали сына и жену, ибо традиция давала примеры суровости; и легко было быть суровыми людям, с самого детства имевшим так мало удовольствий.⁸

Карьера римлянина Получив такое воспитание, знатный римлянин еще в юности делал свои первые военные успехи в рядах кавалерии; в молодые же годы он женился на женщине, которая приносила ему небольшое приданое и от которой он должен был иметь много детей. Затем он начинал медленную и длинную государственную карьеру, выступая кандидатом на разные выборные должности в установленном законами порядке. Но никто не мог надеяться быть избранным народом и утвержденным сенатом, если он не уважал традиций. Всякий римский магистрат был облечен широкими полномочиями; он имел в своем распоряжении многочисленных слуг и получал внешнее выражение отличий и почести; но власть была разделена между большим количеством магистратов, всякая должность была бесплатной и временной, обыкновенно годичной; сверх того, всякий магистрат имел всегда товарища, равного ему по достоинству и власти, который надзирал за ним и сам подвергался такому же надзору; наконец, над всеми стоял сенат. Ни один магистрат не мог нарушить законы и традиции без уважительной причины; все, в свою очередь, должны были повиноваться их приказаниям, но по возвращении в частную жизнь они могли быть призваны дать отчет во всех своих действиях.

С самого рождения и до самой смерти римлянин находился под постоянным надзором; сын, делавшийся после смерти отца неограниченной главой семьи, встречал на форуме, в комициях и в сенате строгую бдительность цензоров, которые могли вычеркнуть его из списка сенаторов, если он вел недостойную жизнь; он подвергался надзору народа, который не стал бы выбирать его на государственные должности, и всякого отдельного гражданина, который мог выступить его обвинителем.

Первое возвышение Благодаря этой дисциплине высших классов Рим мог выполнить предприятие, в котором потерпели неудачу этруски, — мало-помалу он возвысился над другими италийскими республиками. Во второй половине V в. до Р. X. и в первых десятилетиях IV в. Рим во главе латинского союза вел целый ряд войн с эквами, вольсками, этрусками. В ре-

---

⁸ Не редкость, по словам Дионисия Галикарнасского, было осуждение отцами на смерть собственных детей: Dion. Hal., VIII, 79. — Ср. Di Marzo. S. P. C. R., I, 27.

зультате этих войн учреждены были четыре новые трибы на расширенной территории и были основаны на 98 000 гектаров отнятой у неприятеля земли многие латинские колонии.⁹ В этих колониях многие юноши среднего класса, которым скудость отцовского достояния мешала жениться, получили возможность дать Риму новых солдат; они становились гражданами и собственниками новых городов, управляемых, подобно Риму, автономными законами с единственным обязательством идти на войну вместе с римскими легионами.

Cives sine suffragio Укрепленный этими первым успехами, Рим был поставлен в необходимость в конце IV в. и в первой половине III в. вести войны с самнитами, этрусками, сабинами, мятежными членами латинского союза, с галлами Адриатического побережья и с греческими отрядами Пирра, пришедшими из Тарента. Рим присоединил к себе обширную территорию в 27 000 кв. километров,¹⁰ охватывавшую весь Лаций, часть восточной и западной Этрурии, большую часть Умбрии, Маркий и Кампаний, обратил их города в муниципии, а их жителей в граждан, подлежащих военной службе и уплате *tributimi*, но лишенных права голоса.

Союзные города Он принудил силой или присоединил к себе по доброй воле в 326 г. Неаполь, в 310 г. — Камерин, Кортону, Перузию, Ареццо, в 305 г. — маруцинов, марсов, пелигнов, френтанов, в 302 г. — вестингов, а немного позднее — Анкону и Тарент, заключая союзы, в силу которых эти города и нации, сохраняя свои учреждения и законы, обязывались доставлять Риму вспомогательные войска и признавать римский сенат посредником во всех спорах с другими государствами.

Развитие сельского хозяйства Путем этих войн Рим приобрел верховную власть над всей Италией. Но экономические и социальные последствия этих войн были еще важнее политических. Республика и отдельные лица значительно увеличили свои богатства. Государство стало располагать большими доходами, и по всей Италии образовались обширные государственные земли из полей, пастбищ и лесов, часть которых сдавалась в аренду, а остальная часть оставалась для будущих нужд. Большое число патрицианских и плебейских фамилий обогатилось, покупая рабов и земли и развивая во всей Италии сельское хозяйство в крупных размерах; сеяли хлеб, сажали виноградники и оливковые деревья; всю работу производили *familiae* рабов под надзором управляющего, также из рабов; во время жатвы и сбора винограда призывались на помощь из соседнего города вольные поденные рабочие.¹¹

Скотоводство На общественных землях южной Италии было много первобытных пастбищ, похожих на те, которые мы видим теперь в Техасе или в наиболее степных областях Соединенных Штатов; бесчисленные стада крупного рогатого скота и овец паслись круглый год, не зная хлебов, спали под открытым небом и перегонялись дюжинами пастухами зимой и летом с

---

⁹ Beloch. I. B., 149.

¹⁰ Ibid., 72.

¹¹ Ср. *De re rustica* Катона, описывающего земли богатого сеньора в эпоху, когда земледелие начало изменяться. Эта книга даст представление о земельном устройстве богатых людей в III в. до Р.Х.

гор на равнину и с равнины в горы. Эта варварская, но выгодная эксплуатация пастбищ сделалась возможной, когда Рим покорил своей власти берега южной Италии и Апеннинские высоты, и многие римляне поспешили заняться ею.¹²

Денежная торговля Кроме того, благодаря войнам начался прилив драгоценных металлов, особенно серебра;¹³ и в 269 и 268 гг. до Р. Х. в Риме стали чеканить серебряную монету.¹⁴ С тех пор римляне могли участвовать в мировой торговле, доставляя себе утонченности эллинской цивилизации, в этот момент лучше известные по более частым сношениям с греческими колониями южной Италии.¹⁵ Дело в том, что драгоценные металлы, возбуждая алчность всех народов — и цивилизованных и варваров, как блестящее украшение и сокровище, которое легко переносить и прятать, были в древнем мире предметом мены и торговли; они способствовали сношениям между народами, стоявшими на совершенно различных ступенях цивилизации. На территории колоний семейства мелких собственников размножались и жили в полном довольстве.

Прочность старого строя Но это обогащение не ослабило традиций, и за ним не последовало тотчас же ни изменения нравов, ни политической революции. Бережливость, простота, суровая грубость прежних времен считались наиболее высокими доблестями всякой знатной фамилии. Возрастающее богатство еще не развратило народа в массе и не увеличило разнужданности отдельных лиц; оно даже укрепило власть в руках сильной военной аристократии богатых собственников, отлитой в форме традиционного воспитания; оно помогло завоевать новые земли и заселить их латинскими земледельцами и солдатами. Без сомнения, правящие классы обновлялись по мере того, как средний класс становился более многочисленным, более зажиточным и влиятельным.

Уступки плебейм Государственный строй демократизировался, но постепенно, без потрясений и насильственных переворотов. Многие плебейские фамилии благодаря богатству, употребляемому на пользу народа, приобрели такое влияние, что патрицианские фамилии, уже уменьшившиеся в числе и обедневшие, были вынуждены для поддержки обремененных догами родовых имений и власти принимать в свою среду эту богатую плебейскую буржуазию, заключая с ней браки и допуская ее к участию в управлении. Уже в 421 г. было постановлено, что плебеи могут отправлять первую и самую простую из магистратур, именно квестуру, т. е. в качестве городских квесторов преследовать обвиняемых в уголовных преступлениях, управлять государственным казначейством, а в качестве военных квесторов заведовать финансами армии и снабжать ее припасами. В 367 г. было постановлено, чтобы один плебей был в числе первых магистратов республики, которые под именем консулов были обязаны созывать сенат и комиции, производить выборы магистра-

---

¹² Nitzsch. G. V., 16.

¹³ Livi. X., 46; Schiller-Voigt, 294.

¹⁴ Babelon. M. R. R. I, XVIII.

¹⁵ Schiller-Voigt, 287.

тов, допуская или отвергая кандидатов, и командовать войсками на войне. С 365 г. плебеи могли быть избираемы курульными эдилами, наблюдавшими за продажей хлеба и рыночными ценами, следившими за сохранностью публичных зданий, за полицией на улицах, рынках, площадях и назначавшими общественные празднества. В 350 г. они были допущены к диктатуре и цензуре. Диктатура была чрезвычайной должностью: в момент крайней опасности и на короткое время вся власть давалась одному лицу с приостановкой действия конституции. Цензура же была постоянной должностью, обычно исполнявшейся двумя цензорами, раз в пять лет составлявшими список лиц и имуществ римских и муниципальных граждан и надзиравшими за нравами аристократии; они вычеркивали лиц недостойных из списка сенаторов и всадников, лишали политических прав плебеев, ведших постыдный образ жизни, утверждали и наблюдали за исполнением общественных работ и сбором налогов. С 337 г. сами преторы могли быть из плебеев; они разбирали гражданские дела между римлянами и иностранцами и замещали консулов в их отсутствие или когда те были чем-либо заняты. Таким образом прежний наследственный и исключительный патрициат превратился в патрицианско-плебейскую знать богатых собственников, которая сделала без затруднения уступки демократическому духу среднего класса, по мере того как значение последнего возрастало вместе с зажиточностью и вследствие побед, честь которых отчасти принадлежала ему.

Власть трибутных комиций Плебейские преторы не преминули расширить законодательную власть трибутных комиций, в которых средний класс играл более выдающуюся роль, чем в центуриатных комициях; сенат должен был высказывать свое мнение по внесенным предложениям до народных собраний, а не после них;¹⁶ по *lex Hortensia* (286 г.) постановления народных собраний получали силу для всех граждан без утверждения их сенатом; трибутные собрания вырвались из-под контроля сената, а центуриатные комиций около 241 г. были преобразованы¹⁷ таким образом, что богатые потеряли там много прежней своей власти. Дошли до того, что предоставили право голоса многим *cives sine suffragio*: в 268 г. сабинам *Peate*, Норции и Амистерна; около 241 г. жителям Пицена и Веллитр.¹⁸

Клиентела Все же устройство республики оставалось в своей основе аристократическим, потому что новая патрицианско-плебейская знать сумела остаться единственным господствующим классом — и силой традиций, великими военными успехами, хорошей общественной администрацией, широкой системой клиентелы и покровительством среднему классу воспрепятствовала образованию могущественной демократической оппозиции (которая появляется почти во всех античных республиках). Священной обязанностью для всякой богатой сенаторской фамилии было помогать своими советами, деньгами и протекцией определенному числу семейств собственников среднего достатка и даже способствовать лицам, выдающимся своею доблестью и умом,

---

¹⁶ Mommsen. R. F. I, 157; Willems. S. R. R., II, 73.

¹⁷ Karlowa. R. R. G., I, 384.

¹⁸ Beloch. I. B., 123.

войти в состав знати путем занятия должностей.¹⁹

Латинское верховенство Находясь таким образом под покровительством знати, придерживавшейся старинных сельских нравов, плебеи сохранили обычаи предков; они оставались крепким и плодовитым народом крестьян, употреблявшим большую часть своих прибылей на воспитание все более многочисленных поколений земледельцев и солдат. Таким путем Рим мог в IV и III вв. до Р. Х. распространить в Италии не только свое влияние и свои законы, но и свою расу и свой язык. С 334 до 264 гг. Рим основал 18 могущественных латинских колоний, между ними Венузию, Луцерию, Пестум, Беневент, Норцию, Аримин и Фермой, и по различным областям Италии расселились крепкие латинские земледельцы, которых обилие земель поощряло быть плодовитыми и увеличило число говорящих на латинском языке в пестрой смеси итальянских языков и рас. Эти крестьяне поочередно несли то тяготы сельской жизни, то тяготы военного ремесла; военное жалование и добыча, разделяемая полководцами после побед, были для них дополнительной прибылью к земельному доходу, и война служила занятием, подсобным к земледелию.

Первая пуническая война С помощью этих крестьян, бывших в то же время и солдатами, римская аристократия могла победить Карфаген, великую торговую силу, коммерческое расширение которого пришло к столкновению с военным и земледельческим расширением Рима. Благодаря этим крестьянам Рим в последней четверти III в. до Р. Х. достиг господства над обширной территорией с населением приблизительно в шесть миллионов человек. В случае крайней опасности он мог выставить 770 000 солдат — всадников и пехотинцев; из них 273 000 граждан, 85 000 латинов, 412 000 союзников.²⁰ С ними, наконец, вел он в 225–222 гг. большую войну против итальянских галлов, которая, доставив ему господство над долиной По, открыла перед ним широкую историческую дорогу. Это военное и завоевательное напряжение могло продолжаться в течение столетий единственно потому, что Рим, благодаря нравственной дисциплине и консервативному духу знати, всегда оставался земледельческой, аристократической и военной общиной. Земля всегда, даже в самые варварские времена, может быть завоевана окончательно только плутом; она принадлежит не тем, кто обгаряет ее кровью в жестоких военных схватках, но тем, кто, завладев ею, возделывает, засеивает и населяет ее.

Характер древних римлян К концу III столетия до Р. Х. Рим господствовал над Италией, потому что наивысшей доблестью всех его классов были добродетели хорошо дисциплинированных крестьянских общин, подобные тем, какие мы видим теперь у буров: скромность, стыдливость, простота идей и нравов, спокойная сила воли, честность, законность, терпение, общее спокойствие, свойственное человеку, не имеющему пороков, не расточающему свои силы в наслаждениях и мало знающему. Но идеи делали медленные успехи: все новое, исключая религиозные суеверия, почти не допускалось. Гений, подобно безумию или преступлению и всему тому, что не отвечало традиции, был гоним: формализм, эмпиризм, Суеверие казались высшими фор-

---

¹⁹ Характерный пример — Катон-цензор; ср.: Plut. Cato Major, 1 и 3.

²⁰ Polyb., II, 24; Beloch. I. B., 94.

мами мудрости. Право и особенно религия, чисто формальные, укрепляли между потомками мудрость, заблуждения и страхи отдаленных предков. Греческая философия и общие теории были в пренебрежении; литература, еще очень бедная, состояла из нескольких религиозных и народных песен, написанных сатурническим размером, и наиболее простых драматических произведений, так называемых фесценнин, сатур и мимов. Литературный язык был груб и мало обработан.

**Торговый дух и появление
спекуляторов**

Но ничто не вечно в жизни — ни добро, ни зло, и как добро постоянно сменяется злом, а зло добром, так и этот дух дисциплины и простоты мало-помалу ослабел к середине III столетия вследствие побед и увеличения богатств. Завоевание Великой Греции, значительной части Сицилии, Корсики и Сардинии, счастливо оконченные войны в Иллирии, Галлии и против Карфагена стоили дорого, но и много дали. Было необходимо издалека доставлять припасы громадным армиям, строить флот; но так как римский сенат с небольшим числом магистратов, первоначально предназначенным удовлетворять нужды маленького города, не мог нести столь расширившиеся обязанности, то стала часто практиковаться сдача этих обязанностей частным спекуляторам. Между двумя пуническими войнами быстро возник класс откупщиков или поставщиков, которому в сельском обществе пришлось быть первым проводником духа торговли и роскоши.²¹ После завоевания Сицилии торговля этого острова, откуда вывозилось много масла и зерна, перешла от карфагенян к римским и итальянским купцам, число и богатства которых быстро увеличивались;²² римская аристократия, дотоле стремившаяся только к обладанию землями, по примеру побежденной карфагенской знати купцов бросилась в разные предприятия, отправляя по морю маленькие флотилии, заводя торговлю сицилийскими товарами²³ и утопая в роскоши. Простота нравов стала уменьшаться, семейная дисциплина поколебалась; домашний суд созывался все реже и реже; сыновья благодаря *rescūtum castrense* сделались более независимыми от отцов; женщины менее подчинялись власти мужей и опекунов; знать стала пренебрегать своими обязанностями по отношению к среднему классу. Греческая культура распространялась в небольшой среде знатных фамилий; язык и литература совершенствовались. Андроник, тарентинский грек, захваченный в плен при взятии города в 272 г. и проданный некоему Ливию, отпустившему его на волю, перевел сатурническими стихами Одиссею, открыл в Риме греческую и латинскую школы и первый перевел и поставил с большим успехом греческие комедии и трагедии, делая попытку применить к латинскому языку греческие стихотворные размеры. Немного позже Невий, по происхождению римский гражданин из Кампании, явился его подражателем и написал поэму о пунической войне.

Гай Фламиний Древнее согласие классов не могло продолжаться, и против знати, слишком увлекшейся примером карфагенян, слишком

---

²¹ Из Тита Ливия (XIII, 48, 11) видно, что уже в 215 г. разбогатевшие поставщики были весьма многочисленны в Риме. Ср. XXIII, 49, 1 и XXV, 3, 12.

²² Роуль. (I, 83, 10) указывает, что уже между первой и второй пуническими войнами итальянские купцы были многочисленны.

²³ Liv., XXI, 63.

алчной и эгоистичной, начала образовываться демократическая оппозиция, первым великим вождем которой был Гай Фламиний. Когда он в 232 г. предложил отвести плебеям часть территории вдоль Адриатического моря, отнятой у сенонов в 283 г. и у пиценов в 268 г., то встретил сильное противодействие со стороны аристократической партии, желавшей, очевидно, самой воспользоваться этими землями, беря их в аренду. А когда галлы, жившие по обоим берегам реки По и испуганные этими наделами, начали с Римом ожесточенную войну 225–222 гг., окончившуюся завоеванием долины По и основанием Плацентии и Кремоны, знать, которая незадолго до этого угрожала Карфагену новой войной для захвата Сардинии и Корсики, где она надеялась иметь такие же выгоды, как и в Сицилии, — эта римская знать ставила галльскую войну в вину Фламинию.²⁴ В этой войне знать не вела простой народ, но была им увлекаема к обширной плодородной равнине, расстилавшейся у подножия Альп, покрытой большими дубовыми лесами, обширными тихими болотами и прекрасными озерами. Эта равнина была усеяна кельтскими селениями, изборождена быстрыми ручьями, катившими в своих песках золото гор, и прорезана огромной рекой, казавшейся чудом римлянам, привыкшим к маленьким водяным потокам центральной Италии. Не человек знатного рода, но вождь народной партии дал свое имя первой большой дороге — *via Flaminia*, которая соединила Рим с долиной По и повела невежественные поколения за стены его города к будущему. Древняя аристократическая община достигла крайних пределов величия и могущества, далее которых не могла уже развиваться, не подвергаясь глубоким изменениям.

Ганнибал и итальянцы Но как бы то ни было, эти начала раздора исчезли, когда в 218 г. Ганнибал спустился с Альп в долину По во главе войск, которыми карфагенская плутократия надеялась нанести поражение своему великому сопернику. Это нападение с относительно малыми силами и при огромном протяжении операционной базы на страну, которая могла выставить 700 000 человек, казалось предприятием невероятно смелым. Но тот факт, что в течение стольких лет можно было спрашивать себя, не удастся ли это предприятие, указывает на внутреннюю слабость федерации крестьянских республик, во главе которых стоял Рим. Это был не живой организм, а соединение людей, с трудом сдерживаемых вместе силой оружия, у которых образ жизни, мыслей, чувств, владения, или, другими словами, вся цивилизация, были различны, по крайней мере в высших и средних классах. Наконец, старый земледельческий Рим, аристократический и военный, мог распространить однообразную цивилизацию только на очень ограниченную часть Италии. Расселение мелких латинских собственников в колониях и муниципиях связало с Римом многие области Италии узами языка, традиции и политики; но колонии и муниципии не занимали тогда даже половины итальянской территории, другая же часть была занята союзными городами, в большинстве аристократическими республиками, которые, соединенные с Римом очень слабыми узами, привыкли жить обособленной местной жизнью. Римляне сделали из местной, особенно этрусской и среднеиталийской знати даже опору для Рима. Они положили конец их кровавым раздорам, предоставили им командование над отрядами, набранными из крепких поколений мелких собственников, давали им, таким

---

²⁴ Ср.: Lange. R. A., II, 135 сл.

образом, средство отличиться на войне, приобрести уважение своих сограждан и добыть себе золото, серебро и новые богатства. Так, в Этрурии и в южной Италии знатные фамилии были связаны с выдающимися фамилиями Рима узам гостеприимства, дружбы, а иногда и родства. Они охотно говорили полатыни, восхищались могущественным городом, его учреждениями, идеями и нравами его знати.²⁵ Но народ постоянно говорил на национальном языке и хранил воспоминания прошлого, которое кажется всегда прекрасным новым поколениям, недовольным настоящим. Ганнибал, по-видимому, понимал, что Италия еще была не нацией, а конфедерацией мелких республик, большая часть которых жила самостоятельно и которые были соединены с Римом только очень слабыми узами. Хитростью, обещаниями, угрозами он склонил к возмущению многие из союзных городов; но римские граждане и латинские колонисты, представлявшие истинную земледельческую и аристократическую нацию, защищали с героическим упорством землю, завоеванную, возделанную, населенную их отцами, против героя надменной карфагенской плутократии — и Рим, наконец, победил. Доблести многих поколений людей со средними способностями одержали победу над случайным величием гения.

Результаты второй пунической войны Но древний порядок был поколеблен этой войной до такой степени, что не мог быть восстановлен. При таком необыкновенном напряжении, среди опасностей войны, жестокой и продолжавшейся 17 лет в Италии, Испании, Греции, Сицилии и Африке, Рим забыл большинство своих консервативных суеверий. Он истратил все общественные и частные суммы, огромные добычи, захваченные при взятии Сиракуз и Карфагена; он умножил военные поставки, а вследствие этого увеличились и случаи блестящих предприятий; Рим отрешился от соблюдения многих политических традиций и некоторых законов, как, например, закона о продолжительности и порядке магистратур. Прежняя осторожность уступила место новому духу юношеской отваги, поборником которой был Публий Сципион. Без этого невозможен был бы триумф в этой великой войне, блестящими результатами которой были — господство над Испанией и всей Сицилией, конфискация части богатой территории Кампании и Леонтии, падение Капуи, окончательное ослабление еще не латинизированных народностей Италии, 120 000 серебряных талантов, привезенных Сципионом из Африки, и ежегодная контрибуция в 200 талантов, которую обязался выплачивать в течение пятидесяти лет Карфаген.

---

²⁵ Ср. некоторые примеры этой клиентеллы и дружбы у Тита Ливия (XXIII, 15, 7 сл. XXIII, 2; XXIII, 46, 12). Ср. особенно случай со знатым самнитом, который во главе отряда сражался на стороне Рима во вторую пуническую войну: Liv., XXII, 24.

Распространение военного и торгового могущества Рима на Средиземном море

*Войны в Македонии, Испании, Лигурии и в долине По в течение десятилетия, последовавшего за войной с Карфагеном. — Политический и финансовый характер этих войн. — Отвержение к завоеваниям. — Сципион и новая политика. — Война с сирийским царем Антиохом. — Быстрое общественное и частное обогащение: важность общественных работ и военных поставок. — Откупщики налогов. — Спекуляция на *ager publicus*; пастбища; увеличение роскоши и потребностей. — Развитие торговли между Италией и Востоком. — Много римлян и итальянцев берутся за торговлю. — Благосостояние Делоса. — Рост населения в Риме, эмиграция из деревень. — Растущий спрос на рабов. — Развитие торговли рабами. — Капитализм и его быстрый прогресс. — Изменение общественного настроения в Риме; падение старой консервативной знати; прогрессивный распад семьи; моральный упадок и общественное мнение. — Борьба между традицией и новой политикой. — Прогресс литературы и образования. — Эний, Плавт, Пакувий. — Распространение греческой философии. — Война с Персеем и ее результаты. — Начало кризиса в итальянском земледелии. — Обеднение и подкупность аристократии. — Возрастающее значение финансистов. — Прогресс демократического духа и разложение армии. — Испанская война: ее военные скандалы и их действие на общественное мнение. — Проекты реформ. — Разрушение Карфагена и Коринфа. — Завоевание Греции и Македонии. — Приобретение рудников в Верцеллах. — Пессимистический взгляд высших классов на положение Рима ок. 150 г. до Р. Х. — Завещание пергамского царя Аттала. — Метелл Македонский и первые греческие художники в Риме. — Публий Сципион Эмилиан. — Реформаторское движение в высших классах.*

Наследие войны с Ганнибалом С этой войной начинается новая история Рима и всего мира, в особенности потому, что она ускорила в Италии наступление торговой эры в прежнем земледельческом, аристократическом и военном обществе. Война с Ганнибалом оставила после себя в наследство ряд других войн, которые Рим принужден был вести немедленно после заключения мира с Карфагеном: в Испании, где приходилось повсюду усмирять варваров, в долине реки По, где пуническое нашествие оживило дух независимости, с лигурами, нападавшими на морские пути между Италией и Испанией и грабившими галльские и иберийские берега, с Македонией, царь которой Филипп был союзником Карфагена. Наиболее кровопролитным было завоевание областей, называемых теперь Романья и Эмилья, где в течение десяти лет, начиная с 200 г., бои беспрестанно возобновляли убийственную войну с

засадами и различными неожиданностями, то притворно заключая мир, то снова внезапно поднимая возмущение; это продолжалось до 191 г., когда вся знать боев была уничтожена, страна совершенно опустошена и все население, способное носить оружие, вырезано. Оставшиеся в живых покорились, и Рим мог конфисковать половину их территории.²⁶

**Новая партия
национальной обороны**

Однако не следует из этого заключать, что вторая победа над Карфагеном внушила Риму дух завоеваний. Напротив, по окончании войны среди римской аристократии образовалась партия с самим победителем при Заме Публием Сципионом во главе, старавшаяся препятствовать тому стремлению к завоеваниям, к империализму, сказали бы мы теперь, которое все росло начиная с первой пунической войны. Опасность, избегнутая Италией во время нашествия Ганнибала, устранила все предусмотрительные умы; они понимали, что число граждан, на которых Рим с уверенностью мог рассчитывать при всяких обстоятельствах, не превышало 200 000 и что большинство их — мелкие землевладельцы — не могло быть долго удерживаемо под оружием вдали от родины; вследствие этого политика завоеваний была непопулярна среди средних классов, да и союзники могли снова возмутиться. Сицилия, Сардиния, Корсика, Испания, долина реки По составляли уже достаточно обширную империю,²⁷ завоевывать новые страны и отправлять туда войска для защиты их было бы неблагоприятно.

Новая дипломатия

Несмотря на истощение после войны с Ганнибалом Рим все же был в состоянии, благодаря своей ловкой дипломатии, успешно вести политику коротких войн и неожиданных вмешательств, направленную к ослаблению в свою пользу других государств, — раз он, реорганизовав свои финансы, располагал суммами, необходимыми для этих войн, которые, впрочем, скоро дали ему более, чем стоили. Сципион, действительно, ревностно заботился о финансовой реформе, и его политика имела полный успех.²⁸

Рим как освободитель

Война против Македонии окончилась без территориальных приобретений; Греция и греческие города в Азии, ранее подчиненные Македонии, были объявлены свободными; Филипп принужден был уничтожить почти весь свой флот и армию и в течение 10 лет уплачивать ежегодную контрибуцию в 50 талантов. Золото, серебро, рабы, земли — такова была прибыль от войн, веденных в долине По, в Испании, в Лигурии. Огромная добыча из драгоценных металлов и ежегодная, в течение 12 лет, подать в 1000 талантов, наложенная на царя Сирии, составили доход от войны с Антиохом (193–189), которую вызвала война с Македонией. За сирийской войной последовала война с галатами; но на этот раз галаты еще были оставлены на своих местах, земли же, отнятые у Антиоха, были разделены между Родосом и царем Пергама. Красивые слова и великодушные иллюзии скоро окрасили эту политику идеальным цветом: Рим сражается не за себя, но за свободу угнетен-

²⁶ История этих войн изложена в следующих местах Тита Ливия: XXXI, 10 и 21; XXXII, 7, 26, 29–32; XXXIII, 22, 23, 36; XXXIV, 22, 46; XXXV, 3, 22; XXXVI, 38.

²⁷ Mommsen. R. G., I, 177; Nitzsch. G. V., 75, 88; Lange. R. A., II, 189.

²⁸ Lange. R. A., II, 28.

ных народов! На самом же деле в эти первые тридцать лет развилась политика военных вмешательств и дипломатических интриг, направленная к тому, чтобы ослабить великие государства Востока, возбуждая одни из них против других: Македонию против Сирии, Сирию против Египта, Пергам против Македонии.

Рост богатства в Италии Эти войны постоянно и быстро увеличивали богатства Италии и ускоряли обновление нравов, классов и состояний, начатое полстолетия тому назад. После разграбления Греции и Азии, после опустошения Испании и долины По полководцы стали расточительны, не жалели денег ни для себя, ни для своих солдат,²⁹ и последние начали вести торговлю на свой счет. Уже во время войны с Филиппом Македонским многие из них занимались ростовщичеством среди местных жителей.³⁰ Масса бедных крестьян возвращалась с войн с небольшим капиталом.³¹ В итальянских деревнях разжигалась жадность, и добровольцы в большом числе устремлялись на столь прибыльные войны.³² В то же время с помощью всей этой добычи и этих контрибуций римское государство привело в порядок свои финансы, расстроенные войной с Ганнибалом, уплатило долги и оказалось в состоянии произвести обширные затраты на общественные предприятия. Так как распространение греческой культуры в известном кругу знатных фамилий, рост средств, общий дух смелости и нововведений, представляемый партией Сципиона, побуждали к широко задуманным предприятиям, то деньги тратились со всех сторон.

Политика среднего класса Прежняя аграрная политика, благоприятная для среднего класса, была возобновлена: с 189 до 177 г. было основано шесть больших колоний — Бонония, Парма, Мутина, Аквилея, Лукка, Луна, в которых колонисты получили участки более обширные, чем в старых колониях. В 187 г. началось проведение Эмилиевой дороги для соединения Аримина и Плацентии. В 181 г. Катон в ряду других работ предпринял дренаж Рима.³³ В 180 г. 40 000 лигуров были переселены из родных долин в опустошенный Самний. В 177 г. была открыта Кассиева дорога. Цензура 174 г. была замечательна по большому числу общественных работ, выполненных в Риме и в колониях. Сдачи с торгов общественных работ и военных поставок становились все более частыми, и много молодых людей среднего класса, привезших с восточных и западных войн небольшой капитал, помогали их и легко получали, то одни, то соединяясь в компании со своими друзьями, то делая заем у богатого человека, участвовавшего затем в прибыли. Знание и искусство ведения этих дел быстро распространялись, и предприниматели скоро сделались так многочисленны в Риме и в городах Италии, что образовался особый класс средних капиталистов.³⁴ Они жили в довольстве на счет общественных

---

²⁹ Plut. Cat. M., 28.

³⁰ Liv., XXIII, 29.

³¹ Mommsen. R. G. I, 810

³² Liv., XXXVII, 4; XLII, 32.

³³ Ibid., XXXIX, 44.

³⁴ Ср. знаменитое место Полибия (VI, 17), один из наиболее важных документов по истории римского империализма. Я думаю, что Deloume (M. A. R., 19 сл.) не должен был бы понимать его бук-

поставок, а наиболее смелые и счастливые из них наживали крупные состояния.

Земельные спекуляции Одни оспаривали друг у друга сдававшийся в аренду сбор десятины со всех продуктов — хлеба, масла, вина — в Сицилии и Сардинии или сбор десятины и права на пастбища на общественных землях (*scriptura*); другие, наоборот, обогащались, скупая частные земли и арендуя рудники, леса и общественные земли. В следующий же год после заключения мира с Карфагеном в Риме уже шла большая спекуляция землями южной Италии,³⁵ ценившимися очень низко ввиду опустошений и смерти их собственников, а затем, по мере того как капиталы и рабы становились многочисленнее, вся Италия начала спекулировать новыми *ager publicus*. При таком обилии земель многие мелкие собственники — латины и союзники — легко получали новый участок, который присоединяли к своему старому полю и, купив на свои сбережения от войны рабов, принимались за его обработку.³⁶ С другой стороны, владевшие большими капиталами арендовали обширные государственные земли в Италии, в недавно завоеванной долине По, в Сицилии, и пасли там под надзором рабов большие стада крупного рогатого скота, свиней, коз и овец. Кочевое скотоводство в крупных размерах должно было быть в течение этих лет выгодным предприятием благодаря большим военным поставкам: войска потребляли во время войн громадное количество кож для палаток, козьей шерсти для машин³⁷ и соленой свинины для провианта.³⁸ Несколько сенаторских фамилий и много частных лиц быстро разбогатели, особенно арендой сицилийских земель.³⁹

Но благосостояние и быстрые успехи торгового духа изменили мало-помалу старинный образ жизни. Вернувшиеся с Востока солдаты, крупные предприниматели, богатые арендаторы общественных земель не хотели более жить, как жили их предки. Это еще не означало, что грубые сельские нравы старой Италии стали более утонченными: в Греции еще в 174 г. презирали Рим как большую деревню без красивых улиц, без памятников и дворцов.⁴⁰ В самой метрополии дома знати были еще малы и лишены всяких украшений;⁴¹ преж-

---

важно. Полибий не говорит о крупных компаниях откупщиков, акции которых были в руках большого числа лиц, но он говорит, что в Риме было такое большое количество откупщиков среднего достатка и мелких обществ откупщиков, что почти можно было сказать, что все римские граждане участвуют в этих делах. Если допустить, что Полибий описывает Рим таким, каким он был около середины II в. до Р. X., и пересмотреть упоминания об откупщиках в рассказе Тита Ливия о второй пунической войне, то вполне правильным будет заключение, что капитализм развился в первой половине столетия вслед за большими общественными затратами.

³⁵ Liv., XXXI, 13.

³⁶ Мне кажется вероятным, что обработка *ager publicus* италиками, о которой говорит Аппиан (В.С., I, 18), началась после второй пунической войны, в тот момент, когда оказалось обилие земли, денег и рабов и когда была велика предприимчивость всей нации.

³⁷ Varrò. De re rust., II, 2

³⁸ Polyb., II, 15.

³⁹ Diodor, XXXIV, fr. 32.

⁴⁰ Liv., XL, 5; Friedlaender. D. S. G. R., I, 4.

⁴¹ Friedlaender, D. S. G. R., III, 87 сл.

нее суровое воспитание юношества еще не смягчилось.⁴²

Роскошь выскочек Но так долго сдерживаемая страсть к наслаждениям проявилась в грубых и животных аппетитах: обжорстве, чувственности, тщеславии, потребности сильных эмоций, чванстве ценными предметами и швырянии денег с целью показать, что они есть, и в глупой и грубой роскоши выскочек. Искусный повар ценился в Риме невероятно дорого;⁴³ прежние умеренные обеды превратились в бесконечные банкеты, для которых разыскивались самые редкие лакомства, вина из Греции, сосиски и соленые рыбы с Понта.⁴⁴ Тонкое искусство откармливать птицу было перенесено из Греции в Италию;⁴⁵ граждане стали показываться в пьяном виде в народных собраниях; магистраты, пошатываясь, с блестящими глазами шли на форум и время от времени прерывали свои занятия, подбегая к амфорам, расставленным по приказу эдилов в укромных местах на улицах и площадях.⁴⁶ Красивые рабыни и красивые мальчики стоили очень дорого.⁴⁷ Распутство так распространилось, что в 186 г. сенат должен был принять меры против беспорядков во время вакханалий, а в 181 г. утверждает *lex Orchia* против кутежей. Восточные культы, распущенные и возбуждающие, получили распространение;⁴⁸ не только публика средних классов получила вкус к переводам и переделкам греческих комедий, но даже в древние простые и слишком редкие латинские праздники были внесены грубые зрелища, например, охота на диких зверей⁴⁹ и гладиаторские игры на похоронах.⁵⁰ *Lex Oppia*, направленный против роскоши, был отменен.⁵¹ Восточные товары: благовония, вавилонские ковры, мебель, инкрустированная золотом и слоновой костью, покупались римскими выскочками за баснословную цену.⁵² Естественно, что более мелкие города подражали метрополии по мере своих средств, точно так же, как мелкая местная знать копировала всевозрастающую пышность римских вельмож, теснясь, подобно им, на празднествах и играх. Таким образом, умбрийский или апулийский земледелец возвращался домой после войн в богатых странах Востока, как возвращаются наши крестьяне после отбывания воинской повинности, с большими желаниями и потребностями. Многие получали отвращение к тяжелой работе, столь дорогой их отцам; можно было видеть солдат, отправлявшихся на войну в сопро-

---

⁴² Posidonius in Ath., VI, 109 (275).

⁴³ Liv., XXXIX, 6.

⁴⁴ Diod., XXXVII, 3; Ath., VI, 109 (275).

⁴⁵ Plin. H. N., X., 50, 139.

⁴⁶ Lange. R. A., II, 242. Ср.: Macrob. Sat., III, 16; V, 17, 2. — Эти тексты, относящиеся к 161 г., рисуют начавшееся в то время зло во всей его полноте.

⁴⁷ Diod., XXXVII, 3, 5.

⁴⁸ Lange. R. A., II, 228.

⁴⁹ Friedlaender. D. S. G. R., II, 390.

⁵⁰ Ibid., 359.

⁵¹ Liv., XXXIV, 1 сл.

⁵² Plaut. Stich., II, 2, 52 сл.

вождении слуги, который нес их багаж и приготавливал им обед;⁵³ мелкие собственники покупали рабов, чтобы меньше трудиться самим.

Рост торговли Но эти новые потребности и эта роскошь средних и богатых классов, в свою очередь, доставляли в Риме и в Италии работу ремесленникам и обогащали мелких и крупных капиталистов. Многие римляне и италики, посетившие в качестве солдат или военных поставщиков чужие страны и ознакомившиеся с их богатствами, были вовлечены в торговлю благодаря обилию капиталов, всевозрастающему потреблению в Италии азиатских продуктов и могуществу Рима на Средиземном море. Многие из них продавали отцовское поле и покупали судно; некоторые — преимущественно, как кажется, жители южной Италии — стали селиться после 192 г. на Делосе и открывали там склады азиатских товаров для покупателей, приезжавших из Италии и нагружавших разными предметами свои корабли; для них удобнее было приставать на Делосе, чем на Родосе или в Коринфе.⁵⁴ Другие же занялись торговлей между Делосом и Римом или в западной половине Средиземного моря. На италийских берегах появилось много маленьких верфей; общественные леса Силы, где добывалась корабельная смола, стали сдаваться на откуп за большую сумму;⁵⁵ даже члены сенаторской знати участвовали в прибыли от этой морской торговли, давая в долг римским гражданам или вольноотпущенникам капиталы, необходимые для их предприятий.⁵⁶

Ее влияние на капитал Вскоре после второй пунической войны открылись первые публичные бани;⁵⁷ затем, в 174 г., появились первые общественные пекарни для холостых ремесленников и купцов, которые не могли печь хлеб дома с помощью рабов.⁵⁸ Много греческих ремесленников было приведено полководцами для устройства празднеств и триумфов.⁵⁹ Многие золотых дел мастера сделались менялами — так много иностранной монеты стекалось тогда в Рим; и большинство этих менял, побуждаемые выгодой и обилием капитала, делались банкирами, принимали вклады, давали займы. Иностранцы и италики открывали кабаки, бани, красильни, лавки обуви, золотых изделий, готового платья,⁶⁰ становились антрепренерами театров или писателями комедий. Плавт, умбриец из Сарсины, испытав неудачу в разных спекуляциях и испробовав разные ремесла для добывания средств к жизни, зарабатывал тогда большие деньги в Риме, переделывая с большой комической жилкой и литературной ловкостью греческие комедии для римской публики. Жители окрестных деревень стекались в Рим в таком большом количестве, что ла-

---

⁵³ Plut. Paul. Aemil., XXII, 2.

⁵⁴ Hommole. В. С. Н., VIII, 86 сл.

⁵⁵ Cicero. Brutus., 22, 85.

⁵⁶ Plut. Cat. Major, 21.

⁵⁷ Schiller-Voigt, 399, n. 48.

⁵⁸ Plin. Н. Н., XVIII, 11, 107.

⁵⁹ Liv., XXXIX, 22.

⁶⁰ Plaut. Aul., 3, 5, 34 сл.

тинские города жаловались на это сенату в 187 и 177 гг.⁶¹ Стоимость земли росла вместе с населением; доходные дома, деревянные, невероятно высокие, управляемые вольноотпущенником или арендатором, приносили громадный барыш: ремесленники и мелкие римские торговцы снимали себе комнаты за очень высокую цену.⁶² В окрестностях Рима за дорогую цену сдавали в аренду огороды, проточные речки для красилен, пруды и теплые источники для бань.⁶³ Тот, кто уже владел или вовремя сумел купить землю в Риме, быстро обогащался.

Спрос на труд Наконец, благодаря этому всеобщему обогащению, стала развиваться торговля рабами. В эти тридцать лет в Италии все нуждались в рабочих: съемщики общественных земель для своих стад, предприниматели для общественных работ и военных поставок, государство для общественной службы, морские торговцы для корабельных экипажей, богачи для домашних услуг и гладиаторских игр, мелкие собственники и средние классы для наиболее тяжелых работ.

Торговля рабами была организована в крупных размерах не только в лагерях, где военнопленные немедленно и очень дешево продавались офицерам, солдатам, купцам, следовавшим за армией, но и по всем границам империи, где мелкие царьки или варварские вожди, подобно торговцам неграми в Африке, продавали пленников, а иногда и своих подданных. Из далекой Галлии, из Германии, с Кавказских гор — отовсюду беспрерывно тянулись к лазурным берегам Средиземного и Черного морей длинные караваны закованных в цепи рабов, направляясь в Массалию, Аквилею, Пантикапей, Фанагорию, Диоскуриаду, где их ожидали местные и итальянские купцы. Они платили за них варварским вождям или их агентам вином, солью, золотом и серебром; затем они везли их прямо в Италию или на Делос, куда за ними, как и за другими азиатскими товарами, приезжали купцы.⁶⁴ Многие италики разбогатели от этой торговли людьми; другие занялись в Риме и в Италии воспитанием рабов, заставляя молодых людей изучать ремесла, а потом продавая их⁶⁵ или обучая их фехтованию, чтобы затем отпускать их за плату как гладиаторов на пышные похороны.

Новая капиталистическая буржуазия Первые тридцать лет II столетия до Р. Х. были для Италии одной из тех счастливых эпох, когда всякий, имеющий небольшой капитал, может разбогатеть, потому что производство и потребление быстро и одновременно увеличиваются; когда много работы, легко получить и большую прибыль, а всякое новое богатство являет и новый способ его увеличить; накопление капиталов шло быстро и интенсивно. Много бедных людей сделались зажиточными; многие зажиточные сделались богатыми; рядом с исторической родовой знатью появилось то, что мы называли бы новой буржуазией капиталистов — миллионеров,

---

⁶¹ Liv., XXXIX, 3; XLI, 8.

⁶² О высоких квартирных ценах в Риме в первой половине II столетия до Р. Х. ср.: Diod., XXXI, 18, 2; Pohlmann, 74.

⁶³ Plut. Cat. Major, 21, 8.

⁶⁴ Duruy. H. R., II, 380.

⁶⁵ Plut. Cat. Major, 21.

вписанных цензорами во всаднические центурии, разбогатевших путем работорговли, морской торговли, взятием на откуп налогов, государственных земель, рудников и миллионных поставок. Всадническое сословие, бывшее до сих пор классом зажиточных, но не знатных собственников, скоро сделалось классом богатых капиталистов и купцов. Торговый дух распространился повсюду, в простом народе, как и в аристократии, даже в самых консервативных фамилиях, одерживая постепенно победу над предубеждениями и отвращениями земледельческой эпохи. Катон, например, первым вошедший в сенат из мелких сабинских собственников, сначала хотел быть противником ростовщиков и законченным типом древнего *landlord'a*; но затем он пустился в предприятия и стал вполне современным человеком, вступил в компанию купцов-судохозяев, занялся ростовщичеством, спекуляциями на землю и торговлей рабами.⁶⁶

Новое городское население И однако под этим благополучием готовилась огромная и страшная перемена во всем, ибо повсюду резкий контраст между старым и новым порядком вещей изменял состав классов. Если римский простой народ, остававшийся в деревнях, еще жил по-старому, был воздержан, прост, честен, уважал знать и законы, то, напротив, граждане, поселившиеся в Риме и занимавшиеся ремеслами, торговлей, мореплаванием, разными предприятиями, усвоили себе все пороки черни богатых торговых городов: распутство, жадность, лень, жажду развлечений, неповиновение, эгоизм холостяков, хвастовство. Чистота расы пропадала; римский народ превращался в бесформенную смесь людей всякого происхождения и звания по мере того, как отпускались на свободу и становились гражданами рабы восточные, испанские, галльские, скифские. Скоро старики эпохи Ганнибала не узнавали более свой некогда спокойный и скромный Рим. Какими криками приветствовали теперь каждую победоносную стычку с варварским племенем! Почести триумфа оказывались всем полководцам,⁶⁷ в которых ценили послабления дисциплины, щедрость даров во время триумфа и быстроту окончания войны. Все в Риме были теперь профессорами стратегии и тактики; даже в лагере, в виду неприятеля, эти мятежные и богатые плебеи критиковали распоряжения вождя, повиновались поневоле,⁶⁸ презирали латинов и союзников как подданных.⁶⁹

Представители старого порядка В исторической знати многие фамилии не сумели воспользоваться представлявшимися тогда благоприятными случаями, подобно тому как мало знатных фамилий старой Европы смогли в нашем столетии заняться промышленностью или спекуляциями на бирже. Они продолжали вести прежний образ жизни в родовых поместьях, некогда представлявших собой большое состояние; таковы были Элии, жившие в числе 16 и каждый со своими детьми в одном доме на те средства, которые доставляло им общее имение;⁷⁰ Фабриции Лусцины, Атилии

---

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Mommsen. R. C, I, 810.

⁶⁸ Plut. Paul. Aemil., 11 и 13, 4; Liv., XLIV, 22.

⁶⁹ Neumann. G. R. V., 16 сл.

⁷⁰ Val. Max., IV, 4, 8; Plut. Paul. Aemil., 5.

Калатины, Манлии Ацидины,⁷¹ Павлы Эмилии.⁷² Другие, напротив, разбогатели, но сохраняли прежние обычаи и идеи, гордясь своей ролью поборников традиций. В числе их был Тиберий Семпроний Гракх: в бытность претором в Испании он заключил справедливые союзные договоры с главными народами и по умиротворении страны спас ее от капиталистов; последнего он достиг, введя в этой провинции подать не в виде десятины, сдаваемой на откуп, как было в Сардинии и Сицилии, но в виде *stipendium*, взноса частью деньгами, частью натурой, собираемого правителем.⁷³

Новая школа политиканов Но не замедлило появиться и среди римской аристократии поколение молодых политиканов, самолюбивых, гордых и жадных; они превратили умеренный и мудрый дух нововведений, представителем которого был Сципион и его партия, в революционные усилия дать господство в частной и общественной жизни (вместо древнего духа семейной и социальной дисциплины) самым разнузданным страстям: алчности, гордости, стремлению выдвинуться какой бы то ни было ценой, презрению к традициям, поверхностному преклонению перед греко-азиатской цивилизацией. Одни выступали кандидатами на государственные должности до достижения законного возраста;⁷⁴ другие осмеливались подкупать избирателей;⁷⁵ иные спекулировали или пользовались магистратурами для собственного обогащения, заставляя дружественных цензоров уступать общественные земли в количестве, превышавшем установленное Лициниевыми законами, затем превращая их в собственность,⁷⁶ хранили капиталы, вырученные от продажи добычи, грабили подвластное население или союзников;⁷⁷ некоторые, наконец, развращали римскую дипломатию, презирая как глупый предрассудок то *jus gentium*, которое Рим до тех пор тщательно соблюдал на войне.

Новая дипломатия Презирать всех иностранцев, облагать их произвольной податью и пользоваться всеми средствами — таковы были принципы новой дипломатии, которая вероломными и коварными интригами низвела до положения вассалов союзные государства: Родос, Пергам, Египет. В независимых городах Греции, в великих империях Азии она возбуждала раздоры, шпионство, мятежный дух, междоусобные войны, покровительствуя людям и партиям наиболее презираемым, дабы властвовать без усилий и опасности. С этих пор стали смотреть на всякое вероломство по отношению к варварам как на вещь вполне законную; полагали, что на них можно нападать и истреблять без всякого повода и без объявления войны,⁷⁸ в то же время натравляя их про-

---

⁷¹ Cicero. De lege agraria, II, 24, 64.

⁷² Lange. R. A., II, 293.

⁷³ Nitzsch. G. V., 146.

⁷⁴ Lange. R. A., II, 245.

⁷⁵ Ibid., 241.

⁷⁶ Liv., XLII, 1 и 19; C.I.L., I. 583; Plut. Tib. Gr.

⁷⁷ Liv., XLIII, 2.

⁷⁸ Ibid., XLII, 7, 8; XLIII, 1 и 5.

тив цивилизованных государств, когда это казалось более выгодным.⁷⁹ В кавалерии *turmae* — мы сказали бы полки, — в которых служили молодые люди богатых фамилий, доставляли много хлопот полководцам своей недисциплинированностью.⁸⁰ В знатных семьях женщины приобрели более свободы; они освободились от вечной опеки мужа и получили право свободно распоряжаться своим приданым; прелюбодеяния и разводы следовали один за другим, домашний же суд более почти не созывался.

Сожаления о прошлом Знатные фамилии, гордые и суровые, сохранившие старые традиции, люди, выдающиеся по своему уму и характеру, старики, видевшие вторую пуническую войну, педанты, недовольные, завидующие новым состояниям по различным мотивам, сожалели тогда, как Данте в начале XIV столетия⁸¹ или современные клерикалы и консерваторы, о тех временах, когда Рим «жил в мире, скромный и целомудренный». Они сетовали на грубую алчность откупщиков, на разложение семей, на вероломство новой дипломатии, на вторжение азиатских нравов. Время от времени они даже добивались принятия какого-нибудь закона против злоупотреблений и заставляли выбирать кого-нибудь из своих сторонников на государственную должность. Иногда также громкий скандал волновал общество и приводил его в негодование.

Смягчения наказаний для римских граждан Но общественный гнев успокаивался; магистраты возвращались в частную жизнь; речи и законы мало-помалу забывались;⁸² суровость старых времен ослабевала не только в общественном мнении, но и в законах, отменивших к началу второго века телесное наказание и смертную казнь для римских граждан как в Риме, так и в провинциях;⁸³ отменено было также телесное наказание в войсках, и для осуждения на смертную казнь солдат, бывших гражданами, была введена менее поспешная процедура.

Расширение избирательного права Таким образом, несмотря на неудовольствия и скандалы, алчность, роскошь, личная и семейная гордость распространялись среди знати; дух клиентов и касты, узы дружбы или семьи, честолюбие, страсть к деньгам получали все больший перевес над чувством долга, и усилия ускорить торговую революцию древнего сельского общества делались более интенсивными и более решительными. Многие цензоры, например Тит Квинций Фламиний, Марк Клавдий Марцелл, Марк Эмилий Лепид, Марк Фульвий Нобилиор, неоднократно в течение тридцати первых лет века переделывали списки граждан с целью увеличить при выборах значение мелкого городского люда в ущерб средним деревенским классам. Они не только легко вписывали в число граждан ла-

---

⁷⁹ Appian. Mithr., 13; Reinach. M. E., 96. — Хороший очерк внешней политики Рима за этот период принадлежит молодому итальянскому историку Conrado Barbagallo (R. R. E.).

⁸⁰ Cat. Or., 5.

⁸¹ Dante. Parad., 15, 99: Si stava in pace sobria e pudica.

⁸² Liv., XLII, 22; XLIII, 2.

⁸³ Lange. R. A., II, 519 сл.

тинян, пришедших в Рим для занятия мелкой торговлей и низкими ремеслами, но и давали политические права вольноотпущенникам, которые все были иностранцы; они заставляли их вотировать в тридцати одной сельской трибе, пользуясь ими для уменьшения господства деревенских избирателей во всех округах и создавая разнородную космополитическую массу избирателей с демагогической политикой, подобную которой мы находим, быть может, только в современных Соединенных Штатах. Странная ирония истории! Космополитическая демагогия иностранцев, случайно прибывших в метрополию как временные гости, произвела решительный переворот; в результате его должна была создаться империалистическая политика и римская империя, несмотря на противодействие чисто римской части населения, не желавшего оставлять нравы и политику своих отцов.⁸⁴

Новое воспитание Однако вместе с торговым духом, с мировым господством и космополитизмом прогрессировала и умственная культура — последняя и страшная сила разрушения старого общества. Греческая философия, особенно стоицизм, изучалась в знатных семьях и подготавливала умы к восприятию общих идей. Политические теории о демократии и тирании, выработанные греками, становились известными и обсуждались знатно, до сих пор правившей при помощи традиционного эмпиризма. Литературные попытки, начатые за полстолетия до того, теперь среди этого этнического, умственного и общественного брожения в Риме и при участии писателей, вышедших из этого космополитического общества, принесли, наконец, свои плоды в виде первых произведений, достаточно оригинальных и совершенных, чтобы быть причисленными к классическим. Умбриец Плавт чистым и сильным языком написал самые лучшие латинские комедии. Из полугреческой Калабрии явился в Рим Энний, отец латинской литературы, который ввел в Нации гекзаметр, написал в стихах римскую историю, льстя гордости своих покровителей, и хорошую поваренную книгу, чтобы удовлетворить их обжорство. Живописец и поэт из Брундизия Пакувий написал трагедии, долго пользовавшиеся известностью; комедии писал и Стаций Цецилий, галл, вероятно миланец, взятый в плен во время завоевания цизальпинской Галлии и проданный в Рим в качестве раба. Греческая живопись и скульптура, напротив, были еще весьма мало известны и только художники греческих колоний на юге Италии работали на весь полуостров и на Рим.

Павел Эмилий и реакция Война против Персея (172–168), сына Филиппа Македонского, который пытался снова завоевать области, утраченные его отцом, пробудила, казалось, реакцию против торгового духа новой эпохи. Война вследствие неспособности полководцев и недисциплинированности солдат началась поражениями, до такой степени поколебавшими престиж Рима на Востоке, что многие мелкие государства и города восстали, а Антиох Сирийский осмелился взяться за оружие и завоевал Египет. Но народ спохватился и выбрал для ведения войны Павла Эмилия, славного современника поколения, сражавшегося с Ганнибалом, уже долгое время жившего на покое. Его блестящие победы вернули к власти консервативную партию. Он до-

---

⁸⁴ Ср. об этом важном вопросе: Neumann. G. R. V., 88 сл.; Lange. R. A., II, 218 сл., 249 сл.; Nitzsch. G. V., 132 сл.

бился от сената утверждения мира, отнюдь не соответствовавшего идеям новой дипломатии: вся огромная добыча, исключая незначительную часть, розданную его солдатам и друзьям, была внесена в государственное казначейство; Македония была разделена на четыре части, каждая с особым управлением и с запрещением торговли друг с другом; на нее была наложена подать, равная половине той, которую Македония уплачивала своему царю; золотые рудники были закрыты, чтобы римские капиталисты не наводнили страну.⁸⁵ В то же самое время цензоры Тиберий Семпроний Гракх и Гай Клавдий с большой строгостью пересмотрели в Риме списки всадников, старались обуздать жадность предпринимателей и уменьшить могущество космополитической демагогии, изгнав вольноотпущенников из сельских триб и вписав их всех, по-видимому, в одну трибу.⁸⁶ Одно время уstraшенный сенат и комиции, казалось, желали вернуться назад и привести Рим в его прежнее состояние;⁸⁷ но этот поворот продолжался недолго. За миром благодаря огромным суммам, внесенным в государственное казначейство Павлом Эмилием, последовало быстрое обогащение всех классов,⁸⁸ скоро увеличившее порчу нравов и заставившее забыть все несчастья войны.

Новые войны на Востоке Римская дипломатия сделалась более дерзкой, более жестокой, более вероломной с тех пор, как после падения Македонии римская республика почувствовала себя господствующей державой на Средиземном море. Цари Вифинии и Пергама, явившиеся с выражением преданности, были отвергнуты с пренебрежением; Антиох, словно слуга, получил от Попилия грозный приказ снять осаду Александрии. Те, кто в Азии и Греции колебались стать на сторону Рима, были сурово наказаны: Делос был отдан афинянам, Антисса разрушена; во всех городах Греции выдающиеся лица были казнены или отведены в Италию, в числе их более 1000 ахейян, между которыми был По-либий, величайший историк древности. Партия большинства желала также разрушения Родоса, говоря, что последний желал поражения Рима во время войны и что он стал слишком высокомерен; в действительности же хотели его разграбления;⁸⁹ сенат удовольствовался тем, что разорил его торговлю: Родос имел большие торговые склады и получал большие доходы с таможенных пошлин.⁹⁰ Делос был объявлен открытым портом, и торговые операции этого острова настолько увеличились, что он мог соперничать с Карфагеном и Коринфом.⁹¹

Пятнадцатилетний мир Но после войны с Персеем все мало-помалу слабеет — война, торговля, спекуляции. После покорения цизальпинской Галлии, полного ослабления Лигурии, Испании и Востока случаев

---

⁸⁵ Liv., XLV, 18 и 29.

⁸⁶ Nitzsch. G. V., 162 сл.; Lange. R. A., II, 277.

⁸⁷ Lange. R. A., II, 228.

⁸⁸ Polyb., XXXII, 11.

⁸⁹ Aul. Gel., VII, 3, 6.

⁹⁰ Polyb., XXXI, 7.

⁹¹ Hommole. B. C. H., VII, 93 сл.

для вмешательств и важных войн с 168 до 154 г. не было. Вследствие этого сделались редки военные поставки и уменьшилась необычайная прибыль, получаемая знатными и крестьянами.

Приостановка развития торговли и спекуляций Точно так же вместо ежегодного увеличения остановились и общественные работы, когда к концу тридцатилетия были закончены великие предприятия, необходимые новому положению Рима в Италии. Государственное казначейство, не расходуя всего, имело в 157 г. 16 810 фунтов золота, 22 070 фунтов серебра и более 61 миллиона фунтов серебряной монеты.⁹² Сама спекуляция на общественные земли приостановилась, потому что большая и лучшая часть *ager publicus* была уже арендована, разделена между колониями или раскрадена могущественными фамилиями. Торговля делала менее быстрые успехи, раз более редкими сделались внезапные барыши; поколение, явившееся после войны с Персеем, не знало таких легких и быстрых обогащений, как поколение предшествующее.

Рост роскоши Напротив, перемена в нравах, вызвавшая рост потребностей и расходов, нисколько не остановилась; она даже стала интенсивнее в этом поколении, более стремившемся к удовольствиям, к деньгам, к возбуждению и менее склонном к тяжелому труду, нежели поколение предшествующее. Так всегда в истории: желание расширить свой образ жизни сначала появляется только у некоторых лиц, но если они не будут побеждены сопротивлением прежних нравов, ими нарушаемых ради своего удовлетворения, то число желающих участвовать в новых наслаждениях с каждым поколением увеличивается и желания их возрастают благодаря заразительности примера и почти механической неизбежности событий во время гибели древнего общества; не умея более жить по-старому, все более и более стремятся жить по-новому. Тогда изменяется всё: традиции, учреждения, идеи, чувства, удовлетворяя всеобщую потребность в более совершенной жизни. Таким образом, во второй трети этого столетия расходы на жизнь росли не только в Риме, но и повсюду в Италии, в городе и в деревне. Потребности увеличивались; изысканность стола⁹³ и распутства всякого рода делали быстрые успехи;⁹⁴ цены на предметы промышленности повысились, без сомнения, вследствие обилия денег; напротив, доходы большинства собственников уменьшились; чрезвычайная военная прибыль делалась более редкой. Земли в окрестностях Рима, однако, приносили много дохода ввиду роста населения и богатства города. Циспаданская Галлия пострадала менее, чем другие области;⁹⁵ Эмилиеву дорогу часто посещали армии, направлявшиеся в долину реки По, купцы и караваны рабов, скота и пастухов, двигавшиеся из Рима, — и города, основанные на ее протяжении, вели хороший торг продуктами соседних деревень.

---

⁹² Plin. H. N., XXXIII, 3, 55.

⁹³ Доказательством этого служит распространение на всю Италию в 143 г. вместе с *lex Didia cibaria* действия закона *lex Fannia*, направленного против оргий и расточительности на пирах. Ср.: Macrobian. Sat. III, 17.

⁹⁴ Plin. H. N.. XVII, 25, 244; Polyb., XXXII, II.

⁹⁵ Mommsen. R. G., I, 852.

**Трудное положение
и падение земледелия**

Но не то было в областях, расположенных вокруг уединенных городов, в стороне от больших дорог, особенно в южной Италии. Итальянские землевладельцы возделывали преимущественно хлеб и лишь небольшое число виноградных лоз и оливковых деревьев,⁹⁶ но хлеб в древнем мире, даже в странах с хорошими дорогами, приходилось продавать на соседних рынках, потому что издержки и риск отдаленной перевозки слишком повысили бы его продажную стоимость. Другие продукты — вино и масло — были редки, дурного качества и часто по недостатку дорог недоступны для перевозки. Мелкие и средние собственники какой-нибудь отдаленной области Италии, теснимые нуждой в деньгах и всевозрастающими расходами, иной раз производили более или сами менее потребляли, продавая остальное на рынках по такой низкой цене, что изумляли жителей Рима, где жизнь была так дорога.⁹⁷

Бегство из деревень

Деревни Италии изнурял бич ростовщичества; многочисленные семьи, в течение веков мирно сидевшие вокруг родного очага, вынуждены были искать приключений на больших дорогах Италии и всего мира. Древнее итальянское земледелие стало падать, и вместе с ним медленно погружалась в океан прошлого и федеральная Италия осков, сабеллов, умбров, латинов, этрусков, галлов с бесчисленными городами, укрепленными башнями и стенами, — Италия мелких союзных республик, латинских колоний и римских муниципий. Многие из финансистов и сенаторов, выдвинувшихся в Риме в начале следующего века, происходили из муниципий и латинских колоний.⁹⁸ Следовательно, можно предположить, что полстолетия назад много хороших фамилий из муниципий, латинских колоний и союзных городов, начавших беднеть, переселялись в Рим, где могли надеяться поправить свои дела и скромно жить, не краснея перед людьми, знавшими их в лучшем положении. Подобным образом и в среднем классе многие молодые люди были вынуждены покинуть деревню для соседнего города, надеясь там разбогатеть; не находя работы в маленьких городах, обедневших вследствие выселения знатных фамилий и возрастающей нужды крестьян, они в большинстве направлялись в Рим. Борьба за существование начинала усиливаться и в Риме и в Италии; во всех ремеслах и во всех предприятиях, за которые только можно было браться с небольшим капиталом, развивалась конкуренция, а прибыль уменьшалась: нищета начала вить гнезда повсюду в обширных болотах, всегда заражавших своими миазмами воздух, вдыхаемый богатыми. В Риме, где все теснилось, привлекаемые богатствами метрополии, голод сделался обычным грозным явлением. При всевозрастающих размерах и увеличении населения город должен был искать хлеба для своего прокормления на рынках более отдаленных; но чем дальше был рынок, тем более дорожал хлеб в Риме, и когда случался неурожайный год, простой народ страдал от голода и входил в долги.⁹⁹

---

⁹⁶ Weber. R. A. G., 223, 224.

⁹⁷ О необычайной дешевизне припасов в долине По см.: Polyb., II, 15. — То же должно было происходить и во всех областях, удаленных от больших дорог.

⁹⁸ Willems. S. R. R., I, 179 сл.

⁹⁹ См. об этом кризисе Приложение А.

Упадок знати К этому присоединилось другое зло, еще более тяжелое — обеднение, порча и исчезновение старой римской аристократии, прогрессирующий физический, экономический и моральный упадок правящего класса Рима. В знатных фамилиях, разбогатевших в счастливый период начала столетия, гордость и распущенность стугили много молодых людей, выраставших ленивыми, тупыми и порочными. В других фамилиях, по неспособности или по гордости пренебрегших увеличением своих богатств, первое поколение еще могло жить по старым традициям, но следующие уже поддавались окружающим примерам. Много молодых людей запутывалось в долгах; одни распускали свою клиентелу, продавали дома предков, переселялись в нанятые квартиры,¹⁰⁰ пытаясь затеряться в толпе и жить на остатки своего состояния; другие же пытались приобрести деньги, занявшись политикой. Незаметно Рим стал управляться уже не аристократией, смотревшей на власть как на обязанность, но знатью, выродившейся, нуждающейся, стремившейся занятием государственных должностей приобрести себе богатство; несмотря на презрение и зависть к миллионерам, недавно вписанным во всадническое сословие, эта знать была связана с ними дружбой. Причины этого легко предположить. Подкуп, правда, еще не был так явно бесстыден, хотя по временам и возникали скандалы, как, например, с претором Гостилием Тибулом, уличенным в продаже своего решения по делу об убийстве в 142 г.¹⁰¹ Но кто мог наблюдать невидимые подкупы, оргии, на которые богатые банкиры приглашали знатных нищих и обжор, помощь, даваемую на выборах деньгами и клиентелой, тайные дары, *partes* — мы сказали бы теперь акции, — дававшие участие в обществах откупщиков? Между тем некоторые наивные люди недоумевали, по какой причине золотые рудники Македонии, закрытые Павлом Эмилием, десять лет спустя были сданы в аренду римским капиталистам вместе с доменами македонского царя.¹⁰² Всякий раз, когда богатых всадников призывали к суду сената за преступления или нерадивость, на их защиту выступали влиятельные патроны и их оправдывали;¹⁰³ уже можно было видеть финансистов, занимающих в театре почетные места и присваивавших себе знаки сенаторского достоинства.¹⁰⁴ Деньги становились верховной властью республики.

Деморализация войска Еще хуже — разлагалась армия. По мере того как в этой торговой олигархии ремесленников, вольноотпущенников, предпринимателей, судовладельцев, составлявших тогдашний римский народ, возрастали зажиточность, гордость, пороки, жадность, по мере того как вырождалась знать, которая теряла свой престиж и свои богатства и, стараясь только об увеличении доходов, не заботилась об общем благе, демократический дух, идея, что народ господствует над всем и должен распоряжаться

---

¹⁰⁰ Ср. у Плутарха (*Sul.*, I.) историю фамилии Суллы, типичный пример тогда очень частого упадка знатных фамилий и ужасающей развращенности знати в эпоху югуртинской войны.

¹⁰¹ Cicero. *Ad. Att.*, XII, 5, 3; *De fin.*, II, 16, 54.

¹⁰² Cicero. *De lege agr.*, I, 19; Cassiodor, an. 596–158.

¹⁰³ Напр., см.: Cicero. *Brutus*, 22.

¹⁰⁴ Lange. *R. A.*, II, 317 сл.

всем, делала громадные успехи.¹⁰⁵ Эта идея еще не угрожала гибелью самому государству, но она уже разрушила дисциплину в армии. Чтобы не создавать себе многочисленных врагов, консулы при наборе делали исключения для большого числа римских граждан, особенно богатых, для которых военная служба в отдаленных странах, отрывавшая их от их дел и городских удовольствий, была невыносимым бременем. Офицеры не смели более наказывать граждан, которые впоследствии могли отомстить им при голосовании в комициях; они позволяли приводить в лагери рабов и любовниц, напиваться допьяна, принимать теплые ванны, совершать жестокости и грабежи, в результате чего трусость и низость обнаружились во всем войске.¹⁰⁶ Изыскивались всевозможные средства, чтобы привязать господ империи к воинской повинности, понижая ценз для призываемых на военную службу, уменьшая срок службы до шести лет, давая отставку солдатам, сделавшим шесть кампаний,¹⁰⁷ увеличивая контингенты латинских колоний и союзников, среди которых было еще много крепких земледельцев.¹⁰⁸ Но с тех пор как легионы римских граждан стали служить примером лагерных скандалов, нельзя было поддерживать дисциплину и в когортах союзников и латинов; армия вырождалась в школу обжорства, грабежей и жестокости.

Начало римского империализма Это медленное разложение военного, земледельческого и аристократического общества, начавшееся вместе с приобретением военной гегемонии на Средиземном море, породило и то, что мы охотно бы назвали настоящим римским империализмом. Дух грубого насилия и гордость росли вместе с богатством и господством во всех классах; жадность аристократов и капиталистов, страх перед военным упадком совершенно заменили мудрую политику вмешательства, представителем которой был Сципион, жестокой политикой разрушения и завоевания. Эта политика была начата объявлением третьей войны Карфагену (149), завоеванием Македонии (149–148) и Греции (146). В 154 г. вспыхнула в Испании война с небольшим союзным народом; ее считали неважной, но скоро одно поражение стало следовать за другим; еще хуже было то, что, когда в Риме увидели, что эта испанская война будет не простой военной прогулкой, а долгим и тяжелым испытанием, не нашлось более ни солдат, ни офицеров.

Разрушение Карфагена и Коринфа Этот скандал, открывший всем военное падение государства, первые симптомы которого прозорливыми наблюдателями были замечены уже во время войны с Персеем, увеличил беспокойство, внушаемое все растущим благосостоянием и богатством Карфагена. Катон энергично повел кампанию, уже предпринимавшуюся им много раз, дабы побудить Рим разрушить своего соперника, прежде чем тот разрушит его самого. На этот раз предложение было принято при поддержке богатых капиталистов, желавших сделаться господами торговли между внутренней Африкой и Средиземным морем, и нищей аристократии, надеяв-

---

¹⁰⁵ Appian. Pun., 112.

¹⁰⁶ Ibid., 115–117; Hisp., 85.

¹⁰⁷ Nitzsch. G. V., 231.

¹⁰⁸ Neumann. G. R. V., 17–18.

шейся обогатиться от войны. Напрасно последние представители римской честности старались помешать этой ужасающей несправедливости. После вероломного объявления войны, после позорных поражений, после массы усилий и трехлетней войны, Карфаген был сожжен Сципионом Эмилианом, и его торговля перешла в руки римских купцов.¹⁰⁹ В это же самое время Македония и Греция, ободренные неуспехом римского войска в Африке и Испании, восстали, но были побеждены, сурово подавлены, обращены в провинции, присоединены к империи и разграблены. Коринф, самый прекрасный из городов Греции, был сожжен. Несколько лет спустя, в 143 г., консул Аппий Клавдий, напав без объявления войны на Салассов в Пьемонте — Трансваале капиталистов того времени, отнял у них часть золотоносной территории, и тотчас римское общество взяло в аренду рудники, переправило туда более пяти тысяч рабов и сделало Виктумулы в области Верцелл центром торговли золотом в Пьемонте.¹¹⁰ Таким образом, к первым симптомам слабости и упадка общественного духа в Риме присоединился буйный порыв гордости и жестокости, подобно вихрю уничтоживший до основания Коринф и Карфаген.

Просвещенные консерваторы Однако люди просвещенные, как Катон, Семпроний Гракх, Сципион Эмилиан, Метелл Македонский, Гай Лелий, Муций Сцевола, Лициний Красс, Муциан, были испуганы. Они удивлялись новому могуществу и богатству Рима; они способствовали культурному развитию, как, например, Метелл, завоеватель Македонии, который, решив выстроить храмы Юпитеру и Юноне и окружить их обширным портиком, вызвал из Греции архитекторов и скульпторов, в том числе, как говорят, двух братьев — Поликлета и Тимархида, первыми познакомивших Рим с чисто аттической скульптурой.¹¹¹ Но они не могли примириться со зрелищем гибели лучшей части древнего земледельческого и аристократического общества, семейной дисциплины, гражданского рвения, сдержанности страстей, согласия классов. В самом деле, что станет с Римом, если деревни будут непрерывно должать и безлюдеть, если все римские граждане, некогда земледельцы, превратятся в купцов, предпринимателей, ремесленников и нищих, если роскошь, нерадивость и развращенность знати все будут расти? Конечно, вероломная и ловкая политика Рима настолько ускорила падение великих государств Востока, что с их стороны нечего было опасаться: все государства от Пергама до Египта были до такой степени ослаблены и унижены интригами и насилиями сената и римских посланников, что скоро можно было видеть самое редкое явление во всемирной истории — самоубийство одной из самых богатых и могущественных восточных монархий. Аттал, царь Пергама, умирая, оставил в наследство римскому народу свое царство и своих подданных (133 до Р. Х.): единственный в древней истории пример, подготовленный, без всякого сомнения, долгими интригами, о которых, к несчастью, мы очень плохо осведомлены, но которые были одним из величайших дел римской дипломатии. Не двигая ни одного легиона, пользуясь только своим превосходством и своим прести-

---

¹⁰⁹ Sueton. Ter. Vita, 1.

¹¹⁰ Strabo, V. 1, 12 (218); Plin. H. N., XXXIII, 4, 78; L. V, 715.

¹¹¹ Ср. с текстом Плиния (H. N., XXXIV, 8, 52) рассуждения историков искусства: Brunn. G. G. K., I, 535 сл.; Overbeck. G. G. P., II, 428 сл.; В. С. Н., V, 390 сл.

жем, чтобы двинуть вперед уже начавшееся разложение этого старого государства, Рим накладывал свою руку на одну из самых плодородных областей мира. Однако если римское могущество спокойно распространялось в Азии и во всем бассейне Средиземного моря, если были разрушены Коринф и Карфаген, то варварские народы Испании сопротивлялись, и война, истощая казну и уменьшая войско, все продолжалась, несмотря на опустошения и убийства, организованные римскими полководцами. Этого было достаточно, чтобы обеспокоить лучшие умы.

Консервативный инстинкт Инстинкт самосохранения, который во все эпохи представляет такое большое сопротивление историческому движению и стремится избежать необходимых болезненных проявлений прогресса, пришел в смятение; со всех сторон поднялись жалобы, которые мудрые люди повторяют во все времена, когда меняются цивилизации. Многое хорошее и дурное гибнет вместе по высшему закону, смысл которого часто ускользает от современников. Последние судят о событиях по их первым результатам; они по инстинкту противятся разрушению того, что хорошо; они страшатся всегда окончательной гибели среди смены цивилизаций, которая напоминает лето на крайнем севере: необычайно долгий день, долгие сумерки, полное исчезновение всего во мраке короткой ночи, а потом снова заря, пробуждающая мир. Но когда человек, при полном блеске цивилизации, видит наступление медленных сумерек, он, боясь, как бы свет не погас навсегда, с беспокойством оборачивается назад, к заходящему солнцу. Просвещенные люди этого времени думали, что следует поддерживать все хорошее, что только было в старом обществе, присоединяя к нему лучшие приобретения новых времен. Они хотели соединить прошлое и настоящее; восстановить класс мелких собственников, поставлявших солдат,¹¹² вернуть к древней простоте нравы аристократии,¹¹³ напомнить римлянам их обязанность производить многочисленное потомство.¹¹⁴ Вечная иллюзия и противоречие людей каждой трудной переходной эпохи цивилизации было мучением и величием наиболее крупной личности этого поколения.

Сципион Эмилиан и Полибий Публий Корнелий Сципион Эмилиан, сын Павла Эмилия, усыновленный сыном Сципиона Африканского, был выдающийся человек, почтенный ученый, великий полководец, с благородным характером, мало заботившийся о богатстве и удовольствиях, не растративший в кутежах своих прекрасных природных качеств. Друг и любимый ученик Полибия, великого мыслителя, открывавшего ему все тайны своего глубокого исторического знания, он понимал, что империализм кончит разрушением империи, что гордость, алчность, жажда удовольствий, безбрачие, все страсти торговой эры и обуславливаемая ими политика разрушат военное могущество Рима, внутренний порядок, согласие классов, и в метрополии империи спустят с цепи демагогическую анархию, в которую впадало столько грече-

---

¹¹² Сципион Эмилиан и Лелий еще до Тиберия Гракха предлагали давать земли бедным солдатам. Plut. Tib. Gr., 8.

¹¹³ Ср. речь Сципиона Эмилиана у Aul. Gel., IV, 20.

¹¹⁴ Ср. речь Метелла Македонского: De prole augenda Suet. Aug., 89; Aul. Gel., I, 6.

ских республик. И однако ему, одному из редких по способностям, храбрости и знанию людей выродившейся аристократии и единственному великому и энергичному полководцу своего поколения, пришлось исполнять все наиболее трудные и жестокие предприятия современного ему империализма, когда другие генералы не могли привести их к счастливому окончанию: сперва разрушение Карфагена, затем разрушение Нуманции в Испании, где все еще продолжалась война. Но мог ли он противостоять роковому ходу вещей? Ученик Полибия лучше других слышал издали шум водопада, к которому стремился поток времени, но он также с ужасающей ясностью видел невозможность повернуть обратно реку истории и ее роковой бег.¹¹⁵

Воспитание строителей империи В этом же противоречии бились все те, в ком таилась злоба против современности: несчастные пролетарии, собственники, угнетенные долгами, обедневшие фамилии аристократов, крайние консерваторы, недовольные слишком быстрыми переменами, и революционеры, недовольные их медленностью. Никто не мог предвидеть будущей награды за зло настоящего; все катилось в одну и ту же бездну бедствий; различные населения Италии смешивались одни в городах других, а все вместе в Риме, забывая местные традиции и наречия в общем стремлении завоевать состояние и отечество, более обширные; римский дух очищался от упорного невежества, узкого эмпиризма, грубых суеверий старых времен и приобретал в греческой школе научный дух. Без этого научного воспитания мир не увидал бы в следующем столетии появления архитекторов и рабочих, построивших чудесное здание империи; но современники Сципиона Эмилиана видели только, как гибнет старое общество, дезорганизуется армия, растет нищета и подобно грозной туче поднимается над Римом величайший ужас истории: гражданская война богатых и бедных.

---

¹¹⁵ Ср.: Meyer. U. G. G., 22.

Образование италийского общества

Тиберий Гракх и кризис италийского землевладения. — Основная консервативная идея его аграрной реформы. — Оппозиция и политический и революционный характер, принятый вследствие этого агитацией. — Смерть Тиберия. — Прогресс культуры оливок и винограда. — Гай Гракх, его характер, воспитание и начало карьеры. — План его реформ. — Судебный закон, азиатский закон, хлебный закон, военный закон, аграрный закон, закон о дорогах. — Вторичное избрание Гая Гракха; его проект раскрепощения италиков. — Непопулярность этого предложения. — Смерть Гая Гракха. — Наследие пергамского царя и продажа в Риме его движимого имущества. — Увеличение роскоши и потребностей; распространение торгового духа; рост восточной торговли. — Усилия людей среднего класса дать образование своим детям и увеличить свое состояние. — Разложение римской и италийской аристократии. — Образование италийской буржуазии. — Военное ослабление Рима; остановка завоеваний. — Аграрный закон Спурия Тория и его важность. — Исчезновение аграрного коммунизма и обращение в частную собственность общественных земель Италии. — Война с Югуртой обнаруживает подкупность знати. — Первое проявление демократического духа; избрание консулом Гая Мария. — Новые враги: Митридат, кимвры и тевтоны. — Поражение двух генералов аристократии, посланных против кимвров и тевтонов. — Новое избрание Мария консулом, его великие военные реформы и его победы. — Могущество демократической партии и унижение знати.

Сигнал к первым стычкам этой ужасной борьбы, которой суждено было продолжаться целое столетие, подали против собственного желания Тиберий и Гай Гракхи, сыновья Тиберия Семпрония Гракха, племянники Сципиона Африканского, двоюродные братья Сципиона Эмилиана, последние представители этой великой фамилии, после них исчезнувшей со страниц истории.

Тиберий Гракх и его кружок в отцовском доме, где дано было ему тщательное образование под руководством лучших греческих философов, юный Тиберий должен был часто слышать наиболее замечательных людей республики, скорбевших о бедствиях Рима и о его военном упадке, рассуждавших о необходимости реформы, которая воспрепятствовала бы полному разрушению старого общества, особенно прежнего крестьянского класса, поставлявшего солдат. Эти государственные деятели считали необходимым возобновить то общественное покровительство бедным, которое римское государство применяло в свои лучшие времена. Всеобщий упорный предрассудок, что бедствия эпохи можно излечить только законодательными средствами, должен был тем более быть распространенным в Риме, что в прошлом сенат всегда отечески от-

вращал зло крайней бедности, распределяя земли, кассируя долги, основывая колонии.¹¹⁶

Начало карьеры Тиберия Тиберий Гракх, уже проникшийся этими идеями в отцовском доме, был глубоко потрясен сначала испанской войной (153–133 до Р. Х.), в которой он принимал участие и которая, дорого стоившая и позорная, продолжавшаяся двадцать лет, угрожала разрушить некогда столь цветущие финансы;¹¹⁷ затем его взволновало большое восстание рабов в Сицилии (139–132 до Р. Х.), разразившееся незадолго до этого и с трудом подавленное Римом. Встревоженный особенно быстрым разложением армии, молодой человек, полный пылких и великодушных проектов, но совершенно еще не знающий жизни, решил для излечения бедствий Рима и восстановления армии энергично возобновить древнюю аграрную политику наделов.

Аграрная политика Тиберия Его идея была очень проста. Обширные общественные земли Италии, взятые в аренду или просто расхищенные богатыми собственниками, могли каждый год по закону быть отобраны, если государство решится воспользоваться своим правом. Если оно разделит эти земли на мелкие участки массе земледельцев, послав особенно в южную Италию часть нищих из Рима и Лация, то задача будет решена. Города Италии, находящиеся в упадке, будут восстановлены, а окружающие их земли снова будут населены мелкими собственниками,¹¹⁸ некогда дававшими Риму его непобедимые легионы.

Его аграрный закон Эта идея имела многочисленных сторонников,¹¹⁹ и Тиберий Гракх, выбранный народным трибуном на 133 г., предложил привести ее в исполнение посредством аграрного закона, составленного им по указаниям двух греческих ученых: Блоссия из Кум и Диофанта из Митилен.¹²⁰ Для того чтобы *ager publicus* мог, как некогда, приносить пользу беднякам, он предложил закон, чтобы ни один римский гражданин не мог иметь более 500 югеров общественной земли с присоединением на каждого из сыновей по 250 югеров, пока не составитсся других пятисот.¹²¹ У латинов и италиков отбираются общественные земли, которые они получили не по закону; безразлично, были ли они куплены у других или захвачены ими самими,¹²² римские граждане, почти все богатые собственники, получают денежное вознаграждение за произведенные ими улучшения,¹²³ между тем как латины и союз-

---

¹¹⁶ Duruy. H. R., II, 393.

¹¹⁷ Nitzsch. G. V., 294.

¹¹⁸ Sicculus Flacus. De cond. agr., 136, 7.

¹¹⁹ Lange. R. A., III, 7; Plut. Tib. Gr., 9; cp. C.I.L., I, 551.

¹²⁰ Plut. Tib. Gr., 8.

¹²¹ C. I. L., I, 87.

¹²² Эта оговорка не упоминается ни у одного из историков; но она мне кажется необходимой, чтобы объяснить рассказ Аппиана (B.C., I, 18) о жалобах латинов и италиков, у которых требовали документы о покупке земель или их наделе, и о том, что часто земли, занятые без наделения, были до такой степени смешаны с наделными землями, что их нельзя было более различить.

¹²³ App. B. C, I, 11; Plut. Tib. Gr., 9; Duruy. H. R., II, 395, прим. 2.

ники, большинство которых были мелкие и средние собственники, могут, как бы в вознаграждение, участвовать в новом распределении земель¹²⁴ одновременно с бедными римскими гражданами; последние, однако, ежегодно платили небольшую сумму государству и не могли продавать свои земельные наделы. Три магистрата, ежегодно избираемые народом в трибутных комициях, заведуют наделением земель, а в случае спора решают, какие земли общественные и какие частные.¹²⁵ Закон был принят очень сочувственно крестьянами и мелкими собственниками.¹²⁶

Принятие закона Кажется, он хорошо был принят и городским населением, состоявшим из клиентов, вольноотпущенников, ремесленников, которые, подобно всем беднякам, жаловались на алчность богатых и забвение государства как на единственную причину собственного несчастья. Закон хорошо был принят и несколькими просвещенными консерваторами;¹²⁷ достоверно известно, что к нему с сочувствием отнеслись те сенаторы со скромным достатком, которые находились в стесненном положении среди богатства новых времен и тайно радовались затруднениям, которыми этот закон угрожал богатым владельцам бесчисленных стад рогатого скота. Последние — а они в сенате должны были быть в меньшинстве — не могли надеяться отклонить закон в комициях и предприняли ловкий маневр: они побудили товарища Тиберия наложить свое *veto*, противопоставляя таким образом намерениям популярного законодателя неприкосновенную власть трибуна, к которой народ имел чисто религиозное уважение. Но возрастающая склонность к насилию, вызванная этим законом, разразилась на первый раз против самой неприкосновенности трибуна. Настроение нарастало; пылкий Тиберий, безуспешно пытавшийся сломить упорство своего товарища, предложил народу сместить его. Это был новый и революционный поступок! Раздраженный народ вотировал это смещение, и после низложения трибуна закон был принят.

Вторая кампания и убийство Тиберия Страсти разгорелись еще более: олигархия богатых концессионеров общественных земель начала обвинять Тиберия в посягательстве на неприкосновенную личность трибуна. Тиберий, возмущенный оппозицией знати, принялся возбуждать народ самыми радикальными демократическими теориями; в больших речах он утверждал, что воля народа — верховный авторитет в

---

¹²⁴ Это предложение мне также кажется необходимым для объяснения слов Аппиана (В. С, I, 18), который говорит, что латинские и италийские собственники жаловались на то, что вместо их возделанных земель им даются земли совершенно необработанные; это указывает, что они участвовали в новом распределении земель. Если допустить, что между латинами и италийцами мелкие собственники были многочисленнее, чем между римскими гражданами, то все объясняется, и ясность объяснения, в свою очередь, поддерживает нашу гипотезу. Тиберий Гракх, стремившийся восстановить мелкую собственность, не мог желать разорения мелких италийских и латинских собственников, доставлявших столько хороших солдат.

¹²⁵ App. В. С, I, 9; Liv. Р., 58.— По Титу Ливию, власть решать, принадлежат ли данные земли к общественным или к частным, была прибавлена по новому закону. — Ср.: Lange. R. A., III, 13; Landucci (Storie del diritto romano. Padua, 1895, I, 102) относит его к 129 г., т. е. ко времени после смерти Тиберия.

¹²⁶ App. В. С, I, 14.

¹²⁷ Neumann. G. R. V., 166.

государстве.¹²⁸ Затем, когда стало известно, что пергамский царь Аттал, умирая, оставил свое царство в наследие римскому народу, Тиберий предложил, чтобы царские сокровища пошли на покупку сельскохозяйственных орудий для новых поселенцев, не могущих купить их на свой счет, и предложил, чтобы народ, а не сенат, управлял новой провинцией.¹²⁹ На этот раз враги обвиняли его в стремлении сделаться тираном в Риме, ловко маскируя оппозицией политического характера свою ненависть к аграрному закону. Тиберий попытался тогда добиться нового избрания в народные трибуны, чтобы быть неприкосновенным для уголовного обвинения. По-видимому, на этот раз он предложил еще другие законы на пользу народа,¹³⁰ но вражда все возрастала, и на выборы обе партии явились с взаимным недоверием и тайными намерениями насилия. Небольшое замешательство во время комиций, насколько известно, вызвало их проявление. Несколько сенаторов, не будучи в состоянии добиться от консула объявления отечества в опасности, бросились вооруженные посреди толпы и убили Тиберия и его друзей.¹³¹

Прекращение движения Это противозаконное насилие рассеяло многочисленных сторонников Тиберия, испугало умеренных и склонных к реформам консерваторов, которым уже внушала отвращение демократическая агитация Тиберия, и принизило гордость народа. Но Рим, пораженный ужасом, увидел после стольких веков порядка и законности не только безнаказанным, но и восхваляемым насилие партии, которая первая присвоила себе отправление правосудия. Сам Сципион Эмилиан, осаждавший тогда Нуманцию, одобрил убийство своего слишком демократического зятя.

Применение аграрного закона Все же три комиссара, одним из которых был младший брат Тиберия, Гай, отправились в дорогу; они поехали в Циспаданскую Галлию и в южную Италию, пытаясь восстановить в деревнях прежнюю крепкую Италию, победившую Ганнибала. Они обмежевывали общественные земли и распределяли их.¹³² Но предприятие было трудное и не могло быть выполнено без нарушения справедливости, потому что после стольких лет нелегко было отыскать древний *ager publicus*.

Перемены в итальянском землевладении Масса лиц производила фиктивную продажу земель, если они владели ими сверх законной нормы;¹³³ масса других лиц с большими издержками обрабатывала захваченную землю; многие документы о продаже и уступке земель более не существовали.¹³⁴ Особенно терпели от этих разысканий и проверок средние

---

¹²⁸ Plut. Tib. Gr., 15; Val. Max., III, 2, 17.

¹²⁹ Plut. Tib. Gr., 14.

¹³⁰ Plut. Tib. Gr., 16.

¹³¹ См. о катастрофе подробный анализ источников, сделанный Мейером: Meyer. U. G. G., 24 сл.

¹³² Bernabei. Notizie degli scavi, март 1897; C. I. L., I, 552–556. — Позднейшая надпись (C. I. L., I, 583) относится к действиям трибунов в Циспаданской Галлии.

¹³³ App. B. C, I, 18.

¹³⁴ Ibid. — Ср. прекрасную работу: Callegari. L. S. C, 35.

собственники, еще многочисленные между латинами и союзниками, и это было тем более жестоко, что в эти годы Италия, по словам Плиния, начала понимать свои интересы.¹³⁵ Многие полуразоренные собственники решили приняться за более выгодные виды хозяйства: не будучи в состоянии возделывать, как было до этого времени, виноград и оливки для собственных потребностей, а зерно на продажу, они задумали, наоборот, засеивать хлеб только для своего потребления, а масло и вино — для продажи. Масло и вино стоили дороже, и их легче было перевозить для продажи на отдаленные рынки. Великие экономические кризисы истории разрешаются не гениальными законодателями, но самими народами, трудом увеличивающими свое богатство.

Приостановка аграрного закона К несчастью, справедливо, что при проведении этого закона многие итальянские собственники, потревоженные в своем деле слишком усердным законодателем, увидели, что их принуждают к обмену прекрасного виноградника на болотистый участок земли. Поэтому латины и союзники обратились за помощью к Сципиону Эмилиану, который знал их по участию в войнах и был к ним весьма расположен. Сципион предложил в сенате и, конечно, добился утверждения народным собранием закона, по которому на будущее время консулам вместо триумвиров предоставляется решать, какая земля общественная и какая частная;¹³⁶ таким образом, триумвиры не могли более разыскивать земель для раздела, а консулы, почти всегда противники народной партии, оставляли без движения все процессы; исполнение закона было приостановлено.¹³⁷ Только в 125 г. М. Фульвий Флакк, член аграрной комиссии и друг Тиберия, избранный консулом, пытался возобновить реформу и предложил даровать латинам и союзникам права гражданства,¹³⁸ чтобы вознаградить за ущерб, причиненный им пересмотром *ager publicus*. Но успеха он не имел.

Характер и начало карьеры Гая Предприятие, не удавшееся Тиберию, было возобновлено через десять лет его братом Гаем, человеком выдающимся по мощи и величию духа. Гай, которому во время убийства Тиберия был 21 год, в течение десяти следующих лет подавал своему выродившемуся поколению блестящий пример доблестной деятельности, частной и общественной. Он был членом аграрной комиссии и при различных обстоятельствах принимал участие в политической борьбе, последовавшей за смертью его брата, стараясь защитить его память и его дело. Он совершил много походов и был квестором в Сардинии, но не следовал примеру молодых франтов из

---

¹³⁵ Я помещаю начало этого аграрного переворота в Италии между 130 и 120 гг. до Р. Х., опираясь на важное место Плиния (Н. Н., XIV, 14, 94). Плиний говорит, что в 121 г. в первый раз в Риме увидели, благодаря громадному изобилию вина, результат этой перемены культур. Следовательно, изменение должно было начаться десятилетием ранее, принимая во внимание медленный рост виноградников. Плиний не говорит об оливковых деревьях, но так как оливки вместе с виноградниками были, как увидим, наиболее выгодной культурой нового сельского хозяйства и так как уже во времена Катона уменьшается возделывание зерновых хлебов и увеличивается культура оливок (Weber. R. A. G., 223), то вполне возможно предположить, что обе культуры развивались одновременно.

¹³⁶ Lange. R. A., III, 22.

¹³⁷ Neumann. G. R. V., 215, 216.

¹³⁸ Unge. R. A., III, 26; Meyer. U. G. G. 17.

знатных римских фамилий: напротив, живя, как солдаты, и заботясь об их благосостоянии, он тратил собственное состояние вместо того, чтобы грабить страну, и оставался безупречно чистым.¹³⁹ Военное ремесло не могло отвлекать его от занятий, к которым так стремилась его душа; он совершенствовал свое красноречие, которому удивлялся Цицерон,¹⁴⁰ в то время как воспоминания о событиях по смерти Тиберия и долгие размышления побуждали его продолжать прерванные планы своего брата, облакая их в более зрелые формы.

Идеи Гая Подобно Тиберию, Гай был проникнут сознанием необходимости спасти по крайней мере одну часть старого общества; но этот план реставрационных и консервативных реформ силой вещей — как всегда бывает с подобными проектами в критические эпохи — превращался в его уме в революционное действие, которое вместо утверждения того, что было хорошего в прошлом, ускоряло его разрушение. Участь брата и его реформы указывали, что бесполезно было пытаться излечить бедствия Рима, предварительно не разрушив или, по крайней мере, не унизив могущественную партию знатных концессионеров и узурпаторов общественных земель; план восстановить класс собственников при помощи римских нищих был слишком прост и в действительности мало выполним. Гай сам в качестве триумвира сознавал, каким трудным предприятием, полным несправедливостей и зл, было разыскание *ager publicus*. Более того, даже допуская, что новые поселенцы ревностно начнут возделывать распределенные им земли, в чем вовсе нельзя было быть вполне уверенным,¹⁴¹ нелегко было оживить лучшие свойства древнего духа в 400 000 римских граждан, управлявших империей (по цензу 125 г. их было 394 375 человек). Римский народ ограничивался теперь олигархией собственников, банкиров, предпринимателей, купцов, ремесленников, авантюристов и сброда, жадной до удовольствий, возбуждений и внезапных прибылей, высокомерной, буйной, испорченной городской жизнью; и эта олигархия — бесполезно было бы на этот счет обманываться — всегда ставила собственную выгоду и удовольствия выше всякой реформы, даже наиболее спасительной. Без сомнения, в этой олигархии многие лица, особенно бедный мелкий люд, жаловались на настоящее положение дел, но лишь потому, что они не могли удовлетворить своих желаний; и если для того, чтобы дать выход своему недовольству и ненависти против богатых, они одобряли реформу, то они вовсе не были расположены для спасения государства вернуться к более трудолюбивому, более честному и более простому образу жизни. Новые идеи созревали в уме Гая во время долгих походов, вдали от Рима.

Его первоначальная программа

При возвращении из последней экспедиции в Сардинию, когда корабль, на котором он ехал, поднявшись по Тиб-

---

¹³⁹ Aul. Gel., XV, 12.

¹⁴⁰ Cicero. Brutus, 33, 125.

¹⁴¹ Мы не можем определить результата надела землей согласно закону Тиберия. По Титу Ливию (Per., 59 и 60), число римских граждан, которых в 130 г. было 318 823, повысилось в 124 г. до 394 726 человек; это увеличение Белох (I. B., 82) приписывает наделам Гракхов. Но тот же Белох (B. A. W., 351) думает, что вторая цифра ошибочна и что должно читать 294 726; в последнем случае, следовательно, произошло уменьшение народонаселения. — Ср.: Blasel. Die Motiven der Gesetzgebung des C. Sempronius Gracchus. Trieste, 1878; Lange. R. A., III, 27.

ру, бросив якорь в Риме, Гай нашел большую толпу, приветствовавшую его аплодисментами.¹⁴² Мало-помалу, когда ужас, внушенный убийством Тиберия, рассеялся, римское простонародье стало искать себе покровителя и мстителя; и брат жертвы, известный своими доблестями и уже вызвавший против себя подозрение знати, казался желанным человеком. Таким образом, наступил, наконец, день, в который увлекаемый памятью своего брата, событиями, ожиданием народа, недоброжелательством врагов, собственным гением Гай предложил план общей реформы, где он изложил идеи брата, но в более совершенном виде, а также высказал свои собственные, вполне оригинальные и смелые, иногда даже опасные. Выбранный народным трибуном на 123 г. комициями, в которых участвовало большое количество сельских избирателей,¹⁴³ Гай прежде всего попытался лишить партию крупных арендаторов общественных земель той поддержки, какую оказывали им другие классы.¹⁴⁴ Капиталисты и сенаторы легко вступали в соглашение для того, чтобы грабить государство; но богатые всадники из гордости, из желания еще большей власти, из алчности до сих пор слабо поддерживали абсолютную власть, которой пользовались в государстве, в судах, в армии знатные, оргии и долги которых им приходилось оплачивать, — и Гай, возобновив одну из идей Тиберия, предложил *lex judiciaria*, по которому постоянные комиссии (*questiones perpetuae*), судившие по обвинениям, выставленным против провинциальных правителей, и по другим политическим преступлениям, составились не из сенаторов, как прежде, но из всадников и были облечены более широкой юрисдикцией.¹⁴⁵ В то же время один из его товарищей, Маний Ацилий Глабрион, предложил важный закон против взяточничества правителей (*lex Acilia repetundarum*). Судебный закон был весьма важен для богатых всадников, которые с этих пор могли судить даже сенаторов; но Гай еще содействовал им проведением закона, окончательно реорганизовавшего новую азиатскую провинцию, пергамское царство, наследованное Римом десять лет тому назад и бывшее после подавления национального восстания прочным достоянием Рима. Гай вопреки тому, что сделал в Испании его отец, предложил установить в провинции Азии сбор десятины со всех продуктов, сбор *scripturae*, т. е. арендной платы за общественные земли, и сбор *portoria*, или таможенных пошлин; но он прибавил, что взимание этих налогов будет сдано на откуп не местным капиталистам, как было в Сицилии, но в Риме через цензоров и римским капиталистам.

---

¹⁴² Diod., XXXIV, fr. 24.

¹⁴³ Plut. C. Gr., 3.

¹⁴⁴ Порядок, в котором были предложены законы в течение двух трибунств Гая, а особенно их распределение, были предметом больших споров, потому что Плутарх (C. Gr., 4–6), Аппиан (B. C. I., 21–23), Тит Ливий (Per., 60), Веллей (II, 6) рассказывают о событиях совершенно по-разному. Ср.: Callegari. L. S. C., 53 сл. — Лучше всего, как сделал это Каллегари, определить порядок всего законодательства по внутренней связи законов, потому что в столь логической системе законодательства Гая законы, являвшиеся подготовительными, естественно предшествовали тем, которые были конечной целью.

¹⁴⁵ Ср.: Liv. Epil., 60; App. B. C. I, 22; Floras, III, 13; Tacit. Ann., XII, 60; Diod., XXXIV, fr. 25; Plut. C. Gr., 5.—О расхождении этих текстов и о возможных способах их согласования см.: Callegari. L. S. C., 104 сл.

Хлебный закон Гая Гай намеревался воспользоваться крупными суммами, которые государство должно было извлечь из этих откупов и увеличения таможенных пошлин на предметы восточной роскоши,¹⁴⁶ чтобы приобрести расположение бедного люда, уничтожив навсегда то полуголодное состояние, которое имело место в Риме даже в урожайные годы. Он предложил *lex frumentaria*, по которому доставка в Рим съестных припасов делалась общественной обязанностью и государство должно было снабжать Рим хлебом, продавая его по пониженной цене, по 61/3 ассов за модий.¹⁴⁷ Он думал, что эти крупные государственные покупки хлеба по всей Италии будут выгодны для собственников и что, организовав постройку обширных житниц, он в Риме даст работу предпринимателям и рабочим.¹⁴⁸ Затем, чтобы угодить гражданам и беднякам, он предложил восстановить в силе законы Тиберия и снова, по *lex agraria*, передать триумвирам власть решать, является ли данный участок общественной или частной землей.¹⁴⁹ К этому, возобновляя, без сомнения, мысль своего брата, он присоединил *lex militaris*, устанавливавший семнадцать лет как минимум при наборе рекрутов, которые к тому же должны были делать обмундирование не на собственный счет, но на деньги государственного казначейства.¹⁵⁰ Он предложил, наконец, *lex viaria* — грандиозный проект проведения новых дорог в различных частях Италии, особенно в южной, для предоставления работы предпринимателям и рабочим и облегчения продажи сельских продуктов.

Административная деятельность Гая Предлагая, таким образом, комициям столько различных законов, из которых одни нравились богатым финансистам, другие арендаторам, бедным гражданам или пролетариям, Гай легко мог добиться утверждения всех своих проектов¹⁵¹ и положить начало той политике торговых интересов, которую в течение столетия со всевозрастающей энергией проводила демократическая партия. Однако, по странному самообману, Гай считал возможным воспользоваться этой политикой для совершенно иной цели — для возвращения, по крайней мере частично, римского общества к его первоначальному виду и простоте.

Закон Гая о колониях Вновь избранный подавляющим большинством трибуном на следующий год, он выступил с еще более смелыми предложениями. Масса ремесленников, торговцев, художников, ученых, авантюристов стекалась в Рим отовсюду; это вело к бесчисленным затруднениям, особенно сложным было продовольствие; хлеб и плата за помещение были очень дороги, масса же была без средств. Между тем в других областях Италии

---

¹⁴⁶ Velleius, II, 6.

¹⁴⁷ App. B. C, I, 21; Liv. Per., 60; Plut. C. Gr., 5 (согласно его свидетельству, одни бедные могли воспользоваться этой пониженной ценой).

¹⁴⁸ App. B. C, I, 23.

¹⁴⁹ Это можно заключить из одного места Тита Ливия (Per., 60), где он говорит, что *lex agraria* Гая совпадал с соответствующим законом Тиберия. Ср.: Neumann. G. R. V., 236; Callegari. L. S. C, 80 сл.

¹⁵⁰ Plut. C. Gr., 5.

¹⁵¹ Dioid., XXXIV, fr. 25.

многие города и деревни пустыли.¹⁵² *Lex frumentaria* не был средством безопасным; благодаря ему очень возросли издержки государственного казначейства, которому уже нанесла удар испанская война. Рим был слишком населен; следовательно, нужно было побудить известное число финансистов и торговцев переселиться в другие города, куда за ними последовала бы и часть мелкого люда, покинув столицу. Гай думал о трех пунктах Средиземноморского побережья: Скиллетии, Таренте и Карфагене. В Скиллетии уже была таможня для товаров, ввозимых из Азии; Тарент давно славился своей торговлей и богатством. Для купцов, торговавших с Грецией, Македонией и Востоком, разве не было удобнее жить в Скиллетии или Таренте, нежели в Риме? После разрушения Карфагена Рим поглотил карфагенскую торговлю: следовательно, римским коммерсантам, ведшим торговлю в Африке, также был расчет поселиться там. Действительно, многие из них уже устроились в Цирте. Нельзя ли было выстроить на развалинах пунического Карфагена римский Карфаген, которому дать имя Юнонии? Гай предложил основать в Скиллетии, Таренте и Карфагене три колонии, но образованные не из людей неимущих, как бывало раньше, а из людей зажиточных¹⁵³ — торговцев и капиталистов, которым можно дать большие участки земли, чтобы побудить их покинуть Рим.

Раскрепощение Италии Эти законы были утверждены, как кажется, не без затруднений, потому что нельзя было сократить римское население, не затронув многих интересов. Все более воодушевляясь своими проектами, Гай решил высказать основную идею, уже давно и молча им обдумываемую: права римских граждан должны быть дарованы (как уже предлагал и М. Фульвий Флакк) всем италикам.¹⁵⁴ Гай рассчитывал с помощью этого закона в большей мере привлечь к участию в благоденствии и ответственности империи все италийское население, более многочисленное и менее испорченное; этим возвращались силы небольшой олигархии Рима, которая, испорченная и малочисленная, походила на тонкую колонну, источенную временем, на которую безрассудные архитекторы накладывают огромную надстройку, постепенно ее увеличивая. Таков был обширный замысел Гая; Рим сделался бы главой живой италийской нации; империя опиралась бы не на олигархию муниципалов и испорченных торговцев, но на сельские классы; были бы восстановлены разрушенные и пришедшие в упадок города, некогда центры цивилизации и торговли; между различными областями произошло бы лучшее распределение населения и богатства, которые, стекаясь в Рим, угрожали приливом крови, если так можно выразиться, этому мозгу государства. Это было историческое дело Рима, которое Гай предвидел, но он считал возможным выполнить его единолично, упреждая шесть поколений, которым суждено было работать над этой огромной задачей.

**Потеря Гаем популярности
и его убийство**

В действительности столь широкие идеи были еще преждевременны. Проект предоставления права

---

¹⁵² Ср.: Sic. Flac. De cond. agr., I, 136–137.

¹⁵³ Этот основной пункт, освещающий всю мысль Гая и показывающий, чего он ожидал от колоний, передан нам Плутархом (С. Gr., 9). Callegari (L. S. C, 99) понял всю его важность.

¹⁵⁴ Velleius, II, 6; App. B. C, I, 23; Plut. C. Gr., 5; Cicero. Brut., 26, 99.— Подробности предложения малоизвестны.

гражданства италикам не встретил ни в ком сочувствия, в простом народе не более, чем в знати; первый боялся, как бы при увеличении числа граждан¹⁵⁵ не уменьшились выгоды, получаемые во время войн и выборов, а также при играх и общественных развлечениях. Партия крупных собственников воспользовалась удобным случаем и ловкими интригами превратила в ненависть ту популярность, какой пользовался Гай. Некоторые авторы говорят, что на выборах 121 г. он не был переизбран, другие — что он получил столь незначительное большинство, при котором, сделав подтасовку при подсчете, можно было объявить, что он не выбран. После своего второго трибуната Гай возвратился к частной жизни и держался в тени до того дня, когда его враги выступили с предложением об уничтожении колонии в Карфагене; тогда он захотел говорить в комициях. На этот раз возбуждены были обе стороны, произошли сцены насилия; враги Гая бросились в сенат с требованием объявления военного положения и испугали скромных и умеренных сенаторов; затем после объявления военного положения консул Луций Опимий внезапно приказал убить Гая и его сторонников.

Перемены в римском обществе Если участь реформатора была трагической, то не менее трагической была и судьба его реформы. Она должна была быть лекарством и стала ядом, должна была сохранить лучшую часть старого общества и, напротив, ускорила его разрушение. Роскошь, отвращение к работе, оргии, скандалы, пьянство увеличились уже после разрушения Карфагена и Коринфа, но положение еще ухудшилось, когда Рим вступил во владение наследием царя пергамского. В тот самый год, когда умер Гай, виноградники, посаженные десять лет тому назад, дали обильный урожай, часть которого была привезена в Рим, где на каждой улице открылись винные погребки.¹⁵⁶ Все — знатные, богатые, вельможи и мелкие собственники — стали покупать рабов, торговля которыми значительно увеличилась.¹⁵⁷ Движимое имущество пергамского царя, привезенное в Рим и проданное с аукциона, было оспариваемо друг у друга толпой страстных любителей и, разойдясь по богатым домам Рима и Италии, возбудило вкус к пышной мебели, картинам, статуям, серебряной и золотой утвари.¹⁵⁸ Нужда увеличивала и долги римской и италийской аристократии. Это бывает всегда, когда лицом к лицу с родовой аристократией поднимается плутократия выскочек, желающая своими деньгами взять верх над древними знатными фамилиями. За исключением небольшого числа семей, обогатившихся благодаря умелой скупости одного из своих членов, каковы Лицинии Крассы, Помпеи, Метеллы,¹⁵⁹ в других знатных фамилиях молодые люди росли развратными, порочными, заносчивыми, иногда интересующимися науками и искусством, но всегда мотами и расточителями. Всадники, напротив, разбогатели с помощью пергамской добычи. Гай своим законом об Азии создал новое и очень выгодное предприятие для римских капита-

---

¹⁵⁵ Meyer. *Oratorum Romanorum fragmenta*. Tubingen, 1842, 201.

¹⁵⁶ Plin. H. N., XIV, 96.

¹⁵⁷ Этот важный факт передан нам Страбоном (XIV, V, 2).

¹⁵⁸ Plin. H. N.. XXXIII, XI, 148.

¹⁵⁹ Ср.: Drumann. G. R., II, 37 сл.; IV, 70 сл., 318 сл.

листов. В Риме образовались многочисленные общества для взятия на откуп этих налогов, и ловкие финансисты помещали в них свои капиталы; вслед за военным и торговым ростом империализма последовал также и рост финансовый.

Оставление молодежи деревень

Во всех фамилиях среднего класса (а они должны были быть еще многочисленными, несмотря на уменьшение плодородия из поколения в поколение) много сыновей, страшась сельской бедности, покидали отцовский дом; они отправлялись в соседний город или в Рим, чтобы заняться там ремеслом или торговлей; они добровольно поступали на военную службу или шли на нее по набору и скитались по свету в погоне за богатством.

Все многочисленнее становились колонии итальянских торговцев на Средиземном море, и приблизительно в эту эпоху возникла колония в Александрии.¹⁶⁰ Много италиков эмигрировало в Азию; там они наряду с крупными компаниями откупщиков занялись мелким ростовщичеством или взялись за торговлю рабами и азиатскими продуктами, спрос на которые все увеличивался в Риме. Делос процветал, населенный богатыми итальянскими, греческими, сирийскими и еврейскими купцами. Часто сами родители не желали для своих детей собственного скромного положения и, даже рискуя входить в долги, посылали их в соседний город учиться; научившись красноречию, они могли сделаться адвокатами, прославиться, приобрести покровительство богатых и влиятельных людей, которые могли оказать помощь при избрании на государственные должности.¹⁶¹ Таким образом исчезал тот средний класс собственников и крестьян, который возделал большую часть полуострова и победил Ганнибала. Во всей Италии мелкая собственность превращалась в крупные земельные владения в руках жадных приобретателей, заменявших рабами свободных рабочих, которые делались ленивыми, гордыми и задорными. Свободное население деревень выселялось, чтобы искать счастья в городах Италии или в провинциях, а также чтобы добиться власти в Риме, где до сих пор небольшое число привилегированных лиц наследственно становилось преторами, консулами, сенаторами.¹⁶²

Скавр и Марий

Но сила аристократических традиций ослабевала, и среди этой распущенной аристократии, растратившей в разврате свое состояние, энергию и прекрасные добродетели предков, после смерти Гая появился тип *self made man*. Таков был Марк Эмилий Скавр. Сын простого торговца углем, он принадлежал к всадническому сословию и благодаря знаниям, лести, услугам, оказанным испорченной олигархии, и особенно ловкому подражанию суровости и добродетели, сумел уже достигнуть высокого положения в момент смерти Гая Гракха, горячим противником которого был, и, помогаясь

---

¹⁶⁰ Hommole. В. С. Н., VIII, 127.

¹⁶¹ Мы знаем два примера молодых людей, отправленных таким образом для обучения: Сертория (Plut. Sertorius, 2) и М. Эмилия Скавра (Aurelius Victor. De vir, illust, LXXII, 1; Val. Max., IV, IV, 11; Drumman. G. R., 12, 18 сл.). Это были случаи не единичные, но типичные и часто происходившие.

¹⁶² См. у Drumman (G. R.) генеалогические таблицы Метеллов (II, 6); Домициев Агенобарбов (III, 12); Юлиев (III, 113); Лициниев Крассов (IV, 53); Октавиев (IV, 218).

консульства, действительно получил его в 115 г.¹⁶³

Совершенно противоположен ему был Гай Марий, человек с живым умом, но малообразованный, простых нравов, но честолубивый и очень энергичный. Незнатный всадник из Арпина,¹⁶⁴ он был сначала, по-видимому, мелким арендатором, потом, бросив это занятие, избрал военную и политическую карьеру. Он отличился при осаде Нуманции, и его военные заслуги дали ему возможность быть избранным народным трибуном на 119 г.; он не имел ни родственников, ни клиентелы, ни состояния, но он не боялся вызывать неудовольствие как у знатных, так и у простого народа, относясь безразлично и, так сказать, с презрением к ненависти всех партий.¹⁶⁵

Новая буржуазия Таковы были различные по характерам два самых видных борца новой итальянской буржуазии, которая, стряхнув вековое ярмо знати, возникла в прежних средних классах, стремясь распространить свое могущество на Италию и весь мир. Граждане переходили из одного города в другой и смешивались; учащались как браки между жителями различных городов, так и дружественные и деловые отношения и коммерческие соглашения; латинский язык распространялся и становился языком общим; повсюду в Италии прививались одни и те же привычки, предавались одним и тем же порокам, изучали одну и ту же греческую философию, риторику и латинское красноречие.

Новые влияния на внешнюю политику Однако усилия разлагавшейся аристократии, которая хотела предупредить свое падение, и усилия новой буржуазии, стремившейся к возвышению, ускорили разрушение древнего общества. В хаосе этого социального разложения и возрождения со страшной силой обрушился на Италию весь эгоизм, свойственный семье, клиентеле, партии и классу. Недоставало солдат и денег, наборы войска делались все затруднительнее; государственные финансы, несмотря на значительные доходы из провинций Азии, скоро были поколеблены издержками, шедшими на покупку хлеба¹⁶⁶ и военную обмундировку согласно законам Гая Гракха. Внешняя политика под влиянием этого военного упадка сделалась повсюду неопределенной, робкой, колеблющейся. Не было более завоеваний, которые не были бы вынужденными; перестали внимательно следить за независимыми соседними государствами. Глава прежних владений пергамского царя, Рим скоро распространил свое владычество внутрь Малой Азии путем обширной системы клиентелы. Он легко подчинил своему протекторату республики Родоса, Кизика и Гераклеи, союз ликийских республик и галатских государств.¹⁶⁷ Но Рим пренебрегал обширным понтийским царством, которое,

---

¹⁶³ См.: Drumman. R. G., II, 18.

¹⁶⁴ Madwig (K. P. S., 525) указал, что нет надобности исправлять у Веллея Патеркула (II, 11) *natus equestri loco* на *natus agresti loco*, как делали многие издатели, вовлеченные в заблуждение позднейшей традицией, сделавшей из Мария крестьянина. По Диодору (XXXIV, 35, fr, 38) и Плутарху (Marius, 3 и 13), Марий был из всаднической фамилии. Мадвиг различными аргументами доказал, что эта традиция более вероятна, чем та, которая заставляет его происходить из бедных плебеев.

¹⁶⁵ Neumann. G. R. V., 261.

¹⁶⁶ Cicero. De off. II, XXI, 72.

¹⁶⁷ Reinach. M. E., 86 сл.

омываемое Черным морем, простиралось за этими государствами и образовалось в начале III в. до Р. Х., при разложении империи Александра из народов, различных по языку, обычаям и расам, но объединенных властью династии Митридатов, знатной персидской фамилии, подвергнувшейся эллинизации. С 125 до 121 г., помогая союзной Массалии и охраняя путь сообщения между Италией и Испанией, которым угрожали независимые галлы, Рим вел войну с арвернами, царь которых Бетуит основал род галльской империи, заставив большинство кельтов, живших между Альпами и Рейном, признать себя верховным вождем. Бетуит был побежден и взят в плен; арвернская империя рушилась, но Рим удовольствовался заключением союзов с главными галльскими народами, в том числе с эдуями, и обращением в римскую провинцию Нарбонской Галлии, т. е. части Франции между Альпами и Роной. В 121 г. Метелл завоевал Балеарские острова; но скоро на границах и в уже завоеванных странах совершенно прекратились войны с варварскими народами. Военная добыча, таким образом, иссякла в тот момент, когда стали увеличиваться нужды знати и среднего класса, и Италия скоро сделалась добычей собственных appetitов.

Отмена аграрного закона Партия крупных собственников быстро использовала свое могущество, снова достигнутое после смерти Гая; в самый год убийства был утвержден сенатом закон, по которому земли, наделенные триумвирами, могли быть продаваемы; два года спустя, в 119 г., комиции приняли решение об отмене гракховских аграрных законов, предписывая как вознаграждение, чтобы суммы, полученные от аренды общественных земель, были распределены народу.¹⁶⁸

Закон Тория и уничтожение общественной земли Но скоро была сделана еще более смелая попытка. Испуганные пересмотром прав владения на землю, предпринятым Гракхами, большое число лиц, начавших производить затраты на возделывание общественных земель, захотело обеспечить себя; множество собственников, тревожимых своими долгами и возрастающей дороговизной жизни, старались найти новый источник доходов; наконец, много лиц, посланных Гракхами в их колонии, скучали простой сельской жизнью и желали продать земли, нарезанные им триумвирами. Закон, искусно выработанный в 111 г. народным трибуном Спурием Торием,¹⁶⁹ удовлетворял всех. Этот закон объявлял частной собственностью, т. е. внесенной в ценз и могущей быть проданной, переданной путем дарения или по наследству, общественные земли, которые триумвиры объявили законной собственностью, т. е. 500 югеров земли для главы семейства и столько же для его сыновей,¹⁷⁰ то

---

¹⁶⁸ App. B. C, I, 27.—По Моммзену, закон, неправильно приписываемый Аппианом Спурию Торию, есть закон 119 г. См.: C. I. L., I, 77.

¹⁶⁹ Neumann (G. R. V., 264 сл.) и Karlowa (R. R. G., I, 433 сл.) доказали, мне кажется, вопреки мнению Моммзена, что закон Спурия Тория есть именно закон 111 г. Decotti (T. S., 194), любопытные соображения которого об аграрных законах Гракхов можно читать с интересом, следует Моммзену. Закон, краткое содержание которого передает нам Аппиан (B. C, I, 27), к счастью, в большей части дошел до нас в надписи, являющейся одним из важных документов социальной истории Рима. Текст был опубликован в C. I. L., I, 76 сл. и у Bruns. *Fontes juris romani antiqui*. Tubingen, 1860, 16–35.

¹⁷⁰ Lex Thoriana, I, 1.—Лучшим объяснением выражения *pro vetere pos sessore* мне представляется объяснение Моммзена (C. I. L., I, 87).

же было постановлено по отношению к общественным землям, данным в вознаграждение за отобранные при ревизии земли,¹⁷¹ к землям, распределенным тем или другим способом вследствие законов Гракхов,¹⁷² и, наконец, по отношению к землям, занятым после принятия законов Гракхов, в размере не свыше 30 югеров при условии их обработки.¹⁷³ Кроме того, уничтожалась по отношению к этим общественным землям юрисдикция триумвиров, столь тяжелая для крупных собственников; она поручалась магистратам: консулам, преторам, цензорам, согласно традиции выбиравшимся из среды знати. Наконец, благотворительные действия закона распространялись не только на римских граждан, но и на латинов и союзников.¹⁷⁴ В таком виде закон мог быть принят. Стоимость общественных земель, обращенных в частную собственность, сейчас же повысилась; задолжавшие собственники могли продавать свои поля, с которых прежде они имели только продукты. Лица, начавшие помещать свои капиталы в земли, успокоились, и сделки на собственность возобновились с новой силой. Между тем государство, уже обедневшее, теряло таким образом большую часть того обширного домена, который был такой крупной поддержкой в превратностях прошлого. Закон мог, таким образом, казаться людям предусмотрительным — и таким он был в действительности, по мысли его авторов, — нападением алчности частных лиц на общественное наследие. Никто не мог предвидеть его последствий, которые должны были быть значительными и благотворительными. Этот закон в действительности разрушал последние следы древнего аграрного коммунизма. Почти вся земля Италии сделалась частной собственностью вследствие экономической революции, аналогичной европейской революции прошлого века, когда продавались частным лицам земли «мертвой руки». Это еще лишний раз доказывает, что действия исторических личностей должны быть судимы скорее по их намерениям и мотивам, нежели по их результатам, которых часто не предвидят сами их творцы.

Разложение аристократии Но если падающая аристократия и образующаяся буржуазия нападали вместе в Италии на вековые угодья Рима, то аристократия вследствие той же неумеренности appetitов посягала, кроме того, на еще более драгоценное достояние — на мировой престиж Рима. Ни один класс не теряет так всецело чувство добра и зла, как задолжавшая и праздная аристократия, завидующая плутократии новых миллионеров, старающаяся сохранить за собой первое место, роскошь, возможность наслаждений, которые исчезают вместе с бедностью. Рим видел много скандалов среди своей аристократии: продажных судей, взяточников правителей, сенаторов, расхищавших общественные земли; Луция Корнелия Суллу, последнего потомка весьма благородной, но разорившейся фамилии, умного и образованного человека, проводившего все время в кругу мимов, шутов, певцов, танцоров. и поправившего свое родовое имение наследством одной греческой курти-

---

¹⁷¹ Lex Thoria, I, 9.

¹⁷² Ibid., I, 1.

¹⁷³ Ibid., I, 3.

¹⁷⁴ Ibid., I, 14.

занки.¹⁷⁵ Но почтение, оказываемое древнейшей аристократии, равно как и удивление, которое чувствуют к бывшему могущественному сословию, сохранялось у людей еще долго после начала ее упадка, и, таким образом, Рим еще питался иллюзией насчет своей знати, как имеет, быть может, в настоящее время подобные иллюзии страна, аристократия которой идет к подобному же упадку, — я говорю об Англии. Рим не знал, какие успехи сделали среди современной Гракхам знати нездоровая лихорадка удовольствий, ненасытных наслаждений, продажность, ажиотаж, цинизм. Африканский скандал, начавшийся в 112 г., должен был сразу открыть Риму все эти ужасы.

Скандал с Югуртой Нумидийский царь Миципса, умерший в 118 г., оставил в качестве регента и опекуна своих двух законных сыновей Югурту, своего незаконного сына, человека хитрого и честолюбивого. Но Югурта, стремясь один захватить царство, скоро убил одного из своих братьев и начал войну с другим, возбуждая мятежи, в которые пришлось вмешаться римскому правительству. Тогда увидали, что государство, победившее Ганнибала и обратившее в пепел Карфаген, одряхлело до такой степени, что не может справиться с вождем варварского кочевого племени, и главное, потому, что последний подкупал комиссаров, посланных наблюдать за его действиями, сенаторов, которые должны были его судить, генералов, которые должны были с ним сражаться; лишь с большим трудом нашелся среди аристократии человек, один из Метеллов, который действительно повел с Югуртой войну вместо того, чтобы выманивать у него деньги. Этот ужасающий позор аристократии сразу усилил огонь демократических страстей, тлевших под пеплом в течение тридцати лет в среднем классе, в простом народе, среди богатых финансистов. Он разрушил почтение к знати, уже ослабленное беспокойным духом эпохи, новыми честолюбивыми желаниями и распространением греческой философии, особенно стоицизма, учившего о равенстве всех людей. Результат этого сказался на консульских выборах на 107 г.

Выбор Мария в консулы Марий в течение этого времени был претором и пропретором в Испании; он разбогател, породнился с патрицианской, но мало выдающейся фамилией Юлиев, женившись на сестре Гая Юлия Цезаря, знатного, но малоизвестного человека,¹⁷⁶ и служил тогда в качестве легата в армии Метелла в Африке, но он дурно чувствовал себя там, потому что многочисленная знать, занимавшая в войске высшие должности, пользовалась всяким удобным случаем, чтобы унижить этого незнатного всадника, прежнего фермера, этого буржуа, как мы теперь бы сказали, выскочку с таким громким именем.¹⁷⁷ Раздраженный этим вызывающим поведением, ободренный настроением умов в Италии, Марий просил у главнокомандующего отпуска, чтобы отправиться в Рим и выставить там свою кандидатуру на консульство в 107 г. Метелл, бывший человеком честным, но вместе с тем разделявший все аристократические предрассудки, старался противодействовать его решению и помешать отъезду; Марий был оскорблен этим, консул и легат

---

¹⁷⁵ Plut. Sulla, 1–2.

¹⁷⁶ Pauly-Wissova-Kroll. R. E., IV, 1557.

¹⁷⁷ Diod., XXXIV, 35, fr. 38.

поссорились, и карьера Мария была сделана. Когда в Риме узнали о нежелании Метелла, чтобы столь заслуженный солдат был консулом, только потому, что он не был аристократом, Марий сделался идолом ремесленников, крестьян, среднего класса и финансистов¹⁷⁸ — и он был избран. Тогда он пожелал и получил командование, вверенное Метеллу.

Военная реформа Мария Но еще до своего отъезда в Африку он произвел в качестве консула важное нововведение в наборе рекрутов; он принимал даже бедняков, не приписанных ни к одному из пяти классов собственников, которые по старой конституции не имели права носить оружие.¹⁷⁹ Купцы, фермеры и богатые собственники, составлявшие пять классов, не имели более ни способности, ни вкуса к военной службе. Уже тридцать лет просвещенные умы чувствовали настоятельную необходимость восстановить крепкую армию. Это было целью, ради которой предпринимали свои реформы Гракхи. Марий немедленно принял радикальные меры: он поступил смелее, быстрее и революционнее. Вместо того чтобы разрабатывать трудные и тщетные реформы для восстановления сил в среднем сельском классе, бывшем в старину рассадником солдат, он набрал своих рекрутов из низших и бедных классов городов и деревень, нисколько не считаясь, вероятно, со всеми переменами, вносимыми подобным нововведением в военную организацию и политику Рима.¹⁸⁰

Поражение Югурты Марий, наконец, победил Югурту с помощью Бокха, царя Мавритании, и своего квестора Суллы, который в этой войне дал доказательство физической выносливости, энергии, верности суждений и дипломатической ловкости, которых никто не мог подозревать в столь распушенном молодом человеке. Югурта был приведен в Рим в цепях. Часть его царства была присоединена к провинции Африке; часть была отдана Бокху, часть досталась, наконец, брату Югурты. Но эта победа стоила семи лет трудов и войны (112–106 гг. до Р. Х.): это было слишком для такой большой империи в борьбе с таким маленьким царем. И однако, Италия была так ослаблена ужасным социальным расстройством, что немного времени спустя она казалась неспособной вынести две новые и непредвиденные опасности.

Митридат в Крыму В понтийском царстве, до сих пор почти неизвестном римлянам, вступил на престол в 111 г. молодой, умный и честолюбивый государь по имени Митридат Евпатор, который при помощи Диофанта, ловкого грека из Синопа, сумел в немного лет заставить весь Восток удивляться себе как герою эллинизма в борьбе с варварами. Он спас греческие черноморские колонии от владычества скифов и завоевал Крым; затем, воодушевленный этим первым успехом, он постарался покорить весь восточный бассейн Черного моря, распространяя старое понтийское царство внутрь материка вплоть до Евфрата; он вступил в сношения с варварскими народностями сарматов и бастарнов, блуждавших между Дунаем и Днепром, с галльскими племе-

---

¹⁷⁸ Sallust. B. I., 73.

¹⁷⁹ Ibid., 86; Aul. Gel., XVI, X, 14; Val. Max., II, 3, 1.

¹⁸⁰ См. об этих переменах замечания E. Barone. I. G. C. Fmibale, 32 сл.

нами, которые оставались в долине Дуная, с фракийцами и иллийцами.¹⁸¹ Скифские цари, изгнанные из Крыма, обратились к Риму с просьбой о помощи, и в Риме уже стали обращать внимание на молодого царя.¹⁸² Но вслед за тем новое ужасное бедствие нависло над Италией.

**Кимвры и пофлагонское
посольство**

В 105 г. проконсул Квинт Сервилий Цепион и консул Гней Манлий Максим, оба из аристократии, были посланы для отражения нашествия кимвров и тевтонов, которым разрушение арвернского государства открыло путь в Галлию и которые, опустошив эту страну, угрожали теперь Италии. Но оба римские полководца были враждебны друг другу; не сумев даже в виду неприятеля прекратить свои внутренние раздоры, они оба были побеждены варварами. Тогда Митридат, уже несколько лет подготавливавший союз с вифинским царем, вторгнулся в Пафлагонию и изгнал оттуда государей, обратившихся в качестве клиентов республики к Риму с просьбой о вооруженной помощи. Митридат прибегнул тогда к средствам, уже испробованным Югуртой, и отправил в Рим посольство с поручением подкупить сенат.¹⁸³ Но в Риме отвращение, вызванное африканскими скандалами, успехи народного героя в войне с Югуртой, поражение аристократических генералов в борьбе с кимврами привлекали все общественное расположение на сторону народной партии, осыпавшей обвинениями и угрозами историческую знать Рима и уже принудившей ее признать новое избрание через три года консулом Мария, который один, по мнению народа, мог победить кимвров. На этот раз послы Митридата, прибывшие для подкупа римских вельмож, были встречены народными демонстрациями, возбужденным ярлым демагогом, народным трибуном Луцием Апулеем Сатурнином.¹⁸⁴ Сенат, чтобы успокоить народ, должен был отправить на Восток миссию и поручить претору Антонию наблюдать за провинцией Киликией; последний, подкупленный понтийским золотом, не только не принудил Митридата и Никомеда очистить Пафлагонию, но позволил им занять и Галатию.¹⁸⁵

**Приготовления Мария
против кимвров**

К счастью, благодаря народному герою лучше шли дела на севере. Кимвры и тевтоны, разбив двух консулов, не двинулись немедленно на Италию, но повернули в Галлию и Испанию. Марий имел, таким образом, время выполнить свои военные реформы. Он уничтожил манипулярный строй и различие между легионами римских граждан и когортами союзников. Он организовал легионы таким же способом, как итальянские контингенты, по когортам, которые, более компактные, более тяжелые и более однообразные, чем манипулы, могли быть составлены из солдат меньшей силы, как те, что набирались из подонков населения. Он усовершенствовал оружие, копье и багаж. Он деятельно вводил новую военную службу.

---

¹⁸¹ Reinach. M. E., 57 сл.

¹⁸² Ibid., 95.

¹⁸³ Ibid., 95, 96.

¹⁸⁴ Niccolini в S. I. F. C, V, 476.

¹⁸⁵ Reinach. M. E., 97.

Рост влияния народной партии В то время как он готовил отплату, народная партия в Риме шла от триумфа к триумфу.

Презирая ненависть знати, она заставляла вопреки законам избирать Мария консулом из года в год. Она заставляла возбуждать самые суровые процессы против бесчестных правителей. Жреческие коллегии, до сих пор обновляемые выбором среди небольшого числа знатных фамилий, должны были состояться по народному избранию. Все честолюбцы ухаживали за этой партией; богатые финансисты покровительствовали ей; даже умеренные консерваторы благосклонно относились к ее программе социальных и политических реформ. Считалось даже модой¹⁸⁶ быть сторонником аграрных законов, которые постоянно предлагались и никогда не приводились в исполнение. Многие стали надеяться, что спасение их несчастной стране даст эта партия, унаследовавшая традиции Гракхов.

Аквы Секстиевы Как бы подтверждая эти надежды, герой этой партии дважды разбил варваров: в 102 г. при Аквах Секстиевых, а на следующий год на Радийских полях. Он избавил, наконец, империю от этих орд и был приветствуем титулом третьего основателя Рима после Ромула и Камилла.

---

¹⁸⁶ Neumann. G. R. V., 394–412.—См. речь об аграрном законе М. Филиппа 104 г. у Цицерона: *De offic*, II, XXI, 73. См. также Busolt в N. J. P. R., 141 и 321 сл., указывающего, что фрагменты Диодора о Гракхах, сочувственные аграрным реформам обоих братьев, извлечены, вероятно, через посредство Посидония из Рутилия Руфа, честного консерватора начала первого века.

IV

Марий и великое восстание античного пролетариата

Обеднение, недовольство, моральный беспорядок в Италии при возвращении Мария с кимврской войны. — Финансовые затруднения во всех классах. — Концентрация капиталов. — Могущество капиталистов. — Начало соперничества между исторической аристократией и финансовой буржуазией. — Умственный пролетариат. — Распространение среди италийцев желания получить право гражданства и его причины. — Рост демагогии в демократической партии в Риме. — Честолюбие Мария, его союз с демагогами. — Шестое консульство Мария и революция Сатурнина. — Падение Мария и возвращение к власти аристократической партии. — Энергичная внешняя политика. — Возрастающая враждебность знати к капиталистам. — Величайший судебный скандал в римской истории: процесс Рутилия Руфа. — Ливии Друз, его законы и его предложение предоставить право гражданства всем италикам. — Оппозиция капиталистов; убийство Ливия Друза. — Восстание италиков. — Сенат делает уступки восставшим. — Война с Митридатом. — Экономический кризис в Италии: агитация за допущение италиков в тридцать пять триб. — Вторжение Митридата в Азию; восстание пролетариата против италийской plutократии; резня италийских колонистов. — Сенат поручает Сулле войну с Митридатом. — Революция Мария и Сульпиция Руфа.

Приближавшаяся опасность Как раз в это время, за столетие до Р. Х., Италия, казалось, стремилась с постоянно возрастающей быстротой к ужасной катастрофе, которой страшились уже давно. Конечно, не все еще рушилось и падало; нация даже среди стольких несчастий продолжала развиваться. Распространение греческой философии, успехи просвещения и богатства сделали более ощутимыми суровость древнего права и некоторые варварские суеверия, которые заставляли страдать, не принося никому пользы.

Признаки прогресса Были запрещены человеческие жертвоприношения, некоторые следы которых еще существовали.¹⁸⁷ Право продолжало развиваться благодаря преторам, все более проникавшим в своих эдиктах принципами справедливости (*aequitas*); развитию права способствовали также реформационные законы, подобные *lex Aebutia*, который около этого времени уничтожил старый суровый и педантичный процесс в *legis actiones* и поставил на его место процесс более гибкий и рациональный.¹⁸⁸ Точно так же литературная и артистическая культура делала значительные успехи. Знатные и

---

¹⁸⁷ Это запрещение было постановлено в 97 г. до Р. Х. См.: Plin. H. N., XXX, I, 12.

¹⁸⁸ Bonfante. D. R., 493.

богатые люди начали строить в Риме элегантные дворцы, причем вместо местного травертинского камня употребляли самые красивые привозные мраморы, например гиметский;¹⁸⁹ знатные люди стали находить удовольствие в сочинении книг, историй, трактатов, стихотворений на греческом и латинском языках. Теперь на форуме слышались речи ораторов вроде Антония и Лициния Красса, которые тщательно изучали греческие образцы.¹⁹⁰ Знакомство с греческим и азиатским искусством и вкус к нему распространялись все более и более; греческие скульпторы и живописцы, между которыми была одна женщина Иайя из Кизика,¹⁹¹ в массе работали для римских богачей.

**Оскудение аристократии
и землевладельцев**

Но в то же самое время видели, как повсюду увеличивается экономический, нравственный и политический беспорядок. Кутежи разорили почти всю историческую знать Рима и принудили ее жить долгами, лихоимством, грабежами,¹⁹² искать дружественных и брачных связей с темными, но богатыми откупщиками и финансистами. Многие землевладельцы читали сочинения греческих агрономов или руководство к земледелию, составленное карфагенянином Магоном и переведенное по распоряжению сената. Они занимали небольшой капитал, сажали оливковые деревья и виноградные лозы, старались применять улучшенные способы земледелия, но неопытность, недостаток дорог, несовершенная организация торговли и высокие проценты препятствовали успеху этих попыток и часто разоряли тех, кто их делал.¹⁹³ Закон Спурия Тория, превративший большую часть общественного домена в частное достояние, побудил собственников к издержкам и после временного облегчения окончательно разорил их.

**Новое воспитание
и его результаты**

Каждый год открывались в Риме, в латинских и союзных городах новые школы риторики, где число слушателей постоянно увеличивалось и где вырабатывались национальный язык и красноречие;¹⁹⁴ латинский язык брал преимущество над языками сабельским и оским как язык разговорный и литературный;¹⁹⁵ но многие из этих молодых адвокатов не находили ни покровителей, ни клиентов, которых могли бы защищать. Эмиграция в провинции усилилась; много итальянцев обогащалось на Делосе работоторговлей, покупая и продавая людей, похищенных пиратами на всех берегах Средиземного моря; многие обогащались в Египте и особенно в Азии. Финансовая эксплуатация прежнего пергамского царства бла-

---

¹⁸⁹ Plin. H. N.. XXXVI, III, 7.

¹⁹⁰ Cicero. De or., I, 4, 14.

¹⁹¹ Brunii. G. G. K., II, 394.

¹⁹² Примеры см.: Cicero. De offic, II, 14, 50; Drumann. G. R., IV, 6 и 19.

¹⁹³ Варрон (De re rust., I, 8, 1) говорит, что в его время, т. е. в эпоху, когда, как мы увидим, виноградники были уже большим богатством для Италии, много людей утверждало, что культура винограда в Италии не приносит прибыли. Это мнение, конечно, было воспоминанием о разочарованиях, испытанных первыми землевладельцами, применявшими культуру винограда в крупных размерах.

¹⁹⁴ Sueton. De dar. rhet., 1 и 2; Cicero. Brutus., 46, 160; см. также: Cicero. De or., 1, 4.

¹⁹⁵ Budinsky. Die Ausbreitung der lateinischen Sprache, 22–26.

годаря законам Гая Гракха приносила большие выгоды; откупщики — все римляне и италики, поддерживаемые правителями, — грабили провинцию, совершая там всевозможные обманы и насилия, вовлекая местных жителей в долги для уплаты податей, давая им займы деньги и мало-помалу захватывая их имущество; они входили даже в сношение с пиратами, чтобы те повсюду захватывали людей, которых перепродавали затем в Италии. Возникали крупные состояния, но многие также разорялись; и такая масса богатств, собранных обманом и насилием, рядом со столькими разорениями повсюду увеличивала сильное раздражение умов.

Новые причины раздора Люди, выбитые из своего класса, пришедшие в отчаяние, несостоятельные торговцы, разорившиеся собственники все более и более заполняли Италию наряду с небольшим числом выскочек-миллионеров. Повсюду мелкая собственность исчезала; олигархия капиталистов, состоявшая из римской знати, остатков старинной местной италийской знати, всадников,¹⁹⁶ плебеев¹⁹⁷ и вольноотпущенников, скупала земли в Италии, грабила Азию и собирала огромные богатства среди всеобщей ненависти.

Социальная анархия и национальная оборона Однако общественные финансы были расстроены и армия дезорганизована; флот, победивший Карфаген, гнил в италийских портах. Рим не был в состоянии усмирить восстания рабов, постоянно разражавшиеся в Сицилии и Кампании. Митридат, всегда деятельный, воспользовался кимврской войной, чтобы разорвать свой союз с царем Вифинии и захватить Каппадокию. В Италии разгоралось соперничество между финансистами и родовой знатью.

Всадники и сенат Всадники, гордые своими богатствами, своей клиентелой, своим правом суда, постоянно отказывавшиеся от государственных должностей для занятия собственными делами, считали себя равными разорившейся исторической знати или даже выше ее;¹⁹⁸ они, вероятно, много содействовали последним успехам народной партии и триумфальным повторным выборам Мария, спасшего Италию. Со своей стороны часть родовой знати, возмущенная всеобщим беспорядком, главной причиной которого были деньги, раздраженная своей бедностью и наглостью выскочек, скорбела о былом величии и могуществе. Знать жаловалась, что презренные богачи являются господами всего, даже правосудия; она требовала строгих законов против излишеств капитализма; она таила злобу к тем знатым, которые, подобно Гаю Юлию Цезарю, вступали в дружественные или брачные отношения с безродными богатыми всадниками,¹⁹⁹ или к тем, которые, забывая свое звание, становились

---

¹⁹⁶ Cicero. Pro Cluent., 56, 153. — Мне кажется вероятным, что Меценат, о котором говорит здесь Цицерон, — дед знаменитого друга Августа, всадника по происхождению.

¹⁹⁷ См. пример Гая Октавия, финансиста из Веллитр, который был дедом Августа: Drumann. G. R., IV 229 сл.

¹⁹⁸ См.: Cicero. Pro Cluent., LVI, 153; Pro Rabirio Post, VII, 16.

¹⁹⁹ Эти сношения фамилии Цезаря с финансовыми и политическими parvenus, столь важные для истории Цезаря, доказываются браком сестры Г. Ю. Цезаря-отца с Марием, обручением младшего Цезаря с Коссутией, богатой наследницей, дочерью одного финансиста (Sueton. Caes., 1), браком Атии, племянницы Цезаря, с Гаем Октавием, сыном богатого финансиста из Веллитр (Drumann. G. R.,

Новая народная партия Народная партия, сильная всеобщим недовольством, уже десять лет тревожила знать обвинениями и законами о преследованиях; но эта партия сама слишком пала с того высокого положения, какое она занимала при Гракхах. Она все продолжала повторять свои обвинения против знатных, предлагать аграрные законы, не пытаясь серьезно осуществить их, что, впрочем, было бы бесполезно, ибо бедные хотели более не земли, которую надо было обрабатывать собственными руками, но ренты, не требовавшей никакой работы.²⁰¹

Сатурнин и Главция Два пылких и бесстыдных человека, Сатурнин и Главция, стояли во главе этой партии. Впрочем, несмотря на ее протесты и не обращая внимания на скандалы, авантюристы, честолобцы, преступники заполняли государственные должности и изгоняли отовсюду людей честных, которым оставалось единственное утешение жаловаться на бедствия времени. Правосудие было только орудием угнетения в руках богатых и могущественных людей; насилие, обман, подкуп на выборах распространились повсюду; деньги становились в Риме, как когда-то в Карфагене, единственной целью жизни и высшим мерилom личного достоинства. И какое безумие можно сравнить с безумием массы людей, покидавших свое скромное, но обеспеченное положение земледельцев, чтобы испытать неверное счастье в предприятиях, или разорявшихся, чтобы дать хорошее воспитание своим детям. Последнее, гордясь своим знанием, скоро стали стремиться к быстрому приобретению могущества и богатства своей болтовней на форуме. Особенно в высших классах общим мнением было, что распространение культуры является злом, потому что она создает революционеров, лиц, выбитых из своего класса, и преступников.²⁰² «Изучивший греческий язык становится негодяем», — говорили обычно.²⁰³

Рост преступности Слабость наказаний в самом деле придавала храбрости преступникам; преступления, отравления, кражи, убийства, семейные драмы становились все многочисленнее. Римская семья не исполняла более дисциплинарных и судебных функций, некогда предписывавшихся ей конституцией; домашние семейные трибуналы были воспоминаниями прошлого; отцы семейств не только не могли держать в строгости своих жен и детей, но даже внушить им к себе уважение. Множество проступков, совершенных женщинами и молодыми людьми, оставались безнаказанными, потому что законодатель *еще*, а семейство *уже* не занимались ими. Даже предусмотренные законом преступления оставались почти всегда без наказания, раз они

IV, 229 сл.). Мы увидим, что и другие факты подтверждают это предположение.

²⁰⁰ Например, отец Луция Кальпурния Пизона, консула 58 г.: Cicero. Pis., XXXVI, 87.

²⁰¹ Lange. R. A., III, 72 сл.

²⁰² См. у Светония (De ci. rh., 1) эдикт против школ латинской риторики в Риме, изданный цензорами Гнеем Домицием Агенобарбом и Луцием Лицинием Крассом в 92 г., который является прекрасным выражением наиболее распространенных идей той эпохи. См. также у Цицерона (De or., III, 24) объяснения, которые дает Красс по поводу этого эдикта.

²⁰³ Cicero. De or., I, LXVI, 265.

были совершены римскими гражданами. Древнее уголовное право, грубое и спешное, знало только телесное наказание и смерть — ибо тюрьма не была наказанием, и обвиняемые ждали там только суда, оправдания или присуждения к розгам и смертной казни. Когда же было решено, что римские граждане не могут быть ни высечены, ни осуждены на смерть, единственным наказанием за их проступки осталось изгнание — и притом в том виде, как и ранее, когда Рим был изолированным городом среди враждебных ему городов, — изгнание в Пренесте или в Неаполь! Кроме того, виновным интригами и подкупам было так легко оправдаться и избежать даже и этой легкой кары.

Стремление получить право гражданства Строго говоря, римские граждане не были подчинены какому-либо уголовному закону; последнее обстоятельство и объясняет нам, почему так добивались звания римского гражданина. Это было революционное веяние, которое все возрастало в среднем классе Италии, к великому ужасу консерваторов, в то время как различия между римскими гражданами и латинскими союзниками и подданными теряли свой смысл ввиду экономического и морального объединения страны; древняя политическая организация Италии являлась сгнившей, источенной червями и готовой развалиться. Обремененный долгами, надеющийся вылечить все свои болезни правом гражданства, покинутый местной знатью, столько лет покровительствовавшей ему, а теперь близкой к полному исчезновению, средний класс все более ненавидел Рим и его политическую олигархию.

Умственный критицизм Смещение идей, рождавшееся в беспорядочной борьбе стольких интересов и честолюбий, увеличивалось еще от бесчисленных противоречивых доктрин греческих философов, к которым многие обращались для ориентировки, хотя всякий образованный человек по-своему судил о зле настоящего; и теории туманом окутывали то немногое, что еще оставалось ясным в идеях. Без конца рассуждали о бедствиях Рима, но никто ничего не делал; умы всех слабели от пассивной болезненности, хотя люди пытались встряхнуться, сожалея в отчаянии о прекрасном прошлом и наивно призывая гения-спасителя. Возлагая всю ответственность на самого крупного римского политика, просвещенные люди считали одного человека — Гая Гракха — причиной всех настоящих бедствий: он разорил государство своими хлебными законами, он сделал плутократию всемогущей своим судебным законом; он спустил с цепи демагогию, дезорганизовал армию и отдал провинции на разграбление финансистам.²⁰⁴

Коалиция Мария с демагогами Марий, одушевленный своими великими военными успехами, вообразил, что мог бы быть этим спасителем, и стал домогаться консульства в шестой раз. Гордый и надменный, он не стоял до сих пор в рядах какой-нибудь партии и не нуждался в этом, так как во время кимврской войны он принимал избрание народной партии, не ища его.²⁰⁵ Но по окончании войны положение изменилось; добровольная услужливость стольких граждан, боявшихся кимвров, исчезла; и на этот раз, чтобы по-

---

²⁰⁴ Diod., XXXIV, fr. 25.

²⁰⁵ Niccolini в S. I. F. C, V, 461, указал, что Плутарх (Мар., 14) ошибается, когда говорит противное со слов врагов Мария.

лучить консульство, Марий должен был прибегнуть к поддержке партии. У него не было затруднения при выборе. Консервативная партия не прощала ему, что в течение четырех лет он был народным героем. Партия умеренных не имела тогда никакого значения, как обычно бывает во все великие исторические кризисы. Оставалась демократическая партия, единственная, которая могла его принять. Марий, Сатурнин и Главция соединились; Марий был выбран консулом, Сатурнин — народным трибуном, Главция — претором, и они вместе составили народное правительство сотого года, где победитель кимвров сделался почти орудием двух демагогов.²⁰⁶ Сатурнин предложил аграрный закон, по-видимому, наделявший бедных римлян и италиков землями в Транспаданской Галлии, опустошенной кимврами; хлебный закон, понизивший цены хлеба, продаваемого в Риме государством, колониальный закон, который, возобновляя идею Гая Гракха, создавал из ветеранов Мария колонии в Греции, Македонии, Сицилии, Африке.²⁰⁷ Эти проекты были хороши в отвлеченном виде, но их нельзя было обсуждать спокойно вследствие долгого раздражения умов.

Революция Сатурнина Консерваторы и народная партия сейчас же перешли к насилиям; чтобы добиться утверждения законов, Сатурнину и Главции пришлось призвать в Рим банды вооруженных крестьян. Позднее, при выборах консулов на 99 г., Сатурнин приказал, как говорят, убить Гая Меммия, выдающегося и уважаемого человека, выступившего противником Главции, и этим дал сигнал к открытому мятежу. Это было слишком. Общество было испугано, особенно богатые капиталисты,²⁰⁸ до сих пор энергично поддерживавшие народную партию. Сенат ввел осадное положение, и самые выдающиеся лица взялись за оружие. Марий принужден был стать во главе сенаторов и всадников, чтобы подавить мятеж своих друзей, но он действовал с таким колебанием и слабостью, что консервативная партия сочла его сторонником восставших; в то же время демократы начали смотреть на него с этих пор как на изменника, так как, в конце концов, восстание было для него выгодно и он приказал убить Сатурнина и Главцию.²⁰⁹

Г. Юлий Цезарь.
Аристократы у власти:
энергичная внешняя политика

В этот смутный год консульства Мария у его зятя Г. Ю. Цезаря и Аврелии родился ребенок, получивший имя своего отца.²¹⁰

Страх перед революцией оттолкнул от народной партии испуганное общество и особенно богатых финансистов; Марий, сделавшийся подозрительным для всех, через год после своего триумфа над кимврами отправился в продолжительное путешествие по Востоку; консервативная партия вернулась к власти и, чтобы завоевать расположение общества,

---

²⁰⁶ App. (B. C, I, 28, 33) и Плутарх (Маг., 28, 30) рассказывают по-разному события этого года. См. у Niccolini в S. I. F. C, V, 458, доказательства, почему он предпочитает рассказ Аппиана.

²⁰⁷ Lange. R. A., III, 77, 79; Niccolini в S. I. F. C, V, 477 сл.; Neumann. G. R., V, 420 сл.

²⁰⁸ Plut. Mag., 30; Cicero. Pro Rabir. perd., 9, 27.

²⁰⁹ Niccolini в S.I.F.C., V, 485.

²¹⁰ Я принимаю 100 г. как традиционную дату рождения Цезаря. Есть серьезные основания отнести его рождение к 102 г. до Р. Х., но установление этой даты ничего не меняет в истории ни человека, ни эпохи.

попыталась укрепить внешнюю политику. Она благоразумно побудила сенат отказаться от Кирены, которую Птолемей Апион, умирая, завещал в 96 г. римскому народу: среди стольких затруднений, с дезорганизованными финансами и армией она не хотела заниматься, умиротворением полуварварской страны, полной беспорядков; но она хотела окончательно установить авторитет Рима на Востоке и приказала в 95 г., на этот раз серьезно, Никомеду возвратить все, что он захватил. Галатия была возвращена тетрархам, Пафлагония была объявлена свободной; Каппадокия подчинена Ариобарзану, знатному персу, сделавшемуся там царем.²¹¹

Когда два года спустя Митридат, заключив союз с Тиграном, царем Армении, вторгся в Каппадокию и изгнал оттуда Ариобарзана, аристократическая партия снова стала действовать с энергией и послала пропретора Луция Корнелия Суллу с небольшой армией восстановить Ариобарзана на троне.²¹² Но эти успехи внешней политики не были достаточны для успокоения Италии, где нищета все возрастала. Желание получить права гражданства все более и более волновало италиков, ненавидевших маленькую римскую олигархию.

Возвращение Мария Народная партия старалась снова получить власть; Марий, возвратившийся с Востока, не хотел довольствоваться ролью исторического лица еще при жизни; снова возгорелась ненависть между исторической знатью и финансистами, которых страх перед революцией Сатурнина примирил на некоторое время.

Осуждение Рутилия Руфа В 93 г. небольшое обстоятельство, процесс Публия Рутилия Руфа, заставило эту ненависть обнаружиться, вызвав ужасный кризис, которого так давно боялись. Знатный консерватор без страха и упрека, честный человек, враг демагогов и капиталистов, горячий поклонник прошлого, Руф во время своего управления Азией в качестве *legatus pro pretore* энергично подавлял злоупотребления италийских финансистов. Чтобы отомстить ему, последние, по возвращении Руфа в Рим, при помощи одного бездельника обвинили его во взяточничестве и благодаря своим друзьям, заседавшим в суде, вынесли обвинительный приговор. Руф отправился в изгнание; но в Риме лучшая часть знати, возмущенная этой чудовищной несправедливостью, ниспровергавшей последние остатки нравственного порядка, поняла, что надо действовать и бороться.

Трибунство и убийство Ливия Друза Честолюбивый, отважный и знатный Ливий Друз, избранный народным трибуном на 91 г., задумал повести против финансистов политику Гая Гракха против крупных земельных собственников. Он постарался установить союз между частью знати и народной партией, предложив несколько законов, которые должны были доставить ему расположение народа и наиболее важными между которыми были два: один отнимал у всадников судебную власть, а другой предоставлял, наконец, права гражданства италикам. Идея эмансипации Италии сделала громадные успехи, но все еще имела много врагов. Среди знати многие были за нее, потому что они считали реформу необходимой и справедливой,

---

²¹¹ Reinach. M. E., 100, 101.

²¹² Reinach. M. E., 100, 101.

несмотря на ее опасности.²¹³ Но большинство по традиции противилось ей, боясь, как бы благодаря этому увеличению числа бедных и невежественных избирателей не возрос еще более демагогический беспорядок.²¹⁴ Напротив, финансисты и очень богатые италики были ее ожесточенными противниками; они, конечно, боялись, что за политической реформой последует социальная революция и что италики, масса которых была бедна и в долгах, завладеют властью и заставят утвердить аграрные законы и уничтожение долгов.²¹⁵

Началась ожесточенная агитация, в которой знать разделилась. Ненависть, так долго накапливаемая, подкладывала огонь с разных сторон, и однажды утром Ливии в собственном доме был зарезан неизвестным. Среди замешательства, вызванного этим убийством в партии Ливия, всадники поспешно провели закон, учреждавший чрезвычайный трибунал для суда над лицами, подозреваемыми в расположении к италикам; с помощью этого закона они преследовали и изгнали всех своих противников в знати и в народной партии.²¹⁶

Гражданская война Но тогда ненависть к Риму и его политической олигархии, так долго скрываемая, разразилась со всех сторон. Южная Италия, т. е. области, наиболее пострадавшие от экономического и морального кризиса, где основы старого порядка были наиболее потрясены, устала, наконец, так долго дожидаться; она подняла оружие за общее дело италиков против Рима, против союзных городов и латинских колоний северной и средней Италии, которые почти все остались верны Риму.²¹⁷ Рим был охвачен ужасом; на мгновение ссоры партий прекратились; в Италию стали созывать легионы, рассеянные по всей империи, и морские контингенты, бывшие в Гераклее, Клазомене и Милете;²¹⁸ вооружали свободных и рабов. Сам Марий, чтобы сохранить свой кредит, должен был просить командования. Началась ужасная война, во время которой римские генералы беспощадно опустошали Италию, сжигая фермы, грабя города, захватывая в плен мужчин, женщин и детей для продажи или отсылки в казармы своих собственных имений.²¹⁹

Цицерон В этой войне впервые вступил на военное поприще образованный молодой человек, родившийся в 106 г. и принадлежавший к зажиточной фамилии из Арпина, по имени Марк Туллий Цицерон.²²⁰ Все же эта истребительная война в самом сердце Италии имела спасительное действие: она дала преобладание в знати партии, враждебной финансистам и расположенной к защите прав италиков.

---

²¹³ Например, Секст Помпей, дядя знаменитого Помпея: Drumann. G. R., IV, 317.

²¹⁴ Lange. R. A., III, 88.

²¹⁵ Это следует из слов Аппиана (B.C, I, 37).

²¹⁶ Neumann. G. R. V., 450 сл. — Историки, однако, не согласны в своих суждениях о Ливии Друзе; одни смотрят на него как на государственного деятеля, другие — как на малосерьезного честолюбца.

²¹⁷ App. B. C, I, 39; Cantalupi. M. S. 4 сл.

²¹⁸ Memnon, 29; C. I. L., I, 203.

²¹⁹ См.: Cicero. Pro Cluent., VII, 21; и случай с Вентидием Бассом: Aul. Gel., XV, 4.

²²⁰ Cicero. Phil., XII, XI, 27.

Первая уступка италикам Очень скоро заметили, что приходится усмирить восстание уступками, а не мечом. Консул Луций Юлий Цезарь мог провести в 90 г. закон, поставлявший, что права гражданства распространяются на города, оставшиеся верными Риму; несколько времени спустя, в конце того же года или в начале следующего, два народных трибуна предложили *lex Plautia Papiria*, по которому всякий гражданин союзных городов, живший в Италии, мог приобрести права гражданства при условии сделать об этом заявление претору в Риме в течение шестидесяти дней. Реакция быстро усиливалась; в 89 г. *lex Plautia* отнял суды у всадников и постановил, чтобы судьи выбирались трибами.²²¹ Может быть, в этот же самый год консул Гней Помпей Страбон предложил предоставить городам цизальпинской Галлии те же права, что и латинским колониям, чтобы привлечь их к отбыванию воинской повинности и таким образом возместить потери в рекрутах, причиненные восстанием союзников.²²² Эти уступки гораздо более военных операций способствовали окончанию войны, и скоро только самниты и луканы остались под оружием.

Влияние новой внешней политики на греков Едва Италия начала оправляться от этого ужаса, как наступил новый, еще более страшный. Митридат был захвачен врасплох междоусобной войной в то время, как он приготавлился к новой войне, чтобы изгнать римлян из Азии. Это был смелый замысел, но момент казался таким благоприятным! Удивление, которое испытывали перед Римом в греческом мире в течение пятидесяти лет, следовавших за Замой, сменилось ненавистью после разрушения Карфагена и Коринфа;²²³ Азия была истощена эксплуатацией римских капиталистов; могущество Рима всюду падало. Митридат, наоборот, мог собрать большую армию в своей стране и среди варваров; он приказал построить могущественный флот на берегах Черного моря и имел в Крыму военную житницу, необходимую для продовольствования больших армий в военное время, так что голод не угрожал Понту. Однако, когда разразилась союзническая война, он не был готов, и пока помог младшему брату вифинского царя захватить царство и вместе с Тиграном снова завоевал Каппадокию, посадив там на престол своего сына. Он надеялся, что Рим не вмешается.

Митридат и Вифиния Но аристократическая партия, желавшая показать силу во внешней политике, отправила в 90 г. из Рима Мания Аквилия во главе посольства с целью восстановить при помощи небольшой армии проконсула Луция Кассия обоих царей в их государствах. Кассий и Аквилий легко исполнили свою миссию;²²⁴ но Аквилий, полководец столь же храбрый, сколь и алчный, явился на Восток не для того, чтобы удовольствоваться деньгами, обещанными ему Никомедом; он хотел большой войны с Митридатом и побуждал Никомеда и Ариобарзана вторгнуться в Понт. Оба царя коле-

---

²²¹ Lange. R. A., III, 113.

²²² Asconius in Pis., 3 (Or.). — Cantalupi (M. S., 40) относит этот закон к 87 г.; но мне представляется более вероятным отнести его к году консульства Страбона.

²²³ Polyb., XXXVII, I.

²²⁴ App. Mithr., 11; Liv.P., 74.

бались; но Никомед был должен римским банкирам в Эфесе большие суммы денег, которые он занял во время изгнания, чтобы подготовить свое возвращение в Риме и в Азии; Аквиллий приказал истребовать у него их уплаты, так что Никомед решил заплатить их из добычи, захваченной при разбойничьем набеге на Понт.²²⁵ Митридат, однако, чтобы выиграть время и вместе с тем возложить вину на своего противника, послал к Аквиллию требование умеренного и справедливого вознаграждения, в котором ему было отказано. Тогда в конце 89 г., считая себя готовым, он послал своего сына занять Каппадокию и вторично с энергией потребовал удовлетворения у Аквиллия. Маний отвечал Митридату приказанием подчиниться без всяких условий, и война была объявлена.²²⁶

Новая кампания против Митридата

Когда она началась весной 88 г., Митридат имел совершенно готовый флот из 400 кораблей и одну из тех бесчисленных армий, которые восточная стратегия считает страшными по их численности, так же как современная стратегия по той же причине считает непобедимыми армии Европы. Он имел, как говорят, 300 000 войска: греческих наемников, армянской конницы, каппадокийских пехотинцев, пафлагонцев, галатов, скифов, сарматов, фракийцев, бастарнов и кельтов.²²⁷ Маний Аквиллий, напротив, мог собрать во время зимы только слабый вифино-азиатский флот и армию, едва из 200 000 человек, включая сюда армию вифинского царя, составленную из молодых азиатских рекрутов, входивших в слабые римские контингента!. Четыре корпуса, составлявшие римскую армию, были разбиты или распались в несколько недель; римский флот сдался понтийскому флоту; вифинский царь бежал в Италию, римские генералы были взяты в плен, и Митридат завоевал Азию.²²⁸

Финансовый кризис в Италии

Впечатление от этого поражения в Италии было ужасно. Союзническая война уже разорила многих и причинила серьезные потери богатым гражданам, имевшим земельную собственность в Южной Италии; теперь потеря Азии делала бесплодными неизмеримые капиталы, вложенные финансистами в эту провинцию. Разразился экономический кризис и страшные беспорядки: откупщики не могли более платить; нищета возрастала; другие налоги не поступали более, и кассы государства были пусты; испуганные капиталисты прятали свои деньги, не желая более давать в долг и стараясь, наоборот, принудить к уплате своих кредиторов; монета сделалась редкостью в Риме, а та, которая обращалась, была очень часто фальшивой; претор, желавший обуздать жестокость заимодавцев, однажды утром был убит кучкой капиталистов во время совершения жертвоприношения. Рим был наполнен смутами, убийствами, кражами, драками между старыми и новыми гражданами. Последние были еще более раздражены, чем первые, потому что сенат вместо того, чтобы тотчас же вписать их во все 35 триб, медлил и изучал различные проекты законов, делавших бесполезными их новое право.

---

²²⁵ App. Mithr., 11.

²²⁶ Reinach. M. E., 119.

²²⁷ Reinach. M. E., 122 п. 1.—Эти цифры армий, передаваемые древними писателями, конечно, преувеличены.

²²⁸ Ibid., 123–128.

Дело шло то о том, чтобы вписать их в десять новых триб, то в восемь из прежних тридцати пяти.²²⁹ С Востока скоро пришли известия еще более ужасные. Дело шло уже более не о войне против другого государства, а о настоящей революции против римской плутократии.

Великий погром в Малой Азии Митридат хотел быть не только героем эллинизма, но и разрушителем космополитической плутократии в глазах ремесленников, крестьян, среднего класса, азиатских собственников и купцов, угнетенных римскими банкирами и местными ростовщиками — евреями и египтянами. Он послал правителям всех завоеванных провинций тайный приказ подготовить на третий день после даты письма общее избиение италиков; при этом ловко возбудили простой народ, уже раздраженный осуждением своего покровителя Рутилия Руфа, обещая свободу или прощение долгов рабам и должникам, которые убьют своих господ и кредиторов. И в назначенный день 100 000 италиков, мужчин, женщин и детей, подверглись нападению, были зарезаны, утоплены, сожжены живыми озверевшим народом во всех больших и малых городах Азии; их рабы были отпущены на свободу, их имущества разделены между городами и царской казной, так же как имущества прочих капиталистов — не италиков и вклады еврейских банкиров на острове Кос.²³⁰ Дух мятежа подобно заразе проник в Грецию; афинский народ восстал, возбужденный философами и профессорами, и скоро получил помощь от Митридата, пославшего в Грецию своего полководца Архелая с флотом и армией, чтобы покорить не восставшие еще против римлян города и завоевать и опустошить Делос.²³¹ Началась великая война за господство над эллинским миром между азиатским монархом, поддерживаемым революционным плебсом, и италийской плутократией, которой помогали разлагающаяся аристократия и возникающая демократия, в то время как интеллигенция — ученые и профессиональные философы, столь многочисленные на Востоке, — стояла, как всегда бывает в социальной борьбе, на той или другой стороне, в зависимости от личных симпатий, интересов и отношений.

Назначение Суллы; Восстание Сульпиция Сенат поспешил принять меры; он приказал произвести набор, поручил Сулле, бывшему в 88 г. консулом, вести войну и, так как казначейство было пусто, продал все римские владения «мертвой руки», все имения, которыми в Риме владели храмы.²³² Но умы в Италии были до такой степени смятены, что даже в этот ужасный момент, когда опасность грозила государству, партии предавались самым преступным выходкам для удовлетворения своей ненависти и своего честолюбия. Самниты и луканы, находившиеся еще под оружием, отправили к Митридату посольство с предложением союза. Многие разорившиеся италики, побуждаемые ненавистью к консервативной партии, старавшейся уклониться от

---

²²⁹ Эта остроумная гипотеза Канталупи (M. S., 5 сл.), мне кажется, может примирить разногласие между Аппианом (B. C, I, 49) и Веллеем (II, 20). См. об этом экономическом и политическом кризисе: Neumann. G. R. V., 504 сл.

²³⁰ App. Mithr., 22, 23; Plut. Sulla, 24 Memnon, 31; Ios. A. I., XIV, VII, 2; Val. Max., IX, II, 3.

²³¹ Reinach. M. E., 133, 134.

²³² App. Mithr., 22; Oros., V, 18, 27.

дарования им прав гражданства, и принужденные тем или иным способом доставать себе средства к жизни, бежали в Азию и вступали в армию Митридата.²³³ В Риме часть всадников, раздраженная утратой судебной власти, замышляла революцию для ее возвращения. Она вошла в сношения с Марием, который в бешенстве, что он забыт толпой, с умом, ослабевшим от пьянства, мечтал отнять у Суллы командование в войне против Митридата, овладеть неизмеримыми сокровищами понтийского царя и возобновить великие дни кимврского триумфа.²³⁴ Они нашли, наконец, свое орудие в лице тогдашнего народного трибуна Публия Сульпиция Руфа, знатного человека, сделавшегося горячим демагогом, по-видимому, по причине своих долгов и из личной злобы. Под предлогом дать, наконец, удовлетворение новым гражданам Руф предложил закон, по которому италики должны быть распределены по 35 трибам, и добился его утверждения, наняв банды разбойников, терроризировавших избирателей и оказавших насилие над самими консулами. Последние были принуждены покинуть Рим; Сулла присоединился к армии, формировавшейся в Ноле. Но Марий, оставшийся господином Рима вместе с Руфом, провел закон, отнимавший у Суллы начальствование в восточной войне, и тотчас же послал приказ передать себе его легионы.

---

²³³ Fronton. Strat, I, III, 17.

²³⁴ Plut. Sulla, 8.

Сулла и консервативная реакция в Риме

Сулла и его характер. — Его движение со своей армией на Рим. — Бегство Мария и реставрация аристократического правительства. — Отъезд Суллы в Грецию. — Осада Афин. — Новая революция в Риме; возвращение Мария к власти. — Критическое положение Суллы при осаде Афин; его удивительная энергия. — Насилия демократического правительства в Риме и смерть Мария. — Падение Афин и битва при Херонее. — Консул Валерий Флакк предлагает кассацию долгов и отправляется в Грецию против Суллы. — Битва при Орхомене. — Сулла заключает мир с Митридатом. — Валерий Флакк убит его генералом Фимбрией. — Война Суллы и Фимбрии. — Сулла — властелин Азии. — Налоги, контрибуции, наказания. — Переговоры Суллы с вождями демократической партии. — Возвращение Суллы в Италию и гражданская война. — Победа Суллы; его военная диктатура; консервативная реакция, конфискации, преследования, проскрипции. — Реформы Суллы. — Созданное им консервативное правительство. — Марий и Сулла.

Характер и начало карьеры Суллы

Если богатые классы так часто терпят поражения в борьбе с демократическими партиями, то причиной этого является их нежелание подчиняться своим вождям. Дух зависти, гордости, взаимного презрения, который их разделяет, очень часто заставляет их действовать вопреки собственным интересам даже при угрожающей опасности. Таким образом, в то время как революция во главе с Марием овладела Римом, консерваторы только случайно нашли себе борца в лице Суллы. Сулла до сих пор был одним из тех выдающихся, но одиноких людей, которые часто встречаются среди знати при разложении аристократического строя: слишком образованный и умный для того, чтобы сохранять старые предрассудки своего класса и не понимать роковой необходимости его падения, слишком гордый и серьезный, чтобы искать почестей ценой низости и глупости, от которых почти всегда зависят политические успехи в демократии, слишком энергичный и стремящийся к богатству для того, чтобы оставаться праздным, слишком скептический и чувственный, слишком индифферентный к тому, что зовут добром и злом, слишком жадный до чувственных и умственных наслаждений, чтобы пожертвовать когда-либо своим интересом или своей выгодой какому бы то ни было делу или идеальному принципу... Сулла до сих пор занимался более войной, чем политикой, предпочитая сражаться с кимврами или восставшими италиками, чем служить в Риме той или другой партии; все же по своему происхождению и связям он примыкал скорее к консервативной партии, чем к партии народной.

Он вмешивался в политическую борьбу только в тех случаях, когда это было необходимо для получения магистратуры или командования. Поэтому его карьера была медленной; консульства он достиг только в этом году, имея уже

более 50 лет от роду. Вероятно, он еще долго бы предоставлял возможность консерваторам и народной партии поочередно резать друг друга, одинаково презирая и тех и других, если бы революция не обратилась лично против него, отнимая у него начальствование в войне с Митридатом. Мало заботясь об интересах консервативной партии, он вовсе не был расположен уступить Марию эту войну, в которой рассчитывал приобрести громадные богатства и блестящую славу.

Сулла захватывает Рим На требования Мария он отвечал смелым шагом, впервые обнаружившим его страшный гений; удостоверившись в верности войска, он двинулся на Рим и занял город. Марий, не имея войска и испуганный столь неожиданным нападением, был принужден спасаться бегством.²³⁵ Сулла остался господином Рима, но, желая лишь сохранить свое командование, а вовсе не делать контрреволюции в пользу консерваторов, выказал крайнюю умеренность. Он преследовал только двенадцать вождей революции, приказал уничтожить противоконституционные законы Сульпиция и свободно допустил произвести выборы на следующий год. Консерватор Гней Октавий был избран вместе с демократом Луцием Корнелием Цинной. Сулла ограничился тем, что взял с них клятву в соблюдении законов.²³⁶

Военные планы Митридата Затем, в начале 87 г., он поспешил отправиться в Брундизий, чтобы сесть на корабли с пятью легионами, несколькими неполными когортами и небольшим количеством конницы, всего немного более тридцати тысяч человек.²³⁷ Никогда столь незначительная армия не должна была выполнить столь большую задачу. Митридат, пользуясь подавляющим превосходством своих сил, готовился к очень энергичной защите своих завоеваний. Архелай и Аристон, уже бывшие в Греции во главе значительных армий, сосредоточили свои войска около Афин и Пирея для их осады. В Азии набиралась новая армия. Надеялись раздавить в Греции маленькое войско, уже истощенное осадой Афин. Этот план был превосходен, потому что Сулла, с трудом высадившись в Эпире со своими тридцатью тысячами солдат, должен был спуститься с севера, следуя за врагом, отступавшим вплоть до славного города Аттики, и начать с небольшими силами длинную и тяжелую осаду, в то время как понтийский флот намеревался прервать сношение с Италией и сделать трудным снабжение войска продовольствием.

Новая революция в Риме Но это положение, уже само по себе тяжелое, сделалось ужасным, когда народная партия снова захватила в свои руки управление в Италии. После отъезда Суллы консул Цинна еще раз поднял вопрос о новых гражданах, желавших быть записанными в 35 триб; другой консул выступил с протестом; оба они вооружили своих сторонников, и на улицах Рима происходили битвы. Цинна, наконец, был низложен и изгнан, но он тотчас же поднял знамя восстания в итальянских городах, собирал людей, деньги, убеждал самнитов, все еще бывших под оружием, не складывать его.

---

²³⁵ App. B. C, I, 57–58; Plut. Sulla, 9; Uv. P., 77; Oros., V, 9, 4.

²³⁶ Cantalupi. M.S., 26 сл.

²³⁷ Appian. Mithr., 30; B.C.I., 79; Reinach. M. E., 152 пр. 4, иначе: Cantalupi. M. S., 72 сл.

Посреди этих приготовлений вернулся из Африки Марий с небольшим отрядом нумидийцев и начал вооружать в Этрурии свободных людей и рабов. Сенат попытался предотвратить новую междоусобную войну, предоставив право гражданства всем италикам, еще не получившим его по законам Юлия и Плавция — Папирия, за исключением восставших самнитов и луканов.²³⁸ Но случай не дал на этот раз консерваторам нового Суллы.²³⁹ Марий овладел Римом и стал мстить своему сопернику и той знати, которая никогда не хотела преклониться перед ним. Головы многих аристократов были принесены к нему или выставлены на рострах в качестве украшения; Сулла был объявлен врагом отечества и отрешен от должности; его дом в Риме был срыт, виллы опустошены, имущество конфисковано.

Сулла у Афин Маленькая армия, которая должна была снова завоевать огромную восточную империю, была покинута и даже угрожаема со стороны Рима. Уже уменьшившаяся от усталости, болезней, сражений, она начала терпеть голод.²⁴⁰ Если бы понтийская армия явилась на помощь до сдачи города, Сулла и его легионы погибли бы безвозвратно. Но при таких тяжелых обстоятельствах этот гордый скептик, этот утонченный сибарит, который начал свою жизнь тем, что поправил свое состояние наследством богатой греческой куртизанки, вдруг явился гигантом среди этого ужасного социального разложения, разрывавшего все нравственные связи между людьми. Этот гигант, страшный и удивительный в одно и то же время, усилием ничего не разбирающей сверхчеловеческой энергии среди всеобщего беспорядка поставил высшим законом свое благосостояние. Чтобы спастись и спасти свою армию, он сокрушал все на своем пути, даже предметы, наиболее чтимые людьми. Чтобы построить осадные машины, он вырубил рощи Ликея и вековые платаны Академии, в тени которых занимался философией Платон. Чтобы уплатить жалование и прокормить своих солдат, он устроил в Пелопоннесе монетный двор; он наложил на Грецию изнурительные поборы; он ограбил все храмы, даже наиболее почитаемые; он обратил в золотые и серебряные слитки треножники, вазы, драгоценности, произведения искусства, приносимые богам столькими благочестивыми поколениями. Оспаривая у своих врагов владычество на море, он убедил одного из своих молодых офицеров, Луция Лициния Лукулла, сделать попытку проскользнуть с шестью кораблями через понтийский флот, стороживший Грецию, и отправиться набирать корабли по всему побережью Средиземного моря. Чтобы поддержать присутствие духа в солдатах, он участвовал во всех, их трудах, вмешивался во все схватки, лично водил колонны на приступ, всюду раздавая золото своим войскам. Если Марий понял, что в эту торговую эпоху Рим может набирать свои легионы только среди подонков италийского населения, то Сулла первый понял, что с новыми легионами следует считаться и обращаться как с настоящими наемными солдатами, долгое время удерживаемыми под оружием, подчиненными суровой дисциплине, но хорошо оплачиваемыми.

---

²³⁸ Liv. P., 80; Cantalupi. M. S., 40.

²³⁹ Cantalupi. M. S., 30 сл.

²⁴⁰ Об осаде Афин см.: Reinach. M. E., 154 сл.

**Задержка понтийских
подкреплений**

Между тем Афины ожесточенно сопротивлялись атакам Суллы в течение всего 87 г. Архелай был превосходный полководец, и если бы участь войны зависела только от него, Сулла, быть может, пал бы. Но вспомогательная армия, которая двинулась из Азии весной 87 г., не приходила. Встречая препятствие в самой своей массе, часто задерживаемая трудной доставкой провианта и плохо руководимая, она двигалась медленно, так что правитель Македонии Гай Сентий Сатурнин мог с небольшими силами преградить ей путь и задержать на дурное время года в Македонии, где она принуждена была зазимовать, дожидаясь весны 86 г.²⁴¹ Сулла мог, таким образом, воспользоваться зимними месяцами. Но едва была устранена эта опасность, как новая, еще большая, появилась в Италии.

**Иностранная политика
демократии**

В начале 86 г. умер Марий, но смерть его не прекратила эту столь опасную борьбу за начальствование в войне против Митридата, уже два года угрожавшую осложнить междоусобной войной ужасный кризис, терзавший Рим. Масса причин побуждала демократическую партию не оставлять ведение этой войны в руках такого человека, как Сулла, который не был крайним консерватором, но и не принадлежал к числу друзей народной партии. Масса выдающихся партийных деятелей стремилась получить начальствование в этой войне, и необходимость поднять престиж нового правительства лежала на партии Гракха и Мария. Присвоив себе заслугу спасения Италии от нашествия кимвров и тевтонов, она хотела присвоить себе и славу обратного завоевания Азии. Она всецело наследовала злобные заветы Мария и, провозгласив Суллу врагом отечества, избрала на место Мария консулом Л. Валерия Флакка, послав его во главе 12 000 человек отнимать командование у осужденного генерала.²⁴² Флакк был страстный демократ, только что проводивший закон о сложении с должников трех четвертей их долгов. Если бы Флакк прибыл до взятия Афин, Сулла был бы заперт между римскими легионами и войсками Митридата... Но немало времени отняли приготовления Флакка; и консул был еще в Италии, когда Сулла 1 марта 86 г. отчаянным натиском занял сначала Афины, а затем Пирей.

**Взятие Афин и битва
при Херонее**

Однако этот успех, хотя и придавал мужества солдатам, не имел решающего значения для Суллы, потому что ввиду недостатка флота римский генерал не мог уничтожить армию Архелая, удалившегося сперва на полуостров Мунихию, а затем спокойно спасшегося морем со всеми своими солдатами и присоединившегося у Фермопил к наступающей армии. После взятия Афин, как и до сих пор, Сулле приходилось сражаться с тремя армиями: с армией Архелая, с соединившейся с ней вспомогательной армией и с легионами Флакка, высадившегося в Эпире. Сулла понимал, что необходимо разбить понтийские армии до прихода консула, ставленника народной партии. Несмотря на численное превосходство противника он двинулся со всеми своими силами навстречу Архелаю и разбил его в большой битве при Херонее в Беотии.²⁴³

---

²⁴¹ Reinach. M. E., 160.

²⁴² Ibid., 186, pp. 3.

²⁴³ Ibid., 162–176.

Эта первая победа римского оружия над Митридатом произвела огромное впечатление по всей империи и имела последствия, гораздо более важные, чем взятие Афин, совершенно изменив положение к выгоде Рима и Суллы. С некоторого времени богатые классы Азии, испуганные резней 88 г. и революционной политикой Митридата, начали интриговать в пользу Рима против понтийского владычества, пользуясь неудовольствием, вызванным в народе непрерывными царскими поборами.²⁴⁴ В конце 87 г. Эфес уже возмутился и стал на сторону Рима.²⁴⁵

Митридат— глава социальной революции

После мятежа, повсюду поднявшего сторонников римлян, битва при Херонее еще более поколебала уже пошатнувшуюся верность азиатских городов; она побудила Митридата поднять свой престиж, укрепив свое положение несколькими смелыми ударами, более крупными, нежели предшествовавшие. Действительно, он открыто по всей Азии объявил себя главой социальной революции, кассируя долги и давая свободу верным городам.²⁴⁶

Совместные действия Суллы и Флакка

Он приготовился отправить новую армию под начальством Дорилая, чтобы напасть на Беотию и снова завоевать Грецию. Но самым важным следствием херонейской победы явилась возможность того, что представлялось столь же трудным, сколько и необходимым, — мира между Суллой и демократической партией. Флакк, оказавшийся человеком рассудительным, немедленно после своей высадки в Эпире понял, что было бы чистым безумием начинать междоусобную войну в то время, как Митридат готовится двинуть на Грецию новую армию, и оспаривать честь быть его единственным победителем, когда, может быть, и их соединенных сил будет недостаточно для победы над Митридатом. Сулла, со своей стороны, не был ослеплен успехом или политической ненавистью; он понимал, что было бы слишком смело сражаться одновременно и с понтийским царем, и с армией демократической партии. К несчастью, Флакк не решался соединить обе армии ввиду осуждения, тяготевшего над Суллой, и последний должен был удовольствоваться тайной сделкой, которая, не делая публичным их соглашение, позволяла армиям действовать сообща в войне против Митридата. Флакк, который в качестве консула мог потребовать у византийцев их флот, перенес войну в Азию. Сулла остался в Греции, ожидая там Дорилая, который приближался, захватив на свои корабли на Эвбее десять тысяч солдат, спасенных Архелаем после херонейской битвы. Это мудрое соглашение имело хорошие результаты для Рима, армии которого имели значительный успех еще до конца 86 г.; Сулла напал и уничтожил армию Дорилая при Орхомене; потом он удалился в Фессалию, чтобы расположиться там на зимние квартиры.²⁴⁷ Флакк захватил Македонию, отбросил в Азию последние остатки понтийской армии и перешел через Босфор при помощи византийского

---

²⁴⁴ Reinach. M. E., 179.

²⁴⁵ Waddington—Le Bas. R. I. A. M. № 136, a; Appian Mithr., 48; Ores., VI, 2, 8.— О дате см.: Reinach. M. E., 183, pp. 1.

²⁴⁶ Reinach. M. E., 184.

²⁴⁷ Ibid., 187–189.

флота. Все планы Митридата были уничтожены: до конца 86 г. он не отомстил за поражение при Херонее и окончательно потерял свои европейские завоевания.

Партийная борьба в Италии Армия низложенного проконсула и армия законного консула сообща добились этого результата; заслуга Суллы была даже больше заслуги Флакка. Если бы демократическая партия в Италии была расположена последовать мудрой политике Флакка, уничтожить осуждение Суллы и принять его услуги на разумных основаниях, то ужасный кризис, который угрожал империи, быстро бы окончился. Но политическое положение Италии делало невозможным это счастливое разрешение вопроса. Консервативная оппозиция почти совершенно была разрушена революцией; большое количество знатных и богатых было убито; другие спаслись к Сулле или в отдаленные провинции; страх парализовал оставшихся в Риме; что касается всадников, то эта финансовая и торговая буржуазия колебалась между страхом перед консервативной реакцией, которая уничтожила бы ее привилегии, и страхом перед социальной революцией, основой которой могла быть каскация долгов, признанная в 86 г. Демократическая партия, поддерживаемая средним классом, чувствовала себя слишком уверенной во власти для того, что бы вступать в соглашение с Суллой, которого она ненавидела за его происхождение, связи, прошлое и дружественный прием, оказанный им стольким осужденным или эмигрировавшим консерватором.

Фимбрия сменяет Флакка Политика Флакка так мало нравилась демократам, что зимой 86–85 гг. Фимбрии, одному из его легатов, принадлежавшему к народной партии и заподозрившему тайное расположение своего генерала к Сулле, удалось возмутить солдат, заставить убить консула и провозгласить себя главнокомандующим, разрушая этой военной революцией всякую надежду на соглашение. Сулла снова оказался в критическом положении. Он не мог предоставить Фимбрии окончить завоевание Азии, потому что после такого успеха демократическая партия, уже и теперь так мало склонная к миру, не отказалась бы с помощью войны разделаться с ним и его армией. С другой стороны, было опасно и напасть на Фимбрию, ибо Митридат, могущество которого быстро падало после поражения при Херонее и Орхомене, ободрился бы, если бы междоусобная война разразилась у него на глазах. При таких обстоятельствах этот гигант эгоизма, поставивший собственное благосостояние высшей целью жизни, принял чрезвычайно трудное и дерзкое решение, которое должно было определить всю его дальнейшую карьеру и оказать страшное влияние на римскую историю в течение двадцати лет. Не будучи в состоянии одновременно сразиться с Фимбрией и Митридатом, ни вступить в соглашение с Фимбрией, он решил предложить Митридату заключить мир на разумных условиях.

Сулла вступает в переговоры с Митридатом Момент был благоприятный, потому что долгая война и последние поражения истощили военные и финансовые средства понтийского царя; Греция была потеряна, а Азия почти вся охвачена восстанием. Предлагая ему земли и деньги, давая ему обещания, Сулла подкупил Архелая, побудил немедленно передать ему свой флот и убедил предложить Митридату от его имени условия мира, восстанавливая status quo 89 г.: Митридат сохраняет все прежнее

понтійське царство, отримує титул друга і союзника римського народу, сплачує Суллі 2000 талантів і дає йому визначену кількість військових судів; щоб зробити своє відступлення більш легким і менш ганебним, Сулла змушений був навіть погодитися на амністію виставшим азіатським городам.²⁴⁸

Фимбрия берет Пергам С точки зору політичних і військових традицій Рима цей мир був майже державною зрадою. Цар, убивший сто тисяч італіків і спустошивший найкращу провінцію імперії, зберігав своє царство, отримував титул друга і союзника, віддавав тільки невеличку контрибуцію! Але положення, створене в Італії після столітньої політичної і соціальної боротьби, було так жахливо, що Сулла був змушений, нарешті, шукати свого порятунку і порятунку своєї армії в цьому союзі з убийцею італіків. Архелай перейшов на бік Сулли, поїхав до Митридата і зміг переконати його... Митридат, розумів, за якими підбурженнями Сулла пропонував настільки вигідні умови, спочатку намагався отримати ще кращі, загрожуючи укласти союз з Фимбриєю. Але Фимбрия, якому потрібно було виправдати своє роздривання великими успіхами, почав кампанію навесні 85 г., захопив Азію, отримав блискучі успіхи над арміями Митридата і оволодів Пергамом.²⁴⁹ В цей час Лукулл, нарешті, зібравши флот, з'явився у азіатських берегах, викликаючи міста до повстання. Нарешті, Митридат, побачивши дезорганізацію своєї армії і втрату Азії, переконався, що йому легше мати справу з Суллою, ніж з Фимбриєю. Він мав зустріч з римським полководцем в Дардане, прийняв умови миру, посадив на кораблі рештки своєї армії і повернувся в своє царство.²⁵⁰ Визволившись від цієї угоди з Митридата, Сулла рушив в Лидію раніше Фимбрії і, використавши ненависть, викликану злочинством і жадібністю колишнього легата Флакка, підкупив його армію, яка при наближенні Сулли розбігалася, щоб приєднатися до переможця при Херонее і Орхомене.

Смерть Фимбрии Фимбрия був змушений покінчити життя самогубством.²⁵¹ Сулла залишився, таким чином, єдиним паном Азії на чолі численного флоту і значущої армії з здобутком, повною контрибуцією Митридата.

Сулла и демократическое правительство В дійсності це було тільки справедливо, тому що Сулла в самому справі знищив могутність Митридата і відібрав у понтийського царя його завоювання завдяки перемогам при Херонее і Орхомене. Без цих перемог Фимбрия не міг би ні захопити Пергама, ні навіть увійти в Азію. Але навіть на цій славі лежало пляма, причиною слабкості в цьому могутстві: необхідності дарданського договору — цієї пощади, наданої новому Ганнібалу Сходу, не сміла визнати ні одна партія, навіть надіючись витягти з цього

---

²⁴⁸ Plut. Sulla, 22; Memnon, 35; Appian. Mithr., 54–55; Reinach. M. E., 19.

²⁴⁹ Reinach. M. E., 199 сл.

²⁵⁰ Ibid., 202 сл.

²⁵¹ Ibid., 207 сл.

наибольшую пользу, пока Сулла не был абсолютным господином положения. Сулла понимал это, хотя в течение 85 и 84 гг. он заботился только о двух вещах: привязать к себе легионы и примириться с демократической партией, заключив соглашение, которое позволило бы ему мирно возвратиться в Италию, чтобы там пользоваться неизмеримыми богатствами, собранными во время войны. При условии утверждения всего, сделанного им на Востоке, и примирения с дарданским договором он готов был покинуть консервативную партию и знать, ничего не сделавших для него в опасный момент. Но всеобщее недоверие, так глубоко смущающее умы во время революционных кризисов и так ужасно запутывающее ожесточенную борьбу партий, сделало невозможным всякое соглашение. Многие знатные бежали к Сулле и побуждали его разрушить демократическое правительство. Во всей империи остатки консервативной партии воспрянули духом после великого торжества Суллы; в нем они ожидали найти своего защитника, который повторит против народной партии *coup d'Etat*, произведенный в 87 г. против революции Сульпиция. Были начаты интриги и заговоры; некоторые молодые люди, принадлежащие к богатым классам, стали действовать. Сулла был слишком умен, чтобы слепо служить злобе партии, заслужившей свои несчастья своей слабостью; но эти происки сильно вредили ему и его переговорам. Народное правительство, не доверявшее ему по его прошлому, встревожилось; средний класс подозревал его в намерении отнять у италиков права гражданства; демократическая партия боялась его мести за консервативную партию, желавшую присвоить себе всю заслугу азиатского завоевания, отвергая дарданский договор. Нет, она никогда не заключила бы такого позорного договора, никогда не допустила бы Рим испытать столь тяжелое унижение: победа над Митридатом, которой так хвалятся консерваторы, — ужасная измена!

Сулла и финансисты Если моральное и политическое положение Италии делало затруднительным примирение между Суллой и демократической партией, то борьба интересов скоро сделала его совершенно невозможным. Всадники, эта богатая буржуазия, из которой составлялся цвет азиатских ростовщиков, кончили тем, что сделались столь могущественными при демократическом правительстве, какими были и при предшествующих, за исключением некоторых моментов, когда общая ненависть против них охватывала все государство и все партии. Но италийская плутократия не замедлила выступить против Суллы, несмотря на то, что он снова завоевал Азию; силой обстоятельств он был принужден нарушить некоторые из их интересов. Так как нашествие Митридата принесло триумф социальной революции и кассацию долгов, то было естественно, что при восстановлении римского авторитета последует реакция богатых классов. Но Сулла старался умерить эту реакцию; он утвердил юридическую силу договоров, заключенных между частными лицами, восстановил прежний законный порядок долгов и доверенностей; но он уничтожил сдачу на откуп десятины с земли, установленную Гаем Гракхом, и определил, что налоги будут собираться самой провинцией.

Азия слишком обеднела благодаря финансовой эксплуатации, революции и войне; и Сулла, который, подобно всем разоренным знатым, ненавидел финансистов и, освободив провинцию от самых ужасных из ее эксплуататоров, хотел помочь ей уплатить наложенный на нее выкуп, чрезвычайную контрибуцию в двадцать тысяч талантов, и подати, не уплаченные за пять лет. Но полу-

чив средство поддержать огромными подарками верность легионов,²⁵² он оттолкнул от себя богатых итальянских финансистов, многие из которых были откупщиками азиатской десятины и надеялись снова сделаться ими после усмирения провинции. Долгие переговоры не привели ни к чему, хотя Сулла, всегда благоразумный, промедлил весь 84 г. и, наконец, в начале 83 г., оставив в Азии два легиона Фимбрии, принужден был двинуться в обратный путь, чтобы объявить войну демократической партии, старавшейся закрыть перед ним ворота Италии. Он вез в Италию сокровище, более драгоценное, чем золото Митридата и добыча из греческих храмов: сочинения Аристотеля, которые он похитил в Афинах, в библиотеке Апелликона.

Междоусобная война Было бы невозможно в этом кратком обзоре подробно изложить историю междоусобной войны. Достаточно отметить, что самым существенным ее фактом был следующий: Сулла, до сих пор не бывший сторонником никакой партии, кончил тем, что против своей воли сделался борцом крайних консерваторов. По его приезду остатки консервативной партии обеспокоились; они бросились к нему как к давно ожидаемому спасителю, стараясь привлечь его на служение своим интересам, несколько молодых людей имели смелость действовать таким образом до конца: Гней Помпей, сын консула 89 г., принадлежавший к очень знатной и богатой фамилии, набрал небольшую армию в Пицене; Марк Лициний Красс, другой молодой человек знатной фамилии, у которого революция погубила брата, и Метелл Пий, сын Метелла Нумидийского, сделали то же самое. Однако Сулла решил не позволять этой партии увлечь себя; он старался успокоить италиков, объявляя, что не произведет крупных перемен в эмансипации Италии; он соглашался еще вступить в переговоры с народной партией и выбрал посредником сенат. Это было тщетно. Вожди народной партии, которые, за исключением Сертория, не были людьми выдающимися, слишком не доверяли ему и надеялись покончить с этой маленькой армией при помощи Италии; своей неоткровенной политикой они сделали невозможным всякое соглашение или союз. Наконец, Сулла решился принять предложения консерваторов; он поручил важные посты Гнею Помпею, Марку Крассу и Метеллу и начал войну как борец изгнанников и контрреволюции. Действуя с обычной смелостью, он в короткий срок успел укротить железом и золотом хаос, царивший в этом обществе, где революция, явившаяся после долгого социального разложения, разрушила все моральные связи между людьми. Рассыпая золото, от отвлек от демократической партии громадное число легионов и людей; он лишил мужества тех, которые сопротивлялись подкупу, и, одерживая блестящие победы над всеми вождями демократической партии, избивал их одного за другим. Один только Серторий успел спастись в Испании. Таким образом, Сулла опрокинул революционное правительство и остался господином Италии во главе своей армии, на развалинах народной партии, рядом с бессильным сенатом.

Необходимость восстановления порядка И тогда этот гордый сибарит, холодный, бесчувственный, раздраженный ужасной борьбой, в которой он едва не погиб, презирающий весь род людской, — сделался палачом. Он не позволил обмануть себя знаками по-

---

²⁵² Appian. Mithr., 62; Plut. Sulla, 25. Ср.: Reinach. M. E., 209 pp. 4.

клонения, предметом которого он сделался после своей победы: он понимал, что те же самые консерваторы, которым его победы были так полезны и которых, впрочем, он презирал так же, как их врагов, упрекают его за дарданский мир, за смерть Фимбрии, за гражданскую войну и выдадут его демократической партии, если он не установит такого порядка, при котором никто не осмелится возвращаться к тому, что он совершил в Италии и на Востоке.

Диктатура Суллы Он задумал потребовать себе диктатуру, право над жизнью и смертью граждан на неопределенное время и полную власть для реформирования государственного строя. Он легко получил от сената, лишенного с этих пор всякого авторитета, утверждение *legis Valeriae*, назначавшего его диктатором. Вооруженный таким образом, он уничтожил большое количество — говорят, 5000 — тех, кто в предшествующем поколении содействовал демократическому движению; он преследовал их семейства, разорял конфискациями, разрывал браки, заключенные между их родственниками, оставшимися в живых, и влиятельными фамилиями; он постановил, что сыновья казненных не могут занимать никакой государственной должности, и карал целые города, отягощая их штрафами, разрушая их укрепления, конфискуя часть общественной и частной территории, чтобы разделить ее затем между своими солдатами, селившимися в качестве колонистов как бы на неприятельской территории. В этом преследовании ни для кого не было ни выбора, ни исключения, ни пощады, ни уважения: его враги слишком ненавидели и преследовали его самого. Сулла торопился снова вернуться к своему досугу и своим удовольствиям и быстро хотел это окончить. Две тысячи семьсот всадников и около сотни сенаторов были казнены; все те, кто каким бы то ни было образом оскорбил консервативную партию, ее предрассудки и интересы, рисковали искупить свое преступление смертной казнью. К несчастью, в стране, разоренной беспорядком социального разложения, продолжавшегося уже тридцать лет, эта политическая реакция скоро выродилась в беспорядочный грабеж.

Сулла и его паразиты Вокруг Суллы быстро образовалась разнородная банда авантюристов, которые в заразительном безумии грабежа теряли всякую совесть, всякий стыд, всякое чувство чести. В числе их были рабы, свободные люди, плебеи, бедные знатные, как Луций Домиций Агенобарб, и знатные уже разбогатевшие, как Марк Красс, которые вместе грабили огромные богатства, покупая за ничто или за очень низкую цену имения казненных. Сулла ничего не мог сделать, чтобы опустить бич, которым он взмахнул; впрочем, он вовсе и не хотел этого. Холодный и неумолимый после победы, как и в опасности, он, казалось, мстил за свое величие, презирая одновременно консерваторов и народную партию, богатых и бедных, римлян и италиков, знатных, финансистов, плебеев, одинаково трепетавших от страха перед ним. Он безразлично принимал в своем блестящем дворце знаки почтения самых выдающихся личностей Рима, с ненавистью в сердце являвшихся униженно приветствовать господина жизни и смерти; равнодушно он смотрел, как все, что только было знатного, знаменитого и элегантного в Риме, молодые и старые представители знатных фамилий, красивейшие дамы из аристократии оспаривали друг у друга приглашения на его пышные обеды, где он сидел на троне, как царь, среди любимых певцов, занятый только пищей и питьем, не за-

ботясь даже знать имена своих бесчисленных гостей.²⁵³

Равнодушно предоставлял он всей толпе честолюбцев, скупцов, преступников тесниться в своем атриии и легко получать, пользуясь его беззаботностью, рабов, земли и дома казненных, прощение маловажных преступников, обвинение невинных, навлекших на себя ненависть по личным мотивам или благодаря их богатству. Родственные и дружественные связи, самые невинные действия, совершенные во время революции, могли стать виной и уголовным преступлением благодаря трусости, ненависти и жадности доносчиков. Много людей было разорено; многие бежали к варварам, в Испанию, в Мавританию, к Митридату. Те, кто не мог воспользоваться покровительством какого-нибудь могущественного друга Суллы, жили в постоянном трепете. Сын того Гая Юлия Цезаря, на сестре которого был женат Марий и который умер в Пизе от апоплексии несколько лет тому назад, подвергся большой опасности. Молодой человек, к своей вине быть племянником Мария присоединивший ошибку женитьбы на дочери Цинны, получил от Суллы приказ развестись с прекрасной Корнелией; но так как он был очень страстен и горячо любил свою молодую супругу, ради которой отказался от богатой наследницы Коссутии, то он не захотел уступить. Он предпочел увидеть конфискацию приданого своей жены и отцовского наследства, покинуть Рим и подвергнуться даже риску осуждения. Несколько времени спустя, благодаря вмешательству родных, Сулла простил его.²⁵⁴

Реформы Суллы Но народной партии, уже раз разрушенной, надо было помешать снова возродиться. С этой целью Сулла, сделавшийся борцом консерваторов, попытался произвести большую конституционную реформу, применяя программу Рутилия Руфа и любимые идеи аристократов, которые, одинаково враждебные народной партии и капиталистам, считали возможной и полезной реставрацию древних аристократических учреждений земледельческой эпохи. Крайние консерваторы, так мало боровшиеся за достижение власти, вдруг увидели выполненной почти всю свою программу. Сулла уничтожил публичную раздачу хлеба в Риме и цензуру; он увеличил до восьми число преторов и до двадцати число квесторов. Он отнял у комиций право осуждения законов без предварительного разрешения сената. Он дал центуриатным комициям права комиций трибутных. Он отнял у народных трибунов право предлагать законы и домогаться высших должностей, оставив им только право присутствия в сенате. Он постановил, что государственные должности можно занимать только в законном порядке и что вторичное избрание может быть только через десять лет. Он пытался удержать рост преступлений, установив систему более суровых наказаний за насилие и обман. Он освободил десять тысяч рабов, принадлежавших казненным, выбрал из них наиболее молодых и

---

²⁵³ Plut. Cat. U., 3; Sulla, 34–36.

²⁵⁴ Suet. Caes., 1; Plut. Caes., 1. — Я не думаю, чтобы можно было приписать политические причины этому первому выступлению Цезаря, который был тогда очень молод и неизвестен. Это было эффективное юношеское безумство, совершенное из любви или гордости, и ничего более. Светоний и Плутарх не согласны относительно этого эпизода; но рассказ Светония кажется мне более вероятным, за исключением того, что относится к достоинству *Flamen Dialis*; относительно этого пункта ошибаются оба автора, а истинное объяснение дает Веллей Патеркул (II, 43). Слова, приписываемые Светонием и Плутархом Сулле, что в Цезаре скрывается несколько Мариев, — конечно, басня.

сильных и сделал их гражданами.

Он возвратил сенаторам судебную власть и ввел в сенат триста всадников.²⁵⁵

Истинная природа его учреждений Он вообще старался разрушить одновременно и могущество среднего класса, и могущество всадников, восстанавливая с небольшими изменениями аристократический государственный строй, бывший в силе во время пунической войны, когда итальянское земледельческое общество, аристократическое и военное, состояло из правильного наложения классов, имея вверху малообразованную, но дисциплинированную и могущественную знать, под ней среднее сельское население, покорное, терпеливое, зажиточное и довольное своей участью, еще ниже рабов, немногочисленных и послушных, с которыми обращались строго, но без жестокости. Но он восстанавливал этот строй уже после того, как его различные слои опустились, были разрушены и повалены друг на друга вследствие падения знати, возвышения буржуазии и сильного революционного землетрясения, и в то время, когда побуждали рабов изменять своим осужденным господам, а в бандах друзей диктатора рабы, вольноотпущенники, люди среднего класса, знатные — все вместе опустошали и обгаряли кровью Италию, не признавая никакого закона. Это не была аристократическая реставрация, ибо не существовало более римской аристократии; но в Азии, как и в Италии и во всей империи, это был оргиастический кровавый триумф олигархии убийц, рабов, знатных нищих, бессовестных искателей приключений, жадных ростовщиков, наемных солдат над обширной империей, состоявшей из миллионов притесненных, которые в порыве бешенства тщетно пытались возмутиться. Из своего дома, наполненного мимами, певицами и танцовщицами, где всякий вечер происходили пышные банкеты, бесстрастный Сулла равнодушно смотрел на это торжество, которого он не искал, но первым создателем которого все же был. Это торжество до такой степени мало его интересовало, что как только он стал считать себя в безопасности как частное лицо в стране, которой он управлял как диктатор, то сложил с себя диктатуру и всецело отдался удовольствиям и кутежам, сведшим его в могилу в начале 78 г.

Порядок выше правосудия Несправедливо было бы отрицать, что Сулла был диктатором без честолюбия, искренним республиканцем, поспешившим покинуть власть, как только возможно было это сделать, не подвергая гибели себя, а вместе с собой и своих друзей. Но события и некоторые недостатки заставили его играть в истории роль менее блестящую, чем та, которой он мог бы достигнуть при таком уме и энергии. Он не имел ни великих страстей, ни возвышенных идей, ни той искры божественного безумия и восторженности, которые в великих умах обнаруживают смутный и бесформенный инстинкт будущего. Холодный и безразличный ко всему, кроме своего удовольствия, пока не был принужден выступить на свою защиту, он оставался хладнокровным среди ужасной классовой борьбы, возгоревшейся вокруг него. Когда под конец он должен был взяться за оружие и сражаться, он был лишь

---

²⁵⁵ Lange. R. A., III, 144 сл.; Cantalupi. M. S. 110 сл. — По поводу спорных вопросов относительно реформы трибунской власти при Сулле см.: Sanden. De tribunita potestate a L. Sulla imminuta quaestiones. Upsala, 1897.

руководителем гигантской полицейской операции для восстановления порядка, обдуманной им с большой предусмотрительностью и выполненной с энергией. Эта полицейская операция была, быть может, необходима в данный момент для спасения империи и античной цивилизации от разрушения, которым угрожало отчаянное восстание стольких угнетенных Италии и Азии; но ее историческая ценность не превосходит ценности всех полицейских операций. Порядок даже в наилучшем образом организованном государстве есть только фикция справедливости и мудрости; эту фикцию можно сравнить с полем, которое надо периодически взрывать и перепаживать плугом для возобновления его производительных сил. Ужасный италийский кризис был подобен сошнику плуга, который, проникая вглубь старого общества, переворачивал глыбы земли, поднимая на свет те, которые были зарыты, обращая в порошок те, которые засохли на солнце в течение долгих месяцев, открывая новые стоки для дождевой воды и возбуждая производительную жизненную энергию, чтобы подготовить новую жатву. Марий, несмотря на преступное честолюбие своей старости, содействовал этому жизненному обновлению, пролагая великие пути новой военной организации Рима и работая над решением вопроса об эмансипации Италии. Сулла, напротив, не сделал ничего. Его дело было еще более противоречивым, чем дело Гракхов. Овладев властью при помощи великой новой силы торговой эпохи, подкупа, раздавая деньги своим друзьям и врагам, он хотел воспользоваться ими для реставрации политических учреждений земледельческой эпохи. Таким образом, его здание законов было скоро разрушено, подобно построенной на морском берегу хижине из тростника, которую опрокидывает первый порыв ветра. От него остался только ужас, внушенный личностью, новой в истории Рима и в представлении современников тесно связанной с Суллой, между тем это было только последнее необходимое проявление всех античных демократий — вождь солдатчины, всемогущий благодаря золоту и железу.

Новая Италия Таким образом кончились эти грозные времена, начавшиеся убийством Гракхов. Среди стольких разрушений произошло одно важное событие: Италия осков, сабелов, умбров, латинов, этрусков, греков, галлов погрузилась в прошлое. Вместо множества мелких союзных республик теперь была италийская нация; земледелие, торговля, нравы, армия, культура, италийский дух были с этих пор общими во всем среднем классе, образованном всеми италийскими народностями, которых сильное желание увеличить свое могущество и богатство знаниями, торговлей и оружием смешало вместе и перемешало друг с другом.

VI Выступление Юлия Цезаря

Первое путешествие Цезаря на Восток. — Цезарь при осаде Митилены и при дворе Никомеда. — Скандальные рассказы о его пребывании в Вифинии. — Возвращение Цезаря в Рим. — Революция Лепида и Брута. — Помпей. — Состояние и знатность фамилии Цезаря. — Цезарь обвиняет Долабеллу и Антония. — Подкупность консервативной партии. — Неудача Цезаря и его возвращение на Восток. — Его плен у пиратов. — Война с Серториєм. — Возвращение благосостояния в Италию после революции. — Возобновление завоеваний. — Финансовый рост Италии. — Итальянские ростовщики и капиталисты в Галлии, Испании, Греции и Азии. — Торговля рабами. — Азиатские рабы в Италии и их цивилизующее влияние. — Римский high life. — Утонченная роскошь. — Женский туалет. — Катон и новые люди. — Распространение образования; стремление к энциклопедическому знанию; философия Аристотеля. — Увеличение числа рабов при полевых работах: прогресс земледелия. — Культивирование оливок и винограда. — Скотоводство. — Увеличение акционерных обществ. — Рост потребностей. — Распространение торгового духа в среднем классе. — Общее стремление к образованию. — Итальянская буржуазия.

Цезарь в Вифинии После своего прощания Суллой Гай Юлий Цезарь, этот молодой человек, об опасном приключении которого мы уже говорили, подобно всем молодым людям богатых фамилий, сделавшим крупную глупость, решил отправиться путешествовать и участвовал в свите пропретора Марка Минуция Терма при осаде Митилены, последнего возмущавшегося и еще не сдавшегося города Азии. Из Митилены он отправился в Вифинию, посланный Термом с дипломатическим поручением к старому вифинскому царю, чтобы попросить у него кораблей для осады. Правда ли, как позднее утверждали его враги, что во дворце Никомеда, вдали от Рима и своих сограждан, юноша получил доступ в самые тайные и самые позорные покои этого преисполненного пороков двора?²⁵⁶ Вещь сама по себе возможная; но обвинения врагов никогда не могут считаться серьезными доказательствами, особенно подобные обвинения. Достоверно, впрочем, что он неоднократно путешествовал ко двору Никомеда²⁵⁷ вплоть до 74 г., когда проконсул Киликии Публий Сервилий предпринял войну против пиратов Ликий и Памфилий. Цезарь отправился сопровождать его в этой войне. Но немного времени спустя, по получении известий о смерти Суллы, он возвратился в Рим.

---

²⁵⁶ Suelon., Caes., 2 и 49; Dion., XLIII 20. — Изложение этой первой фазы жизни Цезаря очень ясное у Светония, напротив, спутано и смутно у Плутарха (Caes., 1, 4)Т

²⁵⁷ Sueton. Caes., 2.

Козни олигархов По возвращении он нашел воздух Рима отравленным той недоверчивостью ненависти и страха, которую распространяют вокруг себя олигархии, имеющие мало связей и чувствующие себя неуверенными в своей власти. Несмотря на страшные усилия Суллы установленная им аристократическая конституция была непрочной, потому что нарушала слишком много интересов и совершенно не соответствовала потребностям времени. Для правильного функционирования этой конституции нужна была та могущественная аристократия, которая была в Риме в эпоху пунических войн. Без сомнения, остатки этой римской знати, наиболее почтенные люди и фамилии, например Кв. Лутаций Катулл, всеми силами поддерживали новый государственный строй, так соответствующий реакционным идеям, разделяемым почти всей знатью. Предполагали, что демократические перемены в государстве, произведенные в последние пятьдесят лет, навсегда уничтожены и что старая аристократическая конституция, единственный источник величия Рима, навсегда утверждена. Но несколько знатных фамилий еще не есть знать, и эти почтенные аристократы образовывали лишь незначительное меньшинство в господствующей партии. Рядом с ними стояли друзья и палачи Суллы, обогащенные конфискованными именами его жертв, перебежчики марианской партии, умеренные консерваторы, сделавшиеся после революции яркими реакционерами. Это был не социальный класс, а шайка авантюристов, где преобладали подозрительные личности, и она не могла требовать к себе уважения, составляющего сущность всякого аристократического образа правления.

Олигархи и итальянская национальная политика Но она могла, за недостатком этого уважения, устрашить всю Италию своей ненавистью к побежденной партии. Эта кучка людей старалась удалить из магистратуры, сената и провинциального управления всех тех, кто имел мужество не выказывать удивления перед Суллой и вождями консервативной партии как единственно великими людьми предшествующего поколения; она старалась возбудить ненависть к демократической партии, ее сторонникам, и особенно к Марию, к тем идеям и делам, которые он защищал. Между тем, несмотря на свои ошибки, демократическая партия оказала великие услуги Италии; если знатные старались третировать Мария как разбойника и преступника, если опрокидывались его трофеи, то все же нельзя было отрицать, что он отразил ужасное нашествие кимвров, тогда как Сулла заключил мир в Дардане. Консерваторы, обнаруживая свою ненависть к демократической партии и ее вождям, не могли не оскорблять национального чувства Италии. Это правительство, очень слабое с моральной точки зрения, расположилось лагерем в середине Италии, как маленькая армия в завоеванной стране, окруженная со всех сторон отрядами неумолимых врагов. Сулланская реакция разорила, унизила, оскорбила слишком многих лиц; она посеяла слишком сильную злобу во всей Италии. Сыновья казненных, лишенные своих родителей, имущества и политических прав; города, у которых были отняты территории или право гражданства; всадники, потерявшие свою судебную власть и почти все свое прежнее политическое влияние; средний класс Италии, боявшийся потерять с таким трудом полученное право гражданства, — все они образовывали такую армию недовольных, жаждавших мщения, что даже более крепкая власть была бы напугана. Без сомнения, все эти враги были в настоящее время дезорганизованы и рассеяны ужасными преследованиями; но не настанет ли день, в который они соберутся

вокруг одного вождя? Было одно только средство придать влияние и силу правительству — вести смелую внешнюю политику и одерживать большие военные и дипломатические успехи.

Внешняя политика и олигархи Консервативное правительство могло бы заставить забыть многие из своих проступков, отомстив за позорный мир в Дардане. Но эта кучка, спешно собравшаяся среди ужасного кризиса из людей, взаимно презиравших друг друга, недоверчивая, разделенная личным соперничеством, парализованная страхом перед тем переворотом, из которого она вышла, не обладала никакой энергией. Сенат, ее наиболее могущественный орган, ничего не делал, старался избежать всякого повода к войне, страшая последствий поражения и не желая отсылать в отдаленные экспедиции значительную часть сил, нужных внутри государства для поддержания сулланской конституции. В 81 г. произошло чрезвычайное событие; египетский царь Александр II, подражая примеру царя пергамского, оставил в наследство сенату Египет, самое богатое царство древнего мира, но сенат отказался и принял только царские капиталы, хранившиеся в Тире. Конечно, сенат сопротивлялся домогательствам Митридата, желавшего признания им дарданского договора. Сенат не решался разделить вместе с Суллой ответственность за такой важный акт, но, он, казалось, не замечал, что это сопротивление делало неизбежной новую войну, и не предпринимал никаких приготовлений.

Консульство Лепида Неудивительно, что после смерти Суллы остатки демократической партии пришли в движение. Но во время пребывания Цезаря на Востоке произошло событие более важное, указывавшее, как слабо было правительство, основанное Суллой. Популяры, едва началась агитация, признали своим главой одного из консулов 78 г., Марка Эмилия Лепида. Лепид был знатен и богат; он владел самым роскошным дворцом в Риме;²⁵⁸ он был до сих пор консерватором и другом Суллы, даже разбогател, скупая имения осужденных.²⁵⁹ Но раздраженный тем, что Сулла старался воспрепятствовать его выборам в консулы, честолюбивый, легкомысленный и наглый, он немедленно после смерти Суллы²⁶⁰ стал во главе народной партии, предложив восстановить раздачу хлеба,²⁶¹ вернуть изгнанников²⁶² и вернуть избирательные права²⁶³ и земли городам, у которых они были отняты.²⁶⁴ Успех агитации был необычаен; слабость правительства немедленно обнаружилась.

---

²⁵⁸ Plin. H. N., XXXVI, XV, 109.

²⁵⁹ Mommsen. R. G., III, 18.

²⁶⁰ Peter (G. R., II, 138), lime (R. G., VI, 8), Mommsen (R. G., II, 18), Drumann (G. R., IV, 339), основываясь на речи Лепида у Саллюстия (Hist., I, fr. 55 (Maurenbrecher)), думают, что он перешел в оппозицию еще при жизни Суллы. Вместе с Nitzsch (G. V., II, 176) и Franke (J. P. P., 1893, I, 49) я нахожу более вероятным, что движение началось только по смерти Суллы.

²⁶¹ Gran. Licinius, 43, ed. Bonn.

²⁶² Ibid., 43; Florus, II, 11; Salust. Hist., fr. 77, 6, ed. Mauren brecher. Leipzig, 1893.

²⁶³ Вероятное предположение Друмманна (G. R., IV, 342).

²⁶⁴ Gran. Licinius, 45, App. B. C, I, 107.

Восстание в Этрурии Несмотря на то что Лепид был почти одинок, сенат, многие члены которого совершили столько грабежей и преступлений во время реакции и который не имел в Риме никакой армии, на которую можно было положиться, встревожился и сделал частичную уступку, согласившись на раздачу хлеба и возвращение изгнанников, чтобы тем энергичнее воспротивиться другим предложениям, особенно предложению о возвращении земель.²⁶⁵ Но агитация Лепида подняла революционное настроение во всей Италии. В Этрурии, возле Фезул, многие собственники, ограбленные Суллой, с оружием в руках изгнали новых владельцев своих старых угодий.²⁶⁶ В Риме непримиримые консерваторы, имевшие своим главой другого консула, Квинта Лутация Катулла,²⁶⁷ обвинили Лепида в поддержке этого мятежа и предложили энергичные меры, но сенат не осмелился их утвердить²⁶⁸ и нашел более простым удалить Лепида из Рима, ускорив под разными предлогами, еще до выбора их преемников, отъезд обоих консулов в провинции, которые уже были им назначены: Нарбонская Галлия — Лепиду, Италия — Катуллу.²⁶⁹ Им даже отпустили много денег на провинциальную администрацию и взяли с них клятву не сражаться друг с другом.

Возвращение Цезаря Юлий Цезарь, вернувшись в Рим среди этого волнения, должен был найти сумрачные лица, холодный прием и ревнивую недоверчивость в господствующей партии, которая не забыла ни его родства, ни его возмущения против Суллы. Это неожиданное возвращение в то время, когда, казалось, начинается революция, должно было представляться очень подозрительным. Напротив, он с радостью был принят партией Мария, уже подготавливавшей небольшое восстание. Лепид взял деньги сената и уехал, но, прибыв в Этрурию, остановился для открытого набора бедняков этой области и других частей Италии, в то время как другой знатный, замешанный в революции и пощаженный Суллой благодаря семейным связям, Марк Юний Брут, несомненно по соглашению с Лепидом, набирал армию среди пришедших в отчаяние жителей долины По.²⁷⁰ В Риме, где многие были в курсе дела и готовились присоединиться к двум вождям революции, зять Цезаря, Цинна, старался убедить его следовать за собой,²⁷¹ но Цезарь отказался. С годами и опытом отважный и горячий темперамент молодого человека, рисковавшего своей головой из-за любви к своей даме, стал умереннее, и одна из существенных черт

---

²⁶⁵ Franke. I. P. P. 1893, I, 54–55.

²⁶⁶ Gran. Licinius, 45.

²⁶⁷ Plut. Pomp., 16.

²⁶⁸ Ibid. — Об этом, по моему мнению, упоминает Саллюстий (Hist., I, fr. 77, 6 сл.), а не о нападении на Рим, которое действительно предпринял Лепид.

²⁶⁹ Мне кажется, что Саллюстий (Hist., I, fr. 66) упоминает об отъезде консулов в провинции, а не (Mommsen. R. G., III, 26) об общей экспедиции в Этрурию для подавления беспорядков; это было слишком незначительное предприятие для обоих консулов. Относящееся к этому место у Лициния Грания (45) слишком испорчено и неопределенно, чтобы служить источником. Впрочем, вся эта история очень темна. См.: Franke. J. P. P., 1893, I, 57.

²⁷⁰ Ibid., I, 56.

²⁷¹ Suet. Caes., 3.

его характера, благоразумие, начала приобретать перевес.

Возвращение Помпея Когда разразилась война, сенат имел двух верных людей, чтобы послать их против Лепида и Брута. Одним, конечно, был консул Катулл, а другим должен был быть магистрат, выбранный на следующий год. В партии Суллы был молодой человек, честолюбивый, нетерпеливый, хитрый; это был Гней Помпей. Он родился в 106 г. в богатой и знатной фамилии; мы видели, что он совсем юным стоял во главе армии во время войн, которые вел Сулла по своем возвращении в Италию против народной партии; затем он женился на племяннице диктатора. Чтобы продолжать играть выдающуюся роль в консервативном правительстве, он возымел желание потребовать себе командование в этой войне, хотя в тот год он был частным лицом, не занимавшим никакой государственной должности. Домогательство было странным со стороны поклонника Суллы, реформатора, установившего строгое соблюдение древних правил в последовательном занятии государственных должностей, и указывало, что сами друзья диктатора считались только тогда с его государственным устройством, когда оно благоприятствовало их интересам. Но сенат, постоянно трепетавший и не доверявший никому, не мог сопротивляться интригам молодого человека, обещавшего, по крайней мере по своему прошлому, быть его верным орудием; и забывая, что он должен быть строгим охранителем конституции Суллы, дал Помпею армию для борьбы с Брутом.

Поражение и смерть Брута и Лепида Так началась война. В то время как Лепид старался взять Рим, защищаемый Катуллом и Аппием Клавдием, назначенным *interrex*'ом, которым сенат, наконец, дал высшие полномочия,²⁷² на севере Брут, побежденный и запертый Помпеем в Мутине, сдался при условии пощадить его жизнь;²⁷³ но был вероломно казнен победителем и умер, оставив в Риме прекрасную вдову по имени Сервилия и маленького сына, немногим старше одного года,²⁷⁴ носившего его имя. Вследствие поражения Брута и, может быть, также по причине потерь, понесенных при приступах к Риму, Лепид вынужден был отступить к северу; но разбитый при Косе в Этрурии, он с остатками своей армии отплыл в Сардинию, где с небольшим успехом боролся с правителем, Гаем Валерием Триарием²⁷⁵ вплоть до своей смерти, когда его сразили труды или, как говорили, печаль ввиду обнаружившейся неверности своей жены. Остатки его войска были отведены в Испанию к Серторию одним из его офицеров по имени Перпенна.

Выступление Цезаря Цезарь был достаточно счастлив и осторожен, что не присоединился к этому предприятию, так дурно окончившемуся. Но, как человек честолюбивый, он хотел заставить говорить о себе.

---

²⁷² Я думаю вместе с Franke (J. P. P., 1893, 1, 63, пр. 4), что Флор (III, 23) ошибается, говоря, что Рим защищали Помпей и Катулл. Помпей был тогда в долине По, готовясь нанести поражение Бруту, как рассказывает Плутарх (Pomp., 16).

²⁷³ Plut. Pomp., 16; Oros., V, 22; Liv. P., 90.

²⁷⁴ Замечания Вунин'а (L.M.I.B., 6 сл.) убеждают меня, что Брут родился в 79 или 78 г. до Р.Х., а не в 85, как обычно предполагают.

²⁷⁵ Asc. in Scaur., 19 (Orel); B. C. H., 11, 165, пр. 27.

Он происходил из очень древней, но разорившейся фамилии, в которой уже в течение шести поколений никто не занимал должности выше претуры. Эта фамилия вступала в родство с выскочками, например с Марием, и искала связей с капиталистической буржуазией, спасаясь от разорения, но все же ей не удалось разбогатеть.²⁷⁶ Если Цезарь был заметной личностью и мог вести широкий образ жизни, то этим он был обязан благоразумию своей матери Аврелии, благородному образцу древнеримской матроны.²⁷⁷ Стремясь выдвинуться и чувствуя себя более смелым в опытах красноречия, чем в революционном движении, он выступил в 77 г. с обвинением против двух могущественных лиц из сулланской шайки: сперва против Корнелия Долабеллы, друга диктатора и бывшего правителя Македонии, затем против другого генерала Суллы Гая Антония Гибриды по поводу убытков, причиненных в Греции во время войны. Эти обвинения имели политическую цель.

Управление консервативной партии

После того, как осудили на молчание народных трибунов, абсолютное право которых соответствовало в римской демократии свободе печати в современных государствах, после того, как разрушили народную партию, терроризировали средний класс, народ и всадников, консервативное правительство слишком легко могло злоупотреблять властью, так что консервативная реакция, несмотря на реформы Суллы, увеличила политическую развращенность. В Риме квесторы, в большинстве случаев легкомысленные молодые люди, которым очень быстро наскучивали цифры и финансовые дела, предоставляли вести дела писцам казначейства, которые, пользуясь их доверчивостью, составляли подложные ассигновки, не принуждали к уплате государственных должников и всеми способами расхищали общественные деньги.²⁷⁸ Люди наглые, жадные, бессовестные, часто замешанные в репрессии Суллы, подобно Гаю Верресу, Гнею Долабелле, Публию Цетегу, легко заставляли выбирать себя на государственные должности и располагали большим авторитетом в сенате, среди многочисленной ленивой знати. В Нарбонской Галлии финансисты подкупали правителей, которые обманом или насилием захватывали земли пограничных свободных народов и сдавали им эти земли в аренду по низкой цене.²⁷⁹ Во всех провинциях правители совершали жестокости и грабежи, всегда остававшиеся безнаказанными. В Риме не было никакой гарантии правосудия; сенаторские суды, восстановленные Суллой, функционировали еще хуже всаднических судов; всякому богатому и могущественному человеку было весьма легко добиться своего оправдания, пустив в ход интриги и деньги.²⁸⁰ Общество было недовольно этим беспорядком, и Цезарь надеялся привлечь внимание к правительству и к себе, выступив обвинителем таких могущественных лиц.

---

²⁷⁶ При отсутствии точных документов это заключение, выведенное Друманном (G. R., II, 733) из истории первых лет Цезаря, мне кажется справедливым.

²⁷⁷ См.: Drumann. G. R., III, 128.

²⁷⁸ Plut. Cat. U., 17–18.

²⁷⁹ См. всю речь Цицерона Pro Fonteio.

²⁸⁰ Cicero in Verr. A., I, 13, 37–40; 15, 43–45.

Серторий и Митридат Но нетерпение побудило Цезаря выступить в малоподходящий момент. В самом деле, как только успокоился страх, внушенный Лепидом, страх еще более ужасный взволновал умы. Серторий, мелкий собственник из Нурсии, которого мать послала заниматься науками с целью сделаться адвокатом и который сделался военным, неожиданно принялся в Испании защищать дело, которое все считали потерянным. Он завоевал весь полуостров, построил арсенал, организовал армию, создал школу, чтобы давать там латинское воспитание сыновьям испанской знати. Он принимал беглецов марианской партии, составил из них сенат и нанес много поражений Метеллу Пию. На другом конце света Митридат, обеспокоенный упорством сената, не желавшего письменно подтвердить дарданский договор, готовился с необычайным жаром к новой войне. Он давал деньги и вступал в тайные сношения с пиратами, количество и дерзость которых увеличились на всем Средиземном море во время революционных беспорядков; он заготавливал провиант, запасался оружием и, убедившись на опыте, что небольшая, но сильная армия имеет большее значение, чем восточные армии, численность которых являлась скорее препятствием, нежели приносила пользу, — он попытался организовать с помощью многочисленных поступивших на его службу италиков небольшую армию римского образца.²⁸¹ В Риме многие беспокоились, видя приближение грозы, как и в 89 г. — междоусобную войну в стране, Митридата, поднимающего оружие, и пиратов, все более и более многочисленных и дерзких. Подозревали даже сношения и союз через море между Испанией и Понтом.²⁸²

Неудача обвинения, выставленного Цезарем Среди этих беспокойств даже справедливые обвинения, направленные против могущественных лиц, вызывали слишком большие скандалы, которыми пользовались народные трибуны, чтобы волновать государство; эти скандалы легко можно было объявить преступлением как революционные происки, и тем пугать честных, но робких людей, с тайным удовольствием видевших преследование могущественного мошенника, но не смевших поддержать обвинителей. Действительно, оба обвиняемых, несмотря на красноречие отважного молодого человека, были оправданы, и Цезарь вследствие этих процессов сделался еще более ненавистным знати, подозрительно смотревшей на этого наглого и опасного племянника Мария.²⁸³ Он понял, что сделал неосторожность и что момент был еще благоприятен молодым людям, служившим, подобно Помпею, делу Суллы. С войны против Брута Помпей возвратился еще более гордым, более честолюбивым, более уверенным в себе, чем был до отъезда. Он держал свое войско под оружием по соседству с Римом и всячески интриговал, чтобы быть посланным в Испанию на помощь к Метеллу; слабый сенат, боясь военного бунта, согласился на это, хотя Помпей еще не был избран ни на одну государственную должность.²⁸⁴

---

²⁸¹ Remnach. M. Ё., 315 сл.

²⁸² Sallust. Hist., II, XLVII, 6 сл.

²⁸³ Suet. Caes., 4.

²⁸⁴ Plut. Pomp., 17.

Цезарь и пираты Упавший духом Цезарь решил вернуться на Восток, на этот раз в Родос, модный город, куда ездили все богатые римские юноши для усовершенствования в красноречии. Но во время путешествия с ним произошло неприятное приключение: он был захвачен пиратами, продержавшими его в плену на своем корабле пятьдесят дней до тех пор, пока возвратились его поверенные, в том числе его раб Эпикратес, посланный в Азию за деньгами для выкупа. Это был досадный досуг, который должен был многих позабавить в Риме; но честолюбивый молодой человек постарался утешиться, направив в Рим по получении свободы рассказ, вероятно очень преувеличенный, о своем пребывании среди пиратов. Он прожил среди них сорок дней, как принц, окруженный своими рабами, то играя с ними, то читая им свои поэмы, то угрожая их всех повесить, когда они ему дадут свободу. Он прибавлял, что, освободившись, он действительно вооружил судно, погнался за ними и многих распял.²⁸⁵ Как бы то ни было, в Родосе он спокойно и серьезно принялся за учение, в то время как вокруг него, без его ведома и без ведома всех, мир обновлялся; революционное поколение Мария и Суллы исчезало, и вырастало поколение новое, родившееся около 100 г. до Р. Х.

Благодеяния революции Робкая мудрость людей еще раз была обманута. Бедствия этих ужасных лет не разорили навсегда Италию; когда страх перед революцией и реакцией прошел, она снова принялась жить, действовать, надеяться; она старалась приспособиться к новым условиям, созданным событиями, и извлечь из них сумму наиболее возможного счастья. Это вечный закон жизни народов, и многие причины позволили Италии выполнить его. Самые разрушения и грабежи междоусобной войны послужили до известной степени к восстановлению в итальянском обществе равновесия между богатством и нуждой. Конечно, массовые убийства во время восточной и междоусобной войн должны были разорить мелкий подчиненный и платящий подати народ, бедный рабами и капиталами, живший своим трудом; эти войны отняли значительную часть людей, годных для войны и производства. Но эти убийства, напротив, были выгодой для такой нации, как итальянская, где столько людей сражалось, чтобы эксплуатировать в своих выгодах политическое господство, уже приобретенное над народами бассейна Средиземного моря, и жить за счет работы своих рабов и подданных. Эти войны уменьшили число конкурентов в эксплуатации империи; острота борьбы смягчилась; во многих фамилиях, разреженных революцией, оставшиеся в живых оказались богаче по наступлении мира, несмотря на понесенные во время революции потери. Революция, кроме того, произвела в 86 г. кассацию трех четвертей долгов, т. е. освободила массу наследственных имений от самого тяжкого бремени, вознаграждая таким образом многих людей за убытки междоусобной войны к невыгоде незначительного меньшинства.

Добыча Суллы Италия реорганизовала в течение этого кризиса свою армию, и если она не могла спасти свою империю иначе как ценой дарданского мира, то она смогла после победы заставить Азию и Грецию уплатить часть издержек своей революции. Сулла захватил в Азии и продал италичам большое число рабов, он конфисковал в Греции много земель, принадле-

---

²⁸⁵ Plut. Caes., 2; Suet. Caes., 4.

жавших городам и храмам, и сдал их в аренду итальяйским капиталистам; он внес в государственное казначейство остатки азиатской добычи — 15 000 фунтов золота и 115 000 фунтов серебра, которые теперь стоили бы около 20 000 000 франков,²⁸⁶ а тогда стоили еще более. Если бы можно было знать суммы, розданные им солдатам в Азии и принесенные ими в Италию, суммы, издержанные в самой Италии для подкупа солдат демократической армии, суммы, которые он сохранил для себя или роздал своим друзьям, то получилось бы, может быть, число, в четыре или пять раз большее.

Финансисты в восточных провинциях

Но еще более важным результатом этих побед было то, что после спасения империи финансовая эксплуатация провинций, особенно Азии, несколько не сдерживаемая декретами Суллы, уничтожавшими прежнюю систему откупов, стала еще более интенсивной. Если итальяйские всадники не брали более на откуп десятину, то азиатские города все же должны были уплатить Сулле двадцать тысяч талантов и недоимки за пять лет; контрибуция, громадная для страны, разоренной революцией и войной, и принудившая города и частных лиц сделать большие займы у единственных крупных капиталистов той эпохи — у итальяйских капиталистов. Положение Греции, более бедной по природе, было еще тяжелее. Снова призванные городами и нищими гражданами, римские капиталисты, изгнанные и преследуемые с таким бешенством десять лет тому назад, постепенно появились на Востоке, чтобы собрать остатки от ужасного кораблекрушения — на Делосе, с которым так сурово обошелся Митридат, в Патрасе, в Аргосе, в Элиде, в Лаконии, на Теносе, в Митилене, на Ассосе, в Лампсаке, в самой Вифинии, еще бывшей независимой.²⁸⁷

Задолженности и рабство

Везде они давали деньги в долг городам и частным лицам, захватывали местную торговлю и вывоз, вытесняя разоренных войной туземных купцов. В числе других был молодой римский всадник, Тит Помпоний Аттик, наследовавший громадное состояние своего дяди, одного из богатейших римских откупщиков. Вскоре после побед Суллы он отправился в Афины, чтобы продолжать там свое образование и избежать опасностей революции. Но в опустошенной и разоренной Греции он нашел также выгодное поле для помещения своих капиталов и, поселившись в Афинах, начал приобретать одновременно знания и состояние, являясь одновременно и учеником и банкиром.²⁸⁸ Вполне понятно, что Греция и Азия, перенесшие столько жадных авантюристов, не представляли такой богатой добычи, как прежде, во времена их присоединения. Значительная часть богатств, собранных Атталидами, была уже захвачена и увезена итальяйскими финансистами, римскими магистратами и генералами Митридата. Тем не менее еще были, особен-

---

²⁸⁶ Plin. H. N.. XXXIII, 1, 16.

²⁸⁷ Делос (Strabo, X, 5, 4 (486)) ошибается, как доказали надписи и раскопки. Ср.: Hommole. B. C. H., VIII, 140 сл.; Патрас. Cic, XIII, 17 и 50; Лакония. Le Bas, Waddington... V. A., 242, a; Аргос. C. I. L., III, 531, 7265; Элида. Cic. F., XIII, 26; Тенос. C. I. G., 2335; Митилена. C. I. L., III, 7160; Ассос. Papers of the Amene. Sch. at Athen. I, 30–32.— Другие надписи об итальяйских купцах, вероятно, этого же времени: B. C. H., 1878, 598 сл. 880, 161, 179, 515; Лампсак. Cicero in Ver., A., II, 1, XXVII, 69; Вифиния. Suet. Caes., 49.

²⁸⁸ Ср.: Drumann. G. R., V, 8.

но в Азии, драгоценные металлы, предметы искусства, постройки, ремесленники, опытные во всякого рода работе, и крестьяне, обрабатывавшие и эксплуатировавшие эту плодороднейшую область древнего мира. Римские капиталисты могли, таким образом, к своей выгоде давать ссуды под будущие урожаи этой несчастной провинции. Они захватывали статуи, картины, золотую утварь, дома, поля, общественные здания, даже людей, обращая в рабство крестьян, не плативших своих долгов, или принимая в уплату детей должников.²⁸⁹ Много финансистов отправилось также в Нарбонскую Галлию, где налоги, взимаемые на армию, сражавшуюся в Испании против Сертория, принуждали входить в долги как города, так и частных лиц. Наконец, в самой Италии, если революция и разрушила много богатств, то она пустила в обращение много других, бесполезно лежавших в течение столетий, как, например, храмовые сокровища и храмовые имущества, проданные сенатом.

Новый ввоз рабов В общем, Италия нашла значительное возмещение потерь, понесенных в войне и революции. Что касается до конфискаций и грабежей, произведенных во время демократической революции и при реакции, то эта огромная масса имений переменила только владельцев, но не была разрушена. И если ограбленные собственники имели тысячи поводов для жалоб, то нация в целом не потерпела от этой перемены крупного экономического убытка. Эти имущества все же остались, и новые собственники не менее прежних желали эксплуатировать их и пользоваться ими. Этим объясняется, как скоро после столь ужасной революции и реакции, в то время как Цезарь занимался науками в Родосе, чрезвычайно возросла роскошь. Среди рабов, захваченных в Азии Суллой во время восточной войны и проданных итальянским купцам,²⁹⁰ среди рабов, позднее купленных в Азии финансистами или похищенных пиратами, были искусные земледельцы, красильщики, ткачи, чеканщики, музыканты, инженеры, архитекторы, ученые, грамматика, мужчины и женщины с тонким и восприимчивым умом, легко научавшиеся, если сами еще не знали, всем искусствам, дозволенным и запрещенным. Как только богатые фамилии получили возможность спокойно наслаждаться тем, что они приобрели или спасли во время революции, эти рабы первые содействовали распространению новой роскоши. Они научили властителей мира не тратить более завоеванных богатств на варварскую роскошь и удовлетворение грубых appetитов, а утончать нравы, улучшать земледелие, заниматься науками, наслаждаться изящными искусствами и самый порок облекать в более изысканные формы.

Римский high life Пока Цезарь учился в Родосе, в Риме быстро образовался итальянский high life, к которому принадлежали образованные и чуждые политике финансисты, как Тит Помпоний Атик, миллионеры, из честолюбия занимавшиеся политикой, как Помпей и Красс, молодые люди знатных фамилий, спасшие свои состояния во время революции, как Луций Домиций Агекобарб;²⁹¹ сюда присоединялись юноши из богатых или зажиточных муниципальных семей, получившие в своей семье тщательное воспитание

---

²⁸⁹ Plut. Luc, 20; Appian. Mithr., 63.

²⁹⁰ Appian. Mithr., 61.

²⁹¹ Cicero in Verr. A., II, 53, 139.

и приезжавшие в Рим вести светскую жизнь или добиваться славы красноречием, занятием государственных должностей или войной, как Цицерон, Варрон, Гай Октавий, сын богатого ростовщика из Веллитр.²⁹² К этому кругу принадлежали знаменитые адвокаты, как Гортензий, зарабатывавшие большие суммы защитой правителей, обвиненных во взяточничестве; ученые люди, как Валерий Катон и Корнелий Непот; восточные куртизанки, прославившиеся своей красотой; греческие и азиатские ученые, принятые в знатных домах Рима; эмансипированные дамы, занимавшиеся политикой, знавшие греческий язык и философию. В этом *high life* каждый сообщал другим свою наиболее сильную страсть. Ученые люди передавали вкус к образованности финансистам и политикам; светские люди заставляли ученых и дельцов чувствовать прелесть удовольствий; финансисты возбуждали ум (если не всегда ловкость) к спекуляциям у людей света — военных и государственных, и мало-помалу, когда все страсти возгорелись во взаимном соприкосновении, строй жизни сделался более расточительным и утонченным.

Издержки светской жизни Всякий с этих пор желал иметь виллы в деревне и в купальных курортах, ставших входить в моду, как Баи.²⁹³ Надо было иметь многочисленных рабов, имевших каждый особую должность,²⁹⁴ не только лакеев и людей для несения носилок²⁹⁵ и светильников ночью,²⁹⁶ но и музыкантов,²⁹⁷ секретарей,²⁹⁸ библиотекарей, переписчиков,²⁹⁹ врачей.³⁰⁰ Должно было пользоваться только предметами, приготовленными дома и собственными рабами,³⁰¹ за исключением редких и роскошных вещей, привозимых издалека.

Новые моды Нужно было иметь произведения греческого искусства, дельфийские столы, коринфские вазы, чеканные чаши, канделябры, бассейны для фонтанов, статуи, картины, бронзы. Многие богатые финансисты и сенаторы покидали простые и тесные дома, в которых они родились. Они приказывали строить дворцы, еще более обширные и пышные, чем дворец Лепида, наполненные греко-азиатскими подражаниями, с приемными и гостинными, библиотекой, палестрой, банями, с украшениями из гипса и стенной живописью.³⁰² Распространился обычай посылать письма и, следовательно, необхо-

---

²⁹² Drumann. G. R., IV, 229.

²⁹³ Корнелий Непот (Att. XIV, 3) поэтому удивляется, что такой богатый человек, как Аттик, *possidebat nullam suburbanam aut maritimam sumptuosam villam*. См. также: Varrò. R. R., I, XIII, 6.

²⁹⁴ Cicero in Pis., 27, 67.

²⁹⁵ Catullus, X, 16 сл.

²⁹⁶ Val. Max., VI, 8, 1; Sueton. Aug., 29.

²⁹⁷ Cicero in Verr. A., II, 5, 25, 64.

²⁹⁸ Suet. Caes., 74.

²⁹⁹ Cornel. Nep., Att. XIII, 3; Cicero. Ad famil., XIII, 77, 3; Marquardt. V. P. R., 1, 177.

³⁰⁰ Suet. Caes., 4; Seneca. De benef., III, 24.

³⁰¹ Cicero in Pis., 27, 67.

³⁰² Schiller-Voigt, 394; Plin. H. N., XXXVI, 15, HO; Friedlaender. D. S. G. R., III, 88.

димось писать друзьям и нетерпение получить от них ответ, знать все, что происходит в Риме и в империи. Вошло в обычай постоянно рассылать рабов в самые отдаленные области империи. Часто посылали приглашения к обеду или погостить в деревню. Широкое гостеприимство сделалось обязательным. Отправляться в путешествие надо было уже не с маленькой свитой, а с многочисленными рабами.³⁰³ Увеличилась роскошь при похоронах; распространилась мода на монументальные семейные усыпальницы, сооружаемые для привлечения общего внимания по большим дорогам Италии.³⁰⁴ Одежда сделалась более разнообразной и изукрашенной, увеличилась роскошь серебряных украшений, так же как разнообразие и цена тканей.³⁰⁵ Для италийских и римских богачей создан тот условный кодекс приличий, рабами которого до потери чувства серьезного и реального делаются богатые классы по мере роста цивилизации. Молодые люди, строго соблюдая этот кодекс, пропагандировали и навязывали его другим с ревностным старанием, возмущавшим стариков, приверженцев суровой простоты древних нравов. Среди протестовавших лиц был молодой человек, происходивший из знатной и богатой фамилии, потомок Катона-цензора, Марк Порций Катон, по-своему возмущавшийся той тиранией изящества, которой хотела подчинить его римская золотая молодежь. Время от времени он появлялся без обуви и туники, чтобы приучиться, по его словам, краснеть только вещей постыдных самих по себе, а не благодаря условности.³⁰⁶

Новое движение умов Запросы духа также возрастали, и в высших классах Италии распространилась та горячая жажда знания, которая является признаком великих исторических эпох. Молодой человек из знатной фамилии не мог более не провести несколько лет в Греции или на Востоке, слушая там лекции риториков или знаменитых философов, подобно тому, как делал это Цезарь. Все стали произносить речи, писать прозой и стихами. Все хотели иметь разностороннее, энциклопедическое образование и читать книги обо всем: риторику, эстетику, историю, географию, агрономию, стратегию, тактику, полиоркетику, философию, медицину. Энциклопедия Аристотеля, принесенная в Италию Суллой, имела снова громадных успех.³⁰⁷ Эта энциклопедия мало ценилась специалистами, которые в течение двух предшествующих столетий в скромном уединении обширных музеев, устроенных царями Востока, изучали специальные науки — астрономию, математику, историю литературы. Но она снова стала вызывать удивление, когда образованным классам Италии пришлось управлять обширной империей. Приходилось быть то воинами, то государственными людьми, ораторами, судьями, финансистами, устроителями празднеств и организаторами общественных работ, адмиралами, земледельцами, посланниками, и нужно было обладать не одной какой-нибудь

---

³⁰³ Suet. Caes., 4; Plut., Cat. U., 12.

³⁰⁴ Schiller-Voigt, 396.

³⁰⁵ Ibid., 405.

³⁰⁶ Plut. Cat. U., 6.

³⁰⁷ Варрон (De re rust., II, 5, 13) говорит, что выражение «читать Аристотеля» сделалось почти поговоркой, обозначавшей «быть ученым на греческий лад». См.: Cicero. De or., II, XXXVI, 152; III, XLVII, 182; Porzio в R. S. A., 1899, 227.

наукой, но общей широкой образованностью, которая помогала бы схватывать самую сущность всякого дела. Аристотель, философ зарождавшейся империи, учитель сперва Александра, а потом арабов, предлагал основателям италийской империи обширную, хорошо расположенную энциклопедию, написанную просто и ясно, богатую фактами и теми общими идеями, которые даже в несовершенном виде так необходимы для ориентировки в неизвестности неизмеримого будущего, давая направление в смешении случайных вещей и препятствуя менять путь при всяком преходящем противоречии событий.

Новые дельцы Этот рост роскоши и потребностей способствовал также распространению духа спекуляции в высших классах. Сулла мог восстановить старые римские учреждения, но дух аристократической эпохи быстро исчезал в новом поколении. Даже в родовой знати исчезало прежнее отвращение к коммерческим предприятиям. Крупные финансисты и собственники, старые аристократические фамилии и миллионеры-выскочки начинали смешиваться и образовывать один класс дельцов и финансистов. В этом классе должен был ослабеть старый антагонизм между всадниками и сенатом, между капиталистической буржуазией и военной и политической знатью.

Перемены в экономической жизни Италии В то же самое время началось глубокое изменение в экономической жизни Италии. В продолжение предшествующих пятидесяти лет италийские капиталы предпочитали отправлять на чужбину, преимущественно в Азию, для эксплуатации только что завоеванных провинций, тогда как на земледелие в самой Италии затрачивалось очень мало. В общем, если менее богатые собственники стремились к сельскохозяйственным улучшениям, то крупные землевладельцы, скупавшие земли разоренных мелких хозяев, предпочитали увеличивать свои угодья, нежели заниматься улучшением земледелия. Они ограничивались образованием латифундий, возделываемых рабами, или превращением прежних собственников в мелких арендаторов, продолжавших следовать устаревшей системе хозяйства. Но с тех пор как провинции, особенно Азия, слишком истощенные и разоренные войной, стали приносить меньшую прибыль, капиталы были обращены на землю.

Рабство и возрождение сельского хозяйства Тогда-то и началась в Италии та лихорадка земельных усовершенствований, которая должна была в течение столетия произвести поразительный переворот в культуре, начатый в продолжение предшествовавших пятидесяти лет.³⁰⁸ Все крупные или средние собственники стали покупать рабов, но предъявляли к ним требования, не известные древним. Среди грубых рабов, способных к самым тяжелым трудам и запертых в мрачных казармах, они старались найти более образованных ремесленников и земледельцев, с которыми обращались гораздо лучше и которые были способны усовершенствовать культуры и увеличить доходы.³⁰⁹

---

³⁰⁸ Nissen. I. L, 458.

³⁰⁹ См.: Varrò R. R., I, XVII, 4 и 5; II, X, 4.

Культура винограда и оливок Родос был тогда мировым рынком вина;³¹⁰ Греция, острова Эгейского моря, Малая Азия были Бургундией и Шампанью древнего мира, экспортировавшими божественный напиток Диониса в области, где виноград или не созревал, или где богатые пренебрегали грубым местным вином. В массах восточных рабов, которых Сулла продал в Италии, а пираты, откупщики и итальянские купцы воровали и покупали в Азии для вывоза в Италию, было немало земледельцев. Они основательно знали культуру винограда и оливковых деревьев, виноделие и приготовление оливкового масла. Финансисты, разбогатевшие откупами таможенных пошлин, военными поставками и ростовщичеством в Азии, собственники-капиталисты, представители знатных древних родов поняли, что можно попытаться отнять у Азии и Греции их превосходство в виноделии, тем более, что потребление вина и масла в Италии возрастало. Поэтому они покупали восточных рабов, заставляли их сажать в соответствующих благоприятных местах³¹¹ виноград и оливковые деревья в большом количестве, выбирая местности, близкие к морю или к дорогам, например, долину Романии, окрестности Фавенции³¹² и Сицилию.³¹³

Скотоводство Фермы стали строиться с большей заботливостью, чтобы рабам было удобнее жить и работать.³¹⁴ Бродячие стада были предметом почтительной спекуляцией римской знати в предшествующем веке, но они были только предметом аристократической беззаботности в прекрасную эпоху *agri publici*; по мере же того как дорожала земля и жизнь в Италии требовала все больших издержек, являлась необходимость улучшить скотоводство, выбирать пастухами рабов с известным развитием и знаниями, заняться породами животных, их скрещиванием, питанием, гигиеной.³¹⁵ Многие собственники занялись скотоводством вне Италии, в менее населенных и более варварских местностях. Так, Аттик владел обширными землями и бесчисленными стадами в Эпире.³¹⁶ В Италии также делались попытки рационального разведения лошадей и ослов.³¹⁷ Правители и офицеры в тех областях, где они бывали для военных операций или управления, стали наблюдать растения, животных, стада и уход за ними; они опрашивали туземцев и приобретали полезные сведения.³¹⁸

Разные формы спекуляций Очень многие, даже среди знати, занялись финансовыми спекуляциями и искали их, пользуясь услугами маклеров и посредников, чтобы (особенно в Азии) давать деньги

---

³¹⁰ Nissen. I. L., 452.

³¹¹ Ibid., 439.

³¹² Varrò. R. R., I, II, 7.

³¹³ Franchina. Le condizioni economiche della Sicilia di tempi di Verre. Palermo, 1897, I, 26.

³¹⁴ Varrò. R. R., I, XI, 15.

³¹⁵ См. всю вторую книгу Варрона, а особенно II, II, 7 сл.; II, III, 8 сл.; II, VII, 16; II, X, 3; II, X, 10.

³¹⁶ Varrò. R. R., II, praef., 6; II, II, 20; Corn.Nepos, Alt. XIV, 3.

³¹⁷ Varrò. R. R., II, VI, 1.

³¹⁸ Ibid., II, pref., 6.

взаймы под высокие проценты. Они помещали свои капиталы у римских и эфесских банкиров, чтобы получать выгоду; они приобретали *partes particulae* — облигации и акции, сказали бы мы теперь — обществ откупщиков, арендовавших домены, соляные пошлыны, имперские поставки.³¹⁹ Другие эксплуатировали залежи глины и изготовляли кирпичи или строили в Риме доходные дома, сдаваемые среднему классу или мелкому люду, увеличивавшемуся с каждым годом. Многие спекулировали на восточных рабах, ловких в тех искусствах роскоши, продукты которых имели все больший спрос. Покупали архитекторов, грамматиков, врачей, штукатуров, чтобы отдавать их внаймы лицам, нуждавшимся в них, или отпускали их на волю при условии уплаты прежнему патрону части своих профессиональных заработков.

Зараза империализма Высшие классы Италии подобно паутине начали опутывать из Рима всю империю обширной системой различных спекуляций. Средняя буржуазия второстепенных италийских городов не замедлила последовать за ними, так же как и чернь мелких собственников, бедных колонистов, переселившихся с Востока ремесленников, вольноотпущенников разных стран, несчастных бедняков, разоренных междоусобной войной. В Риме эти же высшие классы возбудили в простом народе страсть к увеселениям и обжорству, увеличивая блеск даваемых народу кандидатами на государственные должности и магистратами празднеств и пышность банкетов,³²⁰ где народ начал ценить хорошее вино, дроздов, цыплят, гусей и даже павлинов.³²¹ В маленьких городах и в италийских деревнях солдаты Суллы являли живые примеры заимствованных с Востока пороков и роскоши, пьянства, разврата и тщеславного хвастовства драгоценными металлами.³²² Их пример возбуждал надежды, честолобие, отважные инстинкты и предпринимательский дух молодых людей из семей мелких собственников и колонистов. Самые бедные поступали в армию, надеясь обогатиться в отдаленных экспедициях; другие, имевшие небольшой капитал, брались за торговлю;³²³ третьи, наконец, подражая богатому соседу-землевладельцу, покупали несколько рабов, старались сеять хлеб только необходимый для прокормления себя и своих рабов, а на остальной земле насаждали виноград, оливковые и плодовые деревья, цветы для пчел, надеясь получить от продажи этих предметов роскоши денежную прибыль.³²⁴ Рост народных издержек увеличивал, в свою очередь, прибыльные спекуляции богатых и знатных капиталистов; некоторые из них занялись даже мелочной торговлей при помощи своих рабов или вольноотпущенников, открывая в своем дворце лавку и продавая там продукты своего имения при участии приказчика, бывшего часто рабом или вольноотпущенником. Благосостояние, таким образом, вернулось, пережив страшную эпоху междоусобных войн. Торговый дух распространился еще более, чем в предшествующем поколении.

---

³¹⁹ Cicero. *Proleg. Manilia*, VII, 18; Val. Max., VI, IX, 7.

³²⁰ См.: Cicero. *De offic.*, II, XVI, 57.

³²¹ Varrò. *R. R.*, III, VI, 6; III, V, 8; III, II, 16.

³²² Sallust. *Cat. C.*, 11; Cicero in *Cat. V.*, II, IX, 20.

³²³ Напр.: Вентидий Басе. *Aul. Geli.*, XV, 4.

³²⁴ Напр.: Varrò. *R. R.*, III, XVI, 10; отец Вергилия (Donatus, 54, 10).

**Буржуазия и возрождение
собственности**

Цена вещей, стоимость земель и труда возрастала. Италия переживала одну из тех счастливых эпох быстрого роста богатств, когда одни случаи наживы

рождают другие и умножаются с прогрессирующей быстротой. За революционными катастрофами последовало быстрое возрождение; усилия приобрести богатство, могущество, удовольствие сделались более общими и более интенсивными. Итальянская буржуазия собственников и купцов, образованных людей и честолюбивых политиков, возникшая за последние пятьдесят лет, стала обогащаться, образовываться и с большей энергией оспаривать управление империей у старой римской аристократии.³²⁵

---

³²⁵ Большинство фактов, цитируемых здесь для доказательства изменения нравов и состояний, относится к эпохе более поздней. Но я нахожу возможным ими пользоваться, так как считаю вероятным, что это изменение, уже совершившееся между 50 и 40 гг. до Р. Х., началось между 80 и 70 гг., т. е. когда разразился революционный кризис и выступило новое поколение с новыми силами для продолжения дела своих предшественников. Варрон в своей столь драгоценной книге о земледелии, из которой я многое почерпнул, резюмирует весь прогресс, совершившийся в его поколении.

VII

Завоевание Вифинии

Перемены в общественном настроении. — Упадок революционного настроения в среднем классе и сила национального и демократического чувства. — Оппозиция консервативной партии. — Трибуны начинают нападать на конституцию Суллы. — Смерть и завещание царя Вифинии. — Присоединение Вифинии; его финансовые причины. — Вероятность войны с Митридатом и интриги в Риме из-за начальствования. — Луций Лициний Лукулл. — Преция, любовница Цетега. — «Новая женищина». — Неожиданное вторжение Митридата в Азию и Вифинию. — Разделение командования. — Ускоренный отъезд Лукулла на Восток. — Поход Митридата на Кизик. — Уничтожение армии Митридата.

Политические следствия этих перемен

Этому великому социальному перевороту соответствовала крупная перемена общественного настроения. Положение, созданное революцией и реакцией, не могло долго продолжаться. Мало-помалу, по мере исчезновения старого поколения, классы и партии, сражавшиеся с таким ожесточением, забывали свою ненависть и сходились в одинаковом желании примирения. В среднем италийском классе улеглось то революционное и антиримское настроение, которое возбудило междоусобную войну и толкнуло стольких италиков в ряды Митридата. Сначала ужас перед страшной реакцией Суллы, затем мир, действие времени, возрождающееся благосостояние успокоили этот класс, давно уже преданный Риму, исполненный италийского патриотизма и благоразумной мудрости. Мелкие собственники, земледельцы, купцы и предприниматели всей Италии делались сторонниками мира, друзьями порядка и патриотами; они насаждал* оливковые деревья и виноградные лозы, строили фермы, покупали рабов или поступали в солдаты. Они забывали великие услуги, оказанные революцией их делу. Они начинали ненавидеть и считать изменниками многочисленных революционеров предыдущего поколения, которых нужда и преследования заставили идти на службу к Митридату. Они бросили Сертория, последнего героя, уцелевшего из партии Мария, непобедимого борца италийской революции.

На среднем классе Италии Помпей сделался весьма популярным во всей Италии, потому что одержал над ним несколько побед, хотя и маловажных. В то же время ослабел реакционный дух в богатых классах и даже среди знати.

На аристократии Социальная война, кассация долгов, проскрипции уходили в область прошлого. Стали убеждаться, что страхи перед новой революцией были очень преувеличены. В особенности убедились, что эмансипация Италии, эта реформа, так пугавшая в продолжение пятидесяти лет консервативные классы, совершилась без всякой потрясающей катастрофы. Хотя число избирателей увеличилось и достигло почти девятисот тысяч, неболь-

шая олигархия живших в Риме избирателей, которая своими протестами против расширения избирательного права вызвала такой ужасный кризис, осталась, как и ранее, во главе государства и империи. Так как комиции происходили в Риме ежегодно, избиратели, жившие в разных частях Италии, не могли совершать несколько раз в год длинные путешествия в Рим. Они могли бы пользоваться своими правами только при наличии реформы, уничтожавшей древнюю централизацию политических функций в Риме. Но триумф реакций и террор Суллы успокоили эту агитацию, и скоро другие занятия сделали безразличным для большинства пользование правами, за завоевание которых было пролито столько крови. Право гражданства некогда выставлялось как средство от всех зол, и партии поочередно выдвигали этот вопрос, чтобы возбудить массы. Но теперь, когда выгодные и счастливые предприятия сделались более частыми, средний класс предпочитал эмигрировать, заниматься своими делами и зарабатывать деньги. К чему терять свое время в политической борьбе, где для большинства трудно преследовать определенную цель, когда каждый может работать над своим собственным преуспеванием? Из всех привилегий римских граждан как раз право голоса в комициях всего менее заботило большинство, оставлявшее государственные должности во власти небольшой олигархии, жившей в Риме, т. е. во власти богатых классов.

Право голоса В Риме средний класс, столь сильный в итальянских городах, не имел почти никакого значения. Большинство избирателей состояло там из бедных граждан, свободных или вольноотпущенников, состоявших на службе у богатых классов и находивших себе заработок в общественных работах; они делают каменщиками, ткачами, торговцами цветами, извозчиками, каменотесами и поступают на службу к богатым фамилиям в качестве клиентов. Богатым классам, благодаря их сплоченности, легко было властвовать над этой нищей чернью и заставлять ее вотировать за своих кандидатов. Таким образом, человек богатой или знатной фамилии, имевший связи в аристократии и во всадническом мире, был уверен в удаче на выборах и боялся соперничества лишь людей своего класса. Эта большая олигархия знатных и богатых фамилий, сенаторов и всадников, живших в Риме и связанных между собою узами дружбы и родства, распоряжалась государственными должностями, т. е. управлением республики и империи; эту привилегию предоставил ей средний класс, занятый своими предприятиями. Замечая, что могущество ее несколько не уменьшилось от действия революции, многие из ее членов — особенно молодые — осмеливались признаваться, что аристократический строй, введенный Суллой, не отвечает более потребностям эпохи.

Падение сулланского строя Реакция чрезмерно возбудила римский аристократический дух во многих знатных фамилиях. Снова увидели, что знатные живут замкнуто, избегая, насколько возможно, соприкосновения с другими классами, даже с всадниками, действуя и говоря, как будто бы все италийцы были еще только подданными Рима. Но логика событий была сильнее всех этих обстоятельств. Предусмотрительные люди понимали, что, когда прошел страх перед реакцией, знать не может господствовать над римскими избирателями без поддержки богатых всадников. А всадники, задетые за живое этим возрождением аристократического духа и лишенные Суллой многих из своих привилегий, вовсе не были склонны без конца поддерживать но-

вый строй.

Всадники и итальянцы Появлялась необходимость некоторых уступок с этой стороны. Кроме того, если средний итальянский класс мало пользовался своим правом голоса, то он все же приобрел, благодаря междоусобной войне, право не быть рассматриваемым более как подчиненная партия. Этот ужасный кризис произвел свое действие на все умы. Рассудительные люди всех партий признавали, что нельзя более пренебрегать мнением Италии, поставившей республике почти всех ее солдат и низших офицеров-центурионов. Наконец, средний класс Италии не имел более к римской знати прежнего почтения, смешанного со страхом. И если он был сторонником закона и ненавидел революцию, то еще более он ненавидел правительство, основанное Суллой.

Сенатское управление Таким образом, в то время как Цезарь учился в Родосе, недовольство против правящей партии распространялось повсюду в Италии и охватывало все классы. Это правительство котерии, этот режим беспорядка и подкупа, позор которого увеличивали страшные воспоминания реакции, отталкивал от себя все большее число лиц, даже среди знати и в самой котерии. Злоупотребления правителей, подкупность сенаторских судов, ненавистные интриги при выборах, *legationes liberae*, т. е. привилегия, предоставленная сенатом своим членам, — путешествовать даром даже по своим частным делам, получая бесплатно от провинций квартиру и средства передвижения для себя и своей свиты, — возбуждали всеобщее недовольство. Ошибки и лень этой шайки, дрожавшей от страха и разделенной ненавистью, соперничеством и завистью, до крайности раздражали общественное мнение. Постыдным образом пренебрегали общественными интересами, даже самыми существенными; позволяли Митридату готовиться к расплате, пиратам захватывать римских граждан, а Серторию все время торжествовать в Испании. Сенаторы, которые не были в состоянии помешать отправлению Помпея, завидовали почестям, выпавшим на долю молодого человека, и старались помешать ему выполнить свое предприятие, не допуская сенат ассигновывать нужные средства. Помпей был принужден тратить свои деньги на солдат и приготовления.³²⁶

Внешняя политика олигархов Италия, ему доверявшая, требовала решительной политики, а сенат дремал. В последние годы он совсем не подавал признака жизни по отношению к врагам Рима, если не считать небольшой экспедиции во Фракию проконсула Македонии Аппия Клавдия, войны с дарданцами Гая Скрибония, дошедшего до Дуная, и завоевания Салон, окончившего небольшую войну в Далмации. Благодаря обилию скандалов и по мере исчезновения страха перед реакцией память Суллы делалась ненавистной. Во всех классах, даже среди знати, снова начинали удивляться Марию, победителю кимвров, реорганизовавшему армию и являвшемуся символом победоносной демократии.³²⁷ Все более негодовали на корыстолю-

---

³²⁶ Plut. Pomp., 20.

³²⁷ Napoleon III. J. C, I, 282. См.: Dio Cass., XXXVI, 32 (печь Катутлла) и Cicero in Verr. A., II, III, 35, 81; pro Rabirio pera., X, 29.

бие, несправедливость, подкупность большинства правящей кoterии, особенно же на лицепрятие и продажность сенаторских судов. Сожалели о прежней свободе слова. Забывая вины народных трибунов, вспоминали только их обвинения, приводившие в страх могущественных злодеев.³²⁸ Всякий год какой-нибудь наиболее смелый трибун, как Луций Сициний в 76 г. или Квинт Опимий в 75 г., нападал на конституцию Суллы, возбуждая особенную ненависть и презрение народа к аристократическим трибуналам.³²⁹ В 75 г. консул Гай Аврелий Котта, дядя Цезаря, пытался даже заставить уничтожить распоряжение Суллы, по которому народный трибун не мог быть избран ни на какую другую должность.³³⁰

Вифинское наследство Результаты этого всего яснее сказались в области иностранной политики, в которой произошла решительная перемена в те годы, когда Цезарь жил в Родосе. В конце 75 или в начале 74 г.³³¹ умер маленький вифинский деспот, оставив в наследство римлянам свое царство и своих подданных. Это было второе наследство, в течение немногих лет полученное римским сенатом, но наследство еще более тяжелое, чем Египет, потому что должно было повлечь за собой войну с Митридатом. Понтийский царь не мог позволить римлянам занять Вифинию, не теряя весь свой престиж на Востоке. Как следовало поступить робкому и инертному римскому сенату, несколько лет тому назад отказавшемуся от Египта? Сначала действительно казалось, что сенат склонен отказаться от Вифинии. Но на этот раз вмешалось общественное мнение. Вифиния, где итальянские финансисты уже начали производить свои операции во время царствования Никомеда,³³² обладала обширными угодьями полей, рыбных прудов, рудников,³³³ которые в случае присоединения страны могли быть сданы итальянским капиталистам вместе с таможенными пошлинами богатых греческих городов и портов.³³⁴ Возродилась смелость, возгорелся патриотизм; всюду говорили, что следует отомстить за дарданский договор, что война с Митридатом неизбежна.³³⁵ Побуждаемый общественным мнением, сенат присоединил Вифинию и объявил сына Никомеда незаконным. Тотчас же в Риме образовалось общество для аренды коронных имений Вифинии³³⁶ и началась борьба за получение командования в этой войне, которая представлялась выгодной и славной.

---

³²⁸ Cicero in Verr. A., I, XV, 44; Pro Cluent, XXVIII, 77.

³²⁹ Lange. R. A., III, 175.

³³⁰ Drumann. G. R., IV, 385.

³³¹ См. Приложение Б.

³³² Sueton. Caes., 49.

³³³ Cicero. De lege agr., II, XV, 40; II, XIX, 50.

³³⁴ Ibid., II, XV, 40.

³³⁵ Plut. Luc, 5.

³³⁶ Cicero. De lege agr., II, XIX, 50.— Вероятно, об этом обществе упоминает Цицерон и позднее (F., XIII, 9).

Лукулл Консулом этого года был Луций Лициний Лукулл, человек из фамилии столь же знаменитой, сколь и имевшей дурную репутацию.

Существовало подозрение, что его отец допустил подкупить себя в 102 г. рабам, восставшим в Сицилии. Его мать, сестру Метелла Нумидийского, обвиняли в очень распутной жизни. Его дед в бытность свою консулом замешан был в краже статуй, а его прадед в бытность эдилом обвинен был в преступлении по должности.³³⁷ Возможно, однако, что все эти обвинения отчасти были вымыслами или, по крайней мере, преувеличениями, обязанными своим возникновением страшной ненависти, свирепствовавшей во время революции. Как бы то ни было, достоверно, что эта фамилия, несмотря на свою знатность, была бедной и что Луций, так же как и его младший брат Марк, получив очень тщательное литературное воспитание, вырос в скромном жилище, с простыми привычками, среди великих воспоминаний прошлого. Он был охвачен кастовой гордостью и преисполнен консервативными принципами старой римской знати. В юности Луций был свидетелем жестокой борьбы, подготовившей революцию. И несмотря на свой страстный эллинизм в политике он принадлежал, как лучшая часть бедной знати, к партии Рутилия Руфа, сопротивлявшейся всем новым социальным силам, демагогии и капитализму. Образованный, деятельный, решительный, он был одним из немногих знатных людей, участвовавших в междоусобной войне. Он отличился как офицер Суллы в восточной войне; он энергично боролся с революцией и, несмотря на свою бедность, не участвовал в грабеже имуществ побежденных. Он женился на бесприданнице, но из очень аристократической фамилии, Клодии, дочери Аппия Клавдия, консула 79 г., в 77 г. после междоусобной войны получившего претуру, а в 76 г. с честью управлявшего Африкой.³³⁸ В сущности, он был одним из тех, которые с искренностью представляли, среди стольких авантюристов и преступников, единственно достойное уважения в основанном Суллой правительстве: чистую аристократическую традицию древних времен, восстановленную в чести с такими незначительными результатами. Честолюбивый, умный, честный, но гордый, страстный, грубый в своих действиях, недостаточно хитрый и опытный в притворстве и интригах, он до сих пор был горячо предан принципам Рутилия Руфа. Он сильно противился попыткам опрокинуть сулланскую конституцию и между тем сурово и беспощадно обходился с наиболее испорченной частью правительственной кoterии, нищей и порочной знатью авантюристов. Он имел сильные столкновения с народным трибуном этого года Луцием Квинтом и одним из наиболее порочных и могущественных людей кoterии Публием Цетегом. Последний, сперва сторонник, потом перебежчик из партии Мария, обогатился проскрипциями и, тайно ненавистный всем, был окружен явными знаками почета и ужасом, как это всегда бывает во время реакции с могущественными злодеями.³³⁹ Этой политикой Лукулл естественно навлек на себя ненависть всех партий.

Киликийская провинция Как только в Риме поднялся вопрос о вероятной войне с Митридатом, Лукулл решил, что никто более

---

³³⁷ Drumann. G. R., IV, 119–120.

³³⁸ Ibid., IV, 123–124.

³³⁹ Plut. Luc, 5. См.: Drumann. G. R., II, 557.

его не имеет прав быть назначенным для ее ведения, ибо он уже сражался против Митридата под начальством Суллы и основательно знал восточные дела. Но, к несчастью, при распределении провинций ему уже досталась цизальпинская Галлия, и конкурентов на командование было очень много. Кроме его товарища Котты его конкурентом был Марк Антоний, сын великого оратора, претор предшествующего года, и, быть может, также Помпей, который находился в Испании и, раздраженный тем, что сенат не давал ему средств на продолжение войны, угрожал прийти в Рим со своими легионами.³⁴⁰ В это время умер правитель Киликии Луций Октавий, и Лукулл задумал переменить Галлию на Киликию, правитель которой, конечно, получил бы поручение вторгнуться в Понт через Каппадокию.³⁴¹ Действительно, все в Риме представляли, что войну будет легко перенести на неприятельскую территорию и таким образом разрушить это царство. Но эта мена провинций была делом нелегким. Лукулл имел в политическом мире гораздо больше врагов, нежели друзей. Возбуждение в Риме было велико. Все чувствовали, что эта война кладет конец прежней боязливой и отрицательной политике. Людей с честолюбивыми планами было много. Лукулл понял, что настал решительный момент для его будущности, а может быть, и для будущности всей его партии, и на этот раз честолюбие оказалось сильнее его аристократической гордости. К великому изумлению всех, он начал вести интриги с жаром и находчивостью, на которые никто не считал его способным.

Новые женщины в Риме В итальяйском обществе женщины, как это всегда бывает, сохраняли больше мужчин прежние нравы, идеи и чувства. Многие из них в знатных фамилиях вели, подобно матери Цезаря, простой и честный образ жизни, сохраняя до сих пор то примитивное латинское произношение, которое мужчины уже утратили в тавернах, на перекрестках, на форуме, среди болтовни космополитических подонков, стекавшихся в Рим. Но уже появлялись развращенность и испорченность, которые производит в женском мире торговая цивилизация, богатая, образованная и сладострастная. Встречалась уже продажность женщин высших классов, заставлявших богатых мужчин оплачивать свою роскошь, господство умных и испорченных женщин над мужчинами, ослабевшими от наслаждений и расположенными скорее ценить в женщине забавный порок, чем скучную добродетель; погоня за приданным и тирания богатой женщины над своим нищим супругом; встречается и феминизм, т. е. стремление женщин жить подобно мужчинам, заниматься науками, спекуляциями, ездить верхом, играть, участвовать в политике. Между женщинами, являвшимися в Риме представительницами «новой женщины», была любовница Цетега, некая Прения, умная, испорченная, ловкая, располагавшая благодаря своим знаменитым любовникам, а особенно Цетегу, большим влиянием. Лукулл, так же как Антоний, а вероятно, и другие конкуренты, снизошел до ухаживания за ней. Он посылал ей подарки, говорил комплименты и просьбы. Таким путем он заключил мир с Квинтием и щедро оплатил его.³⁴² Прения была тронута посещениями этого человека, самого гордого из всех

---

³⁴⁰ Plut. Pomp., 20.

³⁴¹ Plut. Luc., 6.

³⁴² Ibid.

римских аристократов; она помирила с ним Цетега. Остальное было уже легко уладить.

Митридат и Серторий На помощь прекрасной интриганке, ее поклонникам и фаворитам явился и случай. Митридат с некоторого времени уже приготавливался к новому столкновению с Римом. Он делал запасы зерна и денег. Он продолжал поддерживать хорошие отношения с варварами Фракии и с греческими городами западной половины Черного моря, Аполлонией, Одессой, Томами. С помощью Луция Фанния и Луция Магия, двух офицеров Фимбрии, бежавших к нему после убийства их генерала, он заключил союз с Серторием на следующих условиях: Азия останется римской; Вифиния, Пафлагония, Каппадокия достанутся Митридату, который предоставит Серторию 4000 талантов и 40 кораблей, а Серторий даст ему генерала, Марка Мария.³⁴³ Но смерть и завещание Никомеда побудили отважного властелина поспешить с событиями и воспользоваться благоприятным моментом, чтобы ускорить неизбежное. Неожиданно, весной 74 г.,³⁴⁴ в то время как в Риме еще рассуждали о командовании на предстоящей войне, Митридат двинул свою армию из 120 000 пехотинцев и 16 000 всадников.³⁴⁵

Вторжение в Азию Часть ее под начальством Таксила и Гермократа он послал вторгнуться в Вифинию, гоня перед собой итальянских финансистов и купцов, спасавшихся в Халкедон. Во главе другой армии он захватил Азию, не как ранее, в качестве завоевателя, но как союзник Сертория и в сопровождении Марка Мария, вступавшего в города с знаками проконсульского звания, чтобы от имени Сертория дать им свободу и кассировать часть их долгов.³⁴⁶ Наконец, чтобы возмутить население, Митридат послал маленькие летучие отряды кавалерии под начальством Евмаха,³⁴⁷ Фанния и Митрофана³⁴⁸ в различных направлениях, через великую Фригию, в Киликию и к исаврам Тавра, недавно покоренным. Он возвратился к своей старой политике возбуждать против Рима демократическую и пролетарскую революцию. Если успех не был так велик, как в первый раз, то все же вначале он был значителен. В Азии многие города по Мраморному морю, Парий, Лампсак, Приап, сдались Марку Марию. В Вифинии все города, испуганные нашествием римских капиталистов, перешли на сторону Митридата, исключая Халкедон, удержанный в покорности жившими там римлянами. Страх перед новой революцией пролетариата распространился по всей Азии, где оставались всего два легиона под начальством

---

³⁴³ Plut. Sert., 23–24.

³⁴⁴ Для хронологии и истории этой войны см. Приложение Б.

³⁴⁵ Reinach. M. E., 322.

³⁴⁶ Plut. Sen., 24.

³⁴⁷ App. Mithr., 75.

³⁴⁸ Oros., VI, II, 16.

Милиция Евмаха должна была быть маленькими отрядами кавалерии, а не большой армией, как говорит Рейнак (М., Е., 328). См.: Oros., VI, II, 16.—Впрочем, маленькие колонны кавалерии имели большее значение, чем большие армии, для исполнения поручения, возложенного на этих генералов и состоявшего в возмущении населения путем быстрого передвижения по обширным странам, защищенным небольшими гарнизонами или совсем лишенным солдат.

простого пропретора, в то время как два киликийских легиона, вследствие смерти проконсула, были без начальника. Верные города готовились защищаться собственными силами. Цезарь, у которого потребность заставить говорить о себе сделалась еще более сильной, как только разразилась эта крупная война, прервал свои занятия в Родосе. Он переправился на материк и образовал небольшую милицию, чтобы удержать от возмущения карийские города.³⁴⁹ Этот поступок был важен не сам по себе, а как знамение. Действуя таким образом, Цезарь окончательно порывал с Серторием и остатками партии своего дяди. Он объявлял себя сторонником законности, противником революционной и антиримской политики, партизаном новой политики, желавшей прежде всего возвысить престиж Рима.

Распределение командования Это неожиданное нападение тем более испугало римлян, что они помнили прошлое. Оно тотчас же уничтожило в Риме всякое колебание и всякое отвращение к чрезвычайным мерам. Все считали опасность на этот раз такой же большой, как и в прошлый раз. Все думали, что при таком опасном положении нельзя оставлять Азию на одного пропретора с двумя легионами, а Киликию и вовсе без правителя до следующего года. Лукулл, уже отличившийся в предшествовавшей войне, считался всеми человеком нужным. Ловкая Преция сумела все устроить и всех удовлетворить. Помпей получил средства для продолжения войны с Серторием; Антоний — командование флотом и всем побережьем с поручением разбить пиратов и завоевать Крит, их главную крепость. Котте было поручено защищать Вифинию и Мраморное море. Лукулл получил проконсульство Киликии и поручение изгнать Митридата из Азии с помощью двух киликийских легионов, двух азиатских и легиона рекрутов, набранных в Италии.³⁵⁰ Это было торжество альковной дипломатии и огромная военная ошибка, так как военные операции были разделены между тремя военачальниками без поручения кому-либо верховного командования.

Неудача восстания Как бы то ни было, оба консула должны были ускорить свой отъезд. Они выехали, по всей вероятности, в конце весны или начале лета. Котта, соединившись с флотом союзников, отправился в Халкедон, чтобы видеть, нельзя ли из этого города, еще находившегося во власти римлян, сделать попытку завоевать Вифинию; Лукулл между тем с вновь набранным легионом высадился в Азии. По своем прибытии он нашел положение не таким плохим, как полагали в Италии и как, быть может, думал он сам. Восстание, несмотря на свои быстрые успехи, распространялось не так быстро, как в предшествующий раз. Богатые классы не дали захватить себя врасплох. В народе еще слишком живы были воспоминания о прошлой революции, окончившейся так печально. Ни один крупный город не примкнул к восстанию. Большие приморские города, особенно Кизик, решили ожесточенно сражаться против главы социальной революции и союзника пиратов. Слабые успехи революции, таким образом, удерживали Митридата на севере, и он не осмеливался двигаться вперед в римскую провинцию. Таким образом, Лукуллу легко было призвать к себе два киликийских легиона, восстановить дисциплину в старых

---

³⁴⁹ Suet. Caes., 4:

³⁵⁰ Cicero. Pro Mur., XV, 33; Memnon, 37; Plut. Luc, 6.

легионах Фимбрии, облегчить экономическое затруднение азиатских городов и подготовиться к походу против неприятеля. Но в то время как он с удивительной поспешностью двигал вперед военные приготовления, в Халкедоне разразилось несчастье.

Битва при Халкедоне Митридат, узнав о прибытии Котты с флотом в Халкедон, оставил азиатскую армию и отправился к вифинской армии, чтобы вести ее на штурм Халкедона. Этот город лежал на Босфоре, напротив Византии, и римский флот из Халкедона мог беспокоить понтийские суда, на которых везли из Черного моря в Мраморное море хлеб для армии. Легко вообразить, что произошло в городе, когда Митридат со своей армией прибыл к нему. Богатые финансисты, бежавшие туда и с нетерпением старавшиеся возвратиться к своим делам, теснились вокруг Котты, бывшего, по-видимому, малоспособным человеком. Они побуждали его действовать быстро и попытаться смелым ударом уничтожить Митридата и освободить Вифинию. Котта согласился на это, но после битвы, окончившейся тяжелым поражением на суше и потерей почти всего флота, он принужден был запереться в Халкедоне.³⁵¹ Эта неудача при начале войны была несчастьем, но она, по крайней мере, восстановила единство командования.

Лукулл преследует Митридата Лукулл, продвинувшийся до Сангария с 30 000 пехоты и 2500 всадниками,³⁵² сделался властителем и верховным распорядителем войны на континенте. Известие о поражении не заставило его потерять мужество. Не слушая тех, которые советовали немедленное нападение на Понт, Лукулл продолжал двигаться вперед на понтийскую армию, оперировавшую в Азии, куда Митридат возвратился после победы при Халкедоне. Зная, какое решительное значение будет иметь его встреча с понтийским царем после такого разгрома, Лукулл выказал благоразумие великого полководца. Приблизившись к Митридату, он сперва постарался точно разведать о неприятельских силах и, узнав, насколько они превосходят его силы, решился не рисковать всем в одном сражении. Он отовсюду набирал какое только мог количество хлеба, нагружал его на мулов и лошадей, следовавших за легионами для перевозки багажа и палаток, и упорно шел за неприятелем шаг за шагом, не принимая сражения, каждый вечер замыкаясь в свой лагерь и стараясь внезапными кавалерийскими атаками мешать продовольствованию неприятеля.³⁵³

Митридат нападает на Кизик Митридату только отчасти удалось организовать свою армию по римскому образцу. Несмотря на многочисленных италиков, принятых им на службу, и на введенные реформы, он был принужден и на этот раз начать кампанию с многочисленной и медлительной армией, продовольствование которой становилось все более случайным, более трудным, более несовершенным, по мере того как, углубляясь в Азию, он удалялся от понтийских портов Черного моря, куда его корабли

---

³⁵¹ Это почти все, что можно сказать о битве при Халкедоне, о которой мы имеем очень неполные и противоречивые рассказы: App. Mithr., 71; Plut. Luc., 8; Oros., VI, II, 13. См.: Reinach. M. E., 323.

³⁵² Цифры Плутарха (Luc., 8). Аппиан (Mithr., 72) уменьшает число всадников до 1600.

³⁵³ Plut. Luc., 8.

подвозили хлеб из Крыма. Лампсакский порт был, конечно, недостаточной помощью, а караваны хлеба, подвозимые по суше, шли так медленно и прибывали так неправильно, что армия часто оставалась без хлеба три или четыре дня.³⁵⁴ Таким образом Лукулл в короткое время, пользуясь замешательством, которое он вносил в и так уже несовершенное продовольствование врага, мог причинить столько затруднений неприятелю, что Митридат увидал себя принужденным возвратиться к своим провиантским базам, понтийским портам на Черном море. Однако покинуть провинцию Азию и надежду на обширное азиатское восстание, ограничиться защитой своей собственной страны означало уже признать себя наполовину побежденным. Не будучи в состоянии принудить себя к этому отступлению, гордый монарх пожелал еще раз испытать судьбу. Он задумал смелое предприятие — овладеть Кизиком, самым важным портом Мраморного моря, воодушевить таким образом в Азии свою партию и умирающую революцию и с силой возобновить в самой провинции военные операции против Лукулла, опираясь на большой соседний порт, где можно было выгружать зерно, привозимое из Понта. Однажды вечером он тихо снялся с лагеря, в то время, когда армия Лукулла спала, и форсированным маршем на заре прибыл к Кизику, который он хотел захватить врасплох.³⁵⁵

Двойная осада при Кизике К несчастью, нечаянное нападение не удалось, и Митридат был принужден начать осаду, обложив город с суши и с моря. Лукулл последовал за ним. Царь мог бы атаковать в этот момент римского генерала, но он не осмелился двинуть против него часть армии, с которой осаждал Кизик. И он позволил, в свою очередь, окружить себя обширной линией рвов и траншей, все не решаясь на битву, надеясь, наконец, захватить Кизик и иметь возможность, будучи осажденным и осаждающим в одно и то же время, подвозить провиант по морю, если римляне отрежут ему дороги на суше. Началась двойная осада; судьба войны зависела от упорства жителей Кизика. Если бы город пал, то Митридат, располагавший великолепной операционной базой, легко мог бы отбросить Лукулла из Азии. Если же город устоит, то Митридат в один прекрасный день должен был оказаться в ужасном тупике между осажденными и Лукуллом. Но Лукулл старался внушить мужество жителям Кизика, давая им знать о своем присутствии. Осада продолжалась. Митридат упорствовал и дал зиме себя захватить. Бури сделали трудной доставку провианта. Стал ощущаться недостаток в хлебе и фураже. Трупы людей и животных, оставаясь непогребенными, заражали воздух. Начались эпидемии.³⁵⁶ Один только гордый монарх Понта, которому генералы не смели открыть положение армии, ничего не видал, ничего не знал и упорно хотел захватить Кизик, в то время как армия вынуждена была питаться трупами.³⁵⁷

---

³⁵⁴ Plut. Luc, 8; App. Mithr., 72.

³⁵⁵ Эти события довольно хорошо рассказаны Плутархом (Luc, 8,9), который, вероятно, передает рассказ Саллюстия. Алпиан (Mithr., 72, 73) менее ясен. Поход на Кизик, несмотря на его смелость, не заслуживает критики, которой подвергает его большинство современных историков. Митридату, кроме отступления, не оставалось ничего другого. Само положение объясняет его попытку. Алпиан (Mithr., 73) и Цицерон (Pro Mur., XV, 33) дают ему это же объяснение.

³⁵⁶ Plut. Luc, 9, 10; Appian. Mithr., 73–75; Florus, III, 5; Eutropius, VI, 6.

³⁵⁷ Plut. Luc, 11.

Наконец, и у него открылись глаза, и он сделал попытку спастись бегством. Чтобы обмануть неприятеля, он отправил к востоку в Вифинию кавалерию и весь обоз, в то время как сам направился к морю и повел свою армию на запад, к Лампсаку, где думал соединиться с флотом. Лукулл, действительно, двинулся со своей армией по покрытым снегом равнинам, преследуя медленно отступавшую кавалерию. Он настиг ее при переправе через Риндак, рассеял ее и произвел ужасную резню, захватив 15 000 пленных, 9000 лошадей, большое число выючных животных и огромную добычу. Потом он понял, что главная армия должна была бежать в другом направлении, и быстро вернулся по своим следам. Судьба помогла ему; наводнение задержало армию Митридата на берегах Эдепа, где Лукулл настиг ее и разбил. Кое-какие остатки прибыли в Лампсак, где Митридат собрал их и посадил на суда.³⁵⁸ Вифиния была завоевана. Халкедон освобожден в первых месяцах 73 г. Первая кампания окончилась блестящей победой маленькой проворной армии над армией многочисленной и неповоротливой, которой Митридат тщетно пытался придать римскую быстроту и силу. Во всяком случае, расположение азиатских народов и неуспех новой революции, задуманной Митридатом, были большой подмогой для Лукулла. Азия теперь окончательно принадлежала римлянам.

---

³⁵⁸ Действительно, Плутарх (Лис, 11) описывает эти два бегства как предпринятые одно после другого с некоторым промежутком и, следовательно, как два последовательных намерения. Это же говорит Моммзен (R.C., III, 59). Когда Митридат отослал свою кавалерию, он еще не думал, вопреки рассказу Плутарха, бежать сам; он хотел только очистить лагерь. Снять осаду он решился позднее, и не вследствие резни при Риндаке, как говорит Плутарх, но потому, что не было более возможности держаться в лагере. Как бы то ни было, настоящим бегством было то, которое он предпринял на запад к Лампсаку и о котором одном говорит Аппиан (Mithr., 76).

Вторжение в Понт и преторство Красса

Возвращение Цезаря в Рим. — Настроение общественного мнения. — Восстание Спартака. — Морская война Митридата. — Возрастающее недовольство против правительства. — Цезарь снова вступает на политическое поприще. — День римского политического деятеля. — Лукулл овладевает всей Вифинией и решает двинуться в Понт. — Характер Лукулла. — Охота на рабов в Понтийском государстве. — Окончание войны с Серторием. — Победы Спартака. — Скандал на выборах 71 г. — Марк Лициний Красс: его карьера и его характер. — Он ведет войну со Спартаком и одерживает победу. — Лукулл, его офицеры и солдаты. — Взятие и сожжение Амиса.

Возвращение Цезаря в Рим В 73 г. до Р. Х. Цезарь возвратился в Рим. Мы не знаем, как окончилось его предприятие против Митридата, но всего вероятнее, что, взявшись за оружие в страхе перед воображаемой революцией, он после прибытия в Азию Лукулла быстро распустил свои войска и решил возвратиться в Рим, узнав о своем избрании в понтифики на место своего дяди, Гая Аврелия Котты, умершего в Галлии.

Перемены в Италии В Риме он нашел положение совершенно отличным от того, какое было в его первый приезд с Востока. Все в Италии изменилось, даже древнеримский народный характер, выдержанный и терпеливый, был лишь воспоминанием. Общественное мнение сделалось нервным, легко возбуждаемым, пылким и фантастичным; оно было постоянно только в своем отвращении к правлению, учрежденному Суллой. К жалобам на правительство, уже и ранее многочисленным, присоединился еще специальный мотив, к неудовольствию со стороны римского народа, — частый голод в громадном городе. Особенно тяжел был голод 75 г.³⁵⁹ Население Рима возрастало. Культура винограда и оливковых деревьев увеличивалась; культура же хлеба в Италии все более и более уменьшалась, ограничиваясь удовлетворением потребностей самих земледельцев. Снабжение продовольствием громадного города с каждым годом становилось все труднее.

Меры против голода в Риме Жалобы на правительство были так многочисленны и так настоятельны, что оба консула этого года, Гай Кассий Лонгин и Марк Теренций Лициниан Варрон, младший брат Лукулла и приемный сын Марка Теренция Варрона, предложили, несмотря на свой консерватизм, закон об увеличении хлебной подати, которую должна была поставлять Сицилия. Города, на которые уже была наложена десятина, должны были доставлять еще $1/10$ своего урожая по цене в 3 сестерция за модий. Города, изъятые от платежа десятины, должны были посылать в Рим 800 тысяч модиев (около 70 тысяч гектолитров) зерна, за которое получали по $3\frac{1}{3}$ сестер-

³⁵⁹ Cicero. Pro Plane, 26, 64.

ция за модий.³⁶⁰ Таким образом, считая все зерно, поставляемое даром и по пониженной цене, Сицилия каждый год должна была посылать в Рим почти 600 тысяч гектолитров.³⁶¹

Восстание Спартака В этот же год Риму пришлось испытать еще больший страх. Маленький отряд рабов, бежавший из гладиаторской казармы в Капуе под предводительством раба фракийца по имени Спартак, скоро превратился в настоящую маленькую армию, которая напала на несколько спешно высланных легионов и разбила их. Так как недавно было привезено большое число рабов и господа не успели еще приучить их к послушанию, то самые смелые и дерзкие бежали отовсюду и присоединялись к Спартаку. Италии, казалось, грозило общее восстание рабов.

Операции Митридата на море Кроме того, если победа Лукулла была причиной великой радости, то Марку Антонию печальным образом не удалось его предприятие против Крита. Разграбив немало Сицилию, он был разбит пиратами.³⁶² Рим объял ужас, когда, немного времени спустя, пришло известие, что Митридат, разбитый на суше, с бешенством возобновил войну на море, пользуясь своими союзами с дружественными фракийскими народностями и городами.³⁶³ В то время как легаты Лукулла, Гай Валерий Триарий и Барба, двинулись на вифинские города, еще остававшиеся верными царю Понта, с целью снова овладеть ими, последний опустошал берега Мраморного моря, осаждал Перинф, угрожал Византии и послал часть своего флота под командой Мария в Эгейское море для совместных действий с критскими и испанскими пиратами.

Укрепление власти Лукулла Дело принимало очень серьезный оборот. Боялись, как бы эгейский флот не стал угрожать Италии; беспокоились, что нет флота для ее защиты.³⁶⁴ С бешенством выступали против сената и правительства, так плохо следивших за общественными делами. Сенат поспешно решил, чтобы консул Марк Лукулл в качестве проконсула предпринял на следующий год большую экспедицию во Фракию для уничтожения там союзников Митридата.³⁶⁵ Он назначил его брату Луцию 3000 талантов на постройку флота, как будто флот можно было построить в один день; продлил на год срок командования и, быть может, предоставил ему также управление Вифинией, подчинив ему Котту.³⁶⁶ Таким образом, обстоятельства

---

³⁶⁰ Cicero in Verr. A., II, 3, 70, 163.

³⁶¹ Decotti. P. V., 63.

³⁶² Drumann. G. R., I2, 45.

³⁶³ Bernhardt. C. M. K., 23 сл.

³⁶⁴ Reinach. M. E., 322 сл.; Cicero. Pro Mur., XV, 33.

³⁶⁵ Bernhardt. C. M. K., 25.

³⁶⁶ Трудно определить последовательное расширение власти Лукулла, но мне кажется вероятным, что управление Вифинией было ему дано после освобождения Кизика и Халкедона. Достоверно во всяком случае, что окончательное завоевание Вифинии было произведено Лукуллом и что Котте, даже если он не был совершенно подчинен Лукуллу, давались только второстепенные поручения, например, осада Гераклеи.

заставили сенаторов сделать то, что они должны были предпринять с самого начала: поручить одному лицу высшее руководство войной на суше и на море.

Новая партия действия Возбужденное этими событиями недовольство консервативной партией и сулланской конституцией охватило все классы. Демократическая партия возрождалась под новыми формами, не как партия революционная и составленная из отчаянных людей, но как партия, уважающая законность и состоявшая из всего, что только было самого лучшего в среднем и высшем классах. Повсюду требовали правительства более справедливого, более честного, более энергичного, которое не оставляло бы государства во власти концессионеров, а Италию во власти мятежных рабов.

Многие знатные дома становились оппозиционными клубами, где молодые люди требовали восстановления демократической конституции и возвращения к реформам Гракхов. Чаще всего собирались в доме Сервилии, молодой, остроумной и образованной вдовы Марка Юния Брута, убитого Помпеем в революцию 78 г. Она вышла вторично замуж за Децима Юния Силана, аристократа с демократическими взглядами, и открыла свой дом для всей передовой молодежи высших классов.³⁶⁷ На этот раз Цезарь был принят не только в доме Сервилии, но и во многих других, где его так неохотно принимали после его первого возвращения с Востока. Он скоро был выбран народом военным трибуном, т. е. начальником тысячи солдат на войне. Теперь считалось заслугой быть племянником Мария.

Ободренный таким приемом, Цезарь не замедлил выступить на политическую арену, стремясь к популярности. Но это было нелегко даже для племянника Мария.

Шансы при выборах в Риме Из девятисот десяти тысяч граждан, имевших право голоса, большая часть состояла из мелких торговцев, ремесленников, клиентов и паразитов знатных лиц, государственных чиновников, занимавших низшие должности, предоставленные свободным людям, нищих, людей без определенных занятий или разоренных — и все эти люди легко продавали свой голос.³⁶⁸ Мало-помалу торговля голосами была организована лицами, собиравшими избирательные подонки в клубы, или коллегии. Они приобретали голоса с помощью банкетов, лести, мелких субсидий. Потом они оптом продавали голоса кандидатам, принимая предосторожности, чтобы обеспечить верное исполнение контрактов.³⁶⁹ Напротив, зажиточные римские и итальянские буржуа, крупные откупщики, купцы, собственники, богатые вольноотпущенники, образованные люди, которых богатство, мировое могущество Италии, образованность, дух времени делали гордыми и капризными, голосовали, когда участвовали в комициях, то так, то иначе, в зависимости от личных симпатий, из уважения к могущественным лицам, благодаря надеждам, удивлению, ненависти, заразительному и скоро проходящему энтузиазму, истинным или ложным известиям, пущенным в ход в последний момент. Капризный ветер народного расположения менял свое направление с часа на час. Часто благода-

---

³⁶⁷ Bynum. L. M. J. B., 11.

³⁶⁸ Phlegon, fr. 12 (цифры относятся к 69 г. до Р. X.).

³⁶⁹ Cicero in Verr. A., I, Vili, 21; De petit.consul., V, 19.

ря незначительным случайностям с вечера до утра перепутывались все вероятности; непредвиденная дерзость ниспровергала все, что готовилось так долго. В последний момент долгие колебания избирательной борьбы, благодаря внезапному повороту умов, давали результат, изумлявший всех.³⁷⁰

День римского политического деятеля

Приобрести власть над столь разнородным и непостоянным составом избирателей без помощи господствующей кoterии было нелегко. Цезарь, задумав это, начал свою работу с той вынужденной лести, на которую были осуждены политические деятели Рима. Нужно было встать с зарей, тотчас принимать всех лентяев и любопытствующих Рима и других областей Италии, которые приходили или чтобы только посмотреть на знаменитого римского человека, или с более практической целью — попросить его помощи в процессе, денежного вспомоществования, денег взаймы, общественной аренды, освобождения от военной службы, рекомендательного письма к правителю отдаленной провинции. Ранним утром нужно было являться на форум, чтобы вести там тяжбы, видаться с магистратами, сенаторами, богатыми банкирами и просить их за того или за другого. Нужно было позволять останавливать себя на улице первому встречному, узнавать его при помощи собственной памяти или памяти раба-номенклатора, обязанностью которого было запоминать возможно большее число имен избирателей и ловко подсказывать своему господину, чтобы избиратель мог получить иллюзию, что его знают в лицо. Нужно было иметь для всех приветливое слово, комплимент, совершенно определенное обещание. Нужно было всякий вечер приглашать на обед, присутствовать на свадьбах, похоронах, на всех семейных празднествах возможно большего числа граждан; поддерживать при всех выборах того или другого кандидата. Нужно было среди мелкого люда набрать и регулярно поддерживать известное число клиентов, готовых служить шпионами среди народа, агентами во время выборов, клакерами при произнесении речей на форуме, убийцами в буйной ссоре.

Покорение Вифинии Но час Цезаря был еще далек. В данный момент другие люди возбуждали удивление общества: Помпей, правда медленно, но решительно бравший в Испании верх над Серторием; Лукулл, который, обрадованный своим успехом у Кизика и полный рвения, поспешно набирал флот среди союзников и преследовал понтийский флот в Эгейском море, нападая и разбивая одну за другой различные эскадры, безжалостно убивая всех захваченных в плен италийских перебежчиков, в числе которых был и Марк Марий. Его легаты между тем покоряли вифинские города, еще бывшие под оружием, и собирали огромную добычу из рабов и разного рода предметов.³⁷¹ Таким образом, в середине 73 г. Лукулл покорил своей власти все города Вифинии за исключением Гераклеи. Он принудил Митридата морем возвратиться в свое царство с остатками армии, которую в прошлом году тот привел для завоевания Вифинии. Тогда летом Лукулл созвал в Никомидии военный совет.³⁷²

---

³⁷⁰ Cicero.Pro Mur., XVII, 35; XXVI, 53.

³⁷¹ Reinach. M. E., 332 сл.

³⁷² Plut. Luc, 14; Reinach. M. E., 336.

Военный совет в Никомидии

На этом совете почти все генералы полагали, что нужно дать отдых солдатам до следующей весны.

Но главнокомандующий не согласился с мнением своих помощников. В то время как последние рассматривали вопрос с чисто военной точки зрения, Лукулл переживал тогда решительный кризис. Этот кризис был не только личным кризисом его характера, но великим моральным и политическим кризисом его эпохи, отраженным в этот решительный момент в его пылком и глубоком духе, как небольшое отражение большого предмета в зеркале. Этот человек решал на военном совете не стратегический вопрос. Он хотел смелым актом разрешить противоречия, в которых так долго блуждала вся римская политика.

Перемена в характере Лукулла

Лукуллу было около пятидесяти лет. Он был совершенным образцом той старой римской аристократии, которая своими традиционными качествами могла бы сделать реставрацию Суллы серьезной и продолжительной. Суровый, простой, враг роскоши, денег, иностранных вещей, исключительно образованный, он гордился своей бедностью и презирал популярность и вульгарное честолюбие. К несчастью, этот аристократ был в Риме археологической редкостью, одним из последних представителей уже давно исчезнувшего типа людей. Продолжая сам держаться старых римских доблестей, Лукулл видел, что вокруг него распространяются богатство, роскошь, жажда удовольствий, желание возбуждать удивление. Он видел, что его друзья, разбогатевшие во время проскрипций, уважаются более, чем он, оставшийся бедным, и что Помпей, мало рисковавший в междоусобной войне, так быстро и так высоко поднимается в силу своей популярности. Человек деятельный, очень умный и благородно честолюбивый, он уже давно должен был спросить себя, не кончит ли он, продолжая играть эту столь старомодную роль, тем, что принесет себя в жертву бессовестным честолюбцам. Он хорошо понимал, что робкая и неопределенная политика его партии справедливо вызывает порицание всей Италии, что сулланское правительство будет ниспровергнуто, если оно окажется ни на что не способным. Интриги, к которым он прибег, чтобы получить командование на войне, были первым видимым знаком перемены, которой до тех пор никто не подозревал и которую, может быть, не признавал и сам Лукулл. Его чрезвычайный успех ускорил эту перемену. После побед при Кизике и на Эгейском море Лукулл решил усвоить политический метод Помпея, несколько не считавшегося с законностью, и тотчас, не дожидаясь приказаний сената, вторгнулся в Понт.

Политика личной инициативы

Он слишком хорошо знал свой круг в Риме, чтобы сомневаться в том, что если бы он ждал сенатских инструкций, то, по истечении довольно долгого времени, получил бы приказ ничего не делать, выжидать и возвратиться в Рим. Напротив, если он предпримет большую экспедицию, в течение которой было бы неразумно его отзывать, то ему легко будет продолжить свои полномочия, и если вожди народной партии будут угрожать ему оппозицией, то он был теперь в состоянии подкупить их восточным золотом.³⁷³ Отмщение за дарданский договор, расплата с Митридатом, конечно, стоили этой уступки испорченным политическим нравам эпохи. Итак, в результате военного совета в Никомидии Лукулл решил,

---

³⁷³ Sallust. Hist., IV, fr. 71 (Maurenbrecher).

несмотря на противодействие почти всех своих генералов, тотчас же овладеть царством Митридата. Котта должен был в течение этого времени осаждать Геракл ею; Триарий ожидать с 70 кораблями в Геллеспонте понтийские эскадры, возвращавшиеся из Испании и Крита. Сам же он со всей своей армией двинулся на две гавани Амис и Фемискиру с целью основать свою продовольственную базу на время долгой кампании в горных областях Понта, в треугольнике, образованном Кабирой, Амасией и Евпаторией; сюда удалился Митридат, подготавливавший новую кампанию и выжидавший результата своих просьб о помощи, посланных к его зятю Тиграну, царю Армении, к сыну Махару, наместнику Крыма, и к скифам.³⁷⁴

**Великий империалист
вторгается в Понт**

Лукулл сделал свои приготовления с удивительной быстротой: в короткое время проведя свою армию через Вифинию и Галатию, он перешел границу Понта.

Враг, так долго угрожавший, вызывавший и нападавший на римлян, был, наконец, принужден защищаться. Но это было нечто гораздо более значительное, чем простая, хотя бы и очень важная война. Лукулл этим вторжением изменил не только характер серьезной и продолжительной войны, но и всю внешнюю римскую политику. Благодаря этому вторжению в Понт впервые определились наступательный империализм и политика личной инициативы генералов, которые в десять лет сделали великой политической силой Рима и заменили неопределенные, колеблющиеся и противоречивые действия сената. Начиная первым на свой собственный риск эту новую политику, которой Помпей и Цезарь скоро будут обязаны своей славой, Лукулл открыл Италии новое положение, в котором она находилась. Он показал ей, насколько она сильнее великих государств, внешне таких могущественных и страшных. Он побудил ее броситься на них, покорить их и разграбить. Он вошел со своей армией в беззащитный Понт и отдал эту богатую, населенную и уже долгое время наслаждавшуюся миром страну своим солдатам, которые расхищали стада, съестные припасы, драгоценные предметы и захватили массу рабов, забирая всякого попадавшегося им в руки: мужчин и женщин, богатых и бедных, крестьян и горожан. Те, которые могли выкупиться за достаточную сумму, оставались на свободе; остальные были продаваемы купцам, следовавшим за армией. Скоро в римском лагере раб стоил только 4 драхмы.³⁷⁵ Но армия не была еще удовлетворена. Жаловались, что генерал в поспешности едва дает время схватить кое-что и что он часто принимает сдачу городов и деревень с обещанием уважить собственность.³⁷⁶ Эти жалобы были бесполезны: Лукулл, бывший очень строгим вождем, не обращал на них внимания. Он быстро вел свои легионы под стены Амиса и Фемискиры. Но упорное сопротивление этих двух городов принудило римскую армию провести зиму в траншеях.

Поражение и бегство Митридата

Весной 72 г. война против Митридата и его союзников с новой силой возобновилась в Понте, во Фракии и в Испании. Лукулл, узнав, что новая армия Митридата по-

---

³⁷⁴ Appian. Mithr., 78.

³⁷⁵ Ibid.; Plut. Luc., 14.

³⁷⁶ Plut. Lus., 14.

чти готова, и не желая быть атакованным под стенами двух городов, смело решился двинуться ей навстречу с частью своей армии, в то время как другая должна была продолжать осаду под командой его генерала, Луция Лициния Мурены. Затруднение в продовольствовании сделало поход и кампанию тяжелыми и опасными. Но Лукуллу помогла измена некоторых понтийских военачальников, которых он подкупил, и ему удалось нанести решительное поражение Митридату, потерявшему в прошлом году при нашествии на Азию и Вифинию свою лучшую армию и не получившему просимой помощи. Лукулл захватил лагерь и сокровища Митридата, но не самого царя, который в беспорядке бегства спасся, отдав сперва приказ убить всех женщин своего гарема.³⁷⁷

Операции во Фракии В это время Марк, брат Лукулла, посланный в Македонию в качестве проконсула, окончательно завоевал Фракию, переправился через Балканы и достиг Дуная.³⁷⁸ Он приказывал рубить руки целым племенам, чтобы утратить другие,³⁷⁹ и грабил не только деревни варваров, но и прекрасные прибрежные греческие города,³⁸⁰ дружественные Митридату.

Конец войны с Серторием Со своей стороны, Помпей в Испании, наконец, окончил войну, главным образом, благодаря измене Перпенны, убившего Сертория. Теперь он начал опустошительную и истребительную войну против городов, бывших на стороне Сертория или принявших к себе его сторонников.³⁸¹

Распространение восстания рабов в Италии Напротив, в Италии Спартак, разбив обоих консулов этого года, победоносно шел по полуострову с одного конца до другого, сопровождаемый тучей купцов, не стыдившихся продавать врагу своего класса железо и другой материал, необходимый для мечей и прочего оружия.³⁸² Высшие классы и зажиточная буржуазия дрожали за свои недавно насажденные виноградники и оливковые деревья, которые могли вырубить эти банды, за свои фермы, за хорошо устроенные погреба, опустошаемые восставшими рабами, за верность рабов, только недавно привезенных в Италию и не освоившихся еще со своим новым положением. Что же, однако, делал этот сенат из воров и концессионеров, годных для грабежа незащищенных провинций? В этом впечатлительном и нервном поколении все было заразительно, как храбрость, так и трусость. Солдаты, посланные сражаться против Спартака, офицеры, политики — все были деморализованы до такой степени, что при выборах 71 г. явился недостаток в кандидатах. Все были испуганы при мысли, что им придется командовать армией про-

---

³⁷⁷ Reinach. M. E., 337, 342.

³⁷⁸ Преувеличениям Флора (III, 4, 6) надо противопоставить для выяснения истинных размеров этих экспедиций Евтропия (VI, 10), Аппиана (III, 30), Орозия (XI, III, 4), Сервия (in Verg. Aen., VII, 605).

³⁷⁹ Florus, III, IV, 7.

³⁸⁰ Drumann. G. R., IV, 178; Eutropius, VI, 10.

³⁸¹ Drumann. G. R., IV, 376.

³⁸² Appian. B. C, I, 117.

Красс Сенат понял, что этот скандал переполнил меру общественного негодования, что нужно во что бы то ни стало найти энергичного человека, способного положить конец войне. Он нашел его в лице претора того года, Марка Лициния Красса, потомка знатной фамилии, который, как мы видели, отличился во время реакции среди друзей Суллы. Любимец судьбы, он получил все ее дары: знатное происхождение, богатое наследство, редкий и быстрый случай выдвинуться, блестящее воспитание, живой, развитой, любознательный ум, смелость и терпение. Он уже составил себе прекрасную военную репутацию, выиграв во время междоусобной войны своевременным вмешательством в битву при Porta Collina одну из самых важных битв Суллы, последним чуть не проигранную. Потом, несмотря на свое богатство, он увеличил свое отцовское наследие, покупая имущества осужденных. Отчасти замешанный в репрессиях Суллы, он, благодаря своим богатствам, сделался важным лицом для того, чтобы быть избираемым в законном порядке на все должности вплоть до претуры. Он с успехом занимался спекуляциями и стал одним из самых могущественных капиталистов Рима. Он открыл свой дом восточным мудрецам. Он изучал философию и пользовался своими счастливыми способностями в литературе и красноречии. Богатый, умный, известный и могущественный, Красс должен был бы быть удовлетворенным. Но одно его беспокоило — слава Помпея, бывшего почти его сверстником и товарищем по оружию в войне с революцией. Судьба ему так улыбалась — и Крассу легко было прийти к мысли, что как генерал он стоит столько же, сколько Помпей и Лукулл, что в красноречии он равен Цезарю и что он никому не уступит места в почестях, могуществе и общественном уважении. К несчастью, его натура была скорее натурой осторожного и скупого банкира, чем натурой великого, смелого, экзальтированного и расточительного честолюбца, способного властно увлекать толпы. Это был человек с умеренными потребностями, чуждый пороков, благовоспитанный,³⁸⁴ любящий свое семейство, в жизни и во всех делах, в которых он принимал участие, выдававший удивительный порядок, точную и упорную ревность. Он с благоразумием и упорством пользовался всеми выгодными случаями, крупными или мелкими. Он давал в долг многим, выступал на защиту всех дел, какие только ему предлагали, брался даже за столь отвратительные, что Цезарь отказывался говорить речи в их защиту. Он расточал свои любезности, приветствия и комплименты людям всякого рода. А между тем он гораздо менее вызывал к себе удивления и не был так популярен, как Помпей, который, казалось, принимал почести и знаки уважения с гордым пренебрежением, по крайней мере не домогаясь их явно, и который уже получил триумф и звание проконсула, не занимая никакой должности. А он был только еще претором! Красс не имел ни одного из тех качеств, которые нравятся массам. Точный делец и счетчик слишком вредил в нем политическому человеку. Он ни к кому не чувствовал смертельной ненависти, ни к кому не привязывался навсегда. Он не был жестоким ради удовольствия, но отнюдь не имел и кастовой или аристократической честности. Не замечая этого и, напротив, воображая себя щедрым, он старался

³⁸³ Ibid., I, 118; Oros., V, XXIV, 5.

³⁸⁴ Velleius, II, 46, Drumann.G.R., IV, 111.

извлечь выгоду из всех своих поступков, от всех лиц, которые к нему приближались. Вельможа по расчету, а не по инстинкту, он вслед за блестящей щедростью обнаруживал позорную мелочность, неумолимо требуя, например, возвращения сумм, одолженных по любезности, если при наступлении срока он считал, что не нуждается более в своем должнике. Таким образом он терял почти всю выгоду щедрых услуг, которые оказывал.³⁸⁵

Его кампания против Спартака Если, однако, принять в расчет кредит и военную репутацию этого богача, то легко можно понять, почему он был выбран для ведения войны против Спартака. Побуждаемый славой, приобретенной Помпеем благодаря его испанским победам, и хорошо зная, что победитель рабов сделается очень популярным, Красс тотчас же энергично принялся за дело. Он начал с того, что победил заразительную трусость солдат, возобновив пример строгости, к которому уже долго не прибегали: он велел казнить каждого десятого человека из первых когорт, побегавших перед неприятелем.³⁸⁶ Но все же, несмотря на несколько поражений врага, ему не удалось ни уничтожить, ни захватить вождя рабов, так что он сам на мгновение почти упал духом.³⁸⁷ Раздражение зажиточных классов возрастало. Сенат, наконец, решил вызвать в Италию Помпея, чтобы поручить ему покончить со Спартаком.³⁸⁸

Конец восстания рабов Красс, чтобы не допустить отнять у себя славу окончания войны, удвоил быстроту, энергию и храбрость. Спартак был гениальным человеком и делал чудеса, но его сбродная армия не могла сопротивляться без конца: раздоры, отсутствие дисциплины, дезертирства явились на помощь Крассу, который мог, наконец, выиграть битву, в которой Спартак пал.³⁸⁹ Когда Помпей возвратился из Испании, ему осталось рассеять только один отряд беглецов, встреченный им в Альпах.³⁹⁰ Шесть тысяч рабов, захваченных в плен живыми, были распяты вдоль Аппиевой дороги³⁹¹ для устрашения их товарищей по рабству. Знать как всегда была безжалостна к мятежникам. На этот раз и средние классы, начавшие владеть рабами и выказывавшие во всяком другом случае человеческие чувства, сделались жестокими.

Лукулл и его армия Между тем Лукулл, проводший зиму 72–71 гг. в Кабире во дворце бежавшего царя,³⁹² пользовался своей маленькой армией для окончательного завоевания Понта, всегда обращаясь с ней как с

---

³⁸⁵ Plut. Crass., 6, 7.

³⁸⁶ Appian. B. C., I, 118; Plut. Crass., 10; Drumann. G. R., IV, 79.

³⁸⁷ Plut. Crass., 11.

³⁸⁸ Мне кажется, это следует из Аппиана (B. C., I, 119). Вероятно, сенат, а не народ призвал Помпея для окончания войны, но сенат был побужден к этому общественным мнением.

³⁸⁹ Plut. Crass., 11; App. B. C., I, 120.

³⁹⁰ Plut. Pomp., 21; Crass., 11.

³⁹¹ App. B. C., I, 120; Oros., V, XXIV, 7.

³⁹² Phlegon, fr. 12.— Если начать войну с 74 г., то исправление текста, предложенное Рейнаком (M. E. 336 пр. 2), представляется ненужным. См.: Bernhardt. C. M. K., 21, пр. 5.

неодушевленным орудием, а не как с живым чувствующим телом. Перемена, начавшаяся после побед 74–73 гг., в таком сильном, преувеличивающем и страстном человеке, как Лукулл, совершилась быстро. Трудно было бы узнать прежнего легата Суллы, бедного и гордого, в этом честолюбивом, жадном и интригующем генерале, который заставил дать себе управление Азией и соединил под своей властью весь Восток. Он оплачивал в Риме лидеров народной партии и после всякой победы, после каждой сдачи города и грабежа отправлял в Рим громадное количество мулов, нагруженных золотом, серебром, произведениями искусств. Таким образом, при соприкосновении с восточными богатствами алчность пробудилась в этой душе, сопротивлявшейся ужасным искушениям грабежа даже среди проскрипций. Но по странному, хотя и вполне человеческому противоречию он в качестве полководца оставался стойким аристократом древних времен, не допускающим, чтобы легионы имели какое-нибудь другое право, кроме повиновения, требовательным и суровым со всеми до абсурда, особенно когда нетерпеливое честолюбие возбуждало его страстную душу. После всякого успеха он задумывал новое предприятие, еще более великое. И жажда выполнения безвозвратно бросала его, уже так легко поддававшегося пристрастиям, в состояние слепой галлюцинации. Его неограниченная власть, слава, порождаемая успехами, важные проекты, которые он обдумывал, его честолюбие и алчность, тем более сильные, что они были очень недавнего происхождения, делали беспредельными его гордость, нетерпение, грубую откровенность и эгоизм. Солдаты жаловались, что он никогда уже не появляется среди них как товарищ, переходя из палатки в палатку, чтобы дружественно говорить с ними, хвалить их, ободрять. Жаловались, что он всегда поспешно проезжал верхом со своей свитой только тогда, когда этого требовала служба; что, занятой и мрачный, он имеет глаза и голос только для того, чтобы открывать их ошибки, наказывать за них и требовать после одной службы новую, еще более опасную и тяжелую. Жаловались, что если он и соглашается дать им какое-нибудь вознаграждение из захваченной добычи, то делает это с жадностью и как бы боясь их развратить своей снисходительностью. Офицеры, принадлежавшие в большинстве к знатым фамилиям, жаловались также, что он постоянно упрекает их за их изнеженность, медлительность, неспособность, не обращая внимания ни на их имя, ни на их звание; что он нетерпеливо посылает приказ за приказом, как будто бы они состоят из железа, подобно ему, и никогда не должны уставать; они делают все хорошо, но никогда не могут удовлетворить его.³⁹³ Однако Лукулл любил своих солдат и ценил многих из своих офицеров, но в поспешности, с которой он думал и действовал, он не отдавал себе отчета в огромном влиянии, какое в известные моменты может иметь похвала или любезность. Охваченный демоном корыстолюбия, отсылая в Италию своим управляющим огромные суммы денег, массу произведений искусства и драгоценностей, он не видел, что впадает в противоречие, желая обуздать свирепую жадность своих солдат; как будто бы они должны были трудиться только ради его славы.

Взятие и сожжение Амиса Солдаты ожидали, что Лукулл двинется для захвата маленьких, расположенных на высоких горных вершинах, хорошо защищенных крепостей, в которых хранились дворцовые

---

³⁹³ Dion., fr. 330, 16 (Gros.); Plut. Luc, 33.

сокровища — драгоценные металлы, мебель, драгоценности,³⁹⁴ и отдаст им, в вознаграждение за их усталость, сундуки и утварь врагов Рима. Но Лукулл вполне основательно полагал, что благоразумнее сделаться сперва господином всего Понта, захватив крупные греческие города: Амасию, Амис, Синоп. По своему обычаю, как истый полководец древних времен, он нисколько не считался с желаниями солдат. Добившись с помощью денег сдачи некоторых крепостей, он повел недовольные легионы на завоевание этих городов, бывших последними памятниками цивилизаторской мощи Греции на Черном море. Их сопротивление было долго и упорно, потому что со времени плохого управления пергамским царством римское владычество было ненавистно и ужасно для всех азиатских греков. К концу 71 г. был взят только один Амис.³⁹⁵ Для Лукулла была ужасной та ночь, когда солдаты, захватив город неожиданным нападением, бросились с факелами по улицам для убийства и грабежа и в смятении подожгли многие дома. Лукулл был типичный римский генерал, но он имел ум великодушный, смягченный культурой, и был горячий поклонник эллинизма. Когда он увидал в огне Амис, Афины Понта, он бросился, как сумасшедший, в середину солдат, пытался призвать их к разуму и к дисциплине, заставить их потушить огонь и спасти это удивительное творение боготворимой им цивилизации. Это значило требовать слишком многого. Солдаты, уже давно недовольные своим генералом, потеряли терпение. Теперь, когда они, наконец, вознаградят себя за долгую усталость, по-своему, грубо бросившись на богатый город, — этот генерал еще требует от них глупой умеренности. Лукулл едва не был разорван на куски бешеной солдатчиной. Он должен был со слезами удалиться и позволить грубой солдатчине броситься на прекрасную дочь Афин. Ужасный символ этой эпохи, когда наряду с высокими способностями духа очищаться в желании и наслаждении самым благородным в мире, животный инстинкт был спущен с цепи в борьбе человека с человеком за завоевание богатства и власти. Старая военная суровость, олицетворяемая Лукуллом, должна была уступить перед этим бунтом солдат, охваченных жадой грабежа. Полководец мог только впоследствии отпустить на свободу уцелевших от резни и снова отстроить город.³⁹⁶

---

³⁹⁴ Reinach. M. E., 260.

³⁹⁵ Ibid., 349.

³⁹⁶ Plut. Luc, 19; Appian. Mithr., 83. Memnon, 45.

IX

Новая народная партия

Красс и Помпей — кандидаты на консульство. — Примирение Красса и Помпея. — Демократические законы Помпея. — Обвинение сицилийцами Верреса. — Консервативная партия и защита Верреса. — Новые несогласия между Помпеем и Крассом. — Выборы 69 г. и судебный закон Котты. — Интриги Верреса. — Процесс Верреса и первый крупный успех Цицерона. — Лукулл овладевает Синопом, Амасией и Гераклеей.

Положение Помпея В то время, как Лукулл вел войну в Азии, консервативная партия все более теряла под собой почву в Италии. Успехи ее военачальника на Востоке нисколько не улучшили ее положения. Все понимали, что это была личная инициатива Лукулла, а не политика сената. Даже среди знати умы склонялись к идеям демократической реформы, и один из наиболее деятельных и знаменитых молодых людей консервативной партии готовился покинуть ее и перейти в ряды противников сулланской конституции. Во второй половине 71 г., вернувшись в Рим после испанской войны, Помпей не был уже более, как при своем отъезде, молодым любимцем Суллы, которому все предсказывали блестящую будущность. После своих побед над Серторием, значение которых было преувеличено и которые доставили ему такую большую популярность во всей Италии, он, в возрасте 36 лет, сделался одним из главных деятелей республики. Он мог быть поставлен наряду с самыми влиятельными и уважаемыми людьми, хотя не занимал никакой должности и не был даже сенатором. Ни один человек нового поколения, даже сам Красс, не имел больших успехов. Тем не менее Помпей понимал, что такое привилегированное положение возбуждает к нему сильную зависть. И по возвращении из Испании он решил упрочить свое положение, выступив, наконец, подобно другим, кандидатом на государственную должность. К несчастью, ему было так же трудно выйти из исключительного положения, как трудно было и создать его. Помпей, командовавший армиями в качестве проконсула и получивший титул императора, не мог начинать снова свою карьеру с квестуры и эдилитета, как требовали законы. Он решил сразу домогаться самой высшей магистратуры, выставить свою кандидатуру на консульство 70 г. и вступить в ряды должностных лиц с помощью неправильности, большей, чем все другие, ибо он не имел ни возраста, ни других условий, требуемых для избрания в консулы.

Он снова переходит к демократам Момент был удачный, но затруднения многочисленны — и уже было недостаточно тех средств, которыми он располагал до сих пор для получения стольких чрезвычайных почестей. Он не мог сомневаться, что его кандидатуре всеми силами воспротивится консервативная партия, где столько лиц завидовало его исключительной карьере и старалось препятствовать ему в испанской войне, не давая средств для ее продолжения. С другой стороны, за то время, пока Помпей сражался в Испании, положение его и его партии сильно изменилось. Помпей воз-

высился настолько же, насколько упала консервативная партия. Он вместе с Крассом был теперь человеком «дня» и самым популярным полководцем. Все, напротив, жаловались на консервативную партию и на конституцию Суллы, высказывая, что нужно покончить с таким слабым, неумелым и испорченным правительством. Честолюбец без совести и без принципов, уверенный в самом себе после стольких успехов, полный злобы против своей партии, Помпей понимал, что он ни на что не может надеяться более от реакции. Он ни минуты не сомневался, что сделается самым популярным человеком в Италии и доставит торжество оппозиции, если станет во главе демократической партии. Он испытывал удовольствие отомстить за помехи своим прежним друзьям, старавшимся изменить ему во время войны. Он стал сближаться с народными трибунами, обещая им восстановить трибунскую власть (*tribunicia potestas*), если будет избран консулом. Естественно, эти шаги были с энтузиазмом приняты народной партией, которой недоставало знаменитых вождей. Нашли, что человек, столь замечательный по своему происхождению, по своему прошлому, по своему социальному положению, по своей популярности, вполне стоит принесения в жертву некоторых страшных воспоминаний.³⁹⁷ Забывали роль Помпея в междоусобной войне и его бывшее реакционное бешенство. В несколько дней друг Суллы, человек, убивший Юния Брута и потопивший в крови восстание Лепида, сделался любимым главой народной партии и ее кандидатом на консульство.

Однако Помпей, вероятно, не достиг бы так легко избрания в консулы, если бы не имел для этого очень странного шанса. Красс, прежняя злоба которого снова возгорелась благодаря вмешательству Помпея в войну с рабами,³⁹⁸ пожелал сам быть консулом, когда узнал о кандидатуре Помпея. Но кандидатура Красса, хотя и менее незаконная, чем кандидатура Помпея, все же не была вполне правильной, так что оба полководца, взаимно ненавидевшие друг друга, поняли, что им необходимо соединиться: Помпею для того, чтобы с помощью Красса, столь могущественного в сенате, победить оппозицию сенаторов, Крассу, гораздо менее популярному, чем Помпей, — для того, чтобы быть рекомендованным народу последним.³⁹⁹

Красс и Помпей избраны консулами

И этот союз состоялся. Оба под предлогом ожидания триумфа сохранили под ружьем свои армии в окрестностях Рима. Устрашенный сенат уступил и допустил обе кандидатуры. Комиции без борьбы выбрали Красса и Помпея консулами на 70 г., и Помпей попросил своего друга Марка Теренция Варрона составить ему памятную книжку об обязанностях консула, о которых он не имел никакого представления.⁴⁰⁰

Раздор между Крассом и Помпеем

Обещания Помпея и популярность, которой он уже пользовался в среднем классе, давали народной партии надежду, что в это консульство будут проведены так

---

³⁹⁷ Drumann. G. R., IV, 379.

³⁹⁸ Plut. Pomp., 21; Crass., 11.

³⁹⁹ Plut. Pomp., 22; Crass., 12.

⁴⁰⁰ Aul. Geli., XIV, 7.

долго ожидаемые реформы. Но в продолжение месяцев, протекших между выборами и концом года (консулы вступали в должность 1 января), эти надежды были смущены враждой, продолжавшейся между обоими консулами, несмотря на их предвыборное соглашение. Красс колебался следовать за своим товарищем в его перемене и помогать его реформационным проектам. Он, вероятно, боялся, что слава этих реформ всецело достанется его столь ненавистному товарищу, взявшему на себя их инициативу, и был слишком консервативен по рождению, по склонности, из выгоды, чтобы не беспокоиться последствиями победы демократии. Выполняя эту реформу, не приходилось ли скрыть до основания все дело Суллы, его моральную законность, его законную силу? А Красс был не только одним из наиболее ловких орудий Суллы, но и приобрел также на огромную сумму имущества осужденных. Не будучи в состоянии прийти к соглашению, ни один из консулов не распускал свои легионы. Даже после вступления в Рим и празднования овации Красс заявлял, что удержит свою армию в полном составе столько же времени, сколько и Помпей. Помпей, со своей стороны, особенно подчеркивал свои обещания, благоприятные для народной партии. Когда народный трибун Марк Лоллий Паликан между концом ноября и началом декабря вывел за городские стены к нему в середину армии, с которой он ожидал триумфа, большую толпу для выслушивания его консульской программы,⁴⁰¹ Помпей произнес очень смелую речь. Он говорил, что уже давно все видят открытую продажу голосов в судах в пользу лиц, предложивших наивысшую цену; что должно положить конец невыносимым злоупотреблениям судей и провинциальных правителей; он дал понять, что желает восстановить во всей целостности прерогативы народных трибунов. Успех был полный. Но Красс все еще колебался, и это несчастное несогласие обоих консулов могло уничтожить все прекрасные намерения Помпея.

Публичное примирение Красса и Помпея

Их друзья решили вмешаться. Устроили громадные народные демонстрации, чтобы потребовать у Красса и Помпея их примирения; так что, когда Помпей 1 января вступал в должность, Красс был побежден большим народным движением и объявил себя готовым поддерживать политику своего товарища. Примирение произошло публично в первые дни консульства. Армии тотчас были распущены,⁴⁰² и скоро среди крупных раздач хлеба, организованных Крассом, и пышных празднеств, устроенных Помпеем, последний повел атаку против сулланской конституции. Он требовал возвращения трибунам власти, отнятой у них Суллой, особенно права предлагать законы без утверждения сената. Так как последнее предложение все же должно было быть утверждено сенатом, то началась сильная агитация среди народа для изменения сенатского большинства. Цезарь, постоянно искавший случая выдвинуться, бросился в борьбу и произносил длинные речи в народных собраниях,⁴⁰³ а Красс ловко пустил в ход все

---

⁴⁰¹ Cicero in Verr. A., I, 15; Ascon, 148 (Orel.)

⁴⁰² У Аппиана (В. С, I, 121), а не у Плутарха (Pomp., 23; Crass., 12), следует искать истину об этих несогласиях и примирении, как бы ни был краток рассказ первого. Действительно, Светоний (Caes., 19) утверждает, а вся история с 70 по 60 г. доказывает, что Помпей и Красс были в натянутых отношениях, когда покидали консульство.

⁴⁰³ См.: Suet. Caes., 5.

влияние, которым он располагал в сенате.

Веррес и сицилийцы Возбужденные этой агитацией и очевидной слабостью консервативной партии, злоба и ненависть, уже давно накапливавшиеся против клики, эксплуатировавшей в свою пользу сулланскую реакцию, прорвались со всех сторон. Настроение повышалось, и, в то время как вожди довольствовались нападками на законы, народ хотел жертвы. Случай доставил ее в лице некоего Гая Верреса, прежнего офицера народной партии во время революции, успевшего, подобно Цетегу, вовремя спрыгнуть с гибнущего корабля. Перейдя на службу к консервативной партии, он был выбран претором на 74 г. Посланный потом в качестве пропретора в Сицилию, Веррес благодаря влиянию своих римских друзей сумел остаться там три года вместо одного. Грабил ли и расхищал он так Сицилию, как говорили его враги? Не были ли злодеяния Гая Верреса, по крайней мере отчасти, преувеличенной легендой, распространявшейся из политической ненависти? Трудно судить человека, обладая только обвинительными актами. Как бы то ни было, достоверно, что уже давно в Риме говорили о том, что Веррес совершает бесчисленные злоупотребления не только с точки зрения сицилийцев, но и с точки зрения римских граждан, что эти злоупотребления разорили самую главную житницу Рима.⁴⁰⁴ Жалобы были так настоятельны, что преемник Верреса, Луций Метелл, несмотря на свой консерватизм, явился в Сицилию с искренним намерением исправить ущерб, причиненный Верресом.⁴⁰⁵ Обрадованные этими приготовлениями, сицилийские города отправили в Рим посольство, чтобы поддержать обвинение.

Демократы берутся за дело Верреса Во всякий другой момент это обвинение постигла бы та же участь, как и прочие заявления, сделанные в Риме провинциями после победы Суллы и реакции: слишком много интересов соединялось вместе против истины и справедливости в этих процессах, где вопрос шел о праве грабить провинции, которое присвоили себе члены правительства. Не будучи никогда в состоянии найти себе влиятельного патрона среди консерваторов, принужденные, чтобы найти себе хоть каких-нибудь защитников, обращаться к демократической партии, столь еще слабой в то время, несчастные жалобщики вынуждены были обычно бороться против страшной мощи партийного духа, тайного соучастия и классовых интересов с таким слабым оружием, как справедливость своего дела. На этот раз, напротив, сицилийские депутаты прибыли в Рим при начале агитации в пользу конституционной реформы. Общественное мнение тотчас же стало на их сторону. Помпей и вожди демократической партии, понимая, что громкий процесс о лихоимстве является прекрасным случаем для возбуждения вражды против консерваторов, приняли дело под свое покровительство, решив не допустить замять его, как заминали столько других. Если сицилийские депутаты не нашли для себя знатного патрона, то они нашли себе еще лучшего покровителя в лице Марка Туллия Цицерона, молодого человека 36 лет, очень образованного, красноречивого, свободного от каких бы то ни было связей с консервативной партией и стремящегося сделаться видным деятелем.

---

⁴⁰⁴ См. прекрасную работу Ciccottì: P. V., 79 сл.

⁴⁰⁵ Cicero in Verr. A., II, 25, 62 сл.

Карьера и честолюбие Цицерона

Родившись в Арпине, в небогатой всаднической семье, Цицерон принадлежал к классу, который мы назвали бы теперь провинциальной буржуазией; он был воспитан в честной муниципальной простоте доброго старого времени, получил очень тщательное образование и отправился в Грецию слушать курсы философии и красноречия. Его суровая юность, вся наполненная учением, подобно юности прежних римлян, не знала забав, рассеяний и кутежей, в которых столько молодых людей предшествовавшего поколения растрачивали свое время и свои состояния. Однако не политическое честолюбие или надежда играть выдающуюся роль в республике давали этому молодому человеку силу так хорошо постичь трудное искусство красноречия. Когда, получив после смерти отца небольшое наследство — поместье в Арпине, дом в Риме и небольшую сумму денег, он поселился в Риме, там господствовал Сулла, и аристократическая реакция устраняла от политической карьеры молодых людей всаднического сословия. Цицерон, бывший честным человеком, ужасавшимся всем преступлением, совершаемым сулланской шайкой, очень скоро должен был убедиться, что доступ к власти навсегда будет закрыт для молодого человека, прибывшего, подобно ему, из Арпина и не желающего служить ни Сулле, ни его палачам. Одаренный всеми качествами, которые образуют артиста: воображением, чувствительностью, вкусом к красоте и жаждой славы, — он без труда отказался от мечты о политическом величии и решил сделаться знаменитым адвокатом, властителем форума, соперником Гортензия и великих ораторов.

Цицерон как адвокат

Его выступления были полны блеска. Побуждаемый своим юношеским честолюбием, ненавистью к партии Суллы, негодованием против реакционных насилий, Цицерон взялся за защиту несчастных, преследуемых под разными предлогами любимцами диктатора; самой выдающейся его защитой было выступление за Росция. Его великодушная отвага и его действительно чудесное красноречие скоро сделали его знаменитым; его известность позволила ему заключить, около 77 г., очень выгодный брак с Теренцией, женщиной, принадлежавшей к уважаемой и богатой семье, которая принесла ему приданое в 120 000 драхм. Она владела домами в Риме и лесом возле Тускула. Благодаря своей зажиточности, если не богатству, Цицерон, живший с крайней простотой, мог продолжать свои защиты в судах, сохраняя гордую независимость перед лицом консервативной партии и совершенно осуществляя древний идеал адвоката, не допускавшего и мысли, чтобы помощь на суде была оплачиваемой профессией, а рассматривавшего ее как социальную повинность, бесплатно несомую богатыми людьми. В то время как Гортензий и другие знаменитые адвокаты, принадлежавшие к консервативной партии, заставляли платить себе огромные суммы, особенно когда защищали правителей, обвиняемых во взяточничестве, охотно участвуя таким образом в их грабежах, никто не соблюдал строже Цицерона *lex Cincia*, запрещавший адвокатам брать гонорар со своих клиентов. Его честность, его равнодушие к деньгам, простота его жизни, смелая независимость от консервативной партии вместе с его красноречием привлекли к нему симпатии не только демократической партии, но и всех социальных классов. Благодаря своей популярности он, имея небольшое состояние и слабо развитое политическое честолюбие, был

уже выбран квестором без труда, без борьбы и без всяких издержек.⁴⁰⁶

**Цицерон отправляется в Сицилию
за доказательствами**

Цицерон с энтузиазмом взялся за защиту сицилийцев. Еще в январе месяце он, как кажется, добился того, что претор Маний

Ацилий Глабрион отверг обвинение, аналогичное выставленному теперь против Верреса и направленное против него Квинтом Цецилием, его прежним квестором. Неизвестно, было ли это обвинение серьезным или оно было выставлено по соглашению с Верресом. Потом, добившись отсрочки в 100 дней для соби-
рания доказательств, он отправился в Сицилию.

**Предложение о трибунах
вносится в сенат**

Между тем консервативная партия не могла сопротивляться нападениям Помпея. Когда предложение о власти трибунов обсуждалось в сенате, только не-

большое число сенаторов осмелилось противиться ему. Это были Марк Лепид, Марк Лукулл, Катулл, признававшие, однако, что предложение Помпея могло быть оправдываемо подкупностью сенаторских судов.⁴⁰⁷ Большинство утвер-
дило предложение.⁴⁰⁸ Это было решительным доказательством, что оппозиция аристократическому правительству после десяти лет скандалов и борьбы рас-
пространилась во всех классах и даже среди части знати, лучшей и худшей в одно и то же время, самой молодой, самой энергичной и самой образованной, самой честолюбивой, самой развращенной.

Положение аристократии

Старое аристократическое и земледельческое обще-
ство превратилось в торговое и плутократическое.

От исторической римской аристократии осталось лишь небольшое количество фамилий, почти все обедневшие.⁴⁰⁹ Высшие классы состояли не только из родо-
вой знати, но также из богатых всадников, людей, выдающихся своим талан-
том, хотя бы и скромного происхождения, как Цицерон; наконец, из людей наиболее ловких и наиболее отважных во всеобщей борьбе за богатство, куль-
туру и власть. Правда, было еще несколько древних фамилий, сохранивших идеи и чувства, переживающие во всех аристократиях их политическое падение и пробужденные реакцией Суллы; этими чувствами были ненависть к новым классам, презрение к современности, признаваемой вульгарной и испорченной, преклонение перед принципом власти и, следовательно, ужас ко всякому бес-
порядку, безразлично, будет ли он безумным и преступным или необходимым для прогресса. Эти люди не могли примириться с мыслью, чтобы сын крестья-
нина из Веллитр или Арпина, сделавшийся миллионером благодаря спекуляциям, соперничал с ними в богатстве и домогался разделять с ними государствен-
ные должности; что толпа темных адвокатов и вышедших из низов общества

---

⁴⁰⁶ См. замечательную работу Буассье: *Cicéron et ses amis*. 1902, 9, 83 сл.

⁴⁰⁷ *Cicero in Verr. A.*, I, 15; *Ascon in Cic. Pro Cornel.*, 79, ed. Orelli.

⁴⁰⁸ *Drumann. G. R.*, IV, 388.

⁴⁰⁹ Как примеры знатных фамилий, разорившихся в эту эпоху, можно упомянуть фамилию Марка Антония, претора 75 г. (*Drumann. G. R.*, II, 46), фамилию Аппия Клавдия Пульхра, консула 79 г. и отца знаменитого Клодия, Аппия Клавдия Пульхра, консула 54 г., и Клодии (*Drumann. G. R.*, II, 184 сл.); фамилию Гнея Пизона (*Sallust. C. C.*, 18), Публия Лентула Суры (17). См. то, что мы сказали выше о фамилии Цезаря. Плутарх (*Cic.*, 10) говорит о бедности старой римской знати в эту эпоху.

трибунов может предъявлять обвинения против патрициев, которых народ доброго старого времени почитал как полубогов; что римские башмачники, ремесленники, мелочные разносчики, торговцы, вольноотпущенники осмеливаются свистать им на форуме, отказывать в своих голосах при выборах; что нет ни к чему более уважения — ни к рождению, ни к состоянию, ни к мудрости.

Новая политика аристократии Многие знатные, напротив, понимали, что нельзя более обращаться со средним классом и всадниками, сделавшимися столь могущественными, так же, как два столетия тому назад. Они понимали, что дух времени изменился, что следует считаться с новыми веяниями. И из выгоды, из философского убеждения, из честолюбия они приспособлялись к этому общественному порядку, в котором, несмотря на все протесты, ум и богатство одерживали верх над родовой знатью. Впрочем, приспособиться к демократическим изменениям в правах и учреждениях — это было самое верное средство сохранить социальное могущество знати. Централизация политических функций в Риме, личные дела, недостаток традиций и знатности, ужасные воспоминания революции и реакции отвратили от политики все всадническое сословие и средний класс. Таким образом, без обращения к еще не совсем исчезнувшему крупным знатым фамилиям нельзя было бы найти необходимых магистратов для управления империей. Если бы знать не упорствовала в абсурдных и устарелых домогательствах, она могла бы продолжать участвовать во всех государственных должностях.

Восстановление цензорской власти После этого первого успеха творение Суллы было атаковано со всех сторон. Трибун Плавций с помощью Цезаря добился амнистии для всех оставшихся в живых участников междоусобных войн, включая войны с Лепидом и с Серторием.⁴¹⁰ Цензура, уничтоженная семнадцать лет тому назад, была восстановлена, и цензоры Луций Геллий и Гней Лентул в апреле или мае исключили из сената много друзей Суллы, между прочим, того Гая Антония Гибриду, против которого безуспешно произносил обвинительные речи в 77 г. Цезарь.

Предложение Котты Это было только начало. Луций Аврелий Котта, знатный с демократическими взглядами, предложил вернуть судебную власть всадникам: они почти все были богачами, и их нельзя было подкупить.⁴¹¹ Но положение вещей осложнилось, и судебная реформа встретила сопротивление, более сильное, чем другие реформы. Этот закон, предложенный в то время, когда все общество стояло на стороне сицилийских обвинителей Верреса, взволновал консервативный лагерь. Трибуны только что получили свои прежние прерогативы, и достаточно было обвинить могущественного человека, чтобы все безапелляционно осудили его. Можно ли дать власть судить сенаторов их старым врагам, всадникам? Разве не окажутся тогда все правители провинций в полной власти своих подданных? Каждый год станут появляться в Риме делегации от всех провинций, требуя справедливости, а суды под давлением общественного мнения постоянно будут выносить обвинительные приговоры. Добрые намерения и хорошая мораль всех партий и всех классов про-

---

⁴¹⁰ Suet. Caes., 5.

⁴¹¹ Cicero in Verr. A., II, II, 71, 174; II, 96, 233.—См.: Lange. R. A., III, 193.

должаются обычно только до тех пор, пока можно с ними сохранить власть. Масса консерваторов уже давно допускала, что необходимо улучшить правосудие и уничтожить злоупотребления. Но в страхе, как бы правосудие не постигло их самих, они без колебания отвергали все проекты реформ. Они старались не только провалить судебный закон, но они предприняли спасение Верреса, процесс и осуждение которого должны были повергнуть всю их партию в позор и лишить доверия. Решили выставить кандидатов на все наиболее важные магистратуры и употребить все средства для их проведения. Знаменитый адвокат Квинт Гортензий и Квинт Метелл были кандидатами на консульство. Марк Метелл, брат Квинта и Луция, правителя Сицилии, должен был домогаться претуры. Эти кандидаты и другие выдающиеся аристократы скоро условились с Верресом. Последний обещал употребить все свои силы в их пользу на выборах. Гортензий брал на себя его защиту. Квинт и Марк Метеллы написали своему брату Луцию, чтобы тот уничтожил все доказательства злодеяний Верреса. Если же они будут выбраны и закон Котты будет отвергнут, то должно постараться отложить процесс до следующего года, а тогда он будет разбираться перед сенаторским судом под председательством, может быть, Марка Метелла, и консул явится защитником Верреса.⁴¹²

Новые несогласия между Помпеем и Крассом Однако Цицерон, вопреки интригам Метелла, мог произвести свое расследование и возвратиться к назначенному времени, т. е. к концу апреля, с делом, документально обоснованным.⁴¹³ Но он не мог немедленно приступить к его разбору. Ему надобно было ожидать окончания другого процесса против правителя Македонии, начатого, по-видимому, с целью отложить процесс Верреса. По крайней мере дело затягивали с таким намерением. Однако отсрочка была более выгодна, чем неудобна для Цицерона, собиравшегося выступить кандидатом в эдилы, который таким образом делался более свободным, чтобы заняться своим избранием. С отсрочкой процесса Верреса и задержкой проекта Котты консервативной оппозицией силы обеих партий должны сосредоточиться на выборах, которые должны были произойти по обыкновению в середине года. К несчастью, когда Цицерон возвратился из Сицилии, демократической партии угрожал внезапный кризис, потому что раздоры между Помпеем и Крассом возобновились.

Характер и честолюбие Помпея Историки древности почти ничего не говорят нам о мотивах и обстоятельствах этого раздора, повлекшего за собой такие великие последствия; вероятно, он был вызван проектами Помпея. Помпей был совершенным образцом талантливого человека, не имеющего созидательной энергии гения, но быстро схватывающего новое, созданное гениальными людьми, и ловко этим пользующегося. Если бы он был послан на Восток на место Лукулла, он, весьма вероятно, не осмелился бы устремиться в такие опасные приключения. Он поступил бы с традиционным благоразумием всех римских генералов, но в настоящее время, после громких успехов Лукулла, он тотчас понял то, что эти завоевания обнаружили всем предусмотрительным людям. Он понял, что робкая политика сената очень

---

⁴¹² Ciccotti. P. V., 155.

⁴¹³ Ibid., 162.

плохо согласуется с действительностью; что эти громадные азиатские монархии, такие внушительные с виду, были очень слабы; что их легко-было покорить с немного более энергичной политикой, расширяя финансовое владычество и эксплуатацию Италии в новых богатых областях, давая генералам и партиям новое средство приобретать славу, богатство, влияние. Поэтому он составил план заставить послать себя на Восток вместо Лукулла в качестве проконсула,⁴¹⁴ чтобы, в свою очередь, собрать жатву на этом поле, которое Лукулл обрабатывал четыре года, а также и для того, чтобы укрепить за своей партией управление и использовать новую восточную политику, созданную Лукуллом, важность которой едва ли была понятна консерваторам.

Деморализация демократической партии

К несчастью, и на этот раз Красс, всегда завидовавший своему товарищу, решил стать на его дороге и составить ему упорную оппозицию.

Во внешней политике он защищал дело Лукулла, бывшее делом консервативной партии, с таким ожесточением, что оба консула сейчас же поссорились по всем пунктам.⁴¹⁵ Подобный раздор мог быть только губительным для народной партии, которая с трудом оправлялась после такого долгого преследования и не обладала такой прочной организацией, как консервативная партия, несмотря на свое поражение, еще очень крепкая благодаря клиентеле, людям и деньгам. Народная партия была так парализована ссорами своих вождей, что совершенно не была способна к действию. К середине года она оставила Котту одного защищать свой закон. На выборах 69 г. она допустила избрание в консулы консервативных кандидатов, а Марк Метелл прошел в преторы. Веррес в опьянении от этой победы и в согласии со своими покровителями задумал устроить при помощи Гортензия и Метелла сицилийских послов, чтобы побудить их отказаться от их обвинения и с помощью денег провалить на выборах в эдилы кандидатуру Цицерона. Поражение Цицерона окончательно лишило бы мужества сицилийцев, уже обеспокоенных результатом консульских выборов, и все было бы кончено в несколько дней.⁴¹⁶

Однако впечатление, произведенное этими выборами, было так сильно, что Помпей, видные люди популярной партии и общественное мнение несколько вышли из своего оцепенения. Цицерон, энергично поддержанный демократической партией, был избран эдилом. Закон Котты был, наконец, утвержден благодаря более настойчивому усилию и нескольким ловким уступкам. Судьи должны были выбираться не только из всадников, но из сенаторов, всадников и богатых плебеев.⁴¹⁷

Приближающийся процесс

Сицилийцев побудили стойко держаться и энергично стали двигать процесс Верреса, первое заседание которого было назначено на 5 августа. Скоро в Риме и в Италии говорили только об этом выдающемся процессе. О нем думали, как о гладиаторском зрелище, где перед глазами жадной до волнений публики молодой адвокат, возбу-

---

⁴¹⁴ Mommsen. R. G., III, 106.

⁴¹⁵ Plut. Pomp., 22.

⁴¹⁶ Cicero in Verr. A., I, 9.

⁴¹⁷ Ibid., II, 5, 69, 178.

дивший обвинение против Верреса, будет состязаться с царем римских ораторов и где все средства и все уловки красноречия будут пущены в ход с той и другой стороны с необычайной ловкостью. Рассказы, догадки, благоприятные или неблагоприятные, были в полном ходу: один знал, что будут попытки подкупить судей, назначенных по жребию, другой говорил о подавляющих доказательствах, полученных из Сицилии, но которые пока скрывали, чтобы нанести последний удар. Скептики утверждали, что, подобно стольким другим крысам, попадавшим в ловушку, и эта ускользнет из нее, не прищемив даже хвоста. Любители красноречия особенно горели нетерпением присутствовать при ораторской дуэли между Цицероном и Гортензием. Цицерон был очень ученый молодой человек, очень талантливый, но ему не доставало опытности его противника.

Тактика обеих партий С обеих сторон готовились к борьбе. Цицерон, возбужденный всеобщим вниманием, чувствовал, что это для него решительное испытание и, отказываясь состязаться в хитрости со своими столь ловкими и столь могущественными противниками, понял, что должен опереться на общественное мнение, столь благоприятное для обвинителей, идти без колебаний вперед, поражая умы масс рядом чрезвычайных и неожиданных разоблачений. Он постарался поэтому сгруппировать доказательства таким образом, чтобы произвести возможно сильное впечатление на толпу, и готовил для каждой группы свидетельств краткий, но сжатый и точный очерк.⁴¹⁸ Со своей стороны, Веррес и его друзья, возбужденные успехами выборов, старались обойти и привлечь на свою сторону свидетели. Они побуждали сицилийские города посылать похвальные речи в честь Верреса. Они изучали хитроумный план защиты, чтобы отразить бешеное нападение обвинителей. Старались затянуть дело до 16 августа, до дня, в который приостановились бы на пятнадцать дней заседания суда для празднования игр, обещанных Помпеем после войны с Серторием. Потом продолжали бы этот же маневр для того, чтобы отложить дело до следующего года, и надеялись достичь этого; действительно, в остающиеся месяцы были частые перерывы заседаний: с 4 до 19 октября для празднования *Ludi Romani*, с 26 октября до 4 ноября для празднования игр победы, с 4 до 17 ноября — для *Ludi plebei*.⁴¹⁹

Процесс Верреса Утром 5 августа при начале процесса огромная толпа теснилась на форуме вокруг скамей, назначенных для судей, свидетелей и сторон. Веррес явился с Гортензием. Многие знатные сопровождали его; его походка была уверенна, вид его был дерзок; он был полон веры в хитрости, задолго обдуманые со своим адвокатом. К несчастью для него, его дело было не только процессом о взятках; в него замешалась политика, и Цицерон лучше Гортензия отдавал себе отчет в направлении общественного мнения. Когда документы и свидетельские показания, искусно расположенные молодым обвинителем, сделались известны публике, когда долгие мучения, испытанные Сицилией, были рассказаны на форуме негодующими свидетелями с преувеличениями, гнев, десять лет накапливавшийся в обществе против Суллы, реакции и консервативной партии, сразу вырвался наружу. Некоторые патетические по-

---

⁴¹⁸ Ciccotti. P. V., 176 сл.

⁴¹⁹ Ibid., 175 сл.

казания свидетелей волновали публику до слез; другие возбуждали ропот негодования, иные заставляли испускать крики бешенства. К концу каждого заседания разоблачения, сделанные на форуме, немедленно распространялись по всему городу; искаженные, преувеличенные при переходе из уст в уста, они возбуждали всеобщее негодование. И на следующий день еще большая толпа теснилась на форуме, стараясь услышать ужасные рассказы, кричала и возмущалась, даже ничего не слыша, если видела, что кричат и возмущаются люди, близкие к трибунам. Однажды свидетель рассказывал, что Веррес приказал распять римского гражданина, который напрасно кричал: «Civis romanus sum». Это был ужасный момент: толпа пришла в бешенство, и если бы претор тотчас же не прервал заседания, Веррес был бы разорван на форуме. Судили уже не одного человека, не правительство, не партию, а целую эпоху, и общественная совесть, так долго принужденная молчать, наконец облегчилась, срывая свое бешенство на этом несчастном пропреторе, случайно сделавшемся предметом ее ненависти, и заставляя его искупать не только свои проступки, но и все преступления, совершенные Суллой, его кликой, его реакцией. Бешенство народа было таково, что Веррес и его друзья, не ожидавшие этого, почувствовали себя приниженными и потеряли мужество. В течение тринадцати дней они пытались сопротивляться, но, видя что публика с каждым днем волнуется все сильнее, они поняли, что судьи не осмелятся оправдать обвиняемого. На четырнадцатый день, когда процесс был приостановлен, Веррес, чтобы спасти по крайней мере свое состояние, уступил битву и добровольно удалился в изгнание.⁴²⁰ Он навсегда исчез по уединенной и мрачной дороге всеобщего забвения, в то время как Цицерон, сделавшись с этих пор одним из первых лиц в Риме, большими шагами пошел вперед по длинной дороге, озаренной солнцем славы. Ни тот, ни другой, поворачиваясь спиной друг к другу, чтобы идти по столь различным путям, не думал, что противоположные пути, избранные ими, заставят их еще раз, через двадцать семь лет, встретиться на краю одной и той же бездны.

Лукулл в Азии В то время, как это происходило в Италии, Лукулл проводил зиму 71–70 гг. в провинции Азии, правителем которой он был назначен и которую он нашел разоренной притеснениями, причиненными итальянскими финансистами. Лукулл, изменившийся во многом, сохранил от своей юности отвращение старой родовой знати к финансистам. Возбужденный своими успехами, он старался со своим обычным жаром и энергией возобновить политику Рутилия Руфа, принимая меры к ограничению алчности откупщиков и не заботясь о том, каких могущественных врагов раздражает эта либеральная политика.⁴²¹

Армянское царство Он чувствовал себя таким крепким, таким великим, столь уверенным в себе и составил с своим пылком уме обширный план: он задумал захватить и завоевать все царства Тиграна, царя Армении и зятя Митридата, у которого последний искал себе убежища. Благодаря слабости римской политики в течение пятидесяти последних лет, благодаря также последним событиям, вифинской войне и завоеванию Понта, отвлекшим римский сенат от всякого другого дела, Тигран мог в пятнадцать предшествующих

---

⁴²⁰ Ciccotti. P. V., 171–194.

⁴²¹ Piut. Luc, 20.

лет завоеваниями, союзами, покорениями увеличить свою империю во всех направлениях. К северу он довел ее до Кавказа, где полуварварские племена албанцев и иверов признали его своим сувереном, в то время как на юге, востоке и западе он завоевал почти всю империю Селевкидов, равнины Киликии, Сирию, Финикию. Он отнял много провинций у парфян и подчинил сатрапов Великой Мидии, Мидии Атропатены и Гордиены.⁴²²

**Взятие Синопа, Амасии
и Гераклеи**

Лукулл хотел теперь распространить свою завоевательную политику на эту империю. Все же ранее нападения на Армению он хотел окончательно завоевать Понт, чтобы не иметь врагов у себя в тылу. Тем временем он послал своего зятя Аппия Клавдия потребовать у Тиграна выдачи Митридата,⁴²³ уверенный, впрочем, в отказе, который явился бы предлогом для войны. Он двинулся весной 70 г., чтобы окончить осаду Синопа и Амасии, которые сдались осенью и которые Лукулл мог на этот раз, по крайней мере отчасти, защитить от грубости солдат, хотя в этих городах и было захвачено большее число пленных.⁴²⁴ Гераклея весной пострадала гораздо более. Тупой и жестокий Котта осаждал ее с суши, в то время как Триарий, ловкий, но еще более жестокий, осаждал ее с моря. Взяв город, они безжалостно разграбили дома и храмы, захватили все золото, серебро и драгоценную утварь, вырезали или обратили в рабство все население. Они похитили даже чудесную статую Геракла, известную на всем побережье Черного моря своей искусно чеканенной палицей, львиной шкурой, колчаном и стрелами, которые были из массивного золота. Потом они зажгли город, и в то время, как дым от него поднимался к небу, римские корабли покинули порт, нагруженные до такой степени добычей, что многие из них потонули во время плавания.⁴²⁵

**Тигран отвергает требования
Лукулла**

Между тем был получен ответ от Тиграна: он отказывал в выдаче Митридата. Побуждаемый, по видимому, своими советниками, страшившимися иметь в Митридате соперника, царь Армении не захотел принять его к себе и отослал, как бы в ссылку, в одну из отдаленных своих крепостей; но вместе с тем он не хотел уступить и требованиям римского вождя, опасаясь унизиться этим до положения царя-вассала. Теперь явился предлог для вторжения, которое должно было начаться весной 69 г.

---

⁴²² Reinach. M. E., 310 сл.; Strabo, XI, 14, 15 (532).

⁴²³ Plut. Luc, 21.

⁴²⁴ Reinach. M. E., 356.

⁴²⁵ Memnon, 51, 52.

X

Завоевание Армении и финансовый кризис в Италии

Кризис народной партии в конце 70 г. — Вражда между Крассом и Помпеем. — Лукулл завоевывает Армению. — Битва при Тигре. — Лукулл и Александр Великий. — Бюджет римской республики. — Страсть к спекуляциям в Италии. — Злоупотребление кредитом. — Общая задолженность. — Первое появление демагогии в Риме. — Помпей, финансисты и демагоги соединяются против Лукулла. — Намерение Лукулла идти в Персию. — Первый бунт его легионов.

Кризис новой народной партии В Риме 70 г. дурно закончился для народной партии. Помпей был до такой степени захвачен врасплох, смущен и приведен в отчаяние интригами Красса, что отказался от своего намерения заместить Лукулла и объявил, что после своего консульства он возвращается к частной жизни,⁴²⁶ не принимая никакой провинции. Красс, довольный, что расстроил замыслы Помпея, также остался в Риме, отказавшись от провинции, которая дала бы ему гораздо менее, чем его спекуляции. Консерваторы, несколько успокоенные неудачей Помпея и магистратурами, которыми они овладели, оправились от своих беспокойств предыдущего года. Впрочем, со времени поражения Митридата империя была спокойна. Единственной войной, которая велась в этот момент, была война с критскими пиратами, после поражения Митридата напрасно отправлявшими послов в Рим с просьбой о мире.⁴²⁷

Лукулл вторгается в Армению Один Лукулл не знал никакого отдыха. Весною 69 г. он предпринял завоевание Армении с двумя легионами и несколькими вспомогательным отрядами, азиатскими, фракийскими и галатскими, едва достигавшими в общей сложности 20 000 человек.⁴²⁸ Он имел очень смутные представления о стране, где Митридат и Тигран, сделавшиеся друзьями вследствие требований Лукулла, готовили против него сильную армию. Если, начиная завоевание Понта, Лукулл толковал в широком смысле приказания сената, то, вторгаясь в Армению, он окончательно открывал на свой собственный риск политику личной инициативы полководцев. Делая остановки только на ночь, не давая никакого отдыха своей армии, он быстро спустился к Евфрату по большой караванной дороге, пересекающей Митилену.

Он перешел Евфрат, двинулся на Тигранокерту и с такой стремительностью опрокинул армию армянского полководца Митробарзана, что Тигран в страхе стремительно отступил на север Армении, оставив в Тигранокерте свое-

---

⁴²⁶ Velleius, II, 31.

⁴²⁷ Appian. Sic, VI, 1.

⁴²⁸ См. правильную критику Рейнаком (М. Е., 358, пр.1) цифр, передаваемых Плутархом (Лис, 24) и Аппианом (Mithr., 84).

го генерала со всеми своими сокровищами и гаремом.⁴²⁹ Лукулл осадил Тигранокерту. Но Тигран, имевший восьмидесятитысячную армию,⁴³⁰ скоро оправился от своего испуга, возвратился, как предвидел Лукулл,⁴³¹ к своему прежнему решению и в нетерпении двинулся на помощь к осажденному городу, даже не дожидаясь Митридата, бывшего уже в пути с большим корпусом кавалерии. Лукулл оставил тогда в траншеях 6000 солдат под начальством Мурены,⁴³² а сам с 14 000 всадников и пехотинцев двинулся навстречу армии, шедшей на освобождение города. Когда обе армии увидали друг друга на берегах Тигра, Тигран и его главный штаб, исключая нескольких генералов, лучше знавших римлян, думали, что враг отступит перед армией, в пять раз превосходившей его по численности. Но Лукулл, которого победы сделали еще более смелым, не колебался. Утром он перешел вброд Тигр и двинул на армян свою небольшую армию, как свору собак на огромное стадо овец. Армянская армия была обращена в бегство, сам царь спасся только с небольшой свитой. Избавившись от Тиграна, Лукулл вернулся к осаде Тигранокерты, которую и не замедлил взять.

Лукулл и эллинизм И тогда, в радости от такого великого успеха, этот горячий и нервный человек внезапно отдался своим великодушным инстинктам, до сих пор задуманным его раздражительностью, его нетерпением и крайним напряжением его духа. Он хотел показать актами высокого великодушия свое почтительное уважение к эллинизму. Он приказал уважать женщин и имущество греков. Он отослал на родину жителей греческих городов и варваров, которых Тигран переселил для заселения города. Он признал на этот раз, что легионы имеют право получить часть из тех восьми тысяч талантов (около 48 миллионов франков), которые он нашел в царской сокровищнице, другие 2700 талантов он получил от продажи захваченных вещей. Каждый солдат получил, как приятный подарок после стольких строгостей, восемьсот драхм.⁴³³ Прежние данники Тиграна, сдавшиеся Лукуллу, были милостиво приняты. Антиох Азиатский был признан царем Сирии. Армия была отведена на зимние квартиры в Гордиену. В этой прекрасной стране в продолжение зимы Лукулл, уже господин армянских провинций к югу от Тигра, задумал на следующий год еще более великое предприятие. Он решил повторить предприятие Александра Великого, захватив Персию, завоевать парфянскую империю. Он уже отправил к их царю посла, чтобы отвратить его от союза с Тиграном.

Лукулл и Александр Сенатор, который в Риме с большим трудом и только по интригам прекрасной куртизанки получил командование небольшой провинцией и который высадился в Азии с незначительной, поспешно набранной армией, теперь на Востоке к концу шести лет и с несколькими легионами сделался соперником Александра Великого. Отважный,

---

⁴²⁹ Plut. Luc, 24, 25.

⁴³⁰ Reinach (M. E., 360) прав, выбирая из различных цифр цифры Мемнона (57), которые наименее высоки.

⁴³¹ Plut. Luc, 26.

⁴³² Ibid., 27.

⁴³³ Strato, XI, XIV, 15 (532); Plut. Luc, 29; Reinach. M. E., 363.

неутомимый, самоуверенный, не знающий колебаний, постоянно следующий своим мечтам, как будто бы сенат вовсе не существовал, он не отступал ни перед каким препятствием, ни перед неизмеримыми равнинами, ни перед покрытыми снегом горами, ни перед армиями, в пять раз превышавшими его собственную, ни перед неприступными крепостями. Он постоянно шел вперед, двигаясь после каждого успеха к новому, более отдаленному предприятию, как бы не будучи в состоянии видеть последний предел своего честолюбия. Повсюду он разграблял великие сокровища, наслаждался ролью великого покровителя эллинизма, по-своему выказывая капризные выходки великодушия, беспримерного в военной истории Рима.

Приток денег в Италию В то время как суеверные восточные народы почитали его почти как воплощение божества, Италия не должна ли была по крайней мере удивляться ему, как создателю новой, так долго желанной политики? К несчастью, Италию начинал волновать тот социальный и экономический кризис, которому суждено было глубоко возмутить общественное мнение и изменить суждения о людях и событиях. В Италию приливали золото и серебро. К сокровищам, уже собранным предшествующими поколениями, присоединялись новые сокровища, приобретенные силой оружия или уже ранее собранных денег: капиталы, присланные Марком Лукуллом после разрушения фракийских деревень и греческих городов на Черном море; капиталы, присланные его братом Луцием; проценты с капиталов, отданных в рост или пущенных в оборот в разных частях империи; личная добыча, которую приносили по возвращении с войны солдаты и офицеры; подати, платимые государству. Республика имела тогда годовой бюджет в 50 миллионов драхм,⁴³⁴ который соответствовал (если предположить между золотом и серебром отношение 15 к 1, какое мы имели в Европе до последнего понижения стоимости серебра) сумме от 38 до 39 миллионов франков, большая часть которой поступила из провинций.⁴³⁵ Но нужда в деньгах росла еще быстрее. Деньги требовались, и притом все в большем количестве, для покупки по всей империи хлеба, нужного для пропитания Рима. Деньги требовались для ведения войн, для жалованья и содержания армий в Испании, Македонии, Нарбонской Галлии. Деньги нужны были для того, чтобы давать их в долг частным лицам, городам и иностранным государям. Нужны были деньги для удовлетворения возрастающего и повсюду распространявшегося вкуса к роскоши.

Земельная спекуляция Наконец, нужны были деньги, и большие, для спекуляций, безумие которых делалось заразительным и которые теперь поглощали всю Италию. В немного лет ход дел, начавшийся вместе с восстановлением порядка, приобрел головокружительную быстроту.

Мужчины и женщины, знатные и плебеи, богатые капиталисты и соб-

---

⁴³⁴ Plut. Pomp., 45.

⁴³⁵ Отношение, однако, кажется, было более благоприятным для серебра. Обычно оно должно было быть как 12 к 1. Очень трудно также дать себе отчет о большой стоимости, какую имели тогда драгоценные металлы; но даже если учетверить ценность этой суммы, которая оказалась бы тогда равной 160 миллионам нашей современной монеты, видно, что бюджет самой большой империи древности был меньше бюджета маленького богатого европейского государства, как-то Швейцарии, Бельгии, Голландии. Это может дать представление о бедности древнего мира сравнительно с современностью.

ственники из мелких городов, скромные торговцы, ремесленники, вольноотпущенники, все охваченные лихорадкой горячих и обманчивых надежд, оспаривали друг у друга италийские земли, продавая и покупая их в мании быстрых и постоянных аграрных спекуляций. Эти спекуляции были результатом трех главных фактов: закона Спурия Тория, обратившего большую часть территории в частную собственность и увеличившего пространство покупаемой и продаваемой земли; торгового духа, возросшего за полтора столетия, и, наконец, права гражданства, предоставившего всем италикам права римских граждан.

С этих пор все италики, нуждаясь только в присутствии при этом семи римских граждан, могли посредством *mancipatio* покупать и продавать италийские земли и даже производить эту продажу издалека, покупая на меру, подобно хлебу, не определенное имение с определенными границами, но столько-то югеров в такой-то области.⁴³⁶ Много людей быстро покупали и продавали земли (подобно тому, как теперь это происходит в Австралии), спекулируя на повышении и понижении цен. Другие покупали рабов, способных сделаться хорошими земледельцами, и сажали виноградные лозы, оливковые и плодовые деревья, чтобы конкурировать с Востоком. Но так как большинство не обладало достаточными капиталами и так как греческий институт ипотек,⁴³⁷ только что введенный, сделал кредитные операции более легкими, то не преминули злоупотреблять ими. Купивший поле закладывал его, чтобы купить рабов и насадить виноградник. Владевший землей в городе отдавал ее под заклад, чтобы иметь возможность выстроить дом. Иные закладывали свои земли, чтобы давать деньги в рост в провинциях, в Азии или в Африке, частным лицам, городам и владетельным князьям, надеясь, что такое помещение денег принесет им большую выгоду.⁴³⁸ Не заботились о том, что деньги, таким путем добытые, стоят слишком дорого. Сделав легкомысленно первый заем для улучшения культур, постройки дома, роскошной жизни, скоро заключали новые займы для того, чтобы платить очень высокие проценты по первому займу, и запутывались все более и более. В постоянной надежде когда-нибудь расплатиться рисковали, напротив, все потерять.⁴³⁹ Масса людей в Италии оказалась в этом затруднительном положении.⁴⁴⁰

Спекуляции Красса Наоборот, тот, кто имел капиталы и умел хорошо ими распоряжаться, действительно обогащался. Никто, однако, не обогащался быстрее Красса, с неустойчивым упорством работавшего над увеличением своего состояния и своего могущества. Он не покупал, как делали

---

⁴³⁶ Weber. R. A. G., 98 сл.

⁴³⁷ Wlassak. Edict und Klageform, 136; ср.: Dareste в N. R. H. D., 1877, 171.

⁴³⁸ Cicero. Pro Sulla, 20.

⁴³⁹ См. очень важное место Цицерона в речах против Катилины (III, VII, 18), где он удивительно ярко описывает экономические условия италийских деревень и большого числа задолжавших собственников. Мы знаем, что в эту эпоху новые методы культуры производили фурор в Италии, и, вероятно, большая часть этих долгов произошла от стремления испытать эти методы. Речь была произнесена в 63 г.; можно, следовательно, предполагать, что около 68 г., о котором идет речь, задолженность уже начала иметь место.

⁴⁴⁰ См. у Плутарха (Crass., 2) интересное мнение Красса о спекуляциях на земли и дома в Риме. Ср.: Sallust. Cat, II, 16; Plut. Cic, 10.

многие безрассудные люди, земель по высокой цене в надежде, что она еще повысится, а, напротив, спекулировал на самих безрассудных спекулянтах, нуждавшихся в деньгах. Он приобрел на Востоке большое число рабов, старательно выбирая умелых строителей, инженеров, архитекторов, каменщиков; он открыл у себя род школы для обучения молодых рабов строительному искусству, а затем отдавал их внаймы мелким домостроителям, слишком бедным для покупки таких ценных рабов. Частые пожары в Риме, где было много деревянных домов и где эдилы не заботились об организации пожарных команд, дали ему мысль к другой, очень остроумной спекуляции: он из своих рабов образовал отряды пожарных и построил каланчи во всех кварталах Рима. Как только показывался пожар, с каланчи давали знать пожарной команде, последняя приезжала, сопровождаемая поверенным Красса, покупавшим почти за бесценок горевший дом, а часто и соседние дома, которым угрожал огонь; по окончании сделки тушили огонь и снова строили дом. Таким способом с небольшими издержками он приобрел много домов и сделался в Риме одним из наиболее крупных домовладельцев.⁴⁴¹ Один из первых римских богачей, если не самый первый, этот великий делатель миллионов по мере роста нужды в деньгах властвовал в Риме, в сенате, в комициях, во главе своих казначеев, управляющих, секретарей, с помощью своих приходо-расходных книг, где фигурировали имена фермеров, купцов, строителей, которым он отдавал внаем своих рабов; бесчисленных съемщиков его домов; сенаторов, занимавших у него деньги.

**Социальный вопрос
снова всплывает**

Возрастающий недостаток в деньгах вызвал кризис, отразившийся и на политике. Народное движение делалось более сильным и из политического превращалось в социальное. Так всегда бывает в демократиях, где немногие лица богаты, а масса живет в нужде. Никто более не занимался дальнейшим развитием демократических и конституционных реформ, начатых в 70 г.; вопрос, волновавший в течение десяти лет всю Италию, более не занимал слишком капризное общественное мнение; народная партия, казалось, снова погружалась в дезорганизацию и прежнюю слабость, не имея ни программы, ни вождей.

**Исчезновение вождей
демократической партии**

Красс вновь вернулся в ряды консерваторов и работал вместе с ними из ненависти к Помпею. Помпей мало показывался публично, почти никогда не спускаясь на форум для произнесения речей и поддерживая близкие сношения только с небольшим числом людей.⁴⁴² Что касается Цезаря, то он, не делая ничего важного в этот период затишья, забавлялся, делал долги, пользуясь связями своей фамилии с высшей капиталистической буржуазией, старался сделать популярным в народе своей расточительностью, своей ловкостью, своим красноречием, своими любезными манерами, а также некоторыми отважными выдумками, которые могли поразить воображение толпы. Зная, что толпа, как бы она ни была демократична, всегда восхищается знатным происхождением, он не довольствовался более быть племянником Мария; он претендовал иметь в числе своих предков с отцовской стороны царя Анка Марция, а со стороны своей матери — самое Венеру. Это была деятельность весьма слабая, но в данный

---

⁴⁴¹ Plut. Crass., 2.

⁴⁴² Plut. Pomp., 23.

момент более нечего было делать.

**Агитация трибунов
против Лукулла**

Между тем это было только кажущееся затишье. Если Помпей показывал отвращение к политике, то его удаление и молчание были лишь средствами заставить пожалеть о нем. Он хотел восторжествовать над Крассом и консервативной партией, заставив какой бы ни было ценой послать себя на Восток на место Лукулла. Так как он не мог надеяться на сенат, находившийся всецело под влиянием Красса, то он тайно вел в городе агитацию, которая принудила бы сенат отозвать Лукулла и передать начальствование в его руки. Эта агитация началась в 69 г. ловкой кампанией против Лукулла, предпринятой во всех общественных классах. Возможно, что Помпей всеми силами поддерживал протесты богатых откупщиков против реформ, введенных в Азии Лукуллом; что он старался приобрести себе поддержку со стороны крупных финансистов, обещая уничтожить все сделанное победителем Митридата. Достоверно во всяком случае, что именно он внушал ту кампанию, которую, начиная с этого момента, повели против Лукулла народные трибуны, старавшиеся возбудить против него антиплутократическое предубеждение и злобу, всегда охватывающую массу в эпохи кризиса и нужды.

Эти трибуны повторяли, что в тот момент, когда все в Италии находится в затруднительном положении, несколько привилегированных лиц присваивают себе огромную добычу, принадлежащую государству, т. е. всем.⁴⁴³ С особенной силой они нападали на Лукулла, ведшего тогда самую прибыльную войну. Если иные богатые и выдающиеся граждане, умирая, часто оставляли ему в наследство имущество и имения,⁴⁴⁴ чтобы засвидетельствовать свое уважение к нему, то невежественная и бедная толпа давала веру всем злонамеренным слухам, распускавшимся по поводу сокровищ, присланных им в Италию. Доходили до того, что жалели царей Армении и Востока, которых он, как говорили, грабил для собственной выгоды вместо того, чтобы вести с ними войну, исполняя приказания сената. Находили также, что его командование на Востоке продолжается уже слишком долго.⁴⁴⁵ После битвы при Тигранокерте он был даже обвинен общественным мнением в том, что не преследовал Тиграна исключительно для того, чтобы протянуть войну и продолжать свой грабеж.⁴⁴⁶ Почти упрекали сенат, что последний не останавливает Лукулла на дороге его побед.

**Лукулл лишен управления
Азией**

Лукулл в глубине Азии едва обращал внимание на этот ропот, который, может быть, не имел бы больших последствий, если бы за трибунами не скрывался Помпей и богатые откупщики. Но последние были могущественны, а при поддержке общественного мнения, как тогда, делались еще могущественнее. В течение 69 г., несмотря на сильную поддержку Лукулла в сенате Крассом и консервативной партией, сенат увидел себя вынужденным общественным мнением и интригами финансистов принять некоторые меры. Стараясь воз-

---

⁴⁴³ См.: Cicero. De leg. agr., I, 4, 12; II, 22, 59.

⁴⁴⁴ Cicero. Pro Flacco, 34, 85.

⁴⁴⁵ Plut. Luc., 24 и 33.

⁴⁴⁶ Dio, XXXVI, 330, fr.2 (Gros).

можно менее повредить Лукуллу и удовлетворить в существенном пункте финансистов, самых могущественных союзников Помпея, он удовольствовался тем, что отнял у Лукулла на 68 г. управление Азией и передал его пропретору.⁴⁴⁷

Первый мятеж легионов Но немного спустя Помпей нашел союзников, на которых вовсе не рассчитывал, в лице солдат самого Лукулла. Легионы, оставленные последним в Понте, отказались выступить, когда Сорнаций, их легат, получил приказание присоединиться к Лукуллу, чтобы вместе с ним весной 68 г. напасть на Персию и двинуться на Ктесифон.⁴⁴⁸ Его старомодная суровость положила конец терпению солдат, которые не хотели, чтобы их начальник обращался с ними так, как обращались с легионерами во время пунических войн. Пример был заразителен; даже те войска, которые находились в Гордиене под начальством самого Лукулла, высказали нежелание отправиться в Персию, и Лукулл, несмотря на свою обычную строгость, на этот раз вынужден был уступить. Он отказался от своего плана и стал думать о том, чтобы вторгнуться весной 68 г. в Армению, не замечая, что невидимая сеть интриг, мастерская которых находилась в Риме в доме Помпея, опутывает и его, и его войско. Как только это возмущение показало Помпею, насколько легионы недовольны Лукуллом, этот бессовестный честолюбец составил коварный план: заставить сместить Лукулла, сделать невозможным продолжение его власти ввиду общего восстания его армии.

---

⁴⁴⁷ Мы говорим на 68 г.; это только предположение, но оно кажется нам вероятнее предположения Рейнака (М. Е., 374), думающего, что это было в 69 г. Действительно, по рассказу Диона (XXXVI, 330, fr.2 (Gros)), власть Лукулла была уменьшена после битвы при Тигранокерте. Она была еще более уменьшена на следующий год, когда назначили Кв. Марция Рекса правителем Киликии. Лукулл, таким образом, лишался своей власти постепенно, что было вполне естественно по отношению к такому могущественному лицу.

⁴⁴⁸ Reinach. М. Е., 366.

XI Падение Лукулла

Возрождение классицизма в Риме в эпоху Цезаря. — Пракситель. — Политическая философия Аристотеля. — Ранние политические взгляды Цезаря. — Квесторство Цезаря. — Новая кампания Лукулла против Митридата и Тиграна. — Битва при Арсаниаде. — Публий Клодий в армии Лукулла. — Зимовка в Армении и второй бунт легионов. — Интриги в Риме против Лукулла. — Голод 67 г. и пираты. — Помпей — диктатор на море. — Война с пиратами. — Отозвание Лукулла. — Значение Лукулла в римской истории.

Квестура Цезаря В этот самый год Квинт Метелл отправился на Крит в качестве проконсула, а Цезарь, избранный квестором,⁴⁴⁹ начинал свою политическую карьеру как один из самых выдающихся молодых борцов народной партии. Его ум, красноречие, знатность, происхождение привлекали к нему симпатии всех классов, даже и просвещенных консерваторов. Впрочем, хотя мы не знаем точно, каковы были тогда его политические взгляды, но, по его положению, характеру, поступкам можем с вероятностью предположить, что это были взгляды, не чуждые серьезным и умеренным умам различных партий.

Характеристика молодого Цезаря Невозможно действительно понять чрезвычайную карьеру Цезаря и место, занимаемое им в истории Рима, не имея постоянно в виду разнообразие влияний, обогащавших его необычайно многостороннюю натуру. Цезарь не был одним из тех деятельных людей с пылким темпераментом, с необузданным воображением и сильной и жестокой гордостью, которые наудачу бросаются в середину опасностей, не видя их. Напротив, это был молодой человек очень элегантный, очень модный, приятный, очень расточительный, слабого здоровья, живой, нервный, честолюбивый, жадный до наслаждения и действий, щедро одаренный для всех видов умственной деятельности. Посреди развлечений элегантной и немного развращенной жизни он сумел сделаться одним из самых выдающихся ораторов своего времени.⁴⁵⁰ Он страстно увлекался занятиями научной астрономией, созданной около столетия тому назад Гиппархом и сделавшей такие больше успехи в Азии и в Египте.⁴⁵¹ Он изучал (вероятно, по греческим руководствам) тактику и стратегию. Он приучил свой вкус к прекрасному и роскошному, чтобы сделаться великим организатором празднеств и строителем памятников. Это был поистине прекрасный ум, живой, остроумный, достаточно хорошо уравновешенный, несмотря на свою легкую нервозность;

---

⁴⁴⁹ Plut. Caes., 5; Velleius, II, XLIII, 4. — О дате его избрания см.: Drumman. G. R., II, 140.

⁴⁵⁰ Cicero. Brutus, 72, 252; Suet. Caes., 55; Quintil in Or., X, I 114; Tacit. De Or., 21; Phil. Caes., 3.

⁴⁵¹ Macrob. Sat, I, 16; Plin. H. N.. XVIII, 25, 214.

артист и ученый в душе, который по своей гибкости и деятельности должен был также иметь успех в политике и на войне.

Ранние взгляды Цезаря В политике такой человек естественно должен был склониться к умеренным доктринам, тем более, что он жил в высших классах, т. е. в среде, где благодаря скептицизму и личным интересам демагогические преувеличения не были в большом почете. Об этих умеренных доктринах, исповедовавшихся тогда Цезарем, можно составить довольно вероятное представление, особенно если проследить ближе некоторые влияния греческой мысли на образованные классы его времени. Без сомнения, Цезарь жил в одну из тех редких эпох умственной анархии, когда каждый может следовать своей склонности и все артистические, философские и литературные школы находят себе последователей. Образованный мир Италии состоял тогда почти всецело из любителей, принадлежавших к высшим классам. Так как в Риме не существовало ни публичных школ, ни интеллектуальных традиций, ни какой-либо официальной организации знания, то все течения греческой мысли устремлялись туда, чтобы сталкиваться друг с другом и с силой смешиваться как бы в огромном водовороте: платонизм, эпикуреизм, стоицизм в философии; декадентский романтизм александрийцев и чистый классицизм эолийцев и трагиков в поэзии; напыщенность азиатского стиля и чистота, изящество и ясность аттицизма в красноречии; запутанная утонченность греко-азиатского или греко-египетского искусства и архаическая трезвость эпохи Фидия. Однако среди этого беспорядка замечалось течение, которое, усиливаясь и укрепляясь, увлекло большинство умов: это было классическое течение, удивление и подражание Греции Софокла, Демосфена, Фидия, Платона, Перикла, Аристотеля.

Влияние на Рим Греции В политике, в литературе, в искусствах это столетие старалось гораздо более подражать классической Греции независимых городов, мелких беспокойных демократий, муниципальных искусств, литературы, писанной на диалектах, частных школ энциклопедической философии, нежели обширной космополитической Элладой великих бюрократических монархий, основанных в Азии и Африке Александром, с ее общим языком, ее литературой и искусством, покровительствуемыми двором, ее царскими просветительными учреждениями, ее вкусом к специальным знаниям и философским учениям морального характера. Возрастающее влияние Цицерона снова выдвинуло вперед Демосфена и привело красноречие от азиатской расточительности Гортензия к классической трезвости. В искусствах оставляли родосскую и все азиатские школы для искусства Фидия, Поликлета, Скопаса, Праксителя, Лисиппа.⁴⁵² Самый известный между современными скульпторами, Пракситель, грек из южной Италии и римский гражданин, основал новоаттическую школу скульптуры, чтобы копировать античные произведения и подражать в оригинальных творениях прекрасному и умеренному изяществу великих классических образцов. В политике охотно принимали теорию Аристотеля об управлении, которое примиряет принципы монархии, аристократии и демократии.⁴⁵³

---

⁴⁵² Overbeck. G. G. P., II, 424.

⁴⁵³ Мы увидим далее, во втором томе, что невозможно было бы объяснить большой успех, который имела *De republica* Цицерона в 52 г., не допустив, что эти идеи были уже давно популярны в

«Политика» Аристотеля

По этой теории, являющейся одной из основных идей «Политики» Аристотеля, народ должен обладать достаточным авторитетом, чтобы не быть угнетаемым вельможами; богатые и знатные фамилии должны пользоваться значительной властью, но с условием употребления ее на общее благо, и подавать пример гражданских доблестей. Магистрат, если это необходимо, может властвовать над всеми другими с титулом президента, облеченного обширными полномочиями, но при условии, что он будет выбираться между лучшими гражданами республики, управлять по законам и сам первый соблюдать их. Закон должен был быть истинным безличным владыкой в республике. Без этого необходимого противовеса противоположных принципов демократия выродилась бы в демагогию, аристократия в олигархию, монархия в азиатский деспотизм, худшее из всех правлений, годное только для выродившихся народов Востока, но не для благородной расы эллинов. Эта теория Аристотеля, которую принял Полибий, изучая римское общество эпохи Сципиона Эмилиана, распространялась все более и более и, по видимому, должна была примирить антимонархические и аристократические течения римской истории с новыми демократическими течениями; в ней надеялись видеть выход из тех политических затруднений, в которых республика билась уже пятьдесят лет.

Мечта Цезаря о «перикловском» Риме

Очень вероятно, что Цезарь был склонен тогда, подобно почти всем знатым, принадлежавшим к народной партии, к идеям соглашения аристократии и демократии в духе Аристотеля и Полибия. Возможно, что он мечтал о свободной и победоносной республике, артистической и образованной, как Афины, но более обширной и более могущественной, которая, управляемая энергичной, свободной от кастовых предрассудков и духа традиции аристократией силы, сделает Италию, с помощью среднего класса, метрополией богатства, искусства, знания, красноречия, свободы. Впрочем, даже если бы у него не было этой склонности, личные интересы толкали его на путь умеренности.

Его денежные затруднения

Его личного состояния было недостаточно для значительных издержек, которых требовала политическая жизнь, и Цезарь с некоторого времени был принужден делать много долгов. Так как его фамилия имела большие связи во всадническом сословии, ему нетрудно было делать займы, потому что многие из богатых откупщиков охотно давали в долг молодому племяннику Мария, которому все предсказывали блестящую будущность, даже если не были уверены в обратном получении своих денег. По существу, эти займы политических деятелей были для богатых финансистов скрытым подкупом, ловким средством приобретать влияние на правительство, оставаясь чуждыми борьбе партий. Но Цезарь мог рассчитывать на могущественную финансовую поддержку всадников, только сохраняя их доверие, а он потерял бы его, если бы слишком скомпрометировал себя в начавшемся демагогическом и революционном движении.

Действительно, он не проявлял никакой деятельности во время своей квестуры. Оставаясь все время в Риме, он ограничивался оказыванием почестей памяти своего дяди, почестей, которые могли быть рассматриваемы как рево-

люционные выступления с точки зрения строгого права, потому что Марий был осужден, но которые привлекали к Цезарю всеобщие симпатии.

Его уважение к Марию Все признавали, что герой Раудийских полей заслуживает быть поставленным в ряду великих исторических лиц на то почетное место, какое похитила у него партийная ненависть. Потеряв в этот год свою жену и свою тетку, вдову Мария, Цезарь осмелился нести статуи победителя кимвров в печальной процессии.⁴⁵⁴ Потом он отправился в Испанию в качестве квестора претора Антистия Ветера.⁴⁵⁵

Клодий в лагере Лукулла Помпей, напротив, остался в Риме, чтобы работать там над падением Лукулла, устремившегося весной в Армению со своей обычной неосмотрительностью и ведшего с собой свою маленькую армию недовольной, усталой, искусно подготовленной офицерами, дружественными Помпею. Между этими предателями, сеявшими дух возмущения в легионах, был даже деверь Лукулла, Публий Клодий, молодой человек из знатной и бедной фамилии, который думал обогатиться политикой⁴⁵⁶ Таким образом, Лукуллу изменила даже собственная семья; и однако он решился на дерзкое предприятие, пытаясь завоевать со своей маленькой армией другую обширную империю. Был ли он до такой степени ослеплен своими успехами, что не знал всех этих интриг и шел по краю пропасти, не замечая их? Вещь весьма возможная, но недостаток документов, которыми мы располагаем относительно этой экспедиции, позволяет нам объяснять поведение Лукулла только гипотезами, вместо того чтобы предложить другое объяснение. Могло быть, что Лукулл, зная о недоброжелательстве своих офицеров и не решаясь подавить его суровыми мерами, решил со своей обычной смелостью идти вперед от опасности и задушить недовольство своей армии таким блестящим успехом, как завоевание Армении.

Битва при Арсаниаде Как бы то ни было, известно, что он большими переходами двинулся вперед до Ванского плоскогорья, где нашел соединенные армии Митридата и Тиграна. На этот раз оба союзника, хорошо окопавшись в лагере, укрепленном по римскому образцу на вершине одного холма, решили ожидать, когда ранняя армянская зима принудит римскую армию к беспорядочному отступлению. Лукулл, после тщетных попыток завязать битву, постарался заставить врага двинуться с места, направившись на столицу Артаксату. Тигран действительно решил сняться с лагеря, боясь увидеть свой гарем и свои сокровища в руках Лукулла. Он последовал за Лукуллом и попытался преградить ему переход через Арсаниаду. На берегах реки произошла битва, в которой армянский царь снова потерпел поражение.⁴⁵⁷ Другой генерал удовольствовался бы этим и остановился ввиду приближения осени; Лукулл же, напротив, как азартный игрок, рискующий всем своим выигрышем,

---

⁴⁵⁴ Suet. Caes., 6; Plut. Caes., 5.

⁴⁵⁵ Plut. Caes., 5; Suet. Caes., 7.

⁴⁵⁶ Что Клодий был орудием Помпея, следует не только из слов Плутарха (Лис, 34), но и из правдоподобности событий. Рисковать таким образом он мог только ради Помпея и должен был быть не один.

⁴⁵⁷ Reinach. M. E., 366, 367.

чтобы выиграть вдвойне, решил воспользоваться своей победой, чтобы без отсрочки поразить в самое сердце империю Тиграна, и двинулся на его столицу.

Интриги Помпея в Риме К этому отчаянному шагу не могли ли побудить его известия из Рима? Вещь возможная, потому что его положение в Риме было очень скомпрометировано. Народная агитация, затихшая с 70 г., снова возгорелась. Нужда возбуждала все демагогические страсти. Италия находилась в состоянии сильного брожения, при котором всякий поступок или предложение закона, направленные против богатых и знатных, безусловно могли рассчитывать на народное сочувствие. Борьба против консерватора и аристократа старого рода, как Лукулл, была легка для Помпея, несмотря на подвиги, совершенные Лукуллом на Востоке. После очень тяжелых усилий друзья проконсула достигли того, что комиссия, которой было поручено организовать управление Понтом, была составлена из преданных ему лиц. Они ввели туда даже его брата Марка, но зато должны были уступить Помпею и общественному мнению в другом, очень важном пункте, отняв у Лукулла на следующий год управление Киликией. Правда, как небольшое вознаграждение, они отдали Киликию зятю Лукулла, консулу этого года Квинту Марцию Рексу в надежде, что завоеватель Понта будет продолжать управлять провинцией через своего зятя. Но с каждым днем борьба для партии Лукулла становилась все тяжелее, и Помпей, поддерживаемый общественным мнением, беспрестанно выигрывал почву, несмотря на противодействие Красса. Взятие Артаксаты и окончательное завоевание Армении одни могли оживить мужество его партии и остановить нападения врагов.

Второй мятеж лукулловских войск Хотя уже приближалась осень, Лукулл приказал своим легионам двинуться на Артаксату; и еще раз крайним проявлением своей ужасной суровости довел легионы до открытого возмущения. Армия двинулась в путь, но ненадолго. Когда армянская осень начала давать чувствовать своими ранними холодами приближение зимы, солдаты возмутились и отказались двигаться далее. Так как почти все офицеры поддерживали восстание — многие из них даже возбуждали его, — Лукулл принужден был уступить и отвести свою армию, вероятно, в октябре месяце, в Месопотамию.

Новое появление Митридата Это отступление было первым крупным успехом партии Помпея. К несчастью для Лукулла, этот первый удар повлек за собой другие, еще более тяжелые. В Месопотамии Клодий решился на крайнее средство. Воспользовавшись отсутствием Лукулла, он вызвал общее возмущение легионов описанием им счастливого времяпрепровождения солдат Помпея.⁴⁵⁸ Лукулл поспешил возвратиться, и Клодий был принужден спастись бегством. Но эти возмущения и борьба возвратили мужество человеку, которого слишком рано стали считать уничтоженным. Митридат внезапно к концу 68 г. захватил Понт с маленькой армией в 8000 человек, возмутил там жителей и принудил запереться в Кабире легата, оставленного там Лукуллом. Лукулл хотел идти к нему на помощь, но легионы отказались выступить в поход раньше весны 67 г. В Понте высадил подкрепления адмирал Лукулла Триарий и освободил легата, запертого в Кабире. К несчастью, ему не

---

⁴⁵⁸ Ibid., 369.

удалось изгнать из Понта Митридата, и он вынужден был зимовать в Газиуре, в самом сердце Понта, лицом к лицу с неприятельской армией, в то время как солдаты Лукулла занимались торговлей и удовольствиями, как будто бы повсюду царило спокойствие и их товарищи не подвергались большой опасности.⁴⁵⁹

Помпей и народ Эти известия дошли до Рима к концу 68 г. и только усилили общественное негодование, и без того уже большое. Положение было из самых запутанных. Экономический кризис разрастался; партии и котерии ожесточенно боролись и наносили удары друг другу, но окончательного успеха не достигали, так что все вопросы затягивались, не получая окончательного разрешения. Все одинаково были недовольны, раздражены, приходили в отчаяние. Консерваторы жаловались на положение, которое приняли восточные дела. Помпей и его партия не были довольны достигнутыми успехами. Несмотря на все Красс был сильнее его в сенате, и Помпей не мог более обманывать себя надеждой получить по сенатскому постановлению власть, отнятую у Лукулла. Ему приходилось обратиться непосредственно к трибам, просить у народа то, в чем отказывал ему сенат, захватить себе положение одним из тех смелых ударов в комициях, которые уже давно были обычны для партий, когда они чувствовали себя наиболее сильными. Но результат подобной попытки, вероятно, казался Помпею очень сомнительным. Он имел на своей стороне простой народ, но последний, несмотря на свою многочисленность, был дезорганизован, в то время как сенаторы и всадники имели большое влияние на голосование. Следовательно, он не мог быть уверен в господстве в комициях только силой своей популярности; и он не осмелился рисковать, хотя всеми силами старался увеличить свою популярность. Вероятно, по соглашению с ним и по его совету, один из его прежних квесторов, Гай Корнелий, человек честный, но ограниченный, избранный народным трибуном на 67 г., внес два предложения, крайне выгодных для народа: одно, имевшее целью облегчить финансовый кризис в Италии и остановить вывоз капиталов, запрещало римским гражданам давать деньги займы в провинциях; другое отнимало у сенаторов и передавало народу право приостанавливать действие закона. Но все эти происки, вероятно, ни к чему не послужили бы Помпею, если бы неожиданное событие не спутало все расчеты, дав другое направление борьбе партий, интригам Помпея и агитации среди народа. Зимой наступил ужасный голод.

Голод в Риме Люди всегда имеют потребность обвинять в своем несчастье других. На этот раз для народа причиной голода были пираты, перехватывавшие в море караваны с хлебом; сенат и должностные лица, не сумевшие в течение стольких лет очистить от них моря; и Лукулл, полководец которого Триарий, посланный с флотом в Эгейское море, ничего не сделал и позволил у себя на глазах пирату Афинодору разграбить Делос. Снова возгорелось раздражение против сената за его бездеятельность, так способствовавшее народным победам 70 г. Предложенные посреди этого возбуждения два закона Гая Корнелия вызвали настоящий мятеж.

Снова начались вооруженные схватки на форуме. Казалось, возвращаются времена, предшествовавшие междоусобной войне и революции Мария. Но

---

⁴⁵⁹ Sallust. Hist., 5, fr.9 (Maurenbrecher); Reinach. M. E., 370 сл.

Помпей быстро понял, что все вопросы внешней и внутренней политики должны уступить место хлебному вопросу и что если он внесет в комиции предложение относительно этого вопроса, то получит все ответы, которые он желал.

Диктатура над морем Отказавшись на время от своих восточных проектов, он предложил комициям через одного из своих клиентов, Авла Габиния,⁴⁶⁰ человека незнатного происхождения и небогатого, бывшего народным трибуном, закон, по которому народ должен был выбрать из сенаторов-консуляров диктатора над морем для ведения войны с пиратами. Этот диктатор моря должен был иметь флот в 200 кораблей, большую армию, шесть тысяч талантов, 15 легатов и абсолютную проконсульскую власть на три года над всем Средиземным морем и его побережьем на пятьдесят миль от берега с правом набирать рекрутов и собирать деньги во всех провинциях.⁴⁶¹ Его план был очень остроумен. Он думал легко добиться утверждения этого закона голодным народом. А если бы ему удалось уменьшить голод, то он до такой степени возрос бы в народном представлении, что мог бы в будущем заставить сенат утвердить все свои проекты, совершенно обессилить Красса и получить от комиций все, чего желал, даже назначения вместо Лукулла.

Первая часть его предположений, действительно, сейчас же сбылась. Консервативная партия попыталась отвергнуть проект, опасаясь, как бы эта диктатура над морем, порученная Помпею, не угрожала командованию Лукулла и Метелла; но народ, доведенный до отчаяния голодом, вышел из своего обычного безразличия, произвел большие беспорядки и угрожал возмутиться, если закон не будет утвержден. Затем Помпей был облечен властью, еще более обширной, чем предлагал Габиний. Ему было позволено набрать армию в 120 тысяч пехотинцев и 5000 всадников, образовать флот из 500 кораблей и назначить 24 легата.⁴⁶²

Женитьба Цезаря на Помпее Цезарь, недавно вернувшийся из Испании, был в числе поддерживавших предложение Габиния. Закон был слишком популярен, чтобы ему можно было противодействовать. Но, желая нравиться народу, он в то же время старался приобрести возможно большее число друзей среди богачей и знати и в этот самый год женился на прекрасной и богатой Помпее, дочери Квинта Помпея Руфа, аристократа и крайнего консерватора, убитого в 88 г. сторонниками Марии, и Корнелии, дочери Суллы.⁴⁶³ Племянник Мария, женившийся на племяннице Суллы и дочери жертвы народной революции, являл хорошее доказательство того, как скоро прекращается политическая ненависть; это также служило доказательством иллюзий, которыми Цезарь еще обманывал себя в этот момент.⁴⁶⁴ Так как браки

---

⁴⁶⁰ Drumann. G. R., III, 39.

⁴⁶¹ Dio, XXXIV 21; Plut. Pomp., 25; Appian. Mithr., 94; Velleius, II, 31.

⁴⁶² Dio, XXXVI, 22–35; Plut. Pomp., 26, 27; Appian. Mithr., 94.— Цифры, которыми определяют эти авторы силы, назначенные Помпею, только по видимости различаются между собой, как будет показано далее; но не так дело обстоит относительно числа легатов; Appian (Mithr., 95) и Florus (III, 6) дают различные имена. См.: Drumann. G. R., IV, 407, пр. 36.

⁴⁶³ Plut. Caes., 4; Suet. Caes., 6; Drumann. G. R., HI, 142; IV, 311, 314.

⁴⁶⁴ Друманн (G. R., III, 142) ошибается, думая, что этим браком Цезарь хотел создать связь между Помпеем и собой. Генеалогическая таблица, установленная самим Друманном, показывает нам, что

римской знати были только средством сохранить или увеличить свое политическое влияние, то Цезарь, вероятно, не женился бы на Помпее, если бы не хотел этим браком укрепить за собой поддержку со стороны консервативной партии. Этот богатый брак давал ему кредит у всадников, связывал его с большим числом самых влиятельных сенаторов и заставлял забыть партию Суллы о его происхождении и слишком демократическом прошлом. Если бы согласие между консерваторами и народной партией, начавшееся в 70 г., продолжалось, то Цезарь в один прекрасный день мог рассчитывать как на поддержку народа, так и на поддержку лучшей части консервативных классов. Этот брак должен был применить на практике, к выгоде Цезаря, аристотелевскую программу соглашения между знатью и демократией, и указывал, что Цезарь вовсе не был занят тогда спорами между консерваторами и народной партией. Он считал, что они не могут скомпрометировать дело примирения между классами и партиями, к которому стремились со смерти Суллы.

Поражение Триария В начале весны 67 г. военные операции, однако, возобновились. Лукулл двинулся на помощь Триарию. Помпей набрал не 120 тысяч солдат, но маленькую армию, не 500 кораблей, как намеревался сначала, но 270, т. е. все, которые он нашел в гаванях союзников.⁴⁶⁵ Он распределил их между своими многочисленными легатами, набранными из самых заметных людей высших классов, а также из консервативной партии,⁴⁶⁶ и каждому из них поручил очистить одну какую-нибудь часть Средиземного моря. Одним из этих легатов был Марк Теренций Варрон. Римскому народу легко было издавать законы и приказывать собирать большие флоты; но кораблей не существовало, до такой степени пренебрегали морским делом. Лукулл по дороге узнал, что Триарий, или дурно осведомленный, или желая один одержать победу, начал битву и был разбит при Газиуре, понеся большие потери.⁴⁶⁷ Лукулл просил помощи у своего зятя Марция, правителя Киликии, и быстро двинулся на помощь к Триарию, но, однако, встретившись с Митридатом, тщетно пытался вызвать его на битву, чтобы своей победой загладить поражение, нанесенное его генералу.

Помпей побеждает пиратов Помпей, напротив, в скором времени окончил предприятие, которое всех страшило. В таком впечатлительном городе, как Рим, и в такую смутную эпоху могли рассматривать пиратов как ужасных врагов; но вся их сила состояла в беззаботности Рима, потому что Крит был единственным местом, где они имели род военного государства, которое, впрочем, Квинт Метелл старался уничтожить уже целый год. Отряды их были слабы и не имели никакой организации с тех пор, как пал их могущественный покровитель Митридат. Известие, что в Риме назначили диктатора над морем и что делают значительные вооружения, быстро распространилось по всему побережью и испугало большинство мелких банд, уже павших

Помпея не была родственницей Помпею.

⁴⁶⁵ Кютауег в Phil., LVI, 429 сл., мне кажется, объяснил остроумно несогласие в цифрах, приводимых Плутархом (Rom. 26) и Аппианом (Mithr. 94) относительно флота Помпея.

⁴⁶⁶ Appian. Mithr., 96. Floras, III, 6; Drumann. G. R., IV, 408.

⁴⁶⁷ Appian. Mithr., 89; Plut. Luc, 35; Cicero. Pro lege Manilia., IX, 25.

духом вследствие разрушения понтийского царства. Страх увеличился вследствие первых пленений и первых наказаний. Хитрый Помпей, желавший быстрого успеха, все равно, продолжительного или нет, ловко воспользовался этим моментом уныния и паники. После первых казней он сразу смягчился, простил сдавшихся пиратов и населил ими разные опустошенные города. Такое поведение вызвало резкую критику со стороны римских консерваторов, потому что по римским законам и традициям было отвратительно и даже преступно так снисходительно обращаться с разбойниками. Но Помпей, сильный поддержкой народа, добивался только немедленного успеха, не заботясь особенно о жестоких традициях, столь дорогих еще знати. Успокоенные этой амнистией, пираты отовсюду являлись, сдавая свои флотилии и оружие римским генералам.⁴⁶⁸ В скором времени море сделалось безопасным, и Помпея приветствовали в Риме как чудесного героя, который ударом грома уничтожил такого ужасного врага. В действительности дело было не так важно, потому что в скором времени, когда прошел страх, внушенный морским диктатором, пираты снова вооружили свои корабли и принялись пенить моря.⁴⁶⁹

Лукулл отозван Напротив, Лукулл, действительно навсегда разрушивший великую монархию, увидел себя лишенным всех плодов своих побед. Когда в Риме узнали о поражении Триария, шумная толпа друзей Помпея начала вести кампанию перед народом против Лукулла, и Габиний предложил новый закон, который отнимал у него командование в войне против Митридата и провинции Понт и Киликию, отдавал эти провинции консулу Манию Ацилию Глабриону, распускал легионы Фимбрии и грозил непокорным конфискацией имущества.⁴⁷⁰ Народная оппозиция была слишком сильна, и сенат должен был на этот раз допустить утверждение закона.

Третий и последний мятеж в лагере Лукулла Скоро Лукулл оказался в ужасном положении. Марций, не желая компрометировать себя для своего деверя, отказал в просимой помощи под предлогом, что солдаты не хотят выступить в поход.⁴⁷¹ Распространился слух, что Тигран с большой армией идет на соединение с Митридатом.⁴⁷² Проконсул Азии опубликовал эдикт, отзывавший Лукулла.⁴⁷³ Лукулл еще не хотел уступить несчастной судьбе и, не обращая внимания на декреты, шел на Тиграна, надеясь захватить его на дороге, помешать его соединению с Митридатом и

---

⁴⁶⁸ Аппиан (Mithr. 96) делает краткое, но точное замечание об этом подобии войны: самая быстрота, с которой она была окончена, указывает на ее легкость. См.: Dio, XXXVI, 35, а также Kromayer в Phil., LVI, 430.— Плутарх (Pomp., 27, 28) рассказывает с некоторыми преувеличениями.

⁴⁶⁹ Drumann. G. K., IV, 413.

⁴⁷⁰ Sallust. Hist., 5, fr.13 (Maurenbrecher); Appian. Mithr., 90.—Из указанного места Аппиана и из Плутарха (Luc, 35), мне кажется, можно заключить, что второй закон Габиния был вотирован после поражения Триария и, следовательно, после первого закона, как утверждает и Дион Кассий (XXXVI, 330, fr. 14 (Gros)), по которому легионы возмутились во время похода против Тиграна под предлогом, что Лукулл уже не был их генералом. Аппиан, очевидно, ошибается, утверждая, что все это сделал сенат.

⁴⁷¹ Sallust. Hist., 5, fr. 15 (Maurenbrecher).

⁴⁷² Dio, XXXVI, 330, fr. 14 (Gros).

⁴⁷³ Appian. Mithr., 90; Dio, XXXVI, 330, fr.14 (Gros).

нанести ему поражение, которое дало бы новый поворот событиям. Но это отчаянное усилие было последним. Во время похода его усталые и подкушенные войска возмутились. Опираясь на закон об отозвании, они отказались следовать за тем, кто не был более их генералом. Тогда Лукулл ясно отдал себе отчет в том, что он довел своих солдат до отчаяния своей неразумной суровостью. Он осознал свою вину и со своей обычной живостью пожелал исправить ее. Он посещал своих солдат в их палатках, мягко говорил с ними, лично упрасивал вождей мятежа. Но все было напрасно. Солдаты объявили, что они будут ждать до конца лета, и тогда, если неприятель не появится, они разойдутся: получившие отставку отправятся домой, а прочие — к консулу Глабриону. Лукулл должен был уступить судьбе. И в то время, как Митридат снова завоевывал свое царство, а Тигран грабил Каппадокию, тот, кто два года тому назад властвовал над Азией подобно второму Александру, сделался в своем лагере игрушкой и посмешищем солдат.⁴⁷⁴

Значение Лукулла в римской истории Это странное и внезапное падение окончил политическую и военную карьеру Лукулла. Но в течение шести лет, проведенных на Востоке, в римской политике произошла революция, значение которой трудно было бы преувеличить, ибо оно было неизмеримо. Его роль в римской истории аналогична роли Наполеона в истории Европы, так что Лукулла можно назвать Наполеоном последнего века республики. Он нашел внешнюю политику римской республики почти в тех же условиях, в которых Наполеон нашел европейскую политику в конце XVIII в., т. е. в затруднении перед традиционной медлительностью, страшящейся призраков и отступающей перед всяким более серьезным препятствием, привыкшей откладывать в долгий ящик все вопросы, вместо того чтобы двигаться вперед, интриговать и тянуть время, вместо того чтобы действовать. Эта политика имела почти священный страх перед всем существующим и крайне боялась нарушить установленный порядок вещей; она всегда предпочитала дипломатические переговоры войне, не умея никогда воспользоваться своим успехом и сделать решительное усилие; предпочитала всегда компромиссы, которые могли бы сейчас и без больших усилий решить спорные вопросы, хотя бы даже рискуя запутать их еще больше в отдаленном будущем. Эта политика не имела недостатка в мудрости, но она была доведена до нелепости благодаря своим крайностям. Лукулл во всем революционизировал ее, как сделал восемнадцать веков позднее Наполеон: он поставил, насколько мог, на место дипломатии войну как средство разрубить великие трудности восточной политики; он заменил бесконечные ученые интриги переговоров впечатлением своих быстро веденных кампаний, своих неожиданных нападений, своих блестящих побед; уклончивость компромиссов он заменил усилием сделаться господином положения на всем Востоке, ослепившим и устранившим все государства целым рядом отважных войн. Эта политика, подобно политике Наполеона, имела большой успех, потому что она восстановила равновесие между старой сенатской политикой, сделавшейся уже бесполезной, и слишком изменившимися обстоятельствами; и так как ей было суждено оказать великие услуги, поскольку, в свою очередь, она не была истощена крайностями, то она тотчас нашла подражателей. Помпей и Цезарь были двумя великими учениками Лукулла, пожавшими

посеянное им. Но Лукуллу пришлось играть славную, хотя и печальную роль человека, идущего впереди, разделяющего весь риск и пользующегося только первыми выгодами. Его падение, тем не менее, не было только действием интриг Помпея. Последний не имел бы успеха, если бы Лукулл не был доступен ударам своих более слабых врагов. Последнее обстоятельство падения Лукулла и дает этому личному несчастью важность исторического события. Усилием своего гения этот аристократ старинного рода, этот ученик Рутилия Руфа, этот преданный и бескорыстный друг Суллы мог освободиться от тяжелого рабства традиций и кастового духа, сделавшись создателем нового империализма, но он остался непреклонным аристократом доброго старого времени в своем понимании обязанностей полководца по отношению к солдатам. Это противоречие погубило его. Новый империализм нуждался в других генералах, чем командовавшие легионами в первую и вторую пунические войны, ибо солдаты совершенно переменились. Нельзя было более обращаться с ними с прежней суровостью, подчинять их прежней дисциплине. Лукулл понял это слишком поздно; и все его великие заслуги были бессильны спасти его от одного из наиболее жестоких унижений, которые когда-либо испытывал римский полководец. Его падение было последней неудачей аристократической реставрации, предпринятой Суллой. Так как он остался верен древним нравам и древним идеям во всем, что они имели наиболее благородного и великого, то самый благородный и великий из друзей Суллы должен был уступить другим продолжение и славу новой политики, которую он создал, рискуя своей судьбой и своей жизнью.

XII

Цицерон и закон Манилия

Помпей, Метелл и критские пираты. — Финансисты и паника в Азии. — Закон Манилия. — Марк Туллий Цицерон. — Его речь в защиту закона Манилия. — Помпей — главнокомандующий на Востоке. — Помпей и Лукулл в Данае. — Последняя борьба Митридата. — Помпей и армянский царь.

Помпей, Метелл и критские пираты

В то время, как Помпей укрощал пиратов своим милосердием, Квинт Метелл предавал Крит огню и мечу, приказывая резать пленников, и обогащался, грабя пиратов. Метелл принадлежал к мелким аристократам из стойких консерваторов, желавших управлять империей, как во времена Сципиона Эмилиана, и сурово обращался со своими жертвами, протестуя этим против кротости Помпея, демагога, не постыдившегося для получения аплодисментов народа заключить договор с разбойниками. Наконец, доведенные до отчаяния, пираты предложили Помпею сдаться ему. Помпей, старавшийся унижить Метелла, быстро схватился за удобный случай, принял их покорность и, утверждая, что закон Габиния ставит Метелла под его начальство, послал на Крит Луция Октавия. Но Метелл отвечал, что Крит принадлежит ему одному. Он жестоко наказал города, которые, опираясь на декрет Помпея, отказались ему повиноваться. Луций Октавий для поддержки прав своего военачальника был готов начать войну, в которой ему пришлось бы защищать пиратов против римского проконсула. К счастью, более важные события скоро отвлекли Помпея от этой опасной ссоры.⁴⁷⁵

Паника в Азии

К концу 67 г. пришли в Рим очень дурные известия с Востока. Богатые финансисты получали от своих азиатских корреспондентов письмо за письмом, передававшие им тревожные подробности об этой провинции. У Лукулла не было более армии; Глабрион и Марций были людьми неспособными; Митридат снова сделался господином Понта; Каппадокия была опустошена Тиграном; летучие отряды уже появлялись в Вифинии и жгли пограничные деревни.⁴⁷⁶ Наконец, разразилась паника; уже опять, как некогда, видели Митридата в Пергаме, италиков вырезанными, капиталы конфискованными. И скоро стало всеобщим мнением, что обычных магистратур недостаточно для устранения столь великой опасности. Это мнение было очень популярно в демократической партии, но оно было и мнением многих консерваторов и испуганных финансистов.

Предложение Манилия

Друзья Помпея воспользовались этим для своей выгоды, и в начале 66 г. трибун Манилий предложил дать Помпею помимо уже предоставленных ему полномочий управление Азией, Вифинией и Киликией, начальствование в войне против Митридата и Тиграна и

---

⁴⁷⁵ Plut. Pomp., 29, Appian. Sic., VI, 2; Florus, III, 7; Dio, 329, 1, 1 (Gros.).

⁴⁷⁶ Cicero. Pro lege Manilia, 2.

право объявлять войну и заключать мир от имени римского народа с кем ему угодно,⁴⁷⁷ т. е. это было законное подтверждение права вести ту личную и независимую от сената политику, которую начал Лукулл. Красс, которому были неприятны успехи Помпея в войне с пиратами, трепетал, видя своего соперника готовым окончательно победить его перед взорами всей Италии в этой дуэли интриг, которую он начал четыре года тому назад. Консервативная партия, уже порицавшая демократическую снисходительность Помпея, не хотела признать путем благоприятного для него закона ту новую личную политику, которую она допускала у Лукулла. Некоторые из самых выдающихся членов этой партии, как-то Катулл и Гортензий, даже пытались отклонить законопроект, взывая к республиканским чувствам и указывая, что такая диктатура равняется монархической власти.⁴⁷⁸

Сила общественного мнения Однако на этот раз после своих успехов в войне против пиратов Помпей, несмотря на свое отсутствие и наперекор оппозиции, был в Риме сильнее Красса, консервативной партии и даже традиций. В Италии, как это всегда бывает в демократиях, где возрастают цивилизация, богатство, разнообразие занятий и удовольствий, высшие классы, богатые и зажиточные собственники, капиталисты, купцы, художники и большую часть времени занятые своими частными делами или удовольствиями, за недостатком времени и по эгоизму оставляют государство в руках небольшого числа профессиональных политиков, интересуясь общественными делами только тогда, когда необычайное событие взволнует все умы. Но когда такое волнение и всеобщее возбуждение охватит массы, ни одна партия, ни одна котерия или политическая группа не осмеливается ему сопротивляться. Так было в 70 г.; жестокая ненависть, возбужденная против консервативной партии, побудила многих консерваторов утвердить демократические законы. Потом общественный энтузиазм упал, и Цезарь, Помпей и народные трибуны тщетно пытались его оживить. Наконец, общество снова заволновалось. Вся Италия, счастливая успехом в войне против пиратов, удивлялась Помпею и смотрела на него как на несравнимого полководца; она доверяла только ему и хотела, чтобы именно он нанес последний удар Митридату.

Характеристика Цицерона Не только один простой народ желал восточного диктатора; его желали также крупные финансисты, многие сенаторы и всадники, поместившие на Востоке свои деньги. Не один только Цезарь старался добиться утверждения законопроекта, но и Цицерон, произнесший в защиту закона Манилия свою первую политическую речь и пожертвовавший прекрасной независимостью, которую он умел сохранять до тех пор. После процесса Верреса Цицерон продолжал бесплатно вести судебные дела, изучать греческих философов, благоразумно управлять своим состоянием и воспитывать свою дочь в полном согласии со своей женой. Он затмил Гортензия и сделался первым оратором Рима. Но он всегда держался в стороне от борьбы партий. Однако его влияние все возрастало, и он получил на этот год самую почетную городскую преттуру без борьбы, без коалиций, без происков. Это был первый случай, чтобы в Риме красноречие с таким успехом выдвигало

---

⁴⁷⁷ Plut. Pomp., 30; App. Mithr., 97; Dio, XXXVI, 40–41.

⁴⁷⁸ Plut. Pomp., 30; Cicero. Pro lege Manilia, XVII, 52.

незнатного и небогатого человека к общественным должностям.⁴⁷⁹ Какие мотивы побудили его броситься на этот раз в схватку? Мы не знаем этого. Вероятно, на его решение сильное влияние оказало общественное возбуждение, а особенно тревога всадников. Цицерон имел большое количество связей в этом классе богатых финансистов, которые были такого же скромного происхождения и нравов, мало отличных от его собственных, и большинство которых обладало замечательным образованием. Между прочим, он был очень дружен с Аттиком, богатым всадником, поместившим на Востоке большие капиталы и много занимавшимся историей, археологией и философией. Его младший брат Квинт Цицерон, живший вместе с ним в Риме, был даже женат на сестре Аттика, Помпони.

De imperio Cn. Pompei Следовательно, возможно, что, также считая опасность очень великой, Цицерон уступил настояниям друзей Помпея и, желая одновременно оказать услугу Помпею, республике и своим друзьям всадникам, произнес в защиту закона большую, очень ловкую речь. Своей публике, состоявшей из богатых купцов, сенаторов, ростовщиков, зажиточных откупщиков, ремесленников, он мог сказать, что древнее пергамское царство было самой богатой провинцией империи, что наиболее обильные доходы казначейство получает из Азии, что там помещены капиталы откупщиков, купцов, частных лиц и что, следовательно, обязанность всех классов — защищать эту провинцию не щадя жизни.⁴⁸⁰ Цезарь, намеревавшийся выступить кандидатом в эдилы на 65 г. и изо всех сил старавшийся быть популярным, также поддерживал закон, который и был утвержден, несмотря на негодование Красса. Помпей получил известие об этом в Киликии, где расположился на зимние квартиры, и немедленно начал готовиться к войне.

Митридат и парфяне Это было весной 66 г. Постоянно благоприятствуемый судьбой, Помпей получил поручение добить человека, уже смертельно раненого. Митридат поссорился с Тиграном, который подозревал, что он возбуждает его сыновей восстать против отца с целью посадить на армянский престол более покорного союзника. Отделившись от Тиграна, имея только около 30 000 пехотинцев и несколько тысяч всадников,⁴⁸¹ Митридат имел одну надежду, впрочем, очень слабую, что Фраат, новый парфянский царь, наследовавший Арсаку, придет к нему на помощь. Но Помпей поспешил отправить посольство к этому царю, чтобы убедить его начать войну с Тиграном⁴⁸² и предоставить ему скорее покончить со старым царем Понта, прервав все его интриги.

Свидание Помпея с Лукуллом Несмотря на эту настоятельную необходимость

---

⁴⁷⁹ Буассье (Cicéron et ses amis. Paris, 1902, 44) прекрасно заметил, что Цицерон «до сорока лет был только адвокатом». Я думаю, что он, напротив, ошибается, предполагая, как общее и постоянное правило, что судебное красноречие вело ко всему. Напротив, по моему мнению, это было исключением для той эпохи. Цицерон был первым, достигшим высоких должностей без богатства и знатности, благодаря своей литературной известности.

⁴⁸⁰ См. особенно 7-ю главу речи Pro lege Manilia.

⁴⁸¹ Appian. Mithr., 97; Plut. Pomp., 32.

⁴⁸² Reinach. M. E., 382; Rawlinson. S. O. M., 143.

Помпей, тем не менее, должен был ранее выполнить очень деликатную миссию: сменить в командовании Лукулла, упорно остававшегося среди непокорных легионов. Оставив три легиона Марция в Киликии,⁴⁸³ он двинулся вперед с главной частью армии, чтобы вести войну с Митридатом и в то же время убедить Лукулла в необходимости покориться. Молодой любимец судьбы в заносчивости своими успехами приближался к старому герою, огорченному столькими неудачами. Много лиц в обоих лагерях ждали этого с беспокойством, не зная, как пойдет дело при этой встрече. Общие друзья вмешались для того, чтобы все прошло с достоинством и без скандала и, наконец, можно было устроить свидание обоих генералов в Данале, в Галатии.⁴⁸⁴ Свидание началось с взаимных комплиментов, но скоро Лукулл, никогда не бывший ловким дипломатом, выставил невозможное положение. Помпею, по его мнению, оставалось только вернуться в Рим, потому что он сам окончит войну. С той и другой стороны разгорячились, и свидание окончилось оскорблениями.⁴⁸⁵ Лукулл упорствовал еще в своем праве издавать декреты и раздавать завоеванные им земли Галатии, стараясь таким образом уверить других и воображая сам, что он не идет на уступки. Но Помпей без труда отнял у него всех его солдат, за исключением 1600 человек, оставленных для сопровождения его в Италию.

Помпей преследует Митридата С армией, состоявшей только из тридцати тысяч человек,⁴⁸⁶ Помпей вторгнулся в Понт. Подражая тому, что сделал против него самого Лукулл во время кампании 74 г.,⁴⁸⁷ Митридат сперва постарался затруднить продовольствование неприятеля своими нападениями. Но когда он потерял в засаде часть своей кавалерии, когда Помпею удалось обеспечить скорую и безопасную дорогу для провианта через Ацелизону, он вынужден был перейти от наступления к обороне и окопался в крепкой позиции при Дастейре. Помпей приказал тогда присоединиться киликийским легионам. Митридат понял, что скоро он будет обложен со всех сторон превосходными силами,⁴⁸⁸ и однажды ночью, незаметно для римского лагеря, бежал, рассчитывая достигнуть Евфрата, переправиться через него и удалиться в Армению, где можно было попытаться продолжать войну. Но Помпей преследовал его, настиг через три дня и нанес ему тяжкое поражение.⁴⁸⁹

---

⁴⁸³ Это следует из Диона Кассия (XXXVI, 46).

⁴⁸⁴ Strabo, XII, V, 2 (567).

⁴⁸⁵ Dio, XXXVI, 44; Plut. Pomp., 31; Luc, 36.

⁴⁸⁶ Такова, по крайней мере, цифра, передаваемая Дионом Кассием (XXXVI, 45). Рейнак (М. Е., 382 пр. 2) насчитывает в армии Помпея 60 000 человек, основываясь на денежных суммах, розданных солдатам в конце войны, но Моммзен (R. С, III, 116, 117) высказал сомнение в точности этих сумм и их распределения. Кроме того, цифра, даваемая Рейнаком, была бы цифрой всех солдат, участвовавших в восточных войнах и оставшихся в живых, а не цифрой солдат, участвовавших в этой первой войне. Следует вспомнить, что в ней не участвовали три киликийских легиона.

⁴⁸⁷ Dio, XXXVI, 45.— Характер этой войны менее точно можно видеть также из Аппиана (Mithr., 98, 99).

⁴⁸⁸ Аппиан (Mithr., 99), не называя Дастейры, упоминает, конечно, о той же позиции, что и Страбон (XII, 3, 28 (555)). См.: Dio, XXXVI, 46, где страна, называемая неправильно Анагидой, есть, конечно, Ацелизна, как это следует из Страбона, XI, 14, 16 (532).

⁴⁸⁹ Appian. Mithr., 100; Liv. Epit, 101; Dio, XXXVI, 47.— Каждый из них, однако, рассказывает о битве по-разному.

Митридат, однако, успел еще спастись и с остатками своей армии занял Синорию, самую крепкую из своих цитаделей на границе с Арменией, взял там большую сумму денег, дал своим солдатам годовое жалованье, роздал им большую часть других своих богатств и послал просить гостеприимства у Тиграна, царя Армении; потом, не будучи в состоянии дожидаться ответа в Синории, еще слишком близкой к неприятелю, он удалился оттуда со слабым эскортом и, набирая по пути солдат, поднялся до истоков правого рукава Евфрата, а отсюда спустился в Колхиду, которая посреди беспорядков последних лет сделалась почти независимой. Он прошел через нее и остановился в Диоскуриаде, последнем греческом приморском городе, основанном у подошвы Кавказа.⁴⁹⁰

Помпей и Тигран Помпей, выполнивший своей кампанией против Митридата *chef d'oeuvre* стратегии, не мог преследовать по горам эту кучку беглецов со всей своей армией. Не было никакого затруднения отложить вторжение в Колхиду и до следующего года, потому что Митридат был окружен там и захвачен как бы в ловушку. Он не мог возвратиться в Армению и не мог бежать морем, которое занимала римская эскадра. Он не мог более спастись в Крым, где царствовал его сын Махар, сделавшийся другом римлян и от которого его отделяли варварские народности Кавказа, которых он не мог покорить даже во времена своего наибольшего могущества. Помпей предпочел поэтому обратиться к Армении и без труда завоевал ее. В то время, как Помпей сражался с Митридатом, Тигран был атакован Фраатом и своим возмущившимся сыном. Но когда Фраат скоро отступил, сын, испуганный тем, что остался один, обратился за помощью к Помпею. Тигран старался бороться, но, узнав, что Помпей готовится напасть на него, приказал заковать в цепи Митридатовых послов, назначил цену за его голову и пешком с униженным видом явился в римский лагерь. Помпей, оказав ему хороший прием, успокоил его, возвратил ему все наследственные владения его фамилии и примирил с сыном, которому он дал Софену. Потом он даровал ему титул друга и союзника римского народа и потребовал уплаты лично себе 6000 талантов, каждому солдату по 50 драхм, каждому центуриону по 1000 драхм и каждому военному трибуну по 10 000 драхм.⁴⁹¹ Затем он повел свои войска на зимние квартиры на север к берегам Кира, к границе Армении. Чтобы подготовить вторжение в Колхиду, он вошел в сношения с албанцами, жившими в Ширване и Дагестане, и с иверами Грузии. Но Помпей ошибался, считая Митридата побежденным. Неукротимый старик сам отправился к иверам и албанцам и привел их себе на помощь для последней борьбы с Римом. В декабре месяце легионы, зимовавшие на берегах Кира, были неожиданно атакованы албанцами. Попытка не удалась, нападение было отражено, и Помпей, постоянно покровительствуемый судьбой, был, таким образом, дешевой ценой предупрежден, что следовало быть более благоразумным с этими варварами.⁴⁹²

---

⁴⁹⁰ Reinach. M. E., 387 сл.

⁴⁹¹ Appian. Mithr., 104; пятьдесят драхм соответствуют приблизительно 38 франкам, 1000 драхм — 800 и 10 000 драхм — 8000 франкам, не считая того, что стоимость металлов была тогда выше, чем теперь.

⁴⁹² Reinach. M. E., 388–394.

XIII

Проект завоевания Египта

Бегство Митридата в Крым. — Торговый путь в Индию и экспедиция Помпея в Дагестан. — Архивы и сокровища Митридата. — Спекуляции и честолюбие Красса. — Долги Цезаря. — Цезарь на жалованье у Красса. — Заговор 66 г. — Возвращение Лукулла в Италию. — Лукулл и вишневое дерево. — Котта Понтийский и процесс гераклеяцев. — Эдильство Цезаря. — Дешевый хлеб: агитация в пользу завоевания Египта. — Ее неудача. — Италия и империя. — Долговой вопрос.

Триумфальное шествие Помпея через западную Азию

Эта попытка албанцев была последней действительной опасностью, избегнутой Помпеем. Весной 65 г. он начал свое безопасное шествие

через обширные монархии, свободные города, приморские республики, маленькие теократии, разбойнические и пиратские государства, образовавшиеся в Азии на развалинах империи Александра. Он посетил сказочные страны греческой поэзии, города и поля битв, наиболее знаменитые на Востоке. Он мог наблюдать бесконечное разнообразие варварских племен, живших разбросанно по Азии от Кавказа до Аравии и различавшихся языком, обычаями, религией. Он познакомился с этим древним промышленным и эллинизированным Востоком, который жил эксплуатацией варваров, с его чудовищными религиями, ученым земледелием самых плодородных его областей, его памятниками, его искусствами, его утонченной промышленностью. Он видел знаменитые города, снабжавшие своей роскошью все страны Средиземного моря; их население из трезвых, экономных, благочестивых и непритязательных ремесленников. Он познакомился с восточными философами, профессиональными учеными, а также с роскошью, пороками, преступлениями, сокровищами, придворным церемониалом, одновременно шокировавшими и привлекавшими итальянских республиканцев, еще таких простых в откровенной грубости своего разврата и своих пороков.

Торговый путь в Индию

В начале весны Помпей вторгся в страну иверов и издали заметил снежные вершины Кавказа, к которым был прикован Прометей. Он прошел в долину Риона, древнего Фазиса, и спустился в полную воспоминаний о Медее, Язоне и аргонавтах Колхиду, где он думал захватить Митридата.⁴⁹³ Но он прибыл слишком поздно. Ловушка была пуста. Неукротимый старик совершил подвиг, который все считали невозможным: ему удалось пройти в Крым с небольшой армией на расстояние 700 километров по крутым, омываемым морем склонам Кавказа, прокладывая себе с оружием в руках путь среди варваров, населявших эту страну. Достигнув Крыма, он захватил врасплох и принудил к бегству мятежного сына и завоевал сно-

⁴⁹³ Plut. Pomp., 34; Dio, XXXVII, 1, 3; Appian. Mithr., 103; Reinach. M. E., 394.

ва свое царство.⁴⁹⁴ Благоразумный Помпей не хотел вторгаться морем в Крым, а приказал блокировать его и, пройдя по долине Куры, древнего Кира, произвел нападение на страну албанцев, которую захватил, как кажется, изменой. Потом он возвратился в Малую Армению,⁴⁹⁵ принося предприимчивым италийским купцам точные сведения о великом сухопутном пути в Индию, которого они еще не знали. Этот путь начинался от устья Фазиса, выходил в долину Куры, потом через области иверов и албанцев доходил до Каспийского моря. По ту сторону Каспийского моря он начинался у устья Окса (Амударьи), впадавшего тогда в Каспийское, а не, как теперь, в Аральское море.⁴⁹⁶ Естественно, в течение этих экспедиций было награблено много драгоценных металлов и уведено очень большое число рабов.

Сокровища Митридата По прибытии в Малую Армению Помпей занялся этот год захватом последних крепостей и наложил свою руку на огромные сокровища Митридата. В Талавре он нашел его чудные коллекции: две тысячи ониксовых чаш, инкрустированных золотом, такое огромное число сосудов, ваз, лож, тронов, вызолоченных и украшенных драгоценными камнями доспехов, что для составления им инвентаря потребовался целый месяц.⁴⁹⁷ В другой крепости он захватил корреспонденцию Митридата, его секретные мемуары, его рецепты ядов и любовные, достаточно распушенные письма, которыми понтийский царь обменивался со своей любовницей Мони-мой.⁴⁹⁸ Все сокровища последнего великого эллинистического монарха Азии были с этих пор в руках италийской демократии.

Партийные ссоры Но эта победоносная демократия вовсе не умела пользоваться своими победами, потому что в течение всего 66 г. положение дел в Италии только ухудшилось. После страстного интереса, вызванного дебатами по поводу закона Манилия и азиатских событий, общество снова впало в свое угрюмое и раздраженное оцепенение. Финансовый кризис стал острым. Тяжесть долгов, раздражение от неудовлетворенных желаний и обманутых надежд смущали все классы, делали их раздражительными, непостоянными, индифферентными к партийным стычкам и проектам. Теперь, когда на Востоке был восстановлен порядок, был один только великий, действительно национальный вопрос — вопрос о долгах. Но ни одна из двух партий не осмеливалась затронуть его. За недостатком крупных вопросов, могущих заинтересовать публику, обе маленькие котерии политиканов консервативной и народной партий были принуждены вести войну интригами, злословием, оскорблениями и процессами, тем более ожесточенными, чем мельче были предлоги для этого. Обе партии раздражались от этого усилия в пустоте всеобщего равнодушия.

---

⁴⁹⁴ Appian. Mithr., 101, 102; Strabo, XI, II, 13 (496).

⁴⁹⁵ Dio, XXXVII, 3; Plut. Pomp., 35; Reinach. M. E., 398, pp. 1.

⁴⁹⁶ Strabo, XI, 7, 3 (509); PUn. H. N.. VI, XVII, 52.

⁴⁹⁷ Appian. Mithr., 115.

⁴⁹⁸ Plut. Pomp., 37.

Красс и дешевый хлеб Такое положение, трудное само по себе, скоро было запутано новым поворотом Красса. Миллионер, со времени своего популярного консульства поддерживавший консерваторов в их борьбе с Помпеем, снова перешел на сторону народной партии и сделался ее главой вместо отсутствующего Помпея. Законы Габиния и Манилия были страшными ударами для Красса, он хотел отмщения и, чтобы добиться его, стал подражать интригам и проискам своего соперника. Разве народ не требовал завоеваний, побед, грабежей? Разве Помпей не приобрел столь широкую популярность тем, что был призван снова возратить в Рим изобилие своей победой над пиратами? Хорошо же! Он даст народу все, чего тот требует; он предложит себя в качестве полководца для нового завоевания, которое навсегда доставит Риму дешевый хлеб. Бедный Лукулл не замедлил найти подражателей своему наступательному империализму. В то время, как Помпей продолжал применять его политику в Азии, Красс замыслил в Риме новое наступление вроде тех, которые с таким успехом выполнил Лукулл: он мечтал о завоевании Египта.

Египет Нельзя отрицать, что богатый банкир хорошо выбрал свою добычу. Египет был не только самой богатой страной древнего мира, но и страной очень плодородной, где всякий год жатва превосходила потребность в хлебе и где могли покупать хлеб все голодавшие страны, если только царь позволял им это. Когда страна будет принадлежать Риму, этот излишек ежегодного урожая целиком будет принадлежать метрополии. Завоевание Египта значило для римлян то же, чем для нас было бы уничтожение прав на хлеб: дешевый хлеб. Без сомнения, нужен был предлог для войны, но его легко было найти в завещании Александра II, который в 81 г. передал Египет римлянам. Многие сожалели теперь, что сенат из робости отказался тогда от этого наследства, но легко было снова вернуться к этому отказу, потому что сенат по одному из своих обычных противоречий отказался также признать нового царя, Птолемея Авлета, царское происхождение которого было сомнительно и который уже давно тщетно добивался своего признания.⁴⁹⁹

Красс ищет агента Однако Красс слишком хорошо знал сенат, для того чтобы сомневаться, что без сильного давления извне он не откажется от своей традиционной политики, столь противной новому наступательному империализму, и не решится хладнокровно на завоевание мирной страны, ничем не вызвавшей гнев Рима. Итак, нужно было подражать примеру Помпея: разгорячить и раздражить общество, заставить комиции объявить войну Египту, обратиться прямо к толпе, не имевшей дипломатической совестливости сената и уже начавшей восхищаться всяким завоеванием. Но чтобы успеть в этой агитации, Красс должен был примириться с народной партией, приобретя для нее самых деятельных и самых ловких людей из котерии Помпея. После стольких ссор это примирение не было легким делом, и, действительно, казалось, что Красс встретит в друзьях своего соперника первое препятствие для своих проектов. В последовавшей агитации мы не находим почти никого из людей, помогавших Помпею в его борьбе; напротив, мы знаем, что Габиний, в качестве легата, готовился присоединиться тогда на Востоке к своему начальнику. Вероятно, многие друзья Помпея отклонили предложения Красса, не доверяя ему и

боясь раздражить своего покровителя. Между этими популярными политиками один только был к нему расположен, но это был самый умный из всех — Цезарь.

Цезарь продается Крассу Цезарь дошел до критического периода своей жизни. До сих пор он поддерживал народную партию, но не слишком связывал себя с кем-нибудь и не принимал участия в какой-нибудь подлости, вроде той, на какую оказался способен его друг Клодий по отношению к армии Лукулла. Благодаря этой своей политике он мог сделаться одним из молодых лидеров народной партии, на которых благосклонно смотрели даже консерваторы. Но несмотря на все он был лишь в начале своей политической карьеры. Он только что был выбран эдилом на 65 г. и — что имело значительное влияние на его судьбу — находился в крупных денежных затруднениях. В этот момент, когда слабел народный энтузиазм, он должен был бросать золото более чем когда-нибудь, продолжая свою щедрость и свое мотовство до того дня, когда, выбранный претором, он получит в виде добычи провинцию. Но как раз тогда кризис не располагал ни одного из богатых откупщиков давать в долг. По мере того как делались более редкими деньги, откупщики все менее щедро давали их людям политики. В таких обстоятельствах честолюбие и зависть Красса могли сделаться для Цезаря настоящими золотыми рудниками. Побуждаемый нуждой в деньгах, он в первый раз согласился поступить на службу к миллионеру, несмотря на глухую враждебность почти всей народной партии и вовсе не желая порвать с Помпеем. Последний действительно не мог бы жаловаться на то, что Цезарь, помогавший ему получить командование на Востоке, теперь старался заставить дать Египет Крассу, также бывшему знаменитым гражданином. Благодаря своей гениальной беспечности он надеялся, служа проектам Красса, эксплуатировать последнего для своего честолюбия, сохранить дружбу с Помпеем, не компрометировать уже приобретенного положения, быть, одним словом, самым счастливым из всех. Сам Цезарь не мог надолго избежать деморализации, свойственной политике, особенно демократической политике торговой эпохи, и действия этого не замедлили сказаться. Знатный человек, сначала занимавшийся общественными делами с аристократическим бескорыстием, потом смешался с политиками низшего слоя: интриганами и оппортунистами, делавшими из политики только ширмы своих низких интересов.⁵⁰⁰

Заговор 66 г. Действительно, в 66 г., немного спустя после заключения союза с Крассом, Цезарь принужден был вступить в очень темную интригу. На консульских выборах сенат, чтобы доставить консульство Луцию Аврелию Когте и Луцию Манлию Торквату, вычеркнул из списка кандидатов прежнего сторонника Суллы, возвратившегося из Африки, где он был пропретором, Луция Сергия Катилину, под предлогом, что тот не представил вовремя своей просьбы и, кроме того, состоял под обвинением в лихоимстве. Но так как, несмотря на эту интригу, были избраны Публий Атоний и Публий Сулла, племянник диктатора, то сын Луция Манлия Торквата⁵⁰¹ обвинил их в подкупе и с помощью интриг добился их осуждения и назначения новых выборов.

---

⁵⁰⁰ См. Приложение В.

⁵⁰¹ Друмманн (G. R., II, 514) указал, что это был не сам кандидат, а его сын.

На этот раз были избраны оба кандидата сената. Но эти происшествия взволновали умы; уже во время процесса произошли волнения.⁵⁰² Народная партия из оппозиции консерваторам взяла на себя защиту обоих осужденных консулов, а последние, также возбужденные, решили составить заговор с целью убить консулов в первый день года и произвести новые выборы.

Красс, Цезарь и заговорщики В заговор вступили Катилина и несколько запутавшихся в долгах молодых людей знатных фамилий, как, например, Гней Пизон. А что было более важным, о проекте, по-видимому, знали Цезарь и Красс и тайно одобряли его, хотя, чтобы не слишком компрометировать себя, воздерживались от всякой активной поддержки. Это было совершенное безрассудство; и такие ловкие люди не совершили бы его, если бы затруднительность их предприятия не принудила бы их прибегнуть к опасным средствам. Котерия Помпея упорно отказывалась помогать Крассу, несмотря на самые энергичные просьбы. Цезарь и миллионер оставались в борьбе одинокими, и для них было очень трудной задачей одним возмутить народ и победить оппозицию сената и магистратов. При таком положении было весьма полезным иметь обоих консулов, расположенных к их проектам, и ради этого они не поколебались ободрить Суллу и Автрония насильственно захватить высшую магистратуру. К несчастью, заговор был открыт. Общество в Риме сильно взволновалось от этого неожиданного разоблачения деморализации высших классов. Со всех сторон требовали примерного наказания. Сенат присоединился к этому, но Красс, чтобы положить конец городским сплетням о заговоре и об участии, какое он принимал в нем, энергично вмешался и не только спас заговорщиков, но и хотел вознаградить их проигрыш. Сенат, где он имел столько должников, согласился на его требования; никого не преследовали. Гней Пизон получил чрезвычайное поручение в Испании. Сам консул Торкват принял на себя защиту Катилины в процессе о взяточничестве.⁵⁰³ Дело таким образом было быстро замято, но Красс и Цезарь после этого удара должны были придумать другие интриги.

Возвращение Лукулла Между тем вернулся в Италию Лукулл со своим жалким кортежем в 1600 солдат, привезя из Понта много золота и серебра в монете и слитках⁵⁰⁴ и подарок, более скромный, но и более драгоценный: неизвестное до тех пор вишневое дерево, которое начали после него культивировать в Италии.⁵⁰⁵ Когда весной мы видим посреди поля вишне-вое дерево, все осыпанное снегом своих цветов, вспомним, что это последний след от гигантских завоеваний Лукулла, спасшийся от бурь двадцати столетий! Но если потомство забывает благодеяния, современники часто их не знают, и Лукулл, несмотря на свои победы, свои сокровища и свои трофеи, нашел ворота

---

⁵⁰² Cicero. Pro Sulla, 5.

⁵⁰³ Sallust. C. C., 18; Suet. Caes., 9; Ascon in Cec., tog. cand.; Cicero. Pro Sulla, IV, 2 и XXIV, 68; in Caffl., I, VI, 15; Livius. Per., 101; Dio, XXXVI, 42. — John (E. G. C. V., 706–714) окончательно доказал, что Саллустий ошибается, делая из Катилины главу этого заговора, тогда как он был только одним из второстепенных заговорщиков; см.: Stern. C., 16 сл.; Tarentino. C. C., 29 сл.; Bellezza. F. S., 59 сл. См. также в приложении В наши основания для передаваемой здесь версии.

⁵⁰⁴ Plut. Luc., 37.

⁵⁰⁵ Plin. H. N., XV, XXV, 102.

Рима запертыми для своей скромной триумфальной процессии. Ссоры между двумя политическими котериями возгорались; все становилось в руках партии предлогом или средством для мучения своей соперницы. Лукулл по возвращении увидел себя с бешенством атакованным народной партией, как будто бы он стал преступник и разбойник. Чтобы возбудить народ против высших классов, сурово упрекали этого друга Суллы за то, что хвалили и переносили в Помпее: за приобретенные богатства, за войны, веденные без разрешения сената, за грабежи и ошибки, совершенные его генералами. Народные трибуны не только налагали свое veto всякий раз, как сенат желал обсуждать вопрос о триумфе Лукулла, но нападали даже на его генералов и офицеров, особенно на Котту, разрушителя Гераклеи.

Дело Копы Сенат, в свою очередь, назначил Котте необычные почести; он получил прозвище Понтийского. Но когда он начал показывать богатства, приобретенные во время войны, вмешались трибуны, угрожали предъявить к нему обвинение и потребовали освобождения гераклейских пленников. Котта, видя, что собираются грозные тучи, счел благоразумным бросить в море часть своей добычи и внес крупную сумму в государственное казначейство. Но народная партия продолжала свое нападение: это, говорили, была только комедия; большую часть Котта сохранил для себя. Закон, освобождавший пленников, был внесен в комиции. Вожди народной партии приготовили для этого собрания политическую обстановку. Они разыскали в домах, на перекрестках, в лавках работоторговцев всех гераклейских пленных, каких только могли, одели их в траур, дали им в руки оливковые ветви и привели пред собрание. Тогда один из гераклейцев, Фразимед, поднялся и стал держать речь; он напоминал о древней дружбе Гераклеи и Рима; потом он описал осаду, взятие города, резню и пожар, и все рабы начали рыдать, стонать, протягивать с мольбой руки. Публика была так возмущена, что Котта едва мог раскрыть рот и должен был считать себя счастливым, что избежал изгнания.⁵⁰⁶

Эдилитет Цезаря Консервативная партия ответила на этот вызов обвинением своих врагов в подготовке революции. Когда Помпей возвратится с Востока со своей победоносной армией, он заставит провозгласить себя монархом, и республика будет разрушена! Однако, несмотря на этот страх, консерваторы нашли средство мало-помалу поссориться с Крассом и Цезарем. Оба друга были принуждены, после неудачи заговора, вернуться к проекту возбудить большую народную агитацию в пользу завоевания Египта и, чтобы подготовить почву, задумали разными средствами приобрести расположение народа. Красс, бывший цензором, предложил вписать в списки граждан жителей Транспаданской Галлии. Это был очень либеральный проект, увенчание великой демократической реформы, которая эмансипировала Италию. Цезарь, бывший эдилом, постарался ослепить народ, конечно, за счет Красса, неслыханной расточительностью. Он украшал картинами и статуями Капитолий, форум, базилики. Он с необычайной роскошью справил *Ludi Megalenses* и *Ludi Romani*. Он дал в память своего отца великолепные сражения гладиаторов, в которых в первый раз в их руках увидели серебряные стрелы и копья. Он устроил под временными портиками, построенными на форуме, и в базиликах выставку всех

предметов, предназначенных для игр и для украшения общественных зданий.⁵⁰⁷

Но если сенат закрывал глаза на заговор благодаря страху, который ему внушал Красс, то самая непримиримая часть консерваторов негодовала на эти происки, сохраняя особенную злобу против Цезаря, бывшего менее могущественным, чем миллионер.

Трофеи Мария Начинало пробуждаться старое недоверие, смешанное с ненавистью, страхом и презрением, которое внушал племянник Мария. Катулл, наиболее достойный между старыми консерваторами, имел, наконец, смелость начать сопротивление и, так как был цензором, с такой твердостью воспротивился проекту Красса внести в число граждан жителей Транс-паданской Галлии, что Красс вынужден был отказаться от своей идеи.⁵⁰⁸ Вдруг однажды утром удивительная новость распространилась по городу: трофеи Мария, опрокинутые Суллой, были ночью опять поставлены в Капитолий. Этот сюрприз приготовил Цезарь.⁵⁰⁹ Успех его был громаден. В течение многих дней толпа сбегалась в Капитолий, чтобы видеть эти великие воспоминания войн с Югуртой и кимврами, почтенный образ героя, которого знать преследовала неумолимой ненавистью! Старые солдаты даже плакали. Сенат, чувствуя себя слабым перед этим народным энтузиазмом, не осмелился снова приказать снять трофеи. Но Катулл открыто при всех сенаторах напал на Цезаря, вскричав, что последний хочет разрушить государство уже не тайными происками и заговором, но открыто.

Цезарь и консерваторы Этим выпадом Катулла началась новая борьба между Цезарем и консерваторами, которой суждено было продолжаться так долго и иметь такие важные последствия. Дело примирения между двумя партиями, в успех которого верил Цезарь, скоро рушилось. Консерваторы, возбужденные этими первыми столкновениями, удвоили старание. Они напали также на Габиния, стараясь воспрепятствовать его отъезду на Восток в качестве легата Помпея. В этом они не имели успеха.⁵¹⁰ Но когда Цезарь, считая, что уже достаточно подготовил народ, поставил, наконец, с помощью трибунов вопрос о завоевании Египта, они воспротивились этому с необычайной для них энергией.⁵¹¹ Так как Цезарь все время ссылался на завещание царя Александра, они возбудили сомнение в подлинности завещания. Они утверждали, что даже в случае его подлинности Рим не должен желать овладеть всеми странами и начать войну со всем миром.⁵¹²

---

⁵⁰⁷ Suet. Caes., 10; Plut. Caes., 5; Dio, XXXVII, 8; Plin. H. N.. XXXIII, 3, 53.

⁵⁰⁸ Dio, XXXVII, 9.

⁵⁰⁹ Suet. Caes., 11; Plut. Caes., 6.

⁵¹⁰ Drumann. G. It., III, 44.

⁵¹¹ Plut. Crass., 13; Suet. Caes., 11. — Однако Светоний ошибается относительно мотивов, выставленных для экспедиции, как это ясно из речи Цицерона (*De lege agr.*, II, 16 сл.), и неправильно приписывает Цезарю намерение отправиться в Египет. См. в приложении В мотивы, по которым я считаю более вероятной версию Плутарха, по которой начальником в этой экспедиции должен был быть Красс.

⁵¹² Cicero. *De Lege agr.*, II, XVI, 42.

Эта оппозиция маленькой консервативной коте́рии проектам Красса и Цезаря является фактом, важным не столько по своим непосредственным следствиям, сколько по своим отдаленным результатам. До сих пор эта партия еще не заняла вполне определенного-положения по отношению к новому завоевательному империализму, созданному одним из ее членов. Она предоставила Лукуллу свободу действия; она противилась честолюбивым домогательствам Помпея, утверждая, что они противны духу республиканской конституции, но она еще не высказала окончательного суждения о самой политике.

Неудача египетского проекта Начиная с этого момента консервативная партия объявила себя против политики расширения и связала свою судьбу с мирной политикой, необходимость которой Италия почувствовала бы рано или поздно. И прежде всего консерваторы могли только поздравить себя с выбором, сделанным между двумя политиками, потому что им удалось нанести удар Крассу и Цезарю. Проект завоевания Египта, как бы он ни был остроумен сам по себе, не мог взволновать общества. Было много причин этой неудачи. Значительная часть коте́рии Помпея, не доверяя Крассу, не хотела его поддерживать. Красс не имел никакого шанса, что на помощь ему явятся какие-нибудь поразительные события, подобные последней угрозе Митридата в Азии, оказавшей такую помощь Помпею. Наконец, самый момент не был благоприятен. Богатые классы, особенно финансисты, до тех пор благоприятствовавшие и ободрявшие демократическую партию, начали страшиться демагогической наглости народного движения и предложений законов, выходивших от нее. Они мало-помалу перешли на сторону консерваторов, вожди которых льстили им ловкими маневрами, восстановив, например, уничтоженную Суллой привилегию всадников сидеть в театре на сенаторских скамьях. Что касается до среднего класса, то предшествовавшие победы демократии ничего не принесли ему, кроме недовольства тяжелыми долгами, в которые он попал: этот класс был лишен иллюзий, сделался нервным и испуганным. Цезарь и Красс заметили, что агитация не удалась, и скоро бросили свой проект.⁵¹³

Италия и империя Жестокость борьбы возрастала; однако это была борьба за призраки, и число борцов уменьшалось по мере того, как умы разгорячались. Высшие классы уже не обладали более, как во времена Гракхов, политическими и экономическими привилегиями, которые могли бы явиться препятствием развитию средних классов. Если традиции аристократической эпохи сохраняли еще в этой демократии кое-какие преимущества для последних остатков славной аристократии; если важные должности еще поручались крупным уцелевшим фамилиям, то вся Италия с этих пор образовывала не более как один класс властителей, старавшихся захватить в свои руки все богатства империи. Конечно, пропорции при дележе добычи были весьма различны: но никто не был исключен из него. Сын мелкого бедного собственника, имевшего много детей, мог, поступив на военную службу, приобрести себе капитал, необходимый для покупки прекрасного имения и нескольких рабов или для занятия торговлей. В легионах звания центурионов, а иногда и звание *praefectus fabrum*, т. е. начальника инженеров, предоставлялись италикам низкого или среднего происхождения, которые, поступив в солдаты, выдавались

своей понятливостью и своим мужеством. Лица, располагавшие известным капиталом, могли заняться общественными работами или военными поставками, эмигрировать в Грецию или Азию, сделаться в Риме трибунами, эдилами, квесторами. Они могли участвовать в предприятиях, в прибыли от войн, служить в Риме могущественному политическому деятелю или следовать за ним в провинции; умный молодой человек, даже имевший очень скромное состояние, занятиями, поступлением на службу к вождям партий, делаясь адвокатом или юрисконсультom, мог разбогатеть, приобрести многочисленные наследства и составить себе имя. Сыновья богатых финансистов при желании делали очень быструю политическую карьеру. Даже бродяги и праздные люди могли иметь в Риме средства к жизни в клубах выборщиков, продавая свой голос или служа клиентами и сыщиками вожакам партий. В империи было место для всякого. Офицеры всех партий были на службе у аристократических или популярных генералов. Вожди обеих партий имели своими друзьями одних и тех же капиталистов, пользовались одинаковыми средствами, чтобы сделаться полезными среднему классу, и искали популярности одинаковым подкупом и раздачей милостыни толпе.

Долговой вопрос В народной партии много декларировали против злоупотреблений должностных лиц. Но это делалось только по привычке и по расчету, а не серьезно, потому что все превосходно знали, что эти злоупотребления были необходимой формой эксплуатации мира, обогащавшей Италию. Популярные магистраты совершали не менее злоупотреблений, чем магистраты-консерваторы. Много велось прений и интриг, но вне соперничества лиц и кружков долги были единственной опасностью и единственным страданием. В нетерпеливом стремлении к наслаждениям и к обладанию масса людей запутывалась в долгах, которых она не имела средств уплатить. И демократия, владычица мира, от носивших громкое имя сенаторов до незнатных земледельцев, от Юлия Цезаря до мелкого римского торговца, была во власти небольшого числа ростовщиков, крупных, средних или мелких, многие из которых были не *equites illustres*, как Аттик, а гнусные и темные вольноотпущенники или сыновья вольноотпущенников, неизвестных плебеев,⁵¹⁴ люди грубые и скупые, жившие в бедности, без роскоши и без убыточного честолюбия. Буря должна была разразиться, когда появился бы человек, осмелившийся возбудить этот жгучий вопрос между кредиторами и должниками, которого одинаково страшились обе партии.

---

⁵¹⁴ Plut. Cic, 10.

XIV

Как Цезарь сделался демагогом

Упадок доверия к Цезарю. — Помпей в Амисе. — Реорганизация понтийского царства. — Обогащение Помпея. — Цицерон и Катилина — кандидаты на консульство 63 г. — Фазы борьбы: триумф Цицерона и неудача Катилины. — Вторжение Помпея в Сирию и ее аннексия. — Помпей и парфяне. — Скавр и Габиний в Иудее. — Последняя мечта Митридата. — Аграрный закон. — Политическая агитация и финансовый кризис 64–63 гг. — Ненависть консерваторов к Цезарю. — Первая цезарианская легенда. — Долги Цезаря. — Цезарь и жены вождей народной партии. — Цезарь и жена Помпея. — Процесс Гая Рабирия. — Цезарь — верховный понтифик.

Цезарь дискредитирован Заговор 66 г., агитация среди народа в пользу завоевания Египта, долги, подозрение в продажности, возбужденное его коалицией с Крассом, — все это сильно повредило Цезарю. От него отдалилось много людей, раньше удивлявшихся ему, но теперь с сожалением видевших, что он погружается в политические интриги. Мечта его юношеского честолюбия окончилась: все поняли, что аристотелевское примирение аристократии и демократии — химера. Зажиточные классы, занятые своими денежными затруднениями, получив отвращение к политике благодаря стольким бесполезным или опасным агитациям, сделались индифферентными или перешли на сторону консерваторов. Народной партии приходилось искать опоры внизу, в римской черни, между итальянскими собственниками и торговцами, обремененными долгами, посреди людей отчаянных, недовольных, выбитых из своего сословия. Вопрос шел уже о предложении аграрных законов, касации долгов, конфискации у полководцев их добычи и о помощи низшим классам чисто революционными средствами. Со своей стороны, по закону противодействия, консервативная партия готовилась замкнуться в тесный кружок, полный презрения и бешенства и мечтавший только об убийствах, казнях, государственных переворотах.

Двор Помпея в Амисе В эту эпоху Цезарь часто должен был завидовать Помпею, который далеко от этих волнений чудесным образом успевал в двух целях, ради которых отправился на Восток: он увеличивал свое могущество и собирал неизмеримое богатство. Он уже сделался таким же богачом, как Красс, принуждая восточных царей платить ему огромные суммы, производя громадные захваты людей, продавая в рабство бедных пленников, отпуская за выкуп богатых.⁵¹⁵ Часть своих капиталов он поместил на самом Востоке и дал в долги за ростовщические проценты мелким задолжавшим князькам, как, например, царю Каппадокии Ариобарзану.⁵¹⁶ С этих пор после

---

⁵¹⁵ Dio, XXXVII, 20.

⁵¹⁶ Cicero. A., VI, I, 3.

своих блестящих побед он властвовал над Востоком почти как царь царей, пользуясь такой властью, какой не имел ни один римлянин до него. В это самое время, весной 64 г., он мог играть роль, единственную по своему великолепию: он собрал в Амисе двор из царей, раздавая им милости и ласки от имени Рима. Он дал новых царей Пафлагонии и Колхиде. Он расширил домены галатских тетрархов. Он назначил Архелая, сына защитника Афин, великим жрецом Команы. Он распределил территорию Понта между одиннадцатью городами и установил в них под надзором римского правительства республиканские учреждения греческого *polis*'а.⁵¹⁷ Помпей, подобно всем образованным людям Италии, рассматривал в эту эпоху республиканский строй эллино-италийского типа как наилучший и с помощью римского оружия насаждал его среди греческого населения, освобожденного от ига восточных монархий. Не довольствуясь окончанием предприятий, так счастливо начатых Лукуллом, он думал идти за новыми лаврами в Персию или Сирию. Выбор между завоеванием той или другой страны еще не был им сделан. Но обеим этим великим империям было непреложно суждено пасть, подобно Понту, потому что после реорганизации Востока Помпей желал привести к концу завоевание, не разделяя заслугу его ни с кем. Золото, могущество, славу — все он имел по своему желанию.

Консульские выборы 63 г. Цезарь, напротив, должен был сделать чудеса ловкости, чтобы, не будучи всадником, рисковать своей маленькой баркой в течении народного движения. С первых месяцев 64 г. Красс возобновил свой старый проект добиться избрания на 63 г. обоих консулов, благоприятствовавших его планам. Цезарь еще раз должен был сыграть в этом предприятии самую опасную роль. На консульство 63 г. было семь кандидатов: Публий Сульпиций Гальба и Гай Лициний Сакердот, два знатных, честных, но малоавторитетных аристократа; Гай Антоний Гибрида, генерал Суллы, против которого Цезарь выставлял в 77 г. обвинение в лихоимстве и который предстал теперь перед избирателями обремененным долгами и со всеми своими заложенными имениями; Квинт Корнифиций, Луций Кассий Лонгин, люди, имевшие мало значения, и, наконец, Цицерон и Катилина.⁵¹⁸ Последний был очень умным, но бессовестным человеком, честолюбивым, мстительным и наглым; интрига, жертвой которой он сделался в 65 г., снова сблизила его с народной партией.

Консерваторы поддерживают Цицерона Между кандидатами, столь многочисленными и столь различными, борьба в такой странный момент должна была быть запутанной и полной неожиданностей. Действительно, сначала Цицерон страшился увидеть, что консерваторы отдадут предпочтение перед ним, человеком не родовитым и скомпрометированным сношениями с народной партией, двум знатным. Он спрашивал себя, не благоразумнее ли будет соединиться с Катилиной, которого он знал лично, хотя и не был связан с ним узами дружбы.⁵¹⁹ Но Красс и Цезарь преду-

---

⁵¹⁷ Appian. Mithr., 114; Reinach. M. E., 400; Mommsen. R. G., III, 153.

⁵¹⁸ Ascon. in Cic. tog. cand.

⁵¹⁹ Cicero. A., I, 2. — Я опускаю, как совершенно невероятное, все то, что рассказывает Саллюстий об этой второй кандидатуре Катилины, которую он рассматривает как существенную часть второго заговора. Мои основания для этого те же, которые так искусно изложил John (E. G. C. V., 738 сл.). См.

предили его. Катилина, по своей энергии и ненависти к консерваторам, и Антоний, по своему цинизму, своей ненависти, своим долгам, были как раз нужные для них люди. Они вошли в сношения с Катилиной и Антонием и приготовились оказать им, как двум популярным кандидатам, энергичную поддержку. Цицерон, получавший другие магистратуры по единодушному согласию всех партий, был бы на этот раз покинут всеми, если бы консерваторы упорствовали, предпочитая ему людей знатных. Но консерваторы до такой степени страшлись выбора обоих консулов, преданных Крассу, что стали поддерживать нового человека, лишь бы противопоставить Катилине серьезного кандидата.

Избрание Цицерона и Антония Покинутый своими сторонниками, Цицерон, которому уже давно внушала отвращение горячность демократической партии, в свою очередь, принял кандидатуру консерваторов, не опасаясь, что в партийной борьбе такие внезапные повороты всегда опасны, особенно для честного человека. Таким образом, консерваторы и народная партия были принуждены собрать все свои силы. Катилина истратил много своих денег и денег Красса. Цезарь употреблял все усилия, помогая Катилине и тому прежнему генералу Суллы, на которого тринадцать лет тому назад он принес жалобу. Красс мобилизовал всех своих клиентов, вольноотпущенников и бывших откупщиков. Общество на этот раз было возбуждено борьбой, и выборы происходили посреди сильной агитации. Результат показал, что выборщики были смущены; ни одна из двух партий не одержала победы и не была совершенно разбита. Катилина, кандидат народной партии, внушавший столько страха, не был выбран. Напротив, был избран Цицерон, но вместе с ним был выбран и Антоний. Во всяком случае, Красс был разбит еще раз, потому что для него было совершенно бесполезно иметь другом только одного и притом менее способного из консулов.

Помпей и парфяне После этой борьбы наступило затишье, в продолжение которого общественное внимание снова обратилось к Помпею. Последний, наконец, сделал свой выбор и решил вторгнуться в Сирию, хотя партия в своем воодушевлении старалась убедить его выполнить прежний проект Лукулла и завоевать Персию. Угадывал ли он, гений менее великий, чем Лукулл, но человек более благоразумный, что задача завоевать парфянскую империю превышает его силы и силы Рима? Это было бы замечательным доказательством его предвидения. Тем не менее некоторые факты заставляют думать, что в 64 г. он не имел такого ясного сознания действительности и колебался между страхом оставить другому славу такого великого завоевания и боязнью риска в слишком опасном предприятии. Я не мог бы объяснить иначе причину, по которой он разделил свою армию на два корпуса. Один под его собственным начальством вошел в Сирию по безопасной дороге через Киликию.

Помпей присоединяет Сирию Другой под командой Луция Афрания занял Гордиену и двигался в Сирию на соединение с первым через пар-

---

также: Tarentino. С. С, 39 сл. — Мне кажется совершенно доказанным, что тогда не было никакого заговора и что помощь, которую Красс оказал кандидатуре Катилины, происходила из его желания получить Египет.

фянскую провинцию Месопотамию.⁵²⁰ Это нарушение парфянской территории было вызовом, с важностью которого Помпей не мог не считаться. Без сомнения, это была уступка, сделанная сторонникам войны с Персией. Не желая объявлять войны, Помпей удовольствовался военной демонстрацией, чтобы показать народам Востока, что он не боится этой великой империи и при случае не отступит перед войной. Эта была еще неустрашимая политика Лукулла, но уже выродившаяся в слабых руках. Помпей не поражал быстро и смело, как его учитель; он предпочитал более осторожную игру фехтования и уловок. Однако этот план, хотя и очень остроумный, мог окончиться плохо. Афраний едва не погиб со всей своей армией в Месопотамии,⁵²¹ куда он двинулся без верных проводников, без точных указаний, без достаточных приготовлений. Напротив, Помпей, ловко сохранивший для себя наиболее легкую часть предприятия, выполнил свою задачу без опасности и усталости. Древняя монархия Селевкидов, которая сделала столько завоеваний в дни своей славы и могущества, разбилась на большое число соперничавших государств, из которых ни одно не имело ни силы, ни мужества сопротивляться вторжению римской армии. Помпею достаточно было показаться, чтобы сделаться господином. Он отправил в Финикию и Келесирию для занятия Дамаска Авла Габиния и Марка Эмилия Скавра, сына того Марка Эмилия Скавра, который, будучи сыном торговца углем, сделался председателем сената.⁵²² Потом он начал распределять царства и территории. Он дал Комагену тому Антиоху, которого Лукулл сделал царем Сирии.⁵²³ Селевкию он объявил свободной и покровительствовал Антиохии в благодарность за внесенную ему крупную сумму денег.⁵²⁴ Он показал себя великодушным по отношению к царю Осроены и вождю итурийских арабов.⁵²⁵ Наконец, под тем предлогом, что национальная династия не существовала более, он объявил Сирию римской провинцией с обязательством для всех жителей уплачивать двадцатую часть своих доходов. Подобно Лукуллу, он также присоединил к римской империи новую огромную территорию.

Фраат и Тигран Однако новая война разразилась позади его. Рассерженный походом Афрания и не смея напасть на самого Помпея, царь Фраат объявил войну царю Армении. Тигран просил помощи, многие из офицеров снова стали побуждать Помпея вторгнуться в Персию и завоевать ее. Но если Фраат был испуган походом Афрания, то опасность, вызванная последним, произвела очень сильное впечатление на Помпея и заставила его изменить вызывающее поведение, которого он до сих пор держался по отношению к парфянскому царю; он хотел быть благоразумным и не проявлять много честолюбия. Он ограничился посылкой трех комиссаров для решения вопроса между двумя царями.⁵²⁶ Между тем Скавр и Габиний нашли золотые россыпи в Иудее,

---

⁵²⁰ Dio, XXXVII, 5, 6.

⁵²¹ Ibid., 5

⁵²² См. о нем выше, в III главе.

⁵²³ Strabo, XVI, 749; Appian. Mithr., 114.

⁵²⁴ Strabo, XVI, 751; Eutrop., IV, 14; Porphyrr. Tyr. in F. H. G. (Didot), III, 716, fr. 26.

⁵²⁵ Drumann. G. R., IV, 454.

⁵²⁶ Dio, XXXVII, 6, 7; Appian. Mithr., 106.

где свирепствовала междоусобная война между членами царской фамилии Асмонеев, Аристобулом и Гирканом. Оба они обратились за помощью к римским генералам. И Аристобул получил ее, дав около двух миллионов Скавру и до полутора миллиона Габинию.⁵²⁷

Последняя мечта Митридата Легкие завоевания богатых стран следовали, таким образом, друг за другом, и никто в Италии не воображал, что в глубине Крыма семидесятилетний Митридат задумал возобновить предприятие Ганнибала, что весь 64 г. он провел, собирая небольшую армию. Закончив набор, он рассчитывал двинуться вдоль северного берега Черного моря, набирая по дороге сарматов и бастарнов, подняться по долине Дуная, привлекая под свои знамена кельтские племена, пересечь, наконец, Паннонию и броситься на Италию во главе могущественной армии.⁵²⁸ Получал ли он в глубине Тавриды сведения о положении дел в Италии и считал ли он возможным снова зажечь междоусобную войну, возбудив ненависть партий? Это маловероятно: проект казался, скорее, последним бредом старого маньяка, не хотевшего покориться судьбе. Во всяком случае, если бы Митридат знал о положении дел в Италии, он разработал бы свой проект с еще большим жаром.

Слухи об аграрном законе Наступившее после выборов успокоение продолжалось недолго. К ноябрю месяцу стал в Риме распространяться слух, возбудивший очень сильное волнение во всех классах: выбранные на следующий год народные трибуны подготавливали аграрные законы.⁵²⁹ Этот факт был многозначителен. Со времени диктатуры Суллы никто в Риме не осмеливался говорить об аграрных законах. Народная партия, следовательно, должна была чувствовать себя очень сильной, если снова зажигала факел междоусобной войны, после того как он столько раз был вырываем у ней из рук. Скоро увидели, что трибуны, а особенно тот, который должен был предложить закон, некий П. Рулл, носят странные костюмы, публично появляются с нечесаными волосами, небритой бородой и в лохмотьях.⁵³⁰ Эти маскарады были дурным предзнаменованием: закон должен был быть очень революционным, если трибуны спешили ухаживать за самыми несчастными подонками Рима, одеваясь подобно им. Но как ни велик был страх консерваторов, он все же не равнялся страху Цицерона.

Цицерон как внепартийный политик Цицерон не был человеком дела;⁵³¹ ему не доставало двух страстей, которые толкают людей навстречу опасностям в великой социальной борьбе: любви к деньгам и стремления к власти. Это был первоклассный артист, несравненный писатель с тонкой чувствительностью, с живым воображением, с гибким и сильным умом, высшим честолюбием, для которого было важно не собирать богатства или начальствовать над себе подобными, но вызы-

---

⁵²⁷ Ios. A. I., XIV, II, 3; III, 2.

⁵²⁸ Appian. Mithr., 109; Dio, XXXVII, 11; Plut. Pomp., 41.

⁵²⁹ Cicero. De lege agr., II, 5, 11.

⁵³⁰ Ibid., 13.

⁵³¹ Boissier. Cicéron et ses amis, 38.

вать удивление. Кроме этих великих умственных качеств и этого честолюбия он, скорее, воспроизводил те отрицательные черты, которые долгая покорность запечатлела в средней италийской буржуазии, откуда он вышел, т. е. дух бережливости и благоразумия, немного робкое презрение к пышности, суровость в частной жизни, семейные чувства, робость, немного униженное почтение к знатности и богатству. Общественная жизнь его времени, с ее насилием и ложью, ее ненавистями и изменами, с тем оппортунизмом, цинизмом, распушенностью и вкусом к выставке напоказ и удовольствиями, характеризовавшими тогда всех более или менее видных политиков, с этими партиями, которые вместо защиты принципов служили частным интересам, возбуждала в нем отвращение. Он настолько, однако, ее хорошо понимал, что если довольствовался до сих пор тем, что был великим оратором и самым знаменитым адвокатом Рима и не искал общественных должностей, то лишь потому, что мог без борьбы получить это.⁵³²

Цицерон отвергнут трибунами Консульство, по расчетам Цицерона, должно было быть продолжением этого мирного пользования великими общественными почестями и как бы наградой за его литературные заслуги. Принимая поддержку консерваторов, он несколько не хотел скомпрометировать свою популярность. Он хотел и в качестве консула сохранить свое привилегированное место в общественном уважении, стоя вне партий. К несчастью, аграрный закон был крупным затруднением для такой политики. Возможно ли удовлетворить всех, принимая наиболее примирительное положение? Полагаясь на свое влияние, Цицерон не отчаивался в успехе. Он обратился к трибунам и говорил им, что он также желает сделать что-нибудь полезное народу, что они могут согласно работать. Но, к своему великому изумлению, он встретил очень плохой прием. Не без некоторой доли иронии трибуны отказались сообщить ему что-нибудь по поводу аграрного закона и объявили ему, что не нуждаются в его помощи.⁵³³ Получив такой отказ, Цицерон должен был, чтобы познакомиться с проектом, ожидать конца декабря, когда Рулл прочитал его народу. Закон был сложнее и революционнее всех предшествовавших и содержал много положений, встревоживших консерваторов и богачей, особенно благодаря их двусмысленности. Он устанавливал род экономической диктатуры из десяти комиссаров, избранных на пять лет семнадцатью трибунами с чрезвычайной властью и изъятых от вмешательства трибунов. Эти комиссары могли продавать в Италии и вне ее все имения, попавшие в общественные земли в 88 г. или позднее и продажу которых сенат решил в 81 г. Они могли также составлять инвентарь добычи генералов, за исключением Помпея, принуждая их возвращать захваченное, и на деньги, полученные от этих продаж и потребованные от генералов, покупать земли в Италии и распределять их среди бедняков.⁵³⁴

---

⁵³² Boissier. Cicéron et ses amis, 44.

⁵³³ Cicero. De lege agr., II, 5.

⁵³⁴ Drumann. G. R., II, 148, 149.

Цели Красса и Цезаря

Цицерон тотчас угадал, что Рулл выступает в этом деле как подставное лицо Красса и Цезаря.⁵³⁵ И он был прав, ибо трудно было допустить, когда вся деятельность народной партии направлялась ими, чтобы неведомый трибун имел смелость предложить такой революционный закон без поддержки обоих вождей. Кроме того, не видно, с какой целью трибуны предложили бы закон по собственному почину. Напротив, вероятно, что Красс и Цезарь преследовали двойную цель: принудить Цицерона скомпрометировать свою популярность и снова поднять под другой формой вопрос о Египте.⁵³⁶ Будучи избраны децемвирами, Цезарь и Красс могли утверждать, что между именениями, сделавшимися общественной собственностью после 88 г., было также имущество Птолемеев, оставленное по наследству вместе с Египтом в 81 г. Александром II, и заставить объявить войну Египту, чтобы вступить во владение этим имуществом, пользуясь для подкупа огромными средствами, предоставленными по аграрному закону децемвирам. Народ, надеялись, будет благосклонен к завоеванию, как только узнает, что прибыль должна пойти на покупку ему земли.

Консерваторы и аграрный закон

Допустив это, возможно объяснить, что Красс и Цезарь заставили предложить закон народных трибунов, вместо того чтобы открыто объявить себя его авторами. Такой революционный закон слишком затрагивал щепетильность и нарушал слишком много интересов. Он одновременно беспокоил: консерваторов, страшившихся в децемвирате рода скрытой диктатуры народных вождей; генералов, обогатившихся в недавних войнах; откупщиков, взявших на откуп общественные земли Вифинии и Понта, подлежащих продаже; всех тех, кто получил наибольшую выгоду от завоеваний Лукулла и Помпея и кого хотели ограбить в пользу жалкой черни. Успех борьбы, необходимой для утверждения такого закона, должен был казаться таким сомнительным, что ни Красс, ни Цезарь не хотели ставить под ним свое имя и свою репутацию. Действительно, консерваторы и богачи не замедлили с жаром начать действовать против закона. Преувеличивали его революционное значение. Утверждали, что он повлечет общую ликвидацию государственной собственности, потому что децемвиры могут счесть ею все общественные земли Греции и Азии под предлогом, что эти провинции были завоеваны Суллой после 88 г.⁵³⁷ Старались испугать тех, кто покупал именения осужденных Суллой, убеждая их, что закон приложим и к их собственности. Разве не предложил трибун вместе с законом уничтожить и гражданские ограничения, которые Сулла наложил на сыновей осужденных?⁵³⁸ Цицерон, несмотря на свое желание вызвать всеобщую любовь, должен был решиться защищать интересы своих друзей, всадников, и дело консерваторов.

«De lege agraria»

Это было первое большое дело его консульства, и оно блестяще удалось ему. Красс и Цезарь жестоко обманулись, думая, что такой важный и революционный закон с надеждой на успех может

---

⁵³⁵ Ср.: Cicero. De lege agr., I, I, 1; I, V, 16; II, XVII, 44; II, XVII, 46.

⁵³⁶ Цицерон говорит это очень ясно: I, I, 1; II, XVI, 41; II, XVII, 44.

⁵³⁷ Cicero. De lege agr., I, XI, 5; II, XV, 39.

⁵³⁸ Ibid., II, IV, 10.

быть предложен подставными лицами, незнатными и неспособными трибунами, не имевшими ни влияния, ни могущества, ни ума, необходимого для уничтожения стольких интриг. Консерваторы, всадники, генералы, разбогатевшие от грабежа, действовали энергично. Трибуны не умели ни разрушить их интриг, ни возбудить остававшийся спокойным народ. Цезарь и Красс, не осмелившись броситься в открытую борьбу, подготовили только блестящий успех Цицерону. Последний побудил народ отвергнуть закон двумя своими речами с очень демократическим оттенком, в которых он объявлял о своем желании быть популярным консулом⁵³⁹ и выступил как большой почитатель Гракхов и их аграрных законов, которые действительно добивались блага народа.⁵⁴⁰ Он утверждал, что противится закону Рулла только потому, что закон противоречит народным интересам и под предлогом расположения компрометирует благосостояние бедных классов.⁵⁴¹

Трибуны продолжают агитацию

Цезарь и Красс испытали другой удар. Демократическая агитация решительно не имела успеха. Однако они еще не хотели признать себя побежденными. Они подняли другие вопросы, чтобы разжечь демагогические страсти и поставить Цицерона в затруднительное положение. Почти все народные трибуны продолжали вносить друг за другом революционные предложения. Один трибун требовал не более как полной кассации долгов, другой желал оправдания заговорщиков 66 г., Публия Автрония и Публия Суллы.⁵⁴² Но никто не принимал это серьезно, и все предложения падали в небытие. Однако среди этих маневров и этих выдумок раздражение консерваторов возрастало вместе с беспокойством всех классов.⁵⁴³

Финансовый кризис

Обеспокоенные капиталисты колебались давать много в долг. Деньги, редкие и в обыкновенное время, становились все реже, а это было большой опасностью для большинства должников. По очень суровому ипотечному праву, бывшему тогда в употреблении, если при наступлении срока должник не платил, то кредитор захватывал заложенную собственность, даже если она в два или три раза превышала сумму долга. Много людей, которые не могли более найти денег взаймы для уплаты процентов или капитала, принуждены были продавать по страшно низкой цене свои земли, дома, драгоценности и произведения искусств. Это вызывало вообще быстрое понижение цен, от которого страдали более или менее все, даже богачи-сенаторы, не имевшие более возможности прибегнуть к крупному кредиту, необходимому для сложного управления своих обширных наследственных поместий.⁵⁴⁴ Очень сильное раздражение господствовало не только среди поли-

---

⁵³⁹ Cicero. De. lege, arg., II, IV, 9.

⁵⁴⁰ Ibid., II, V, 10.

⁵⁴¹ Ibid., IV, 10.

⁵⁴² Dio, XXXVII, 25; Unge. R. A., III, 230.

⁵⁴³ Cicero. De. lege agr., I, VIII, 23; II, III, 8.

⁵⁴⁴ См. относительно этого финансового кризиса интересное место Валерия Максима (IV, VII, 3). Хотя кризис разразился в момент заговора Катилины, т. е. в следующем году, все же, вероятно, он начался ранее.

тиков консервативной партии, но во всем богатом классе. Виновными во всех этих затруднениях объявляли трибунов.

**Цезарь как козел
отпущения**

И если с почтением относились к Крассу, который был слишком богат, слишком могуществен, слишком опасен, то вовсе не щадили Цезаря, бедного, обесславленного, обремененного долгами и не имевшего могущественных родственников. Действительно вероятно, что аристократические родственники, которых он имел с женой стороны, уже мало-помалу стали оставлять его; что же касается его собственной семьи, то она продолжала входить в союзы с выскочками, чтобы поправить свое состояние, поколебленное расточительностью Цезаря. Недавно одна из его племянниц вышла замуж за некоего Гая Октавия, сына очень богатого ростовщика из Веллитр, который с помощью денег своего отца старался приобрести себе друзей в высшем обществе и готовился к политической карьере. Поэтому легко было шадить Красса и направлять все удары на Цезаря; разве Красс не платил ему за то, чтобы он получал их двойную порцию?

**Первая цезарианская
легенда**

Вероятно, тогда и начала впервые образовываться цезарианская легенда, которая, преувеличивая недостатки Цезаря, делала из него представителя всех новых пороков торговой эпохи, символ всего того в новых нравах, что наиболее шокировало старую латинскую совесть. Конечно, он имел долги, но в беседах консерваторов их раздували до сказочных цифр. Говорили о миллионах.⁵⁴⁵ Цезарь быстро понял, какой огромной властью располагали женщины его времени в своих семьях;⁵⁴⁶ и он ухаживал за ними, старался иметь друзьями жен всех вождей народной партии: Красса, Помпея, Габиния. Он часто посещал дом Сервилии, вдовы Марка Юния Брута, погибшего в революцию 78 г., и сестры Катона, женщины очень образованной и влиятельной, вышедшей второй раз замуж за Децима Юния Силана. Однако ни одна из этих женщин, за исключением Муции, жены Помпея, не была его любовницей.⁵⁴⁷ Как бы то ни было, после легенды о долгах консерваторы создали легенду о любовных похождениях Цезаря и обвиняли его, что он одновременно был любовником Сервилии, жены Помпея, жены Красса и жены Габиния, короче говоря, жен всех вождей народной партии. Его отношения к Муции были в особенности предметом горьких насмешек. Теперь понимали, почему Цезарь с таким жаром поддерживал законы Габиния и Манилия. Дело шло для него просто в том, чтобы услатить подальше мужа прекрасной Муции! В общем, Цезарь сделался в глазах консерваторов воплощением всех новых гадостей, молодым кутилой, поддерживаемым женщинами, бесчестным авантюристом, который ради уплаты своих долгов, удовлетворения своего честолюбия и своей жажды богатств был готов на все, даже

---

⁵⁴⁵ Плутарх (Caes. 5) говорит, что, по рассказам, Цезарь имел 1300 талантов долга еще до начала своей политической карьеры. Сумма эта так велика, что нельзя давать веры этому утверждению, для которого, впрочем, сам Плутарх не приводит никаких оснований. Оно является частью цезарианской легенды, созданной консерваторами.

⁵⁴⁶ Ciccotti. P. V., 20 сл.

⁵⁴⁷ Suet. Caes., 50. — Все эти любовные интриги он должен был иметь именно в эту эпоху, до отъезда в Галлию; но четыре сразу кажется немного преувеличенным даже для Цезаря. Все же по некоторым основаниям, как мы увидим далее, представляется вероятным, что он был любовником жены Помпея.

на ниспровержение республики. Эта безмерно преувеличенная легенда мало-помалу заставила Цезаря превратить некоторые из приписываемых ему пороков в настоящие революционные силы своей эпохи.

Опасное положение Цезаря Атакованный таким образом, Цезарь принужден был защищаться. Опасность была серьезной, ибо, если бы во время этой агитации разразились беспорядки, если бы от сената добились декрета о введении осадного положения, он мог бы погибнуть, как Гракхи и Сатурнин. Эти кровавые наказания вождей демократической партии должны были сильно беспокоить тех, кто наследовал их роль и их популярность. Со своей быстрой сообразительностью, со своей необычайной ясностью суждения и своей энергией Цезарь понимал, что лучшим средством для защиты было устрашить своих противников каким-нибудь смелым демократическим предложением, нападая на них более не на почве великих экономических реформ, как аграрный закон, но на менее опасной почве политических вопросов, по которой было легче вести римский простой народ, невежественный, недовольный и полный ненависти к знати. Ему, действительно, удалось поднять один очень курьезный политический вопрос.

Преследование Рабирия В забытом уголке Рима жил старый сенатор Гай Рабирий, который собственноручно 37 лет тому назад, в эпоху восстания Сатурнина, убил народного трибуна. Естественно, что никто об этом более не вспоминал. Вдруг Цезарь отыскал его и заставил некоего Тита Атия Лабиена, неизвестного молодого человека, который был его другом и народным трибуном, обвинить его в *perduellio*. Затем с помощью претора, бывшего с ним в согласии, он заставил отослать его к двум судьям, и сам был одним из них. Рабирий был объявлен виновным.⁵⁴⁸ Наказанием за *perduellio* была смерть. Смелость, с которой Цезарь провел этот процесс, и участь несчастного старика взволновали консерваторов. Рабирий апеллировал к народу.

«Pro Rabido» Цицерон взял на себя его защиту и защищал его действительно с сильным красноречием, открыто говоря, что этим процессом добивались не головы несчастного Рабирия, а ослабления всего того, что покровительствовало общественному порядку, чтобы тем легче было опрокинуть республику.⁵⁴⁹ Но народ, допустивший провал аграрного закона, на этот раз взволновался. Воспоминания великой революции произвели ожидаемый эффект, и Рабирий был бы осужден, если бы один сенатор не нашел уловки, чтобы распустить собрание.⁵⁵⁰ Цезарь, вовсе не стремившийся получить голову Рабирия, оставил старика в покое: ему было достаточно охладить энтузиазм консерваторов к тем быстрым средствам, к которым можно прибегать при осадном положении, и показать им, как даже через тридцать семь лет легко возбудить

---

⁵⁴⁸ Историки (Drumann. G. R., III, 162; Mommsen, R. G., III, 169) не видели связи, существующей между этим процессом, смутами той эпохи и критическим положением, в котором был тогда Цезарь. Они неправильно рассматривали этот процесс как попытку, сделанную Цезарем с единственной целью побудить консерваторов к соблюдению конституционных законов путем политического процесса.

⁵⁴⁹ Cicero. Pro Rabir. perd., II, 4; XII, 23.

⁵⁵⁰ Он спустил флаг на Яникуле, что в древние римские времена было сигналом нападения этрусков и влекло за собой приостановку всех общественных дел.

гнев народа против тех, кто был ответствен перед ним.

Цезарь делается великим понтификом В это время, за смертью Метелла Пия, освободилась должность великого понтифика. Эта была пожизненная должность, назначение которой было верховное управление официальным культом и привилегия — жить в общественном здании. Сулла отнял у народа и передал коллегии понтификов право выбирать верховного понтифика. Цезарь, который удваивал храбрость в опасности, возымел смелый проект путем закона, предложенного Лабиеном, восстановить народные выборы этого лица и выступить самому кандидатом. Если бы ему удалось сделаться главою культа, то консул едва ли осмелился бы посягнуть на него во время резни, организованной вследствие сенатусконсульта *videant consules*. Понтификата домогались многие знатные лица, как-то Катулл и Публий Сервилий Исаврийский. Они стали смеяться, когда узнали, что с ними будет состязаться за такую исключительно охранительную должность человек, которому не было еще сорока лет, атеист, обремененный долгами, скомпрометировавший себя с самыми вульгарными демагогами и страстно увлекавшийся астрономией Гиппарха. Катулл не поколебался даже сделать Цезарю дерзкое предложение: он предложил ему деньги за отказ от кандидатуры.⁵⁵¹ Это значило задеть его за живое, считая продажным. Цезарь упорно пустился в происки и с помощью Красса, давшего ему денег, сумел так хорошо говорить, действовать и платить, что, после изменения способа выборов, он был 6 марта избран верховным понтификом.⁵⁵²

---

⁵⁵¹ Plut. Caes., 7.

⁵⁵² Ovid. (Fasti, III, 415), Velleius (II, 43) и Dio (XXXVII, 37) ошибаются относительно даты.

XV

Катилина

Смерть Митридата. — Выборы на 62 г. — Вторичная кандидатура Катилины. — Его программа: кассация долгов. — Успех программы и страх высших классов. — Паника между римскими финансистами и политиками. — Союз консерваторов с капиталистами. — Цицерон — вождь консервативной партии. — Интриги и скандалы избирательной борьбы. — Последнее средство консерваторов. — Неудача Катилины. — Начало заговора. — Интриги с целью введения военного положения. — Донос Красса. — Последние попытки Катилины в Риме. — Его отъезд. — Заговор в Риме. — Переговоры с аллоброгами. — Арест заговорщиков. — 3, 4 и 5 декабря 63 г. — Процесс и казнь заговорщиков. — Заговор Катилины и Италия. — Конец революционной эры.

Триумф Лукулла Консерваторы были несколько вознаграждены за эти поражения небольшим успехом: им удалось, наконец, добиться триумфа Лукулла. Бывший проконсул мог войти в Рим со своими солдатами. Но, несмотря на сто тысяч бочонков вина, розданных Лукуллом по этому поводу народу,⁵⁵³ церемония была холодной. Можно было подумать, что это был мелкий полководец, возвращающийся из небольшой экспедиции против варваров, а не создатель нового, столь популярного империализма, который доставлял теперь столько славы Помпею. Лукулл, впрочем, мало заботился обо всем этом. После десятилетнего отсутствия он возвращался в отцовский дом мизантропом, равнодушным к удивлению толпы, готовым искать всю свою награду за подвиги в удивлении высших классов и в наслаждении приобретенными им неизмеримыми богатствами. Но новый позор ждал его при его возвращении. Он открыл, что Клодия, жена, которую он взял без приданого, была в преступной связи со своим братом, Публием Клодием, возмутителем его легионов.⁵⁵⁴ С ужасом он развелся с ней.

Смерть Митридата В этом же году маленькая революция избавила счастливого Помпея от Митридата. Фарнак, солдаты и крымский народ, испуганные проектом вторжения в Италию, возмутились весной 63 г. и принудили великого старца кончить жизнь самоубийством. Таким образом окончилась вторая великая борьба, предпринятая одним человеком против Рима.

Гений против организации Митридат имел участь не лучшую, чем Ганнибал. Он возымел смелый проект — разрушить Рим, зажегши вокруг всего Средиземного моря и в самой Италии самый страшный и

---

⁵⁵³ Plin. H. N., XIV, 96.

⁵⁵⁴ Cicero. Pro Milone, XXVII, 73; Plut. Cic, 29.

самый обширный революционный пожар, который когда-либо видел древний мир.

Но, подобно Ганнибалу, после первых поражающих успехов он мало-помалу потерял силы. Сын человека, мечтавшего царствовать над всем Востоком, должен был удовольствоваться маленьким крымским царством, получив его в качестве подарка римлян. Удивительный гений и неукротимая энергия одного человека снова пала перед этой системой политических и моральных сил, еще такой могущественной, несмотря на повторяющиеся кризисы, и управлявшей из Италии столь обширной империей.

Известие о смерти Митридата было в Риме причиной сильной радости и новым венцом славы для Помпея, которому народная партия приписывала все счастливые события. Цезарь, старавшийся ухаживать за Помпеем, поспешил добиться народного постановления об оказании торжественных почестей.⁵⁵⁵

Помпей и евреи Потом новости с Востока снова сделались однообразны. Помпей прошел по Финикии и Келесирии, собирая выкуп с мелких князей.⁵⁵⁶ Он встретил сопротивление только одного маленького города, по имени Иерусалим, и маленького народа, с которым римляне завязали 139 г.⁵⁵⁷ дружественные сношения. Два повелителя иудеев, воевавшие друг с другом, у которых Скавр и Габиний выманили столько денег, обратились к Помпею. Последний после долгого колебания решил прийти на помощь к Аристобулу за обещание уплатить крупную сумму денег. Но когда Габиний вошел в Иерусалим за получением этих денег, народный мятеж принудил его бежать, и Помпей принужден был начать осаду города.⁵⁵⁸

Метелл домогается трибунской власти Общественное внимание не могло много заниматься этой незначительной войной в то время, когда политическая борьба в Италии становилась все ожесточеннее. Весной в Рим совершенно неожиданно прибыл с целью выступить кандидатом в трибуны Квинт Метелл Непот, зять Помпея и один из его генералов.⁵⁵⁹ Этот Метелл был сыном консула 98 г., племянником завоевателя Балеарских островов и двоюродным внуком Метелла Македонского;⁵⁶⁰ следовательно, он принадлежал к одной из самых крупных фамилий Рима, но, как и многие другие знатные, вслед за Помпеем вступил в народную партию, чтобы быстро сделать себе карьеру и обогатиться. Сопровождавшая его многочисленная свита рабов и мулы с поклажей указывали, что он достиг второй цели. Прибытие Метелла произвело сильную сенсацию среди консерваторов.

Катон выставляет свою кандидатуру Все думали, что он явился выставить свою кандидатуру в согласии с Помпеем для преследования какой-нибудь цели, и с беспокойством спрашивали себя, что

---

⁵⁵⁵ Lange. R. A., III, 256.

⁵⁵⁶ Ios. A. I., XIV, III, 2.

⁵⁵⁷ Castelli. Gli E., 280.

⁵⁵⁸ Ios. A. I., XIV, III, 4; Castelli. Gli E., 280.

⁵⁵⁹ Plut. Cato TJ., 20.

⁵⁶⁰ Drumann. G. R., II, 16, 29.

это могла быть за цель. Озабоченность скоро сделалась такой серьезной, что решили выставить в трибуны консервативного кандидата, чего не делалось уже давно. Но какой консерватор осмелился бы подвергнуться риску почти безуспешной борьбы? Между консерваторами не было изобилия в храбрых и преданных лицах. За недостатком лучшего кандидата решили прибегнуть к человеку, над которым консерваторы смеялись и которому в то же время не доверяли, — к тому Катону, который, как мы видели, выступал с протестом против элегантности своих современников. Это был человек ограниченный, честный, добродетельный, непреклонный, без страха и упрека, никогда не отступавший ни перед кем и ни перед чем. Надо было победить только его высокомерное презрение к черни, чтобы заставить его, крайнего консерватора, в подобных обстоятельствах выставить кандидатуру на столь популярную должность, как трибунат. Но опасность была настоятельна. Цезарь в это самое время объявил о своей кандидатуре в преторы на 62 г. Это был второй повод к ужасу. Скоро присоединился к этому и третий.

**Избирательная программа
Катилины**

Катилина снова готовился добиваться консульства и выставил в качестве избирательной программы кассацию долгов.⁵⁶¹ Он обещал, если будет избран консулом, предложить закон, который избавил бы всех должников от уплаты кредиторам их долгов. Программа, без сомнения, была революционной, но ни в коем случае не следует видеть в ней обдуманного приготовления к тому, что впоследствии сделалось заговором Катилины. Последний старался тогда только сделаться популярным своим предложением, казавшимся отвратительным капиталистам и кредиторам, но очень нравившимся большинству граждан. Это предложение в более грубой форме аналогично предложению социалистического депутата, который обещал бы теперь своим избирателям уменьшить процент по общественному долгу до 2 на 100. Кассация и отмена долгов были частым явлением в греческой истории, которую столько изучали в эту эпоху, и не совсем неизвестны были в римской, начиная с самых древних времен до последней кассации, произведенной в 86 г.; впрочем, к этому средству периодически пытаются прибегать все народы, запутывавшиеся в тяжелых долгах. В сущности, Катилина только подражал демагогической политике Красса и Цезаря, выбирая не менее революционный, но более простой и ясный проект, чем аграрный закон Рулла. На этот раз народ понял бы, когда ему просто предлагали не платить долгов!

**Его отношения с Цезарем
и Крассом**

Очень вероятно, хотя об этом источники нам ничего не говорят, что сперва Катилина старался вступить в соглашение с Цезарем и Крассом. Но соглашение, неизвестно по каким причинам, не состоялось. Возможно, что Красс и Цезарь, совершенно обманувшись в судьбе закона Рулла, отчаялись выполнить свои проекты таким безрассудным средством. Оба они были слишком благоразумными революционерами, не желавшими компрометировать себя чисто демагогическими элементами, а Красс — не будем забывать этого — был и одним из самых крупных римских кредиторов. Возможно, что, поставленный между ве-

---

⁵⁶¹ Что такова была программа Катилины, можно видеть из Sallust. C. C, 16 и 33; Cicero in Cat., II, 8, 10; F. V., VI, 2. См.: John. E. G. C, V., 739 сл.

роятностью потерять свои деньги или Египет, он предпочел спасти деньги.⁵⁶²

Новая партия Катилины Катилина должен был действовать один. Он бросился в борьбу с крайней энергией, решившись, если будет нужно, истратить все свое состояние. И действие, произведенное его революционной пропагандой в этом уже столь беспокойном обществе, было огромно. Его предложение так хорошо выражало тайное желание стольких лиц, что Катилина сразу сделался очень популярен между всеми недовольными высших и низших классов, среди расточительной молодежи, разорившейся знати, в простом народе всей Италии и даже в среднем классе зажиточных собственников, которых мания спекуляций вовлекла в тяжелые долги.⁵⁶³ Закон Рулла произвел на умы только легкую дрожь страха; Катилина глубоко взволновал все классы и имел скоро в Риме и во многих итальянских городах ревностных сторонников в лице старых солдат и колонистов Суллы, как Гай Манлий из Фезул, темных буржуа, зажиточных собственников второстепенных городов,⁵⁶⁴ знатных нищих, как Публий Лентул Сура, Гай Цетег, Публий Сулла, Марк Порций Лека и Семпрония, элегантная светская дама, обремененная долгами жена Децима Брута, консула 77 г.,⁵⁶⁵ целый кортеж распущенных людей, голодных, выбитых из своего класса, готовившихся экспроприировать богатых при помощи закона, утвержденного в комициях большинством, как будто бы это была самая легкая вещь, которую можно было сделать по своему желанию.

Новая коалиция «consensus ordinum» Но иллюзия продолжалась недолго. Опасность уничтожения долгов, казавшаяся такой ужасной, сплотила людей, уже полстолетия смотревших друг на друга с недоверием и презрением: богатых всадников и лучшую часть знати, сохранившую еще свое состояние и традиции. Богатые капиталисты, сперва смотревшие на агитацию с презрением, скоро были охвачены сильным беспокойством, когда увидели успехи народной партии; в несколько дней беспокойство превратилось в тревогу, ужас, панику, и политическое положение сразу изменилось. Под действием страха всадники оставили свой обычный политический скептицизм, объявили себя готовыми помогать всеми средствами, которыми располагали, партии, защищавшей собственность и законность. Лучшая часть знати, хотя ей мало грозил закон Катилины, охотно дала свою поддержку богатым финансистам из сочувствия к порядку и из ненависти к той демагогии, которая желала разрушить до основания существующий строй. Образовалась коалиция, имевшая целью не только не допустить выбора Катилины, но утвердить господство власти, силу законов, порядок и мир в республике, захваченной бандой мятежников, желавших лишь разграбить имение богачей. Катилина был лишь одним из этих мятежников, самым опасным в данный момент. Крайние консерваторы торжествовали. Даже всадники, по привычке такие индифферентные, а време-

---

⁵⁶² John (E. G. C. V., 739 сл.) и Tarentino (C. G., 72 пр. 2) доказали, что Цезарь и Красс вовсе не участвовали ни в этой агитации, вызванной Катилиной, ни тем более в последовавшем за ней заговоре.

⁵⁶³ См. очень важное место Цицерона (Cat., II, VIII, 18), см. также: Sallust. C. C., 16, 17; Cicero. Pro Caelio, V, 11.

⁵⁶⁴ Drumann. G. R., V, 416.

⁵⁶⁵ Sallust. C. C., 17 и 25.

нами расположенные к народной партии из глупого чувства зависти к знати, признавали теперь, что позволяли слишком расти дерзости демагогов и моральному беспорядку вследствие общей беззаботности и что следует восстановить энергичное правительство. Таким образом, Катилине и его сторонникам пришлось бороться против более упорного сопротивления, чем то, на какое они рассчитывали: против себя они имели консерваторов и всадников.

Недостаток денег К несчастью для последних, их страх и их приготовления к защите только увеличивали опасность положения. Посреди этой агитации никто не хотел давать в долг; деньги вздорожали страшным образом, несостоятельность кредиторов сделалась более частой.⁵⁶⁶ Этот кризис способствовал пропаганде Катилины, заставляя должников более живо чувствовать необходимость завоевать себе освобождение революционными средствами. Скоро в Риме и в Италии настал настоящий хаос, посреди которого испуганный Красс скрылся, а Цезарь из благоразумия должен был держаться в стороне.

Положение Цицерона Цицерон охотно поступил бы также, но, будучи консулом, не мог этого сделать. Он снова находился в некотором затруднении.

Без сомнения, коалиция всех уважаемых людей давала ему мужество бороться с Катилиной и его агитацией. Но он хорошо знал, что Катилина имел много симпатий в широкой массе, уважения которой он не желал терять. Он решился противодействовать Катилине, но скорее косвенным путем, чем открытой борьбой, и начал с того, что купил нейтралитет своего товарища, уступив ему провинцию Македонию. После этого он предложил проект закона, по которому подкуп наказывался более строгими карами и который изменял также способ голосования невыгодным для Катилины образом. Он поручил знаменитому юрисконсульту, Сервию Сульпицию, разработать этот проект.⁵⁶⁷ Таким образом с приближением июля месяца посреди общего беспокойства началась избирательная кампания.

Избирательная кампания Консерваторы были весьма раздражены; средний класс колебался; в народной партии шли раздоры. Кроме Катилины явились три кандидата на консульство: Сервий Сульпиций, pripravлявший избирательный закон, Луций Лициний Мурена, прежний генерал Лукулла, и Децим Юний Силан, муж Сервилии. Красс поддерживал Мурену, между тем как Цезарь выступил на защиту Силана, а Катон за Сульпиция. Скоро пошли беспокойные слухи. Говорили, что Катилина призвал из Этрурии на выборы ветеранов Суллы, что последние готовы на все и что Цицерон будет убит.⁵⁶⁸ В действительности же Катилина призвал банды крестьян из Ареццо и Фьезол, чтобы увеличить число тех, кто должен был голосовать за него, но, как бывает при возбуждении умов, всякий, чтобы поразить своего собеседника, преувеличивал свои сведения, говорил, как очевидец, о том, что ему только рассказывали, прибавлял к этому свое, даже изобретал, так что событие, пере-

---

⁵⁶⁶ Val. Max., IV, VIII, 3.

⁵⁶⁷ См. по поводу этого закона: Drumann. G. R., V, 445 сл.

⁵⁶⁸ Plut. Cic., 14.

ходя из уст в уста, из мелкого предположения очень скоро делалось подробной длинной историей. Рим был полон очевидцев, видевших, слышавших, знающих и имеющих потребность рассказывать то, что они узнали; многие бежали со своими рассказами к должностным лицам.⁵⁶⁹

Ход кампании В политическом мире по-разному относились к этим слухам. Консерваторы не только подтверждали их, но, отчасти из злобы и партийной ненависти, отчасти также потому, что действительно верили им, объявили соучастниками всех тех, кто высказывал сомнение. В народной партии, напротив, говорили, что все это пустые рассказы и сплошная выдумка.⁵⁷⁰ Выборы приближались, выборная агитация возрастала; золото раздавалось целыми горстями Цезарем, Метеллом, Катилиной и Муреной, привезшим его много с Востока. Отряды крестьян и собственников, призванные Катилиной, каждый день входили в Рим. Консерваторы и капиталисты из всех сил боролись против Катилины, и распространявшиеся слухи становились все ужаснее. Говорили, что Катилина на свой счет приказал набирать солдат в Этрурии. Это будет восстанием, подобным восстанию Лепида, и Катилина прикажет вырезать сенат.⁵⁷¹

Агенты Цицерона Догадки становились все более и более неопределенными и тревожными. Беспокойные слухи, упорная оппозиция консерваторов, очень острый финансовый кризис устроили средний класс собственников; а Катилина с невероятной энергией возбуждал шумный и отчаянный мелкий люд Рима, куда он призвал также итальянских пролетариев. Консерваторы со все большим беспокойством повторяли, что республике угрожает обширный заговор, составленный не только Катилиной, но Цезарем и всей демократической партией. Самые раздраженные начинали требовать энергичных мер. Цицерон делал все что мог, чтобы доказать консерваторам свою готовность к поддержанию порядка. Он приставил к Катилине в качестве шпиона некоего Квинта Курия, молодого болтуна, рассказывавшего все, что Катилина говорил или делал, своей возлюбленной Фульвии, женщине из довольно хорошей фамилии, но очень испорченной, а последняя передавала все Цицерону. Тот выслушивал советы, давал указания, принимал во всякое время и тех, для которых шпионство было ремеслом, и тех, которые шпионили из удовольствия. Он старался распространять слухи, неблагоприятные для Катилины; и не было ни одного сенатского заседания, в котором он, с помощью Катона, не нападал бы на Катилину, обвиняя его в подкупе и угрожая ему процессом.⁵⁷² Но он отказывался идти далее, потому что не был ослеплен до такой степени, чтобы не видеть, что дело идет только о подозрениях и предположениях, а не о фактах, которые одни позволяли бы принять строгие меры.⁵⁷³

---

⁵⁶⁹ Ibid.

⁵⁷⁰ Cicero in Cat., I, XII, 30.

⁵⁷¹ Plut. Cic, 15.

⁵⁷² Cicero. Pro Mur., XXV, 51.

⁵⁷³ Plut. Cic, 14.

Отказ Сервия Сульпиция Неожиданный инцидент скоро усложнил и без того запутанное положение. Сервий, юрисконсульт, выработывавший избирательный закон, был в числе искателей консульства, но, повинаясь закону, не тратил ни копейки. К несчастью, посреди стольких кандидатов, рассыпавших золото, никто не считал серьезным такого скупого кандидата, как будто бы закон был простой забавой. Раздраженный Сервий посреди самой горячей избирательной агитации объявил, что снимает свою кандидатуру и будет преследовать Мурену за подкуп. Он действительно принялся собирать улики с помощью Катона, негодовавшего, что покинули лучшего консервативного кандидата.⁵⁷⁴

Сулланы Катилины Этот скандал накануне выборов увеличил дерзость Катилины, который, все более и более надеясь на победу, произнес тогда перед избирателями большую речь, указывая им, что несчастные не могут рассчитывать на богатых для улучшения своей участи.⁵⁷⁵ Цицерон, всегда готовый действовать против кандидатуры Катилины, но без риска подвергнуться ненависти народа, а, напротив, казаться принимающим к сердцу его интересы, скоро был принужден выставить против Катилины обвинения, более тяжелые, чем в подкупе, над которыми все смеялись. Возможно, что крестьяне, которых призвал Катилина и многие из которых были руководимы прежними солдатами Суллы, вели безрассудные речи. Возможно, что Манлий, старый сулланец, смеялся над этим распущенным и робким поколением, надеявшимся кассировать долги при помощи закона. Он, представитель революционного поколения, хорошо знал, что должники могут быть освобождены только мечом. Эти разговоры обычно преувеличивались консерваторами, и Цицерон воспользовался ими, чтобы скрыть свою оппозицию Катилине под предлогом защиты порядка. Он хотел сражаться не с популярным кандидатом, а с человеком, от которого отступились даже Красс и Цезарь, врагом общественно-го спокойствия, готовившимся предать Рим огню и мечу. Но достаточно ли верило этим рассказам общество и особенно достаточно ли было оно взволновано, чтобы позволить уничтожить Катилину? Консерваторы сомневались в этом. Выборы все приближались; надо было сделать что-нибудь, чтобы произвести впечатление на публику в последний момент.

Цицерон делает последний шаг Уступая, как весьма вероятно, настояниям вождей консерваторов, Цицерон приготовил удар, которым думал сильно повредить Катилине. Накануне дня, назначенного для выборов, он неожиданно созвал сенат и торжественно просил отсрочить выборы на несколько дней для того, чтобы на следующий день можно было обсудить опасное положение, в котором находится сенат. На другой день он с напыщенностью рассказал все слухи, циркулировавшие о планах Катилины. Он предложил последнему оправдаться в надежде вырвать у него какие-либо компрометирующие признания, но Катилина просто отвечал, что его намерением было быть главой единственного сильного тела, которое еще было в республике, народа.⁵⁷⁶ Удар был отражен, и нужно было на этот раз приступить к выбо-

---

⁵⁷⁴ Cicero. Pro Mur., XXIV, 48.

⁵⁷⁵ Cicero. Pro Mur., XXV, 50; см.: John. E. G. C. V., 744.

⁵⁷⁶ Cicero. Pro Mur., XXV, 51. См.: John. E. G. C. V., 750.

рам, которые происходили в последних числах июля или первых числах августа.⁵⁷⁷ Положение было таким неопределенным даже в самое утро выборов, что обе стороны делали величайшие усилия.

Выборы Цицерон председательствовал в комициях, окруженный охраной из своих друзей; он был в панцире и время от времени открывал свою тогу, чтобы показать его. Он хотел произвести впечатление на публику и людей нерешительных или робких, которые голосовали бы за Катилину. Войска занимали соседние храмы. Всадническое сословие было мобилизовано почти все. Знатные и всадники, никогда не появлявшиеся на Марсовом поле, являлись голосовать с беспокойным и решительным видом, ведя за собой своих клиентов и друзей. Борьба была очень оживленная, но и на этот раз деньги одержали победу над числом. Несмотря на голоса мелкого люда Катилина не был избран. Цезарь, напротив, был избран претором, а Метелл трибуном, но вместе с Катоном.

«Pro Murena» Для Катилины оставалась еще одна надежда: если бы Мурена был обвинен в процессе, который начал против него Сульпиций, то выборы должны были быть кассированы. Но Мурену с красноречием защищал Цицерон в сохранившейся до нас речи, и он был оправдан. После своих трех неудач Катилине оставалось навсегда отказаться от консульства. Цицерон мог поздравить себя, что с честью и ловкостью вышел из ужасного затруднения, в которое поставила его кандидатура Катилины, не раздражив слишком ни консерваторов, ни народную партию.

Действительный заговор Катилины Но дерзкий и гордый Катилина не был человеком, который признал бы себя побежденным. Вzbешенный своим неуспехом и страхом преследований консерваторов, он принял безрассудное решение: дал денег Манлию, возвращавшемуся в Этрурию, и поручил ему набрать небольшую армию между отверженными людьми. Он убедил самых отчаянных из своих сторонников попробовать смелый удар, убить Цицерона и силой захватить консульство, когда будет готова армия Манлия.⁵⁷⁸ Август и сентябрь были употреблены на приготовление этой попытки. Но было невозможно держать в тайне в течение такого долгого времени все приготовления. Спокойствие, последовавшее за выборами, скоро было смущено тревожными слухами; Цицерон снова был осажден доносами, советами, убеждениями стоять на страже. Что должно было ему делать? Он снова показал себя очень деятельным, однако без желания ускорить решение, а тем более принимать меры, которые могли показаться ненавистными для народа. Но консерваторы со дня на день делались более и более раздраженными, они требовали введения военного положения и теснили Цицерона, по мере того как росли слухи о заговоре. Цицерон, до сих пор колебавшийся, был побежден, наконец, всей этой агитацией высших классов и опасностями, которым он сам подвергался; и так как все побуждали его быстро действовать, он, наконец, решился созвать сенат на 21 октября и подтвердить там, как действитель-

---

⁵⁷⁷ Долго думали, что выборы происходили в октябре, но мне кажется, что John (E. G. C. V, 750–755) окончательно доказал, что они происходили около обычного времени, в конце июля или в начале августа.

⁵⁷⁸ См.: John. E. G. C. V., 755 и 791.

ные факты и результаты расследований, произведенных им, консулом, самые тяжелые распространявшиеся тогда слухи. Таким образом он рассчитывал побудить сенат объявить военное положение и удовлетворить консерваторов. В заседании 21 октября он утверждал, что «знает все», что он обладает определенными доказательствами самых тяжелых обвинений против Катилины, чего не могло быть тогда.⁵⁷⁹ Между прочим он сказал, что 27 октября Гай Манлий должен взяться в Этрурии за оружие во главе армии и что Катилина на 28 число замышляет убийство сенаторов.

Объявление военного положения Катилина, вызванный консулом на оправдание, отвечал очень высокомерно; но сенат, убежденный точными указаниями Цицерона (никто не думал, что он может утверждать такие важные вещи без достаточных доказательств), не колебался более, и военное положение было объявлено.⁵⁸⁰

Когда это сделалось известным, в Риме началось большое волнение. Так как всегда судят настоящее по прошедшему, то думали снова увидеть, как во времена Гракхов и Сатурнина, консула, созывающего к оружию сенаторов и всадников и производящего резню народной партии. Цезарь должен был провести несколько времени в страшном беспокойстве. Но ничего, однако, не произошло. Консулы и сенаторы, хотя очень взволнованные сообщенными им известиями, самым заседанием и решением, спокойно разошлись по домам. Ограничились расстановкой гарнизонов в разных частях города. Времена изменились; люди не имели более импульсивной храбрости варварских эпох и, как бывает во всякой слишком богатой и сладострастной цивилизации, сделались менее безрассудными и более медленными на действие благодаря страху, мягкости и совестливости. Некоторые сенаторы осмеливались даже утверждать, что Цицерон солгал.⁵⁸¹ Многие между ними говорили, что народная партия, после того как прошел бы страх, отомстила бы за своих погибших вождей. Много других по слабости согласились на введение военного положения, но не были убеждены, что опасность так велика. Иные были удержаны нравственными, законными и конституционными побуждениями. Цицерон, который должен бы был распоряжаться репрессиями, слишком боялся навлечь на себя какой-нибудь смелостью такую же ненависть, какую питали к Назике и Опимию, чтобы сделаться маленьким подражателем Суллы. Впрочем, теперь одна угроза произвела на впечатлительный народ то же самое действие, как насилие в более варварские времена. Консервативная партия удовлетворилась пустой угрозой военного закона и процессом о насилии, начатым против Катилины молодым Луцием Эмилием Лепидом, вторым сыном главы революции 78 г., перешедшим теперь к аристократической партии.

---

⁵⁷⁹ Цицерон, когда говорил, действительно не мог еще иметь официальных и достоверных известий о наиболее важных фактах, которые он утверждал. Это доказывается не только Плутархом (Ос, 14) и Саллюстием (С. С., 30), но и самим Цицероном (Cat., I, III, 7); он выражает почти простодушную радость, подтверждая, что все сказанное им о Манлии оказалось верным. *Comperi omnia* («я знаю все»), кажется, была фраза Цицерона, как это следует из злонамеренных намеков Клодия и Антония. См.: Cicero. A., I, XIV, 5; F., V, V, 2.

⁵⁸⁰ Cicero in Cat., I, III, 7, I, II, 4, См.: Tarantino. С. С, 86.

⁵⁸¹ Dio, XXXVII, 31.

Дерзость Катилины Между тем агитация в Риме возрастала. Беспокойные слухи распространялись подобно волнам на взволнованном море, все могущественные лица получили предостережения, доносы, анонимные письма с угрозами. Цицерон должен был жить в сильном беспокойстве, хорошо зная, что, если хотя одна часть фактов, которые он утверждал в сенате, не подтвердится, ему придется заплатить за свою ложь дороже всех других. Он немного успокоился в тот день, когда Красс сам принес ему пакет с анонимными письмами и доносами, полученными им.⁵⁸² Могущественный сенатор, обеспокоенный угрозой пролетарской революции, думал, что ему грозит гибель! Но Катилина, мало пораженный направленными против него угрозами, зложеланием и подозрениями, предметом которых он себя чувствовал, придумал ловкую уловку, чтобы скрыться и выждать удобного случая двинуться вперед. Он явился к Марку Лепиду и попросил у него позволения жить в его доме: таким образом увидали бы, что он чувствует себя достаточно невиновным для того, чтобы жить под ежедневным надзором очень уважаемого человека. Так как Лепид не пожелал сделаться доверенным тюремщиком, Катилина с еще большей дерзостью отправился к Цицерону, прося убежища в его доме. Когда Цицерон, в свою очередь, отверг его, он нашел некоего Марка Марцелла, который его принял.⁵⁸³

Тревога в городе Беспристрастная публика была сбита с толку. Чему же следовало верить? Цицерон, конечно, был благонамеренный и известный человек, но было, однако, странно, что, объявив о революции, он не принимает никаких мер против того, на кого он указал как на ее главу. Катилина был человек дерзкий; но возможно ли, что, если бы он готовил революцию, он был достаточно нагл, чтобы отправиться к консулу, который обвинял его, и изъявить желание жить в его доме. Время от времени буря слухов успокаивалась, и тогда подозрение, что Цицерон все выдумал, возрастало.

Новые известия К счастью для Цицерона, через несколько дней узнали из достоверного источника, что Манлий в Этрурии открыто стал во главе небольшой армии,⁵⁸⁴ а через некоторое время пришли письма от самого Манлия к Квинту Марцию, где объявлялось, что он и его единомышленники взялись за оружие, не будучи в состоянии более выносить обременявших их долгов.⁵⁸⁵ Волнение было сильно; консерваторы снова пришли в движение; нельзя было терять времени; это была настоящая междоусобная война, и надо было действовать силой. В сенате все были расстроены и после стольких колебаний поспешно решили принять самые суровые меры, как будто бы восстала вся Италия. Обещали награду тем, кто даст сведения о заговоре. Послали в Апулию Квинта Метелла, еще ожидавшего себе триумфа после завоевания Крита. Квинта Марция отправили в Этрурию, Квинта Помпея Руфа в Кампанию, Квинта Метелла Целера в Пицен.⁵⁸⁶ Цицерон, к своему изумлению и ра-

---

⁵⁸² Plut. Cic, 15.

⁵⁸³ Cicero in Cat., I, Vili, 19; Dio, XXXVII, 32 (с неточностями).

⁵⁸⁴ Sallust. C. C, 30; Plut. Cic, 15.

⁵⁸⁵ Sallust. C. C, 33.

⁵⁸⁶ Ibid., 30.

дости, с каждым днем все более становился предметом всеобщего удивления. Находили, что он стал на защиту республики с необычайной энергией и предусмотрительностью. Несмотря на все он не осмеливался еще действовать против Катилины. Последний, напротив, чувствуя, что вокруг него гаснут симпатии его последних друзей, а ненависть его врагов становится все более дикой, дошел до крайних решений. Одно мгновение, кажется, он имел мысль захватить 1 ноября крепость Пренесте,⁵⁸⁷ но этот проект также рушился благодаря осторожности Цицерона.

**Последние распоряжения
Катилины и его отъезд**

Тогда, обманув бдительность своего врага, Катилина собрал в ночь с 6 на 7 ноября⁵⁸⁸ в дом Леки своих друзей, наиболее скомпрометированных, указал им на необходимость обширного восстания во всей Италии для того, чтобы поддержать Манлия, перешедшего в наступление, и набросал план этого восстания, которое должно было начаться с убийства Цицерона.⁵⁸⁹ Два присутствовавших всадника согласились на следующий день утром отправиться к Цицерону для приветствия и убить его.

**Первая речь Цицерона
против Катилины**

Но Фульвия тотчас известила консула, который в крайности созвал сенат на следующий день, 7 ноября. Дерзкий до конца, Катилина отправился туда. Но при его входе в зал все отшатнулись от него, и он один на своей скамье должен был выслушать сильную речь, которую Цицерон произнес против него и которой аплодировали сенаторы. Катилина понял, что ему не на что более надеяться в сенате; он поднялся, произнес несколько угроз и вышел. В тот же вечер вполне свободно он отправился в Этрурию с многочисленной свитой. Цицерон до такой степени желал избежать ответственности за кровавую репрессию, что не осмелился воспрепятствовать его отъезду. Он, напротив, радовался этому бегству, от которого могла произойти междоусобная война. Если Катилина возьмется за оружие, никто не осмелится более его защищать. Цицерон второй раз счастливо выпутывался из затруднения к всеобщему удовольствию.

Заговорщики теряют голову

Некоторые раздраженные сенаторы, правда, добивались, чтобы консул задержал Катилину и отправил его на смерть, тогда как небольшое число людей все еще утверждало, что Катилина был жертвой клеветы.⁵⁹⁰

Но эта критика вовсе не трогала Цицерона, который, обогнав разом Цезаря и Красса, сделался самым популярным человеком в Риме после Помпея. К несчастью, еще не все было кончено. Наиболее скомпрометированные сторонники Катилины: Лентул, Цетег, Статилий, Цепарий — потеряли голову после отъезда Катилины. Чувствуя себя в опасном положении и покинутые большинством тех, кто ободрял их в хорошие дни, когда надеялись добиться кассации

---

⁵⁸⁷ Cicero in Cat., I, III, 8.

⁵⁸⁸ См.: Tarentino. С. С, 89 сл. — Его рассуждения для определения этой даты кажутся очень точными.

⁵⁸⁹ John. E. G. C. V., 792.

⁵⁹⁰ См. вторую речь Цицерона против Катилины, которая отвечает на эти два крайних и противоположных обвинения.

долгов путем простого закона без всякой опасности, они поспешно начали выполнять нелепый заговор, следуя плану, набросанному Катилиной. Дело шло о возмущении простого народа и рабов и увеличении беспорядка путем поджога Рима с разных концов в момент приближения Катилины с его армией. Страх до такой степени заставил заговорщиков потерять разум, что они даже обратились к некоторым из послов аллоброгов, прибывших в Рим для представления своих жалоб сенату, с вопросом, не согласится ли их народ помочь им, доставив солдат и кавалерию.

Сознание заговорщиков Это было страшной ошибкой. Аллоброги донесли на них. Цицерон легко получил письменные доказательства измены и, действуя на этот раз очень быстро, приказал утром 3 декабря арестовать главных заговорщиков и привести их в сенат. Там он показал им письма, данные послам аллоброгов к их вождям, и сделал им очную ставку с послами. Захваченные врасплох и испуганные, они все сознались.

Паника в Риме В одно мгновение слух об этом открытии распространился по Риму и вызвал страх. Говорили, что был огромный заговор сжечь город и призвать галлов в Италию! Впечатлительная столица побледнела от ужаса. Не только богатые капиталисты и знатные, но и все те, кто владел чем-нибудь, — средняя буржуазия, арендаторы, купцы, лавочники — все возмутились и испугались как при приближении страшной опасности. Общество, которое Красс и Цезарь тщетно пытались всколебать, на этот раз возмутилось, но совершенно иначе, чем это было в 70 г. Теперь оно бросилось к консервативной партии и с такой стремительностью, что вожди народной партии и само простонародье, всегда бывшее с демагогами, пришли в ужас. Отовсюду громадная беспокойная толпа устремила к сенату и, когда по окончании допроса появился Цицерон, ему сделали шумную овацию. Наступила ночь, но в Риме не спали: искали друг друга, совещались, готовились к сильным волнениям завтрашнего дня. Консерваторы, в одно и то же время раздраженные и довольные, хотели, чтобы был положен конец всякой снисходительной слабости по отношению к народной партии, чтобы удар поразил не только соучастников Катилины, но всех вождей народной партии, а особенно Цезаря. Всадники, люди среднего класса, охваченные заразительным гражданским усердием, готовились явиться на следующий день вооруженными, чтобы призвать к порядку революционеров. Всюду так настойчиво требовали показать пример строгости, что некоторые граждане, сыновья которых были замешаны в агитации Катилины, вспомнили, что по древнему праву они являются судьями своих детей, и приказали убить их своим рабам.

Заседание сената На следующий день сенат собрался, чтобы выслушать других свидетелей и продолжать допрос; но умы были глубоко смущены. Вожди консервативной партии, особенно Катулл, принялись предлагать заговорщикам коварные вопросы, чтобы заставить их признаться, что Цезарь был осведомлен о заговоре. Один доносчик, старавшийся, конечно, помочь заговорщикам, утверждал, что Красс был участником заговора; но сенат громким ропотом прервал это обвинение. Смущение было велико. Время от времени пробежал слух, что чернь возмутилась и идет освободить пленников. Все потеряли голову, исключая Цицерона и Цезаря. Цицерон даже в этот тревожный час

предвидел отдаленные последствия слишком революционных мер.⁵⁹¹ Но что было делать? Общество было раздражено и обращалось к нему как к единственной опоре республики. Ему нельзя было более колебаться, по крайней мере, он не осмеливался более на это и, как всегда происходит в подобных случаях, решился ускорить события: следующий день должен был решить участь заговорщиков. Цезарь, со своей стороны, превосходно отдавал себе отчет в том, что, если он будет молчать, его впоследствии обвинят в трусости. Но он понимал также, что, если он будет защищать обвиняемых, он рискует, при настоящем возбуждении, вынудить своих врагов к какому-нибудь насилию против него.

Прения о наказании Пятого числа сенат снова собрался. Огромная взволнованная толпа наполняла форум, храмы и все улицы, соседние с курией. Силан, спрошенный первым, предложил смертную казнь; все другие сенаторы, спрошенные после него, сделали такое же предложение, пока не дошла очередь до Цезаря. Последний, очень сурово осудив преступление обвиняемых, указал, что смертная казнь была бы противозаконной и опасной мерой. Он предложил вечное заключение в какой-нибудь муниципии и конфискацию им имущества и своей очень ловкой и убедительной речью поколебал многих сенаторов.

Четвертая речь Цицерона против Катилины Собрание, казалось, колебалось. Сам Цицерон говорил очень двусмысленно, давая понять, что он очень охотно присоединился бы к мнению Цезаря.⁵⁹² Но поднялся Катон, чтобы выступить против Цезаря, и сделал это с такой силой, так настоятельно требовал для поддержания уважения к власти вынести смертный приговор, что все умы были увлечены, и смертная казнь была утверждена.

Смерть заговорщиков и Катилины Цицерону не оставалось ничего более, как взять заговорщиков из различных помещений, в которых они были заключены, и отвести их в Мамертинскую тюрьму, где рабы, исполнявшие обязанности палачей, задушили бы их. Но непримиримые консерваторы предложили тогда торжественно сопутствовать Цицерону в этом мрачном обходе по городу вплоть до тюрьмы: это было бы демонстрацией закона и порядка перед глазами мятежной столичной черни, которая морально вся была участницей заговора.

Отправились все сенаторы, за исключением немногих, в числе которых был Цезарь во главе, при выходе из сената встреченный угрозами группы всадников. Рим смотрел, как проходит этот странный и торжественный кортеж палачей, состоявший из всей знати, богатых финансистов, зажиточных купцов, примиренных на одно мгновение, и ведомый консулом, которого по исполнении приговора толпа проводила до его дома среди аплодисментов и горячих оваций. Правосудие было совершено, а несколькими неделями позднее Катилина, который мог вооружить только несколько тысяч человек, был побежден и убит при Пистории в Этрурии.

---

⁵⁹¹ Plut. Cic, 19, 20.

⁵⁹² См. четвертую речь против Катилины.

Италия и заговор Цицерон думал, что благодаря этим энергичным мерам он остановил революционный бич, нависший над Италией. Он забыл свои сомнения и колебания. В действительности же, если так быстро одержали победу над этой крупной общественной опасностью, то лишь потому, что Италия вовсе не желала восставать. Она, правда, казалась расположенной к кассации долгов, с которой начал Катилина, так как считала ее легкой и мирной, но когда мало-помалу на груди этой политической агитации образовался маленький революционный заговор, скорее благодаря роковой последовательности событий, чем вследствие ясного и обдуманного проекта, Италия оставила и даже прокляла это предприятие.

Конец революционной эры Революционное поколение междоусобной и гражданской войны, поколение Сатурнина, Мария, Суллы, Карбона, Сертория, сошло со сцены, а в новом поколении произошла, правда, в менее крупных размерах, та же перемена, как в революционной Европе девятнадцатого столетия после 1870 г. Увеличилось богатство, а вместе с ним благосостояние, наслаждения, культура. Жизнь сделалась утонченной. Образовалась многочисленная зажиточная буржуазия, не знавшая более военного ремесла. Привыкли к более приятной и более широкой жизни. Население сделалось более робким, более нерешительным, более желающим порядка и мира. Средняя буржуазия различных классов Италии, буржуазия торговая, спекулирующая, жадная до цивилизации, наслаждений, богатств, владевшая полями, домами, рабами, ведшая торговлю и старавшаяся разбогатеть всеми средствами, не имела ничего против того, чтобы не платить своих долгов, раз удобный закон освободил бы ее от этой скучной обязанности; но она вовсе не хотела ради этого, устроив революцию, рисковать своими имуществами, надеждой на будущие наслаждения и своей жизнью. Земельные собственники особенно сделались врагами междоусобных войн, потому что они всюду возделывали виноградные лозы, оливковые и фруктовые деревья, которые приносили плоды только после долгих лет роста и уничтожение которых во время войн причиняет убыток гораздо больший, чем уничтожения жатвы, повторяющейся каждый год.

XVI

Возвращение Помпея и процесс Клодия

Осада Иерусалима и суббота. — Взятие Иерусалима. — Помпей в храме. — Реакция в Италии после заговора Катилины. — Политический индифферентизм высших классов. — Римский пролетариат и коллегии ремесленников. — Народная партия становится партией пролетариата. — Борьба Цезаря с реакцией. — Разочарования, беспокойство и долги Цицерона. — Характер Помпея. — Клодий и святотатство на празднике Вонае Деае. — Возвращение Помпея. — Процесс Клодия. — Цицерон, Клодий и Теренция. — Оправдание Клодия. — Цезарь и его кредиторы. — Его отъезд в Испанию. — Тит Лукреций Кар и его поэма.

Помпей под Иерусалимом Помпей тем временем стоял под Иерусалимом; во время осады этой маленькой столицы маленького еврейского народа он и его офицеры могли наблюдать необычайные явления. Город, ворота которого отворил Гиркан, был легко взят; но часть народа засела в храме и выдерживала там отчаянную борьбу. Этот храм был построен на господствующем над городом холме и окружен укреплениями с очень высокими стенами. Помпей должен был привезти из Тира осадные орудия и приказал построить машины, между тем как иудеи с ожесточением бросали в солдат стрелы и камни; наконец, пришлось организовать долгую и трудную осаду. Скоро, однако, заметили удивительный факт: периодически, через каждые семь дней, осажденные, как бы пораженные оцепенением, позволяли римлянам строить свои машины и не бросали ни стрел, ни камней.

Еврейская суббота Помпей спросил Гиркана, объяснившего, что всякий седьмой день бывает суббота, день, в который закон принуждает верующих воздерживаться от всякой работы, и что горячие поклонники простирают свою ревность до того, что даже не защищаются.⁵⁹³ Помпей велел своим солдатам работать только в субботные дни и мог таким образом в три месяца легко построить башни на высоту стен и произвести приступ. Фавст, сын Суллы, первый взшел на стены, но защита была ожесточенной и резня ужасной.

Помпей и храмовые сокровища Когда Помпей с таким трудом овладел храмом, он пожелал осмотреть его весь, до самых отдаленных святилищ, куда мог входить только один первосвященник. Напрасно искал там он статую или картину, изображавшую божество. Он удивлялся странному седьмисвечнику, к которому евреи, казалось, имели большое почтение, золотому столу, огромному запасу благовоний для церемоний и хранившимся в подземельях сокровищам, которые должны были служить вознаграждением римской армии за ее труды. Но бог Библии дал тогда самое сильное до-

⁵⁹³ Dio, XXXVII, 16; Ios. A. I., XIV, ГY, 3; B. J., I, VII, 3.

казательство того могущества, страх перед которым должен был распространиться так далеко в мир: один из всех восточных богов, он заставил римского генерала уважать свое золото. Помпей, вероятно, остановился, пораженный перед этим странным фанатизмом, и не осмелился завладеть сокровищами.⁵⁹⁴

Помпей и Птолемей В Палестине Помпей был встречен посольством египетского царя, явившимся выразить ему почтение, предложить крупную сумму денег и сделать странное предложение двинуться со своими легионами в Египет на помощь царю для победы над мятежниками, составившими несколько времени тому назад.⁵⁹⁵ Обеспокоенный проектами Красса и Цезаря, отчаявшись добиться своего признания царем со стороны сената, Птолемей Авлет старался этим поступком привлечь на свою сторону Помпея. Если Помпей согласится на это и поможет ему восстановить порядок в своем царстве, то он так скомпрометирует себя в его пользу, что по возвращении в Рим должен будет защищать его дело перед сенатом, чтобы доставить ему титул друга и союзника римского народа. Тем не менее эта политика, одновременно хитрая и дерзкая, имела несколько опасных сторон, потому что Птолемей рисковал также отдать свое царство римлянам. Что стал бы он делать, если римский генерал, вступив в его царство, откажется уйти оттуда и подчинить его Риму? С Лукуллом эта опасность была бы серьезной. Но Птолемей имел дело с Помпеем, т. е. с человеком более благоразумным, чем он того желал. Помпей, вероятно, боялся, вступив в Египет, раздражить много лиц в Риме: прежде всего тех, которые не хотели признавать Птолемея, партию, противившуюся завоеванию Египта; потом также котерию, стремившуюся к этому завоеванию, т. е. Красса и Цезаря. Он взял деньги, но учтиво отклонил приглашение. Потом он объявил Палестину вместе с Келесирией римской провинцией, наложил на Иерусалим подать, дал звание первосвященника Гиркану и, уводя с собой пленником Аристобула, возвратился в Понт.⁵⁹⁶

Реакция после заговора Катилины Между тем Италия оправилась от ужаса перед последними событиями, но как она изменилась в несколько месяцев! Заговор Катилины не был страшной опасностью, но его оказалось достаточно, чтобы смешать классы, партии, умы у всех и ускорить конец той могущественной народной партии, сторонницы умеренных реформ, вождем которой был Помпей в 70 г. Осмелев от крупного успеха репрессий и от поддержки массы всадников, пользуясь общественным страхом, который возбудили преувеличенные рассказы о заговоре, воображая, что это состояние умов продолжится навсегда, консервативная партия сделалась бандой диких реакционеров. Самые крайние в ней, во главе которых стояли Катулл и Катон, легко стали господствовать над умеренными и хотели довести до конца свою победу, раздавив народную партию и превратив процессы, начатые против соучастников Катилины, в обширное систематическое преследование своих врагов. Момент казался удобным.

---

⁵⁹⁴ Ios. A. I., XIV, IV, 4; Zon., V, 6; Cicero. Pro Flac., XXVIII, 67; эти свидетельства уничтожают противоположное мнение Диона (XXXVII, 16).

⁵⁹⁵ Appian. Mithr., 114.

⁵⁹⁶ Masi. V. S. A., 25.

**Затруднительное положение
Цезаря**

Помпей был далеко; Метелл Непот, присланный им в Рим, не был выдающейся личностью. Красс, испуганный заговором, поспешил удалиться от интриг и опасностей народной партии, во главе которой остался один Цезарь, дискредитированный, ослабленный, презираемый. Буря, успокоившись на минуту, готова была разразиться с необычайной силой над его головой. Что случилось бы с ним, если бы он был слишком чувствительного темперамента и сделался слишком деликатным благодаря аристократическим предрассудкам или моральной совестливости? Но Цезарь сделался совершенным политиком, решительным, без колебания и разборчивости. Он не поколебался ускорить эволюцию демократии, начатую уже 4 или 5 лет тому назад, и сделал из нее грубую, боевую партию черни.⁵⁹⁷

Цезарь и пролетариат

Зажиточный класс, всадники покинули народную партию в этот критический момент. Но в Риме в огромных домах, построенных спекуляторами, было бесчисленное население вольноотпущенников, ремесленников, разносчиков, мелких лавочников, искателей приключений, нищих, преступников, пришедших со всех концов Италии и империи. Эти люди добывали средства к жизни всеми ремеслами, позволенными или постыдными, которые оставляли им рабы. Они находили работу на общественных постройках, делались каменщиками, ткачами, продавцами цветов, извозчиками, горшечниками, каменотесами, поварами, флейтщиками. Они нанимались на службу к политическим котериям и честолюбцам в качестве подкальывателей, шпионов или комиссионеров. Они узурпировали права гражданства, продавали свой голос, крали, плутовали, участвовали в общественных раздачах зерна и в публичных банкетах. Они образовывали большое число обществ или коллегий, которые сенат преследовал после заговора, стараясь распустить те, которые уже образовались, и воспрепятствовать образованию новых.⁵⁹⁸ Это население, нищее, всегда недовольное, полное ненависти к богатым, удивлялось Катилине и старалось доставить ему удачу. Оно всегда было готово, если только находило вождей, наполнить государство беспорядками. И во главе этого народа стали — скандал почти невероятный — двоюродный племянник Метелла Македонского и pontifex maximus с целью отразить необузданные атаки консерваторов и в свою очередь напасть на них, но уже не на слишком опасной почве экономических реформ, а на более легкой почве политической оппозиции. Едва получив претуру, Цезарь напал на самого Катугула, обвинил его в плохом расходовании средств по исправлению разрушений на Капитолии, произведенных во время междоусобной войны, и предложил поручить эту работу

---

⁵⁹⁷ Plut. Cato U., 26; Caes., 8. — Это доказывается также большим числом процессов об узурпации права гражданства, которые консерваторы начали в этот год. См.: Lange. R. A., III, 258. См. также: Cicero. A., I, XVI, 11.

⁵⁹⁸ См. у Waltzing (C. P. R., I, 87–89) перечисление обществ рабочих в Риме и в Италии в эту эпоху, следы которых были найдены. Об упоминаемых здесь законах против обществ ремесленников говорит Асконий in Corn., 67 (ed. Kiessling et Schoell), in Pis., 6, 7. Мне кажется сомнительным, чтобы роспуск корпораций имел место в 64 г.; действительно, место из Кв. Цицерона (De pet. cons., V, 1 и Vili., 39) указывает нам, что в 64 г. существовали многочисленные collegia и sodalitates; с другой стороны, Waltzing (I, 98) доказал, вопреки Моммзену, что эти законы были направлены против, всех обществ. Кроме того, текст Аскония (in Pis., 6, 7) испорчен. Во всяком случае дело идет о попытках, которые делали в эту эпоху консерваторы, чтобы отнять у рабочих право ассоциаций.

Помпею.⁵⁹⁹ Это предложение рушилось перед энергичной оппозицией консерваторов.

**Вопрос о законности казни
сообщников Катилины**

Но около этого же времени Метелл при поддержке Цезаря внес Во новое, еще более смелое предложение: он предложил призвать в за: Италию Помпея с его армией, чтобы воспрепятствовать в будущем ка незаконно казнить римских граждан. Это значило открыто поставить вопрос, законно ли было осуждение сенатом соучастников Катилины, ю и открыто угрожать партии, продолжавшей злоупотреблять доносами и процессами, относящимися к заговору Катилины. Консерваторы задрожали. Верная своей миссии сеять возмущение, народная партия обвиняла тех, кто подвергался большим опасностям для защиты порядка. Она хотела официально поручить Помпею произвести государственный переворот. Катон, бывший тогда народным трибуном, один решился наложить свое veto утром того дня, когда закон был поставлен на обсуждение в комициях. Цезарь и Метелл приказали банде негодяев прогнать его ударами камней. Консерваторы, возбужденные их примером, побежали также за людьми и возвратились вовремя, чтобы прогнать Цезаря и Метелла, прежде чем закон был вотирован. Вопрос на время был решен. Но скандал был слишком велик и еще увеличился, когда Метелл, угрожая отомстить за себя, уехал из Рима, чтобы вернуться к Помпею.

Сенат, где все же было много умеренных, не мог сопротивляться настояниям реакционной котерии и отрешил Метелла и Цезаря. Но последний так хорошо сумел представить себя в качестве жертвы знатных, что мятежная чернь взволновалась, и сенат, еще более боявшийся мятежей, чем реакционеров, был принужден восстановить его должности.⁶⁰⁰ Вожди консервативной партии были раздражены и попытались вмешать его в процессы, начатые против соучастников Катилины. Но пыл черни так возрастал,⁶⁰¹ что сам Катон, чтобы успокоить его и расположить к консервативной партии, предложил увеличить распределение хлеба народу на сумму приблизительно до 7 миллионов, увеличив вместе с тем число лиц, имевших на нее право.⁶⁰²

Характер Помпея

Борьба, происходившая с 70 г. до заговора Катилины, была забыта; начиналась новая. За год политическое положение совершенно изменилось, и это глубокое изменение имело громадную важность, особенно для двух лиц: Помпея и Цицерона. Знали, что Помпей готовится к возвращению, и все спрашивали себя, какую роль будет он играть в этой борьбе. Консерваторы казались очень обеспокоенными, утверждали, что он воспользуется своей армией, чтобы заставить провозгласить себя диктатором и

---

⁵⁹⁹ Dio, XXXVII, 44; Suet. Caes., 15.

⁶⁰⁰ Dio, XXXVII, 43; Plut. Cic, 23; Suet. Caes., 16, 17; Plut. Cato U., 26–29. — Однако в этих рассказах есть кое-какие различия, между которыми трудно разобраться. По Светонию, Цезарь и Метелл были отрешены от должности; по Плутарху (Cat. U., 29), Метелл не был отрешен, потому что за него вступился Катон.

⁶⁰¹ Plut. Caes., 8.

⁶⁰² Plut. (Cato U., 26) помещает этот закон до предложения Метелла, что маловероятно. Только после этого скандального предложения Катон мог быть побужден внести закон, столь противоположный его идеям. См.: Lange. R. A., III, 258.

разрушить республику. И однако, как ни трудно было даже для самых умных людей посреди политической борьбы действительно узнать лиц, которых ненавидели просто в качестве врагов своей партии или которым удивлялись как ее борцам, никто не боялся, что Помпей по возвращении с Востока делается новым Суллой. Он, напротив, обдумывал в этот момент проект примирения с консерваторами. Помпей был настоящий крупный вельможа старого рода, превосходный и умный дилетант в искусстве, в литературе, в науке, в политике, на войне, как это встречается в знати в цивилизованные эпохи. Но он не имел ни упорства Красса, ни пылкого воображения и энергии Лукулла, ни глубокого ума Цезаря. Поверхностный изменчивый ум его не имел глубоких страстей; честолюбивый и гордый, он не был ни жестоким, ни ненасытным; ловкий и хитрый, он, однако, был обманываем деятельными интриганами и смущался от необычайных событий. Он не был ни злым, ни жестоким, но холодным эгоистом, какими часто бывают знатные. Такой человек по природе был умеренным консерватором, а не революционером. В молодости он был пылким и горячим участником междоусобных войн. Потом его успехи сделали из него трудноудовлетворимого интригана, из честолюбия примкнувшего к народной партии, но он кончил, получив полное удовлетворение, насытив все свои желания славы, могущества и богатства.⁶⁰³ При своем возвращении в Рим он был, благодаря своим великим предприятиям, самым знаменитым из всех генералов; самым богатым благодаря огромным собранным и отдаваемым под проценты капиталам; самым могущественным по причине личных обязательств, которые с ним заключили столько восточных царей. Но после удовлетворения своего громадного честолюбия его аристократический и консервативный темперамент снова выбился наружу. Он ненавидел теперь мятежную и вульгарную римскую демагогию, и его отвращение еще увеличилось, когда он узнал об интригах Красса, о прелюбодеянии, в котором обвиняли его жену Муцию и Цезаря, и о скандалах, вызванных Цезарем, сделавшимся вождем римской сволочи. В то время как масса людей боялась, как бы он не задумал самые честолюбивые проекты, он просто занимался тем, чтобы не испортить свой триумф и не оскорбить кого-нибудь. В своих письмах к сенату он ничего не говорил о деле Катилины.⁶⁰⁴ Он думал развестись с Муцией и вступить в какой-нибудь новый брак, который подготовил бы его примирение с консерваторами.⁶⁰⁵ Он мечтал выиграть время и собрать в своем царском путешествии через Грецию свою последнюю и самую богатую жатву удовлетворенного самолюбия. Таким образом, он отправился на Лесбос и освободил Митилену, чтобы угодить своему любимцу Феофану, уроженцу этого города. Там он удивлялся прекрасному театру и составил проект выстроить подобный, но еще более обширный, в Риме.⁶⁰⁶ Из Лесбоса он направился в Родос, где видел Посидония, историка-философа, которому так удивлялись римляне, и роздал деньги профессорам;⁶⁰⁷ потом он возвратился в

---

⁶⁰³ См. об этой перемене в характере Помпея прекрасную главу у Диона (XXXVII, 23), которая, мне кажется, извлечена из Тита Ливия.

⁶⁰⁴ Cicero. F., V, 7.

⁶⁰⁵ Plut. Cato U., 30.

⁶⁰⁶ Plut. Pomp., 42; Velleius, II, XVIII, 42.

⁶⁰⁷ Plut. Pomp., 42.

Эфес, куда собрались армия и флот. Консерваторы могли бы найти союзника в том, кого они боялись как самого величайшего врага.

**Перемена в характере
и привычках Цицерона**

Напротив, они не нашли энергичной поддержки в Цицероне, которого имели право рассматривать до сих пор как одного из своих вождей. Заговор Катилины был главным фактом жизни великого писателя, потому что отметил глубокое изменение в его характере. До сих пор он был умеренным, экономным человеком, который не любил ни могущества, ни роскоши, заботился только о своей литературной славе и скорее принимал, чем искал важных государственных должностей. Со времени заговора гиперболические похвалы, преувеличенное удивление всадников и даже знати, обычно столь гордой с *homines novi*, великие почести, оказанные ему, — между прочим титул *pater patriae*, — словом, все преувеличения, следовавшие за подавлением малоопасного мятежа, которым предавались все боявшиеся или желавшие эксплуатировать страх других, опьянили его. Он окончательно убедился, что он великий политический человек; идея величия начала возбуждать его дух; он не довольствовался более ни литературной славой, ни скромной жизнью, которую вел до сих пор. Как раз в этот год, в то время как борьба партий становилась все упорнее, он совершил самую крупную ошибку своей жизни, купив у Красса за огромную сумму в 3 500 500 сестерций громадный дом в Палатине.⁶⁰⁸ Он хотел владеть жилищем, более достойным его нового положения, чем старый и скромный дом его отцов; но у него не было нужных денег и, чтобы достать их, он должен был, отступив от своего строгого соблюдения закона Цинция, просить друзей, которых он защищал, одолжить ему большие суммы, конечно, без процентов, и занимать деньги у большого числа лиц. Один из его клиентов, П. Сулла, одолжил ему два миллиона сестерций.⁶⁰⁹ Правда, он рассчитывал для уплаты долгов на своего товарища Антония, бывшего тогда в Македонии. Уступая ему свою провинцию, он условился, что Антоний отдаст ему часть добычи, которую принесет ему война.⁶¹⁰ Но он заключил огромный заем с очень неверной возможностью уплатить его и допустил ту же ошибку, что и Цезарь, связав свою личную свободу цепью, которую ему никогда не удалось разорвать. Однако если усиливалось его честолюбие, то его энергия не возрастала пропорционально ему; и в то же время, как он заключил долги и думал сохранить в республике исключительное положение, занятое им в конце его консульства, он скрывался, предоставляя другим защищать свое дело, не осмеливаясь решительно стать на сторону консерваторов. Народная партия еще уважала его за его нападения на консерваторов, и, может быть, своей инертностью он надеялся сохранить если не прошедшее удивление, то по крайней мере известный престиж у нее. Итак, он оставался бездеятельным и в то время, как партии являлись за властью на форум, ограничивался повторением при всяком удобном случае о заслугах и славе его консульства, рассчитывая даже написать его историю на греческом языке.

---

⁶⁰⁸ Cicero. F., V, 6, 2; Velleius, II, 14.

⁶⁰⁹ Aul. Gell. N. A., XII, 12.

⁶¹⁰ Об этой интриге можно дать себе отчет, читая письма Цицерона к Аттику (I, 12, 13 и 14), где Тевкр, конечно, имея в виду Антонию; ср. письма Ad. Fam., V, 5 и 6. См.: Drumann. G. R., II, 394; V, 428.

Раздачи Помпея В середине 62 г. Помпей был готов покинуть Азию. Но прежде чем сесть на корабль, он распределил награды своим товарищам по оружию: всякий солдат получил по 6000 сестерций, т. е. около 1500 франков, центурионы и трибуны получили еще большие суммы, так что общая сумма равнялась приблизительно семидесяти пяти миллионам франков. Его генералы получили шестьсот миллионов сестерций; предполагая, что их было 25, получим, что каждый из них имел сумму, равную приблизительно миллиону франков; щедрая награда за столь малоопасные кампании, продолжавшиеся только четыре года.⁶¹¹ Наконец, он отплыл в Грецию со своей армией. Он направился сперва в Афины, где проводил время, слушая философов, и предложил 50 талантов для реставрации наиболее красивых зданий.⁶¹² Из Афин он послал своей жене Муции письмо, в котором объявлял ей о разводе.⁶¹³ Затем, сев на корабль, чтобы отправиться в Италию, он к концу года высадился в Брундизии. Консерваторы трепетали, думая увидеть приезд демократического Суллы, и Катон рассчитывал покинуть Рим вместе со своей фамилией.⁶¹⁴

Дегенерат Клодий В Риме в первых числах декабря, в то время, как с беспокойством ожидали прибытия Помпея, разразился громкий скандал.⁶¹⁵ Жена Цезаря, Помпея, имела связь с Клодием, возмущившим легионы Лукулла. Клодий был один из тех дегенератов, которые иногда встречаются в знатных фамилиях в последней степени их падения. С слабой и почти женственной внешностью,⁶¹⁶ с движениями и вкусами женщины (ходить в женских платьях было для него одним из величайших удовольствий),⁶¹⁷ он был так развращен, что находил удовольствие только в скотских наслаждениях. Откровенный и бесстыдный в своих пороках, необузданный и страстный в своих личных влечениях, он был скорее искусен в мелкой злобной борьбе, чем в разработке какого-либо обширного проекта, и слишком ненормален и неуравновешен для того, чтобы последовательно идти к какой-нибудь разумной цели, кроме ежедневного и ежечасного удовлетворения своих отвратительных страстей.⁶¹⁸ В Риме ходил слух, что он соблазнил одну за другой всех своих трех сестер,⁶¹⁹ и теперь, зная, что Помпея в качестве жены претора должна была руководить церемониями в честь Доброй Богини (*Bona Dea*), на которых могли присутствовать одни женщины, он возымел фантастическую мысль иметь в это время с

---

⁶¹¹ Appian. Mithr., 116; Plin. H. N., XXXVII, II, 16. — Мне кажется, следует из места Аппиана, что 100 миллионов сестерций, о которых говорит Плиний, не входят в 16 000 талантов (384 миллиона сестерций), розданных солдатам.

⁶¹² Plut. Pomp., 42.

⁶¹³ Ibid.; Cicero. A., I., XII, 3.

⁶¹⁴ Plut. Pomp., 43.

⁶¹⁵ Lange. R. A., III, 261.

⁶¹⁶ Plut. Caes., 10; Plut. Cic., 28; но ср.: Drumann. G. R., II, пр. 82.

⁶¹⁷ Cic. De Har., resp. XXI, 44.

⁶¹⁸ Ср.: Lombroso. L'Uomo delinquente, t. II, ch. 1 и 2 и всю психологию человека с извращенными моральными чувствами.

⁶¹⁹ Plut. Cic., 29.

ней свидание, но был открыт. Такое скептическое и неверующее общество должно было бы смеяться над этим скандалом, тем более, что не было недостатка в важных делах, которыми оно могло заняться.

Помпей распускает свое войско   Страх, причиненный прибытием Помпея, правда, начинал пропадать. Высадившись в Брундизии, он, к радости и великому изумлению консерваторов, распустил свою армию и приближался к Риму с небольшой свитой, чтобы просить себе триумфа. Тревожные известия шли из Галлии: аллоброги восстали и опустошили часть Нарбонской Галлии,⁶²⁰ которую сенат, всегда слабый и нерешительный в своей внешней политике, с некоторого времени предоставил самой себе.

Дурные вести из Галлии   Гельветы, участвовавшие в нашествии кимвров и тевтонов и поселившиеся вокруг Женевского озера, были тревожимы свевами и хотели выселиться на берега Океана, перейдя через римскую провинцию.⁶²¹

Специальный суд над Клодием   Но консервативная партия, пренебрегая всем, хотела заниматься только Клодием, и дело принимало трагический оборот; должно было не только наказать ужасное святотатство, но новым примером, так как пример Катилины не был достаточен, подавить дерзость этой молодежи, обещавшей сделаться еще более мятежной и еще более распущенной, чем предшествующее поколение. Сенат обратился за советом к коллегии понтификов, чтобы узнать, составляет ли поступок Клодия святотатство. Коллегия ответила утвердительно,⁶²² и сенат поручил консулам 61 г., Марку Пупию Пизону и Марку Валерию Мессале, предложить закон, устанавливавший процесс и назначавший специальный трибунал для суда по такому тяжкому преступлению.⁶²³ Предложение о чрезвычайном суде, сделанное в то время, когда народная партия ежедневно протестовала против незаконного осуждения сообщников Катилины, казалось вызовом для этой партии, и она тотчас взяла Клодия под свое покровительство. Началась горячая агитация против этого закона, возбужденная народным трибуном темного происхождения Квинтом Фуфием Каленом, желавшим заставить говорить о себе. Из мести консерваторы упорствовали в предъявлении обвинения в святотатстве. Галантное приключение Клодия вызвало, таким образом, в начале 61 г. настоящую политическую свалку, в которую принуждены были вступить самые выдающиеся люди.

Положение Помпея   Цезарь, намеревавшийся отправиться в свою провинцию, в Испанию, должен был отсрочить свой отъезд. Но он воспользовался скандалом, чтобы развестись с Помпеей, аристократическое родство которой было для него скорее вредно, чем полезно, теперь, когда он был в открытой войне с аристократической партией. Помпея искали обе партии, и, несмотря на все свои протесты, он был принужден сделать заявления,

---

⁶²⁰ Dio, XXXVII, 47, 48.

⁶²¹ Caes. B. G., I, 2.

⁶²² Cicero. A., I, XIII, 3.

⁶²³ Ibid., 2.

которые по их двусмысленности были благоприятны скорее для консерваторов, чем для народной партии.⁶²⁴

Цицерон, Клодий и Теренция Сам Цицерон не мог остаться в стороне; он был увлечен далее, чем хотел, необычайной интригой Клодия. Последний, чтобы получить его поддержку, попытался соблазнить его второй из своих сестер, женой Квинта Метелла Целера,⁶²⁵ имевшей очень дурную репутацию. Говорили, что она приобрела себе сад на берегу Тибра, в том месте, где купались молодые люди, и ей приписывали бесконечное число любовников. Но вмешалась жена Цицерона, Теренция, и, осыпая своего мужа упреками, принудила дать ей для восстановления домашнего мира самое большое доказательство верности — выступить на защиту судебного закона против Клодия.⁶²⁶ Последний в бешенстве напал на Цицерона за его поведение в деле Катилины и, коварно намекая на утверждения, сделанные Цицероном в сенате, назвал его «человеком, который все знает».⁶²⁷

Улики Цицерона и оправдание Клодия Это нападение началось в тяжелый для Цицерона момент, ибо у него были тогда другие поводы для беспокойства и печали. Антоний не только ничего не присылал ему, но так как он был разбит в экспедиции против дарданцев, то в Риме хотели даже его отозвать, и Цицерон должен был вмешаться, чтобы сохранить за ним его командование.⁶²⁸ Но соглашение, заключенное Цицероном со своим товарищем, было разглашено. Народная партия стала нападать на него; требовали, чтобы всадники пожертвовали им за осуждение соучастников Катилины. Нападки Клодия в этом состоянии раздражения и беспокойства довели его до отчаяния, и он бросился, чтобы отомстить за себя, в самую середину свалки. Закон был утвержден, но с благоприятными для Клодия изменениями, предложенными Каленом. Красс, теперь немного успокоившийся, был готов войти в новые политические интриги и под влиянием Цезаря согласился дать денег на подкуп судей. Консерваторы, со своей стороны, приготовили против Клодия самые позорящие обвинения. Когда начался процесс, Клодий бесстыдно отрицал, что был на празднике Доброй Богини: человек, которого захватили тогда, был не он; его самого в тот день даже не было в Риме. Цезарь, спрошенный в качестве свидетеля, отвечал, что ничего не знает.⁶²⁹ Лукулл объявил о связи Клодии с ее братом;⁶³⁰ но самое тяжелое показание сделал Цицерон, заявив, что Клодий в тот день был в Риме и что он видел его у себя в доме за три часа до святотатства.⁶³¹ Все считали осуждение несомненным.

---

⁶²⁴ Ibid.

⁶²⁵ Plut. Cic, 29; Cicero. A., I, XIV, 2.

⁶²⁶ Plut. Cic, 29.

⁶²⁷ Cicero. A., I, XIV, 5.

⁶²⁸ Ibid., I, 12, 13, 14; F., V, 5 и 6.

⁶²⁹ Plut. Caes., 10.

⁶³⁰ Cicero. Pro Milone, XVII, 73; см.: Drumann. G. R., II, 382, гр. 67.

⁶³¹ Val. Max., Vili, V, 5; Cicero. A., I, XVI, 4.

Однако золото Красса оказалось сильнее истины. Клодий был оправдан, к великой радости народной партии и к великому стыду для консерваторов.

Цезарь и его кредиторы Они попытались отомстить за себя на Цезаре, располагавшем отправиться в провинцию. Многие кредиторы, наученные его политическими врагами, представили связи его старых, еще не оплаченных *syngraphae* (мы сказали бы теперь, векселей) и угрожали, если он не заплатит, захватить большой багаж, который увозили с собой все правители. Эти угрозы были, конечно, результатом политических интриг, без чего эти кредиторы были бы полными глупцами, удерживая Цезаря в Риме в тот момент, когда тот отправлялся в провинцию за деньгами, необходимыми для уплаты долгов. Цезарь еще раз обратился к Крассу, и последний предложил свое поручительство, которое кредиторы не посмели отвергнуть.

Разочарование Цицерона Освободившись таким образом, Цезарь сейчас же уехал,⁶³² оставив в Риме Помпея в приготовлениях к его триумфу, Лукулла на покое и в стороне от всех дел, а Цицерона после поражения, испытанного в процессе Клодия, — представленного в добычу всевозрастающим неприятностям. Он видел, что народная партия, возбужденная его врагом, настойчиво взялась за дело Катилины, подвергая сомнению его добросовестность. Утверждали, что 5 декабря был не суд над римскими гражданами, а их убийство. Если бы, по крайней мере, в вознаграждение за эту неблагодарность он нашел достаточно удивления с другой стороны! Но масса людей, аплодировавших и удивлявшихся ему в дни ужаса, теперь, под влиянием народной агитации, начинала спрашивать себя, не преувеличивал ли Цицерон опасность. Что было делать? Цицерон был слишком честен и горд, чтобы отказаться от своего дела с целью доставить удовольствие народной партии; но он не имел более ни храбрости, ни энергии, необходимых, чтобы соединиться с крайними консерваторами.

Постановление об эдуях Однако на время все успокоилось. Одни галльские известия причиняли в это время некоторое беспокойство. Очевидно, на северной границе Италии готовился кризис, и самонадеянная бездеятельность, в которой находился сенат уже 60 лет лицом к лицу с независимыми галлами, не могла более продолжаться. Народы Галлии были разделены ненавистью и войнами, все более и более жестокими и запутанными, в которые Рим роковым образом должен был вмешаться сегодня или завтра, несмотря на полное нежелание сената. Недавно секванцы, могущественное галльское племя, призвали к себе на помощь из-за Рейна германского князя Ариовиста, который со своими свевами помог им победить эдуев. Последние, будучи союзниками римского народа с завоевания Нарбонской Галлии, отправили в 61 г. в Рим друида Дивитиака с просьбой о помощи. Цицерон оказал ему гостеприимство.⁶³³ Но тревога продолжалась недолго. Сенат вышел из затруднения, постановив, чтобы правитель Нарбонской Галлии, располагавший, впрочем, очень ограниченными военными силами, защитил эдуев против всякой попыт-

---

⁶³² Plut. Caes., 11; Appian. B. C., II, 8.

⁶³³ Cicero. De div., I, XII, 90.

ки их врагов,⁶³⁴ и скоро в Риме никто не занимался более этой опасностью. Это был момент спокойствия, когда политики и полководцы отдыхали. Дух величия, характеризующий эту эпоху, был представлен теперь не военными людьми, но литератором, другом Цицерона, жившим в тихом уголке Рима и работавшим над самым великим и смелым произведением латинской литературы.

Лукреций Это был некто Тит Лукреций Кар, вероятно, скромный рантье, живший в Риме в своем маленьком домике на доходы с какой-нибудь собственности. Пораженный ужасной болезнью, которую психиатры называют перемежающимся, или круговым, безумием и которая состоит в чередовании сильного возбуждения и тяжелого угнетенного состояния,⁶³⁵ этот гениальный больной должен был покинуть политику и отдаться науке. Он жил посреди своих книг, с некоторыми друзьями из высших классов, не стремясь к славе, не желая богатства, находя удовольствие в созерцании бесконечности, как ее описывал Эпикур: все наводнено дождем атомов, все сверкает звездами, все населено мирами, вибрирующими в огромном жизненном усилии, где Рим и его империя не более как мелкая пылинка, затерявшаяся в неизмеримом движущемся океане вечности.

Его поэма Но Лукреций не был простым дилетантом, который бежит от мира, полного горячих страстей, чтобы развлекать эгоистичными умственными удовольствиями свой больной ум. Это был, напротив, пылкий создатель, неутомимый работник и честолюбец, такой же ненасытный в своем ученом уединении, каким был Лукулл в лагерном шуме. Он составил огромную поэму о природе, побуждая в ней своих современников опрокинуть с тронов лживых богов, почитаемых до сих пор, и пытаясь завоевать не новую провинцию с помощью оружия, но титаническим усилием мысли духовное господство над природой.

Его язык и философия Язык крестьян Лация был еще первобытен, беден, конкретен, а стихосложение грубо и несовершенно. Но как Лукулл осмелился всего с 30 000 человек двинуться на завоевание великих империй, точно так же и Лукреций осмелился причинить насилие своему материнскому языку, который масса людей еще считала неспособным выражать что-нибудь другое, кроме текста законов, деловых счетов и политических ссор. Он размягчил его, очистил в огне своего энтузиазма, долго бил молотом по наковальне своей мысли и добился придания ему пышности и ясности. Как могучий стрелок, натягивающий свой лук, он согнул стихосложение и с силой пустил в бесконечность полет гекзаметров. Потом этим языком и этим размером он написал не сухое и версифицированное изложение отвлеченной доктрины, но живописную и увлекательную философию вселенной. Он выражает восторг самый пылкий и изумление самое страстное, которые всегда охватывают человеческую душу перед созерцанием вечного движения мировой жизни. Он отбрасывает на бесконечную природу тень и свет, меланхолию и радость, которые проходят в его больном духе. Он с удивительной живостью описывает

---

⁶³⁴ Caesar. B. G., I, 35.

⁶³⁵ St. Hieronim., ad. Ann. 660 U. C. Stampini II Suicidio di Lucrezio в R. S. A. I, fase. 4, 45, доказал, что эти известия, передаваемые св. Иеронимом и заимствованные из Светония, достойны веры. См. также: Giri. II suicidio di Lucrezio. Palermo, 1895.

сладкие и ужасные эпизоды существования, смеющийся весенний вид, который имеют после дождя зеленеющие луга, похотливые забавы животных на пастбищах, ярость бури, шумящей на полях и в лесах, великие наводнения рек, спокойствие и ярость морей, усилия человечества, еще дикого, в борьбе за существование и цивилизацию, ужасы эпидемий и войн, безумный страх смерти, горячую жажду любви у всех живых существ, вечность и идентичность жизни, которая циркулирует во вселенной под погибающими формами существ. Объяснение теории Эпикура переплетает все эти эпизоды в живом единстве великой, торжественной, почти религиозной поэмы, которая если не является самым совершенным произведением, все же есть самое великое произведение латинской литературы. В ней не надо видеть труда уединенного мыслителя, оторванного от своей эпохи и своего мира, но одно из тех столь могущественных усилий к величию, могуществу и знанию, которые эта эпоха испытывала повсюду: в мире реальностей и в мире мысли. Лукреций, точно так же как Лукулл, Цезарь или Цицерон, является одной из характеристичных фигур своего времени. Он представляет героическое усилие разума, разрушившего суеверия, традиции, верования, чтобы двинуться вперед в своем знании. Его поэма «*De rerum natura*» была одним из самых прекрасных творений Рима: вызывая мало восторга вначале, она пережила века, тогда как трофеи, монументы и слава стольких полководцев были поглощены временем.

XVII

Трехглавое чудовище

Управление Цезаря в Испании. — Триумф Помпея. — Новые гражданские беспорядки в Риме. — Награждение ветеранов. — Отмена таможенных пошлин. — Директора компании откупщиков азиатских налогов требуют уменьшения откупной платы. — Разочарование Помпея. — Цицерон и банкиры. — Цицерон публикует историю своего консульства. — Его разоблачения по поводу Красса. — Волнения в Галлии. — Цезарь домогается консульства и получает его. — Приготовления Цезаря к консульству. — Цезарь примиряет Помпея и Красса и старается привлечь к себе Цицерона. — Его замысел восстановить демократию 79 г. — Тайный союз с Крассом и Помпеем. — Первые шаги консула. — Цезарь основывает в Риме ежедневную газету. — Аграрный закон. — Противодействие консерваторов. — Разоблачение соглашения. — Внезапная перемена в политике Цезаря. — Цезарь добивается уменьшения народом платежей откупщиков азиатских налогов, и оплата этой услуги акциями компании. — Поднятие акций компании. — Пятилетнее управление цизальпинской Галлией. — Всемогущество клиентелы Красса, Цезаря и Помпея. — Тщетная ярость консерваторов. — Скорби Цицерона. — Политическое бессилие высших классов. — Его причины. — Катулл и его любовь. — Его поэзия. — Поэзия Катулла и демократическая революция Цезаря. — Меры, принятые Цезарем для утверждения своего могущества. — Соглашение с Клодием. — Клодий, Цицерон и Помпей. — Заговор Веттия. — Выборы 58 г. — Управление Нарбонской провинцией. — Законы Клодия. — Таттану Халл древнего Рима. — Изгнание Цицерона. — Цезарь и Катон покидают Италию.

Цезарь в Испании Дурная шутка, которую только что сыграли с Цезарем кредиторы, заставила его почувствовать, как необходимо для него укрепить свое наследственное состояние, и немедленно по прибытии в Испанию он принялся за собирание денег. Набрав десять новых когорт и присоединив их двадцати, уже ранее бывшим в провинции, он предпринял экспедицию против Лузитании и без милосердия разграбил даже сдавшиеся ему поселки.⁶³⁶ Так как провинция была обременена долгами, заключенными во время войны с Серторием у итальянских капиталистов, то Цезарь применил к Испании политику Катилины: он декретировал законом уменьшение процентов и в вознаграждение за это заставил города выдать себе крупные суммы денег.⁶³⁷

⁶³⁶ Appian. B. C, II, 8; Dio, XXXVII, 52, 53; Suet. Caes., 54; Plut. Caes., 12.

⁶³⁷ Plut. Caes., 12; Suet. Caes., 54.

Триумф Помпея: первый день В Риме Помпей уже заставил избрать консулом на 60 г. своего генерала Луция Афрания, дав ему в коллеги Квинта Метелла Целера, свояка Клодия, но он все еще откладывал свой триумф, чтобы дать время завоеванным сокровищам прибыть из Азии. К концу сентября все было готово, и 29 числа процессия медленно тронулась по Аппиевой дороге. Впереди несли две громадные таблицы с перечислением предприятий Помпея и указанием, что податями с новых провинций он поднял годовой доход республики с 50 до 80 миллионов драхм.⁶³⁸ За этими таблицами тянулась нескончаемая процессия колесниц, нагруженных доспехами, шлемами, носами кораблей пиратов; потом мулы, обремененные золотом, которого завоеватель внес в казначейство до 60 миллионов; далее искусно расположенная чудная коллекция драгоценных камней Митридата; затем похищенные драгоценные предметы, каждый на особой колеснице: игровой стол из двух громадных драгоценных камней, три великолепных ложа, постель из массивного золота, подарок царя иверов; тридцать пять жемчужных повозок; девять огромных сосудов для украшения стола из золота с драгоценными камнями; три колоссальные золотые статуи Минервы, Марса и Аполлона; небольшой храм муз, украшенный жемчугом и увенчанный часами; постель, на которой спал Дарий, сын Гистаспа; трон и скипетр Митридата; его серебряная статуя, его колоссальный бюст из золота; серебряная статуя Фарнака; бюст Помпея, украшенный драгоценными камнями работы искусного восточного художника; удивительные тропические растения, в том числе черное дерево. Целые часы двигалась процессия из чудесных сокровищ последнего эллинистического монарха Азии по узким улицам Рима перед глазами бесчисленной шумящей толпы, терпеливо переносившей солнце, пыль, тесноту, долгие перерывы длинного кортежа, не утомлявшейся зрелищем все новых предметов, ожидавшей все более удивительных и приветствовавшей восклицаниями, криками и аплодисментами вещи наиболее странные или удивительные. Особенно блестяли глаза женщин при виде такого количества столь блестящих и столь больших драгоценных камней.

Второй день На следующий день, день рождения Помпея, вели живую добычу: сперва длинные вереницы пленных всех стран от пиратов до арабов и евреев, все на свободе и без цепей; это была живописная этнографическая картина, представлявшая неисчислимое разнообразие народов, над которыми Рим распространил свою власть. Потом шла толпа князей и заложников, два знаменитых вождя пиратов, сын Тиграна, который, поссорившись с Помпеем, возмутился и был лишен Софены, семь сыновей Митридата, Аристокл с сыном и двумя дочерьми, многочисленные иверские и албанские вожди; далее большие картины, изображавшие важные моменты экспедиции, например, бегство Тиграна или смерть Митридата; потом странные идолы варваров. Наконец, ехал триумфатор на украшенной жемчугом колеснице; он был одет в тунику, по преданию, носившуюся Александром Великим; его сопровождала блестящая свита конных и пеших легатов и трибунов.⁶³⁹ Однако наиболее удивительной

---

⁶³⁸ Приблизительно с 38 до 64 млн. франков.

⁶³⁹ Отдельные черты этого описания взяты у Appian. *Mithr.*, 116, 117; Plin. *H. N.*, XXXVII, II, 16; Plut. *Pomp.*, 45. Эти писатели, однако, не согласны относительно суммы, внесенной Помпеем в казначейство: Плутарх дает наиболее высокую, 20 000 талантов, в которую он включает стоимость золо-

вещью, возвысившей гордость италийцев и заставившей их считать себя первой из всех наций, было то, что по окончании процессии триумфатор, раздвинувший, по его словам, границы империи до конца мира, снял костюм Александра и скромно вернулся в качестве простого гражданина в отцовский дом.

Столкновение Помпея с сенатом Но вскоре после праздника, в конце 61 и начале 60 г. снова разразились несогласия. Помпей все еще желал примириться с консерваторами и с этой целью просил у Катона, по рассказам одних — двух племянниц, по словам других — двух дочерей, чтобы на одной жениться самому, а другую выдать замуж за своего старшего сына.⁶⁴⁰ Судьба Цезаря никогда не подвергалась большей опасности. Но непримиримый Катон отказал. Он не хотел мешать общественные дела с частными и не доверял обращению этого старого перебежчика консервативной партии. Что касается маленького реакционного мирка, то он был слишком обозлен, и теперь, не боясь более Помпея, распустившего свою армию, мечтал только отомстить за себя. Поэтому консервативная партия отвечала на все попытки Помпея яростными нападениями. Когда он просил сенат утвердить сделанные им на Востоке распоряжения, против этого тотчас же восстали многие сенаторы. Красс и Лукулл сделали это из мести за себя, Катон и консервативная партия — чтобы подорвать его кредит у восточных царей, а может быть, и для того, чтобы подвергнуть опасности огромные суммы, ссуженные Помпеем этим царям.⁶⁴¹

Отмена таможенных сборов и проект пенсий для ветеранов Новые доходы и употребление, которое из них должно было сделать, явились второй, не менее важной причиной раздора. Помпей внес разумное предложение дать часть этого поступления солдатам, купив им земли в Италии, а остальной Италии оказать благодеяние, отменив ввозные пошлины. Роспуск солдат, только что произведенный Помпеем, был, вместе с роспуском солдат Суллой, самым многочисленным из всех с тех пор, как военная служба сделалась ремеслом низших классов. Так как, даже оставаясь по двадцати и двадцати пяти лет на Востоке, они все не имели достаточно средств, чтобы спокойно жить на старости, то нужно было дать им пенсию, предоставив им земли, где они могли бы при помощи скопленных на Востоке денег построить маленький домик, купить несколько рабов и заняться какой-нибудь культурой. С другой стороны, отмены таможенных пошлин желала вся Италия, ибо потребление восточных вин, благовоний, мебели, красок, тканей, предметов искусства увеличилось даже во второстепенных городах, многие из которых увеличились и украсились. Если бы открыли границы Италии, то не только восточные товары упали бы в цене, но и прекратились бы столь частые споры с взимавшими на откуп пошлины откупщиками.⁶⁴²

тых и серебряных вещей. Плиний дает самую малую, 200 миллионов сестерций. Я выбрал среднюю сумму, даваемую Аппианом.

⁶⁴⁰ Plut. Cat. U., 30.

⁶⁴¹ Dio, XXXVII, 49; Appian. B. C, II, 9.

⁶⁴² Места Цезаря (B. C, III, XXXI, 2; III, XXXII, 6) и Диона (XXXIX, 59) подтверждают существование обществ публиканов в Сирии в эпоху гражданской войны и в предшествовавшие годы. Кажется поэтому вероятным, что эти общества образовались в описываемую эпоху, тотчас же после завоева-

**Азиатские откупщики требуют
изменения контракта**

Поэтому Помпей через трибуна Луция Флавия предложил аграрный закон, а через Метелла Непота — закон, отменявший пошлины на ввозимые в Италию товары. К несчастью, увеличение доходов возбудило слишком много appetitов. Консерваторы желали, чтобы новый фонд остался в распоряжении сената, чтобы быть в состоянии увеличивать суммы, назначаемые на провинции и на различные общественные нужды, в которых столько сенаторов находили свою выгоду. Могущественная компания, взявшая на откуп азиатские налоги, воспользовалась этим изобилием, чтобы просить у сената при помощи Красса, вероятно, бывшего акционером, уменьшения договоренной цены, жалуюсь, что она дала очень высокую плату и несет убытки.⁶⁴³ Начались споры, интриги, ссоры, вызванные политической ненавистью, которая сбила с пути Помпея и расстроила уже больные нервы Цицерона.

Цицерон и капиталисты

Помпей, вернувшийся в Рим с уверенностью в успехе и с намерением отвесть всех наслаждений славы и богатства, оказался вовлеченным в жалкую борьбу интриг, возмущавшую его тем более, что, презирая своих врагов, он не имел возможности победить их. Цицерон, чувствуя отвращение к консерваторам, обеспокоенный возрастающей ненавистью демагогов, постигнутый быстрым падением своего кредита, взял на себя в сенате защиту откупщиков, чтобы не навлечь на себя, в добавление ко всему, вражду публиканов. Но он писал Аттику, что их жадность постыдна; старался сблизиться с Помпеем, стыдился этого и в извинение говорил Аттику, что таким образом он надеется привлечь на свою сторону главу народной партии.⁶⁴⁴

История его консульства

Он опубликовал, наконец, историю своего консульства, написанную по-гречески.⁶⁴⁵ Желая, но не говоря этого прямо, оправдаться от обвинений Клодия, он в доказательство того, что не собирал легкомысленно публичных слухов, рассказывал, как однажды вечером Красс принес ему письма и обвинения против Катилины. А Красс, когда страх прошел, снова желавший популярности, был раздражен этим разоблачением, ставившим его в число преследователей Катилины, и также сделался врагом Цицерона.⁶⁴⁶ Однако, кроме отмены таможенных пошлин,⁶⁴⁷ многочисленные рассуждения на форуме и в сенате не привели ни к чему.

Германская опасность в Галлии

Не одобрили еще ни распоряжений Помпея на Востоке, ни аграрного закона, ни понижения откупов, и вдобавок ко всему из Галлии шли тревожные известия. Несмотря на прошлогоднее постановление в пользу эдуев, секваны продолжали войну.

ния. Я думаю, что на эти общества намекает Цицерон А., I, XIX, 4), когда говорит об *adventicia pecunia... quae ex novis vectigalibus per quinquennium reciperetur*.

⁶⁴³ Cicero. A., I, XVII, 9.

⁶⁴⁴ Ibid., I, XVII, 10; I, XIX, 7; II, I, 6.

⁶⁴⁵ Ibid., I, XIX, 10.

⁶⁴⁶ Plut. Crass., 13.

⁶⁴⁷ Dio, XXXVII, 51.

Ариовист сделал большие подарки консулу Метеллу⁶⁴⁸ и добился от сената признания его другом и союзником римского народа. Гельветы были готовы начать эмиграцию и уже делали набеги на провинцию.⁶⁴⁹ В Риме при разговоре о Галлии все думали о Бренне, кимврах и тевтонах. Одно время полагали, что Италии угрожает великое кельтское нашествие. Все другие вопросы были отложены, и сенат решил, чтобы оба консула бросили жребий о двух Галлиях, цизальпинской и Нарбонской, чтобы был произведен набор, чтобы были приостановлены все изъятия от военной службы, наконец, чтобы для изучения положения дел в Галлию были отправлены три посла.⁶⁵⁰

Избрание Цезаря консулом Тем временем в середине 60 г. Цезарь поспешил вернуться из Испании, чтобы домогаться консульства на 59 г. Кандидатами на этот год были трое: Цезарь, историк Л. Лукций, живший долго в Египте и очень богатый, и непримиримый консерватор Марк Бибул, уже бывший товарищем Цезаря по эдильству и претуре. Лукций, не принадлежавший ни к какой партии и желавший только быть избранным, увидел себя преследуемым двумя кандидатами, надеявшимися заставить его уплатить свои выборные издержки. Но популярный демагог решительно брал верх над непримиримым консерватором, и Бибул был принужден прибегнуть к своим друзьям, сложившимся для его защиты.⁶⁵¹ Сам Катон на этот раз согласился платить за Бибула — так сильно он заранее страшился консульства Цезаря. Цезарь и Бибул были избраны, а бедный миллионер, вошедший в расход, остался ни при чем. Чтобы ответить на это избрание, консервативная партия сейчас же провела в сенате решение, чтобы проконсульство обоих консулов 59 г. состояло в надзоре за лесами и дорогами. Это было мелкое административное поручение совершенно второстепенного характера. Таким образом мешали заранее почти смешным способом честолюбию, которое приписывали Цезарю, в свою очередь желавшему применить в какой-нибудь части света политику Лукулла и Помпея.⁶⁵²

Возможные планы Цезаря Мы не знаем, каковы в точности были тогда проекты Цезаря. Римской политике оставалось взяться еще за три больших дела: завоевание Египта, вторжение в Парфию и расширение римского господства в Европе на Дунае и Рейне. Хотя война казалась неизбежной, Цезарь в этот момент не мог думать о подвигах в Галлии, ибо Цизальпинская Галлия досталась Метеллу Целеру, располагавшему взять на себя начальствование над ее легионами.⁶⁵³

---

⁶⁴⁸ Plin. H. N., LXVII, 170.

⁶⁴⁹ Cicero. De div., II, XLI, 90; A., I, XIX, 2.

⁶⁵⁰ Cicero. A., I, XIX, 2–4.

⁶⁵¹ Ibid., I, XVII, 11; Suet. Caes., 19.

⁶⁵² Suet. Gaes., 19. — Я следую здесь Светонию, а не Диону (XXXVII, 54), Плутарху (Gaes., 13, Pomp., 47; Crass., 14) и Аппиану (B. C., II, 9), которые помещают примирение Красса с Помпеем при посредстве Цезаря до выборов, потому что оно должно было быть результатом долгой работы, для которой приехавший в Рим незадолго до выборов Цезарь не имел необходимого времени.

⁶⁵³ Cicero. A., I, XX, 5.

**Демократическая партия
и Птолемей**

Нельзя также допустить, чтобы Цезарь имел виды на Египет, так как демократическая партия оставила планы 65 г., желая казаться еще более сената сторонницей сохранения его независимости. Птолемею Авлету удалось достигнуть этого чудесного превращения. Не надеясь более на помощь Помпея, он возымел отважное намерение добиться как раз от тех же вождей народной партии, которые несколько лет тому назад желали видеть его лишенным царства, того признания его власти, которое сенат колебался ему дать. Он вступил в переговоры с Крассом, Помпеем и Цезарем, обещая им огромную сумму в 6000 талантов, если им удастся заставить Рим признать его законным царем.

Цезарь и парфяне

Я склонен поэтому думать (но это простое предположение, не имеющее доказательств), что Цезарь думал тогда о завоевании Парфии, о чем некогда мечтал и Лукулл; затем ту же мысль приписывали Помпею, и если оба они останавливались на персидской границе, то, значит, мысль о необходимости завоевать эту громадную империю была уже популярной. В моем предположении укрепляет меня та настойчивость, с которой четыре года спустя Цезарь толкал Красса на это предприятие.

**Цезарь и умеренная
демократическая партия**

Но это было еще в будущем, а первый маневр сената дал знать избранному консулу, чтобы он не питал иллюзий относительно расположения консервативной партии. Цезарь тотчас приготовился к борьбе, но так, как не предвидели его враги. Последние ожидали бурного консульства; Цезарь, напротив, возвратился к умеренным идеям, лучше согласовавшимся с его характером, его социальным положением и его интересами. Чтобы поразить консервативную партию, он придумал очень простой проект: снова организовать демократическую партию 70 г., умеренную и реформационную, пользующуюся одновременно поддержкой и высших и средних классов. Ослабевшая сперва, вследствие ошибок ее вождей и хода событий, эта партия была, наконец, уничтожена заговором Катилины; можно было бы ее снова призвать к жизни, если бы удалось примирить наиболее могущественных вождей: Красса, Помпея и Цицерона.

**Переговоры об образовании
новой партии**

Предприятие было трудным, но не невозможным. Помпей нуждался в утверждении своих распоряжений на Востоке. Красс, дискредитированный у консерваторов своими честолюбивыми планами относительно Египта, а у демократической партии своим двусмысленным положением во время заговора Катилины, желал снова приобрести народное расположение. Что касается Цицерона, то он был бы доволен заставить забыть осуждение сообщников Катилины. Цезарь действовал так ловко в течение месяцев, проведенных в Риме в качестве назначенного консула, что ему удалось примирить Помпея и Красса, конечно, тайно, ибо никто из троих не хотел, чтобы это примирение стало известным,⁶⁵⁴ из страха, как бы их могущественные враги, встревожившись, не удвоили энергию борьбы с ними. В то же время одному испанцу из Гадеса, Л. Корнелию Бальбу, которого Помпей сделал римским гражданином и который был другом многих знатных римлян, было поручено завести переговоры с Цицероном и предложить ему союз с Крассом и Помпеем.

---

⁶⁵⁴ Dio, XIII, 58.

**Цицерон не решается
примкнуть к партии**

Постепенно проект коалиции делался более точным: занимая примирительное положение и при помощи Цицерона, Красса и Помпея, Цезарь надеялся привлечь на свою сторону рассудительных сенаторов, бывших в большинстве, но со времени заговора Катилины из страха вотировавших всегда в пользу кучки непримиримых консерваторов. Тогда вернулись бы прекрасные дни 70 г., и государственные дела управлялись бы ими вчетвером. Неужели не будет выиграна большая битва, данная консервативной партии в сенате, на комициях, на форуме им, Цезарем, Помпеем, Крассом и Цицероном, действующими единодушно? К несчастью, Цицерон, отказавшийся от всего и живший в вечной нерешительности, не хотел отвечать ни да ни нет.⁶⁵⁵ Это было разочарование, но оно не компрометировало весь проект. Союза Красса и Помпея было достаточно для восстановления партии даже без Цицерона, и на этот раз из него наибольшую выгоду извлек бы Цезарь. Он не только заставил бы дать себе важное проконсульство, но и использовал бы свою должность для приобретения средств. Впредь было невозможно играть политическую роль без больших издержек. При своем возвращении из Испании Цезарь ничего не дал своим кредиторам, по крайней мере тем, кто не слишком его беспокоил; он продолжал быть должным большую сумму Аттику и был также должником Помпея.⁶⁵⁶ Поэтому он принял теперь выгодные предложения Птолемея Авлета и, кроме того, обещал директорам компании откупщиков азиатских налогов добиться уменьшения откупной суммы, когда он будет консулом. Директора за это должны были дать ему много *partes*, т. е. акций компании.⁶⁵⁷

**Первая речь Цезаря как консула.
Основание газеты в Риме**

Немедленно по вступлении в должность Цезарь высказал в произнесенной в сенате речи свою готовность действовать во всем согласно с Бибулом и во многих поступках засвидетельствовал глубокое уважение к своему товарищу.⁶⁵⁸

Он ввел также административную реформу, которая должна была понравиться среднему классу и благодаря которой Цезарь заслуживает местечка в ис-

---

⁶⁵⁵ Cicero. A., II, III, 3. — Предложения, сделанные Цицерону, являются для меня решительным доказательством, что первоначальным замыслом Цезаря было восстановление конституционной народной партии 70 г. Таким образом, умеренность, обнаруженная Цезарем при начале своего консульства, вовсе не была притворной, как предполагает Аппиан (В. С, II, 10). Впрочем, к чему послужило бы Цезарю притворство в течение двух недель, если он уже решился на коренной переворот, произведенный им во время своего консульства? Эта политика была результатом быстрой перемены планов и программы, основание которой увидим далее. Мне, кроме того, кажется маловероятным, чтобы Помпей и Красс присоединились к Цезарю, если бы знали, что его консульство окончится демократической революцией.

⁶⁵⁶ Одно место Цицерона (A., VI, I, 25) указывает нам, что в 50 г. Атик и Помпей были кредиторами Цезаря. Эти долги должны были восходить к эпохе, предшествовавшей консульству, потому что мне кажется невероятным, чтобы проконсул Галлии брал займы у Атика 50 талантов.

⁶⁵⁷ Мы знаем об этих интригах из краткого упоминания Цицерона (Vat., XII, 29). Цицерон сообщает нам, что Ватиний в 59 г. просил у Цезаря и откупщиков *partes... carissimas*, т. е. акций азиатской компании, пользовавшейся понижением откупной суммы. Очевидно, что публиканы обещали ему их в обмен за услуги, оказанные им по утверждению закона, понижавшего цену откупа. Мне кажется почти достоверным, что *partes*, которые имел Цезарь и которые он дал Ватинию в вознаграждение за его услуги, даны были ему самому директорами компании за подобные же услуги.

⁶⁵⁸ Appian. В. С, II, 10; Dio, XXXVIII, 1.

тории журнализма: он создал в Риме то, что мы назвали бы теперь народной газетой. С культурой и богатством увеличилось и любопытство; все сделались жадны до новостей, и много людей в Риме приобретали средства к жизни, составляя нечто подобное нашей газете; они собирали общественные и частные известия, которые считали наиболее важными и наиболее интересными, и через правильные промежутки времени в несколько дней записывали их в тетрадку, заставляя раба копировать много экземпляров, которые рассылали тем, кого теперь мы назвали бы подписчиками, т. е. лицам, платившим за эти тетрадки.⁶⁵⁹ Естественно, подписываться могли одни богачи. Цезарь, по-видимому, постановил, чтобы особому чиновнику было поручено делать резюме наиболее важных известий и чтобы он приказывал писать их в разных местах города на белых стенах, а затем снова покрывать белой краской старые известия и писать на их месте другие.⁶⁶⁰ Таким образом и беднота могла скоро быть осведомлена обо всем. Консул принял также меры к тому, чтобы отчеты о сенатских заседаниях составлялись регулярно и делались известными обществу.⁶⁶¹

Первый аграрный закон Цезаря Думая, что таким образом он подготовил умы, Цезарь предложил аграрный закон, которым поручалось двадцати комиссарам распределить ветеранам и бедным все остатки общественных земель, кроме земель Кампании, присоединив туда же земли, которые можно купить на подходящих условиях на деньги из добычи Помпея.⁶⁶² Это были умеренные и мудрые предложения,⁶⁶³ и Цезарь внес их в сенат, говоря, что желает выслушать все возражения. Но он скоро решил в своем уме вернуться к демократическим победам 70 г. Времена и умы слишком изменились. Непримиримые консерваторы приходили в бешенство, когда им говорили о Цезаре и аграрных законах, а собственники, которых много было в сенате, особенно те, кто владел землями, купленными во время проскрипций Суллы, страшились закона, дававшего двадцати комиссарам власть, которой легко было злоупотребить. Таким образом, консерваторы, выставляя то один, то другой предлог, легко добились отсрочки рассмотрения закона сенатом, состоявшим из людей слабых и нерешительных.⁶⁶⁴

Разоблачения триумвирата Цезарь терпел некоторое время, пока Катон, бывший претором, и темный политический авантюрист Публий Ватиний, бывший народным трибуном, не предложили реформу

---

⁶⁵⁹ См.: Daremberg, Saglio et Portier. D. A., I, 50; Hübner. De senatus populi romani actis. Lipzig, 1860; E. Caetani Lovatelli. I. Giornali dei Romani in Nuova Antologia 1 nov. 1901; см. также: Cicero. F., VII, I, 1; VIII, II, 2; VIII, 11, 4; Suet. Caes., 20.

⁶⁶⁰ Daremberg... D. A., I, 50.

⁶⁶¹ Ibid., 51; см. также: Suet. Caes., 20.

⁶⁶² Dio, XXXVIII, 1.

⁶⁶³ Я думаю, что Цезарь предложил два аграрных закона в течение нескольких месяцев. Решительными аргументами, по моему мнению, являются: Cicero. A., II, XVI, 1, 2; XVIII, 2; см.: Suet. Caes., 20; Plut. Cato U., 32, 33; Appian. B. C, II, 10; Dio, XXXVIII, 1; Napoleon III. J. C, I, 381, прим. 2; Unge. R. A., III, 279.

⁶⁶⁴ Dio, XXXVIII, 2.

судебного закона.⁶⁶⁵ Наконец, видя, что ни ему, ни Крассу не удастся добиться обсуждения закона в сенате, Цезарь объявил, что он просто предложит этот закон комициям.⁶⁶⁶ Настроение поднялось: Бибул с помощью Катона и консерваторов начал горячее противодействие, препятствуя на религиозной почве собранию народа.⁶⁶⁷ Цезарь упорствовал, агитировал среди народа и, сделав все что мог, чтобы победить Бибула, обратился к последнему средству. Он открыто призвал себе на помощь Красса и Помпея, которые явились на форум и объявили, что докучный обструкционизм консерваторов должен уступить силе, если недостаточно убеждений.⁶⁶⁸ Закон был принят — среди сильного волнения; внесенная в него оговорка принуждала сенаторов дать клятву верно соблюдать его.

Действие этого разоблачения Но этот успех был ничто по сравнению с неожиданной переменой, происшедшей в умах, когда узнали, что три лица, которых все считали врагами, наоборот, находятся в согласии. Именно борьба между Крассом и Помпеем, несмотря на поражения и скандалы, позволяла коте́рии реакционеров оставаться столь могущественной; и их ссора была столь давней и столь ожесточенной, что все считали ее вечной. Вдруг как бы волшебством увидали обоих врагов примирившимися и соединившимися с Цезарем, этим страшным и популярным вождем римской сволочи. Все оцепенели. Было очевидно, что если Помпей, Красс и Цезарь идут вместе, то они полновластно располагают комициями и магистратурами, являясь вождями всемогущей политической партии, и что без их согласия будет трудно получить должность, командование, посольство или заем. Большинство сенаторов думало только о почестях, деньгах и власти; оно стало, как бывает всегда, на сторону более сильных и толпой удалилось от маленькой фракции непримиримых консерваторов, которыми после смерти Катулла руководил Катон.

Изменение политики Цезаря Умы, как и тела, теряют равновесие, когда, сделав слишком большое усилие против препятствия, чувствуют, что последнее вдруг поддается. Это случилось и с Цезарем. Вначале он был благоразумен и умерен, но, ободренный успехом аграрного закона и неожиданным открытием своего нового могущества, раздраженный возмутительной оппозицией консерваторов, этот человек с живым и страстным умом изменил свой план. Он возымел проект основать в Риме демократию, аналогичную греческим демократиям, которая одна, без сената, управляла бы всей империей. Имея во главе трех Периклов, полных красноречия, славы и богатства, она одна решала бы в комициях, как это было при голосовании аграрного закона, дипломатические и финансовые вопросы, единственным судьей в которых был до сих пор сенат.

Смерть Квинта Метелла Неожиданное событие ускорило решимость Цезаря. В конце февраля Квинт Метелл Целер, готовясь от-

---

⁶⁶⁵ Lange. R. A., III, 275.

⁶⁶⁶ Dio, XXXVIII, 3.

⁶⁶⁷ Ibid., 6; Appian. B. C, II, 11.

⁶⁶⁸ Appian. B. C, II, 10; Plut. Pomp., 47; Plut. Caes., 14.

правиться в Цизальпинскую Галлию, умер в таких молодых еще годах и так внезапно, что обвиняли в его отравлении его жену Клодию.⁶⁶⁹ Управление Галлией, с которым было связано в то же время командование в вероятной войне с гелльетами, стало свободным,⁶⁷⁰ и Цезарь, без сомнения, тотчас же возымел идею получить Галлию вместе с очень обширными полномочиями.

Управление Галлией Но сенат никогда не согласился бы на это; нужно было, подобно Помпею, обратиться к народу. Цезарь не терял ни мгновения; он отказался от других своих завоевательных проектов, сколько бы их у него ни было, и старался уверить, что Галлии угрожает серьезная война.⁶⁷¹ Воспользовавшись впечатлением, произведенным открытием его союза с Крассом и Помпеем, он тотчас предложил народу через Ватиния закон, дающий ему управление Цизальпинской Галлией и Иллирией с тремя легионами на пять лет, начиная со дня, в который закон будет издан. Таким образом, можно было бы в случае начала войны до конца года сейчас же принять командование по примеру Лукулла. Благодаря оцепенению, в которое был повержен политический мир, благодаря деятельности Цезаря и помощи Красса и Помпея закон без затруднения был принят и одобрен 1 марта.

Уменьшение откупной платы в Азии Но едва этот шаг удался, Цезарь, еще более возгордившись благодаря успеху, предпринял три других шага, не менее отважных. Он заставил народ признать египетского царя Птолемея Авлета другом Рима и разделил со своими друзьями полученное вознаграждение; он заставил народ согласиться на то уменьшение откупной суммы, которого публиканы просили у сената; наконец, он заставил народ утвердить все распоряжения Помпея.⁶⁷² *Partes* компании азиатских налогов поднялись в несколько дней.⁶⁷³

Второй аграрный закон Цезарь шел от успеха к успеху; он с лихорадочной поспешностью пользовался удобным моментом и не остановился даже после принятия этих законов. С целью надолго укрепить могущественный союз он убедил Помпея в апреле месяце жениться на своей дочери Юлии,⁶⁷⁴ которая была обручена с Сервилием Цепионом; за последнего в

---

⁶⁶⁹ Cicero. *Pro Caelio*, XXIV, 59.

⁶⁷⁰ Lange (R. A., III, 283) указал связь, существующую между смертью Кв. Метелла Целера и законом, тотчас же давшим Цезарю управление Цизальпинской Галлией. Мне кажется, что она существует только в том смысле, что ею можно объяснить, как Цезарь имел *Imperium* начиная с 1 марта 59 г. и какая Галлия была ему позднее дана сенатом. Цезарь заставил дать себе командование непосредственно после смерти Метелла, чтобы уничтожить интриги консерваторов; закон должен был быть издан 1 марта. Другие попытки, сделанные для объяснения этого, малоудовлетворительны.

⁶⁷¹ Cicero in *Vat.*, XII, 30. См.: Lange. R. A. III, 282.

⁶⁷² Dio, XXXVIII, 7; Appian. *B. C.*, II, 13; Suet. *Caes.*, 20.

⁶⁷³ Это, по-видимому, следует из Cicero in *Vat.*, XII, 29: *partes illo tempore* (59 г.) *carissimas*.

⁶⁷⁴ Cicero. *A.*, II, XVII, 2; App. *B. C.*, II, 14; Plut. *Caes.* 14.—Только после непредвиденного успеха их соглашения должна была явиться мысль об этом браке, так как молодая девушка была уже обручена с другим. Это показывает, что успех был неожиданным и что политика консульства была слишком отлична от той политики, о которой думали в предшествующие месяцы.

виде компенсации выдали дочь Помпея. Потом к концу апреля⁶⁷⁵ Цезарь предложил второй аграрный закон, по которому территория Кампании, откуда государство получало значительный доход, должна быть распределена бедным семейным гражданам. Этот закон имел целью обеднение казначейства, а следовательно, и консервативной партии, которая, благодаря своему могуществу в сенате, часто пользовалась государственными фондами для защиты своих интересов; но главным его следствием было окончание аграрной революции, начатой в 118 г. Спурием Торием, так как он разрушал последние следы коммунизма в Италии.

Декреты Бибула   Никогда сенат не был атакован с большей дерзостью в своих самых древних и самых священных прерогативах. Что были в сравнении с этими нападениями нападения, за которые погиб Гай Гракх? Цезарь доходил теперь до того, что пренебрегал созывом сената; он действовал и показывался повсюду как господин Рима,⁶⁷⁶ и никто не думал серьезно ему противодействовать. Беспольные взаимные обвинения, остроты, изолированные и тщетные попытки — вот все, что консервативные классы могли противопоставить, дерзким ударам этого революционера. Бибул, противодействуя на религиозной почве, объявил ничтожными все последние решения и не переставал издавать самые энергичные эдикты против Цезаря, Помпея и Красса.

Трехглавое чудовище   Варрон назвал союз Цезаря, Помпея и Красса трехглавым чудовищем, и это выражение имело бурный успех в аристократических салонах Рима, где с утра до вечера злословили о трех вождях победоносной демократии: о Крассе, отвратительном ростовщике, продававшем свой голос при всех сенаторах и прятавшем за деньги преступников в своем доме; о Помпее, смешном победителе в войнах без сражений, женившемся на дочери человека, который обманывал его с его первой женой; о Цезаре, соучастнике Катилины и фаворите Никомеда. В среднем и высшем классах среди богатых и образованных людей, которые, не принимая участия в политических ссорах, наблюдали их в качестве беспристрастных верховных судей, огромное могущество триумvirата навлекало на Цезаря, Красса и Помпея большую часть того отвращения, которое в Риме, как во всех демократиях, всегда существовало по отношению к партиям и людям, стоявшим у власти, каковы бы они ни были. На углах улиц, где были выставлены грозные эдикты Бибула, сделавшегося почти популярным, теснились до такой степени, что почти загораживали проход.⁶⁷⁷ Цезарь и Помпей были часто очень холодно встречаемы на праздниках и в публичных церемониях.⁶⁷⁸ Молодые люди высших классов выражали полное презрение вульгарной демагогии, которую Цезарь окончательно утвердил в Риме.⁶⁷⁹

---

⁶⁷⁵ Cicero. A., II, 16, 1.

⁶⁷⁶ Suet. Caes., 20.

⁶⁷⁷ Cicero. A., II, XIX, 2; XX, 4; XXI, 4.

⁶⁷⁸ Ibid., II, XIX, 3.

⁶⁷⁹ Cicero. A., II, VIII, 1.

Цицерон и триумвиры Сам Цицерон писал Аттику, что Помпей, конечно, мечтает о тирании и что республика превращается в монархию благодаря трусости знати и дерзости нескольких честолюбцев. Он был особенно задет тем, что попал в ряды второстепенных лиц⁶⁸⁰ благодаря своему искреннему отвращению к демагогической тирании, благодаря своему страху перед возрастающей дерзостью Клодия, которому Красс, Помпей и Цезарь открыто покровительствовали и который желал отказаться от своего звания патриция, чтобы сделаться народным трибуном. Законные трудности были велики, но Цезарь явился к нему на помощь и при помощи *legis curiatae de aggratione* сделал из него плебея. Конечно, он был избран трибуном на следующий же год.⁶⁸¹

Помпей и его отношение к товарищам Однако столько злобы и гнева, по-видимому, не имели никакого результата. Правда, Помпей, который, как в 70 г., надеялся сделаться главой новой народной партии, состоящей из людей порядочных и друзей законности, был немного изумлен, оказавшись вместе с Крассом и Цезарем во главе демагогии, которая была отвратительна для его аристократического характера. Например, мысль, что весь Рим может повторять против него дерзкие нападки Бибула, была для него невыносима.⁶⁸² Он был также несколько испуган дерзостью Цезаря и старался искусственными софизмами отстранить от себя ответственность за нее.⁶⁸³

Цезарь — властитель Рима Но Красс, более скептик и эгоист, наслаждался своей новой властью, а Цезарь, все более и более смелый и решительный, был господином Рима, и ни тот ни другой не заботились о нерасположении высших классов. Никто им более не противодействовал; никто не осмеливался публично повторить того, что все говорили в частных собраниях. На редкие сенатские заседания приходило мало народу, и еще менее бывало на собраниях консервативной партии, происходивших в доме Бибула.⁶⁸⁴ Цицерон в своих письмах к Аттику бичует в сильных выражениях трусость сенаторов; но он сам поступал, как прочие.⁶⁸⁵

Падение свободной республики Однако если демократическая партия и не была составлена, как утверждал Катон, сплошь из пьяниц,⁶⁸⁶ все же Цезарь, Помпей и Красс были вождями только политической клиентелы, презируемой высшими классами, обладавшими богатством и культурой. Каким же образом эта клиентела могла торжествовать в свободной рес-

---

⁶⁸⁰ Ibid., II, XVII, 2.

⁶⁸¹ Lange. R. A., III, 277.

⁶⁸² Cicero. A., II, XXI, 3.

⁶⁸³ Ibid., II, XIII, 2.

⁶⁸⁴ Appian B. C, II, 3. — То, что Аппиан называет βουλή, есть, конечно, собрание приверженцев Катона. Бибул не мог иметь такой обширный дом, чтобы собрать туда весь сенат.

⁶⁸⁵ Sueton. Caes., 53.

⁶⁸⁶ См.: Cicero. A., II, XV, XVI, XVII, XXI.

публике, где должности были выборными? Какое таинственное злодеяние разом разрушило силу высших классов и того собрания, которое в продолжение стольких веков управляло сперва маленьким Лацием, потом Италией и наконец огромной мировой империей? Это был меркантилизм, который окончил свое разрушительное дело и уничтожил старые учреждения.

Индивидуализм и его результаты

В древнем земледельческом, аристократическом и военном обществе сенат имел энергию и авторитет постольку, поскольку он был органом одного класса, управлявшего другим, органом той аристократии крупных собственников, все воспитание которых было направлено на войну и на политику, которая подчинялась суровой дисциплине в семье и в обществе, которая была согласна относительно немногих существенных вопросов, выставляемых простой политикой в простой цивилизации. Но с империализмом, прогрессом торгового духа, роскоши, наслаждений, словом, того, что обычно называется цивилизацией, старые традиции погибли: личные страсти, жадность, честолюбие, распущенность развивались и отвлекали от общественных дел даже людей высших классов. Больше не видели граждан, подобных гражданам древнего времени, дисциплинированных, готовых исполнять общественные повинности, всех отлитых по одной форме. Напротив, явилось бесконечное разнообразие людей, из которых каждый стремился к своим удовольствиям, отдавался определенным занятиям или порокам. Никто из них не хотел более увеличивать свои труды или прерывать свои удовольствия, занимаясь общественными делами. Все были слишком заняты дома, слишком эгоисты и также слишком отличались друг от друга, чтобы быть в состоянии совместно работать для общего интереса.

Катулл и римское общество

Как раз в эту эпоху в Риме появился в первый раз великий лирический поэт, чьи страстные стихи отражают моральный и социальный кризис республики.

Гай Валерий Катулл родился в 84 г. в богатой веронской семье,⁶⁸⁷ получил прекрасное литературное образование, потом двадцати лет прибыл в Рим, где, введенный Корнелием Непотом в высшее общество, скоро познакомился со всеми знаменитыми людьми, богатыми купцами и выдающимися дамами.

Продолжая приобретать книги и заниматься науками,⁶⁸⁸ он без удержу стремился к рассеянной жизни, тратил деньги без счета и делал долги, ссорясь из-за них со своим слишком скупым отцом.⁶⁸⁹ Он страстно влюбился в прекрасную и развращенную Клодию, жену Метелла Целера. Эта победа вначале ему стоила мало труда, неистовые восторги простодушного молодого человека должны были нравиться Клодий как приятное развлечение после стольких пошлых любовников. Но в то время как для Клодий эти отношения были только мимолетным капризом, для молодого поэта они сделались сильной страстью, ревливой и исключительной, которая с такой легкомысленной и капризной женщиной принуждала его проводить все время в ссорах и примирениях, в

---

⁶⁸⁷ О дате см.: Giussani. L. R., 158.

⁶⁸⁸ Cat., LXVIII, 31.

⁶⁸⁹ Giussani. L. R., 159.

оскорблениях и мольбах, в отчаянии и безропотности.⁶⁹⁰

Его поэзия Для утешения среди этих мучений Катулл прибегал к своему чудному поэтическому гению и в своих стихах, искренних почти до грубости, с чудесной силой и разнообразием ритма, мотивов и выражения, передает все наиболее легкомысленные и скорбные моменты своей жизни: внезапное влечение страсти, сладкую доверчивость дружбы, комическую печаль задолжавшего человека, меланхолию отъезда в далекое путешествие, скорбь о смерти в Азии своего молодого брата; грубые выражения внезапного и скоропреходящего гнева; нежные мимолетные воспоминания, когда посреди римской суматохи он думал о своем прекрасном голубом Гардском озере, уединенном и спокойном, о своем домике в Сирмионе, ожидавшем его, подобно старой кормилице, ожидающей бродягу-сына, сбившегося с пути в огромном свете; наконец, любовь, которая, страстная и ревнивая, с ее мучениями и неразрешимым противоречием, грызла его сердце:

*Люблю и ненавижу! Почему? быть может, спросишь ты.
Увы! я сам не знаю, но это чувствую и глубоко страдаю.*⁶⁹¹

Катулл и его век Поэзия Катулла помогает нам объяснить удачу политической революции, произведенной Цезарем во время своего консульства. Такие субъективные и страстные стихи возможны только в эпоху, когда образованные классы не имеют более другой цели, кроме искания самых разнообразных наслаждений, богатства или любви, игры или философии, и оставляют общественные дела классу профессиональных политиков, большинство которых всегда бывает на службе партии, кажущейся наиболее сильной.

Покорность консерваторов Когда Цезарь неожиданно узурпировал власть сената, большинство сенаторов слишком испугалось попасть в немилость у трех вождей демократии, которых их соединение сделало слишком могущественными. Катон и Бибул тщетно пытались организовать оппозицию. Высшие классы, недовольные, но инертные, склонились под ярмом демагогической тирании. Только Лукулл хотел одно мгновение противодействовать триумвирам, но Цезарь пригрозил начать против него процесс по поводу добычи, приобретенной им в восточных войнах, и он замолчал.

Цезарь укрепляет свою власть Однако обычное благоразумие не покинуло Цезаря. Он прекрасно понимал, что так быстро приобретенное могущество может исчезнуть еще быстрее. Он заставил принять ряд революционных законов, но он знал, что, как только покинет Рим, консерваторы постараются их уничтожить. Поэтому с поистине удивительной энергией он работал в продолжение остальной части года над утверждением могущества триумвирата. Прежде всего нужно было добиться избрания на следующий год консулами лиц, преданных ему и его друзьям. Кандидатами выбрали Авла Габиния, человека, всецело преданного Помпею, и Луция Кальпурния Пизона, потомка старинной знатной фамилии, но не сохранившего отпечатка своего

---

⁶⁹⁰ Cat., V; XLII; LI; LXVIII, 131 сл., LXX; LXXII; LXXVII; XCII.

⁶⁹¹ Ibid., LXXXV.

происхождения. Его отец, потеряв свое состояние, взялся за дела, приобретал деньги военными поставками во время гражданской войны и женился на богатой плебеянке, дочери купца из Плацентии.⁶⁹² Пизон, насколько можно судить, был человек образованный, но готовый поступить на службу к любой партии, лишь бы достигнуть богатства и почестей. Цезарь, чтобы быть в нем уверенным, обручился с его дочерью Кальпурнией.

Клодий — выборный агент Кроме того, было необходимо удалить из Рима возможно большее число выдающихся консерваторов и располагать в комициях большинством, на которое можно было бы положиться для того, чтобы даже в отсутствие Цезаря консервативной партии не удалось заставить народ отменить все то, что он, Цезарь, заставил принять. При гражданском эгоизме и недоброжелательстве высших и средних классов только в бедной и грубой массе населения, среди нищих, ремесленников и вольноотпущенников можно было найти толпы верных избирателей, готовых голосовать по приказанию вождя. Однако события последних лет доказали, как опасно было слишком доверяться неорганизованной черни, подвижной подобно морскому песку. Цезарь возымел тогда идею организовать по крайней мере часть этой черни в настоящий избирательный корпус; и, нуждаясь для этого в человеке, ловко выбрал Клодия, у которого аристократическая гордость его предков превратилась в страсть ко всему грубому и вульгарному и который любил посещать воров, бродяг и всякую кабацкую грязь. Цезарь предложил ему свою помощь при выборе его в народные трибуны при условии, что тот сделается его главным избирательным агентом. Клодий принял предложение из честолюбия, чтобы в течение года быть в качестве трибуна господином Рима и отмстить Цицерону, против которого он питал жестокую ненависть со времени свидетельства, данного по делу о святотатстве.

Цицерон снова делается популярным Но Бибул отложил выборы с июля на октябрь. Тем временем Цицерон, вернувшийся к началу июня из Кампании,⁶⁹³ увидел, что среди этой агитации его кредит быстро возрождается. Помпей не упускал случая выказать ему свое расположение.⁶⁹⁴ Цезарь предложил назначить его своим генералом в Галлии.⁶⁹⁵ Оба они желали иметь его своим сторонником. Люди оппозиции, недовольные, консерваторы, молодежь так же осаждали его дом, как во времена Катилины. Можно было подумать, что он был единственным человеком, способным восстановить конституцию.⁶⁹⁶

Нападки Клодия на Цицерона Только Клодий наполнял Рим инвективами и угрозами, направленными против него.⁶⁹⁷ Но Цицерон был утомлен и был добычей своих постоянных сомнений. Лесть Цеза-

---

⁶⁹² Cicero in Pis., 87.

⁶⁹³ Drumann. G. R., II, 230; V, 16.

⁶⁹⁴ Cicero. A., II, XIX, 4.

⁶⁹⁵ Ibid., II, XVIII, 3; II, XIX, 5.

⁶⁹⁶ Ibid., II, XXII, 3.

⁶⁹⁷ Ibid., II, XX, 2.

ря и Помпея оказывала на него мало влияния, ибо его отвращение к демагогической тирании было глубоким и искренним; у него не было более мужества предпринять энергичную оппозицию: он постоянно колебался, то стремясь к великим битвам, то приходя в отчаяние от бездеятельности консерваторов.⁶⁹⁸ В своих частных собраниях последние все дурно отзывались о Цезаре, но не осмеливались ничего ни говорить, ни делать публично. Только один из кандидатов на 58 г. отказался принести клятву его законам. Кроме того, угрозы Клодия начали беспокоить Цицерона до такой степени, что заставили его забыть об общественных бедствиях. Он говорил об этом Помпею, который успокаивал его, говоря, что Клодий обязан им и ничего не сделает против него.⁶⁹⁹

На некоторое время Цицерон успокоился, но скоро его волнения возобновились, когда он увидел, что Клодий продолжает свои нападки. Он приглашал Аттика поскорее приехать в Рим, чтобы разузнать о намерениях Клодия через Клодию, с которой Атик, по-видимому, состоял в очень близких отношениях.⁷⁰⁰ Клодий, действительно, обманывал Помпея: он хотел добиться изгнания Цицерона, обвиняя его в противозаконной казни соучастников Катилины, но был достаточно хитер для того, чтобы скрыть от всех свои намерения. Зная, как трудно изгнать из Рима такого знаменитого оратора, он хотел захватить его врасплох.⁷⁰¹

Союз с Ариовистом Между тем Цезарь предложил очень точно и хорошо составленный, хотя и трудный для применения закон относительно злоупотреблений правителей провинций, и приказал Ватинию, которому заплатил за его труды акциями обществ откупщиков, предложить другой закон, уполномочивавший его вывести в Комо пять тысяч колонистов, пользующихся правами латинского гражданства.⁷⁰² Затем, как кажется, он вмешался, чтобы заставить сенат дать царю свевов Ариовисту титул друга и союзника римского народа. Это указывает, как неопределенна и противоречива была политика Рима, объявлявшего своими друзьями сразу двух врагов.

Заговор Веттия Но Помпей до сих пор колебался и, по-видимому, даже сожалел, что был вовлечен в партийную борьбу. Это беспокоило Цезаря, и, чтобы восторжествовать над его колебаниями, он прибегнул к ловкому обману: он уверил Помпея, что римская знать замышляет против него заговор. Ватиний убедил одного провокатора по имени Веттий побудить несколько легкомысленных молодых людей из аристократии составить заговор против Помпея и разоблачить его. Веттий заговорил об этом с сыном Скрибония Курионом, но последний, более хитрый, тотчас рассказал об этом своему отцу, который передал известие Помпею. Веттий, посаженный в тюрьму, оговаривал несколько молодых людей и между ними Брута, сына Сервилии. Вполне возможно, что Веттий, действительно, говорил с Брутом по этому поводу и что Брут совершил какую-нибудь неосторожность. Во всяком случае, Сервилия

---

⁶⁹⁸ Cicero. A., II, XVIII, 3; II, XXII, 6.

⁶⁹⁹ Ibid., II, XX, 2; II, XXII, 2.

⁷⁰⁰ Ibid., II, XXII, 4–5.

⁷⁰¹ Dio, XXXVIII, 12.

⁷⁰² Lange. R. A., III, 284.

поспешила к Цезарю, который навестил Веттия в тюрьме. Затем он собрал народ и приказал привести доносчика, рассказавшего длинную историю о заговоре, в которой уже не было ни слова о Бруте, а, наоборот, туманные обвинения падали на могущественных людей консервативной партии — на Лукулла, Домиция Агенобарба, самого Цицерона. После этого о деле замолчали; утверждали даже, что Цезарь приказал убить Веттия в тюрьме.⁷⁰³

Законопроект Клодия В октябре Пизон и Габиний были избраны консулами, Клодий народным трибуном; несколько консерваторов, среди них Луций Домиций Агенобарб, — преторами. В непродолжительном времени сенат, где консервативная партия потеряла большую часть своего могущества, по предложению Красса и Помпея прибавил к тому, что было уже дано Цезарю, управление Нарбонской Галлией с одним легионом.⁷⁰⁴ Уверенный с этих пор в своем проконсульстве, Цезарь занялся окончательным укреплением своей власти на форуме, организовав в Риме античный Tammany Hall. 10 декабря, едва вступив в должность, Клодий внес ряд законов, один другого популярнее, которые, конечно, были приготовлены по соглашению с Цезарем. Это был, во-первых, закон о хлебе: бедным гражданам хлеб должен был доставляться государством уже не по пониженной цене, а бесплатно; затем закон, позволявший народу собираться и утверждать законы во все праздничные дни; наконец, закон, предоставлявший полную свободу ассоциации римским ремесленникам.⁷⁰⁵ Некоторые консерваторы и сам Цицерон хотели энергично воспротивиться этим предложениям, но Клодий ловко обманул их и заставил успокоиться, дав понять, что если они согласятся одобрить его законы, то он не будет более, нападать на Цицерона.⁷⁰⁶ Таким образом, в первых числах 58 г. все его законы были приняты без всякого противодействия.

Тотчас же по новому закону Клодий заставил народ дать одному из своих клиентов, Сексту Клодию, человеку из бедной и неизвестной семьи, поручение составить список лиц, допущенных к бесплатной раздаче хлеба.⁷⁰⁷

Римский Таммани Холл Тогда произошло любопытное и неожиданное обстоятельство. Масса лавочников, разносчиков и ремесленников, имевших рабов, содержание которых стоило в Риме очень дорого по причине высокой цены хлеба, отпустила их, чтобы сделать из них граждан, кормимых на счет государства,⁷⁰⁸ что в значительной мере вознаграждало господина за потерю его прав, причиненную освобождением. Таким образом число имевших право на раздачи быстро возрастало, ибо Секст не был строг относительно внесения имен в списки. Чернь в широкой степени воспользовалась этим законом, и это увеличивало популярность Цезаря, Помпея, Красса и Кло-

---

⁷⁰³ Dio, XXXVIII, 9; Cicero. A., II, XXIV; Suet. Caes., 20; Cicero in Vat., 10, 11. — Вещь вполне вероятная, но являющаяся только предположением. Источники по этому поводу очень спутаны.

⁷⁰⁴ Dio, XXXVni, 8, Suet. Caes., 22; Cicero. Prov. cons., XV, 36.

⁷⁰⁵ Lange. R. A., III, 289 сл.

⁷⁰⁶ Dio, XXXVIII, 14.

⁷⁰⁷ Cicero. De domo, X, 15.

⁷⁰⁸ Dio, XXXIX, 24.

дия. Последний с помощью Секста и консулов легко организовал среди римских ремесленников в каждом отдельном квартале большое число обществ, одновременно ремесленных и избирательных, разделенных на де-курии. Точно так же он организовал толпы вольноотпущенников и даже рабов, поставив их под командование капралов, готовых вести их для подачи голосов по первому полученному приказанию.⁷⁰⁹ Эта армия избирателей, набранная среди космополитической римской черни и подобная армии, набираемой Tammany Hall'ом в космополитической черни Нью-Йорка, была на службе клиентелы Цезаря, Красса и Помпея и благодаря хлебному закону поддерживалась государством. Чтобы производить это распределение хлеба, Клодий провел через народное собрание закон, постановлявший присоединение Кипра и конфискацию сокровищ его царя под тем предлогом, что последний продолжал помогать пиратам.⁷¹⁰

Клодий против Цицерона Служивший так ревностно и ловко триумвирам, Клодий хотел получить свою награду — осуждение Цицерона, которого Цезарь, Красс и Помпей хотели удалить из Рима почетным образом. Цезарь, уже выехавший из Рима и готовый отправиться в Галлию, снова предложил ему взять его с собой в качестве легата. Но хитрый Клодий, неоднократно уверявший трех вождей народной партии, что он хочет только поугадать Цицерона, выждал организации своих избирательных ассоциаций. Когда приготовления были окончены, он бросился на свою добычу, неожиданно выступив с законом, по которому осуждался на изгнание всякий, кто осудил или осудит на смерть римского гражданина, не дав ему возможности апеллировать к народу.⁷¹¹ Это был как раз случай с соучастниками Катилины. В то же время, чтобы добиться у консулов позволения свободно преследовать Цицерона, Клодий предложил *lex de provinciis*, по которому, вопреки недавнему закону Цезаря, Македония была назначена на пять лет Пизону, а Сирия — Габинию с правом вести войну вне провинции и производить суд у свободных народов.⁷¹²

Цицерон подчиняется и оставляет Рим Цицерон и его друзья попытались сопротивляться; к консулам отправилась депутация из сенаторов и капиталистов; Цицерон просил вмешаться Пизона, Помпея и Красса; друзья его сделали попытки созвать народные митинги для протеста против закона Клодия. Все было бесполезно. Помпей, Красс и Цезарь жаловались, что Клодий так ловко обманул их и сделал отчасти ответственными за тот скандал, каким было изгнание столь знаменитого гражданина, но не смели вступить в конфликт с всемогущим демагогом. Красс ограничился тем, что позволил действовать вместо себя своему сыну Публию, очень умному и благородному молодому человеку, который должен был отправиться в Галлию с Цезарем и который страстно преклонялся перед великим оратором. Общество, утраченное Клодием и приведенное в уныние молчанием трех вождей демократии, не осмелилось ничего сделать в пользу Цицерона. Пораженные нежиз-

---

⁷⁰⁹ Cicero. Pro Sexto, XV, 34; XXV, 55; in Pis., V, 11; De domo, XXI, Post red. in. sen., XIII, 33.

⁷¹⁰ Livius. Per., 104; Cicero. Pro Sexto, XXVI, 57.

⁷¹¹ Lange. R. A., III, 292.

⁷¹² Plut. Cic, 30; Lange. R. A., III, 293.

данным ударом, его друзья должны были посоветовать ему подчиниться на время своему несчастью и самому отправиться в изгнание с надеждой на скорое и почетное возвращение. Цицерон сначала приходил в отчаяние, протестовал, отказывался, потом, побежденный необходимостью, принял единственное благоразумное решение, которое ему оставалось, и покинул Рим в первых числах марта 58 г. Едва он уехал, Клодий подтвердил его изгнание законом и разрушил его дома и виллы.⁷¹³

Цезарь и Катон оставляют Италию

Немного времени спустя Цезарь оставил Италию, получив тревожные известия из Галлии, а Катон, которому Клодий законом дал это поручение, отправился на Кипр. Цезарь увозил с собою много друзей, ехавших служить под его командой в его армии; среди них были Лабиен, трибун 63 г., Мамурра, всадник из Формий, бывший, вероятно, до сих пор откупщиком налогов и готовившийся стать начальником его инженерной части, и Публий, сын Красса. Что касается Катона, то он долго колебался принять это чрезвычайное поручение. Он понимал, что Клодий старался не доставить ему почетный случай, а просто хотел удалить из Рима главу консервативной партии, чтобы укрепить свое могущество и могущество триумвиров. Однако, зная, что Клодий начнет против него процесс о неповиновении приказу народа и что, с другой стороны, ему нечего делать в Риме, в то время как на Кипре он, по крайней мере, обеспечит государственному казначейству только что конфискованные сокровища царя, он решил уехать, увозя с собою своего племянника Марка Брута, которому после дела Веттия полезна была перемена воздуха. Этот молодой человек страстно любил науки и пользовался в Риме прекрасной репутацией, как по причине своих ученых вкусов, так и за чистоту своих нравов, вещь редкую среди развращенной молодежи той эпохи.

---

⁷¹³ Lange. R. A., III., 294 сл.

XVIII

Образование империи

Роскошь Лукулла. — Его вилла на Пинчио. — Последняя миссия завоевателя Понта. — Восточные рабы в Италии. — Эмиграция италийцев в провинции. — Convento civium Romanorum. — Старый и новый Рим. — Рим в 58 г. до Р. Х. — «Падение» Рима. — Завоевания древнего Рима и прогресс современной индустрии; их аналогичные результаты. — Италия, завоевывающая империю, сделалась буржуазной нацией и торговой демократией. — Успехи цивилизации и новая италийская буржуазия. — Противоречия торговой демократии в древности и в наши дни. — Политический индифферентизм и неспособность к военной службе высших классов в эпоху Цезаря. — Рост политического могущества городских рабочих. — Общественное мнение. — Опасность этих противоречий. — Почему в древности торговая демократия была по необходимости завоевательной и воинственной. — Рабство и его причины. — Хлебная торговля. — Что думал бы древний римлянин о наших правах на хлеб. — Потребность в драгоценных металлах. — Почему Рим завоевывал империю? — Почему теперь война потеряла свое древнее экономическое значение? — Политический и административный беспорядок в эпоху Цезаря. — Сенат; причины его упадка. — Падение армии. — Могущество триумвиров; его причины. — Помпей. — Красс — Цезарь. — Что Цезарь намерен был сделать в Галлии. — Человеческое величие и судьба. — Последние годы Лукулла.

Лукулл как провозвестник империализма

Роскошь делала тогда в Италии все новые успехи. Лукулл по своем возвращении если не совершенно оставил, то, по меньшей мере, пренебрегал полити-

кой, как бы сознавая, что историческая миссия его кончена, но он отдался другой. Возбудив у римского народа страсть к обширным завоеваниям, он научил страну, бессознательную владелицу роскоши и великолепия, искусству употреблять свои богатства. С удивительным жаром, который возрастал с годами, вместо того чтобы уменьшиться, этот человек, пятьдесят лет проживший в бедности и умеренности, до тех пор как завоевал неизмеримые царства и сокровища двух восточных монархов, удивлял тогда Италию, хвастаясь восточной роскошью, как некогда удивлял ее смелостью своих экспедиций.

Пирь Лукулла

На деньги Митридата и Тиграна он приказал построить в той части Пинчио, которая называется теперь La Trinità dei Monti, между via Sistina, via Due Macelli и via Capo le Case, великолепную виллу с залами, портиками, садами, библиотеками, всю украшенную чудесными произведениями искусства.⁷¹⁴ Он купил остров Нисиду и, издержав огромные суммы,

⁷¹⁴ Lanciani в В. С., 1891, 150 сл.; Gilbert. T. R., III, 376 pp. 3; Borsari. T. R., 196; Caetani-Lovatelli. I

сделал из него восхитительное местопребывание.⁷¹⁵ Он построил виллу в Баях и купил обширные земли в Тускуле; там он построил не обычные фермы, но роскошные дворцы с художественной отделкой и роскошными столовыми,⁷¹⁶ используя для этих построек большое число греческих художников.⁷¹⁷ Он приглашал толпы друзей, ученых, греческих артистов на великолепные пиры, приготовленные лучшими римскими поварами, и тешил ими свое старческое обжорство, единственную чувственную страсть, проснувшуюся у человека, так поздно принявшегося за наслаждения. Посреди этих пышных банкетов старик, конечно, не думал, что, в то время как вся слава созданной им политики достанется его младшему преемнику, его имя сохранится в памяти потомства только в связи с этими роскошными пирами, что потомство забудет, что он привез в Италию вишневое дерево, что оно не оценит исторической важности его восточных завоеваний и будет вспоминать только о сибаритской роскоши его обедов. Однако эти пиры, постройки и вся роскошь были продолжением той же исторической миссии Лукулла, которую он начал завоеванием Понта, разграблением его сокровищ и похищением его жителей. Примером своей частной жизни он распространял в Италии на место простых нравов греко-восточную цивилизацию, промышленную, утонченную и сибаритскую.

Иммиграция И действительно, вокруг него совершались быстрые изменения; ассимиляция восточных рабов с итальянским населением, так характерная для императорской эпохи, уже началась. Никогда в Италии не было столько рабов. Завоевания Лукулла и Помпея, мелкие пограничные войны и постоянная торговля должниками, проданными за долги в рабство, или людьми, похищенными пиратами, переселили и переселяли в Италию массу мужчин и женщин: азиатских архитекторов, инженеров, врачей, художников, золотых дел мастеров, ткачей, кузнецов, сирийских певцов и танцовщиц, еврейских мелких торговцев и колдунов, продавцов медицинских трав и ядов, галльских, германских, скифских и испанских пастухов. Рассеянные по домам римских и итальянских богачей и людей среднего класса, эти несчастные, у которых борьба человека против человека отняла их очаг и похитила их состояние, были принуждены, каков бы ни был их возраст, начинать новую жизнь.

Бродяги Постепенно в этой массе рабов началась дифференциация. Одни, слишком непокорные, были осуждены их господами на смерть; другие бежали и занялись грабежом и пиратством; иные заблудились в великой метрополии или на дорогах Италии и погибли в драках, в ловушках или от какой-нибудь естественной причины; многие умерли от болезней, нужды, тоски по родине, своему состоянию и потери своих близких. При всех великих переселениях человеческого рода по свету, добровольных ли или насильственных, многие исчезают таким образом в неизвестности. Но это бывает незначительное меньшинство.

---

giardini di Lucullo в Nuova Antologia, 16 августа 1901.

⁷¹⁵ Varrò (R. R., DI, XVII, 9), как мне кажется, упоминает о вилле на Нисиде.

⁷¹⁶ Ibid., I, II, 10.

⁷¹⁷ Ibid., III, XVII, 9.

Рабы и свободные рабочие Много также рабов, особенно людей, прибывших из культурных стран Востока и бывших искусными ремесленниками в области изящных искусств, постепенно освоились с людьми и положением дел и акклиматизировались, забыв понемногу свою далекую родину, усвоив, насколько могли, язык победителей и научив их, в свою очередь, своим привычкам. Иногда они занимались своей профессией в лавке, которую открывал им их патрон, иногда на свой счет, иногда на счет патрона; часто они получали свободу при условии отдавать своему патрону часть доходов. Законодательство об экономических и моральных обязанностях вольноотпущенников было улучшено; отдельные случаи были определены и регламентированы с точностью.⁷¹⁸ Вольноотпущенники образовали класс ремесленников, которые, отдавая часть своей работы, поддерживали в роскоши и зажиточности высший и средний классы Италии.

Рабство и спекуляция Отношения между господами и рабами делались, таким образом, более гуманными. Скоро появился обычай отпускать на свободу ловких и верных рабов после шестилетнего рабства.⁷¹⁹ Общий всем италийцам дух спекуляций удивительно благоприятствовал стараниям рабов. Многие хозяева приобретали раба, искусного в известном ремесле, с целью научить других молодых рабов. Дома богачей и людей среднего класса в Италии и Риме сделались школами искусств и ремесел. Таким образом парфюмер Митридата, сделавшийся сперва рабом, а потом вольноотпущенником некоего Лутация, открыл в Риме магазин и приготавливал там благовонные продукты уже не для царских наложниц, но для знатных римских дам.⁷²⁰ По всей Италии у богатых и зажиточных людей были в качестве их рабов или вольноотпущенников кузнецы, столяры, ткачи, выделявавшие ткани или ковры, каменщики, живописцы, работавшие на господина или на публику, все более и более стремившуюся к роскоши. В деревне прежние эгейские и сирийские землевладельцы улучшали культуру винограда и оливок, обучали делать лучшие сорта масла и вина, выкармливать более старательно животных. Таким образом в италийском обществе возрастало разнообразие вкусов и привычек, разнообразие работ, искусств и ремесел.

Рабы — представители интеллигентных профессий Низший рабочий класс учителей грамматики и риторики также по большей части состоял из вольноотпущенников. Число этих учителей быстро увеличивалось вследствие распространявшегося в среднем классе стремления к просвещению.⁷²¹ Другие рабы пользовались слабостями или потребностями своих господ, у которых часто еще сохранялась италийская грубость: мужчины делались счетоводами, управляющими, дворецкими, советниками, библиотекарями, писцами, переводчиками, секретарями, посредниками, развратителями, женщины — наложницами и любовницами, становясь таким образом одновременно и слугами и господами своих владельцев. Дома знати, например

---

⁷¹⁸ Ciccotti. T. S., 221. сл., E. Ferrert. Dei Libertini. Torino, 1877, 12; Kariowa. R. R. G., II, 142 сл.

⁷¹⁹ Cicero. Phil., VIII, XI, 32.

⁷²⁰ C. I. L., I, 1065.

⁷²¹ E. Ferrert. Dei Libertini, 28, pp. 2.

Помпея, Красса, Цезаря, были подобны министерствам, где многочисленные вольноотпущенники и восточные рабы приходили на помощь своим господам; они организовывали для народа пышные празднества, вели корреспонденцию, счета, списки клиентов, семейные архивы.

Италийцы в провинциях В то самое время, когда столько чужестранцев являлось из провинции в Италию, большое число италийцев выселялось в завоеванные провинции. Как теперь маленькие колонии англичан и немцев основываются во всех частях света, так многочисленные италийские поселенцы жили тогда во всей средиземноморской области, не только в Греции и в провинции Азии, но и на едва завоеванных берегах Адриатического моря, в Салоне⁷²² и Лиссе,⁷²³ в Нарбонской Галлии, в испанских городах — Кордове и Севилье;⁷²⁴ в Африке — в Утике, Гадрумете, Тапсе;⁷²⁵ в Антиохии и во всей Сирии, куда, вслед за легионами Помпея, последовало много искателей приключений и торговцев.⁷²⁶ Везде эти италийцы занимались разнообразными предприятиями: они были армейскими поставщиками, откупщиками налогов, продавцами рабов и местных продуктов, директорами, вице-директорами, поверенными крупных откупных компаний, агентами богатых италийцев, имевших в провинции земли или деньги, также собственниками или арендаторами общественных земель, наконец, чаще всего ростовщиками. Эти люди, италийские бедняки, скоро становились на маленьких островах, в селениях, во второстепенных городах, куда их забрасывала судьба, живой частицей той единой и огромной души, которая из Италии распространяла по всем берегам Средиземного моря свою грозную жадность.

Новая провинциальная аристократия Они объединялись в клубы или ассоциации, регулируемые статутами и называвшиеся *Conventus civium Romanorum*. Они были естественной свитой и советниками правителей, без всякой подготовки посылавшихся в провинцию, нравов которой они не знали, и оканчивавших тем, что становились их бессознательными орудиями или их соучастниками. Они образовывали среди туземцев маленькую аристократию, гордую и дерзкую вследствие своего богатства, своего права гражданства и покровительства своих правителей. Подобно маленьким самодержцам, они пренебрегали туземными жителями, грабили их, смеялись над законами, хотя и делались по временам великодушными благодетелями.⁷²⁷ Таким образом толпа побежденных и их победителей встречалась на больших дорогах империи, идя к различным целям. Одни шли служить своими руками, своими техническими навыками, своей хитростью, своими пороками, своим знанием; другие шли пользоваться и злоупотреблять своим могуществом, своими деньгами, своими законами, своим оружием со слепой гордостью господи-

---

⁷²² Caesar. B. C, III, IX, 2.

⁷²³ Ibid., III, XXIX, 1; III, XL, 5.

⁷²⁴ Ibid., II, XIX, 3; II, XX, 5; B. Al., LVII, 5.

⁷²⁵ Caesar. B. C, II, III, 1; B. Al., XCVII, 2.

⁷²⁶ Caesar. B. C, III, 102–103.

⁷²⁷ Deloume. M. A. R., 93 сл.; 302 сл.

на, не видящего, какие сети скрываются иногда в покорности его слуг.

Рим в 59 г. до Р. Х. Старый Рим, бедный, скромный, маленький, полный рощ и лугов, где у патрициев были низенькие уединенные домики, отделенные друг от друга, подобно английским коттеджам, садами, и имевший только маленький квартал ремесленников,⁷²⁸ теперь выходил за пределы своих старых стен. Беспорядок в постройках был не меньше беспорядка в умах. Повсюду теснились бесчисленные, высокие, как башни, доходные дома, жилища бедного простонародья, лепившиеся в самых крутых склонах или возвышавшиеся на самых высоких вершинах семи холмов;⁷²⁹ большие сады, обширные дворцы, вытягивавшиеся посреди этой скученной бедности, уединенные, как души их гордых владельцев — всадников, купцов, генералов, обогатившихся войной и ростовщичеством, разорвавших Африку, Азию и Европу. Однако Рим сохранял некоторые следы старого латинского города: необычные и весьма почитаемые храмы из изъеденного червями дерева, старые патрицианские дома латинского стиля, базилики и общественные памятники, украшенные грубыми этрусскими керамическими изделиями. Но старый строй погибал как в умах, так и во внешности. Остроумная и почти монастырская комбинация обучения и примера, взаимного надзора и дисциплины, сделавшая старую римскую знать госпожой мира путем усвоения в этой школе самоконтроля и ответственности, пришла в упадок и забвение. Подобно толпе вакханок, Рим, а из Рима Италию наводнили все прельщения роскоши, Афродита и Дионис, девять муз и греческая философия, зажигая везде страсть к богатству, власти, удовольствиям и знанию. Обширная империя едва помнила о своем маленьком начале, как Лукулл посреди блеска и изобилия, услаждавших в его вилле на Пинчио последние годы старого завоевателя Понта, с трудом, вероятно, припоминал свое прежнее существование, когда он был суровым, простым бедным юношей, гордившимся своей бедностью и шедшим на битву рядом с великим Суллой.

«Падение» Рима И к чему воспоминания и сравнения? Современники, бывшие одновременно зрителями и действующими лицами этой великой перемены, рассматривали ее как падение древних нравов, как зло, происходящее от неизлечимой слабости человеческой природы, ужасных успехов которого не могла удержать никакая сила. Но мы, имевшие более длинную и более зрелую опытность в человеческих делах, более способны судить об этой римской испорченности, прославившейся через ряд столетий благодаря жалобам и нападкам античных писателей. И только составив себе ясное представление об этом падении, мы можем понять, в чем состояла истинная природа римского империализма.

Промышленный переворот Древние называли «падением» все перемены, внесенные в аристократическое, земледельческое и военное общество древней Италии прогрессом империалистического роста. Эти перемены можно сравнить с переменами, вызванными ростом промышленности в Англии и Франции XIX столетия, в северной Италии и Германии начиная с 1848 г., в Америке от Вашингтона и Франклина до войны между северными и

---

⁷²⁸ Gilbert. T. R., III, 49–51.

⁷²⁹ Cicero. De lege agr., II, XXXV, 96.

южными штатами. Как теперь в этих странах по мере роста богатства и развития промышленности, так тогда по мере победоносного распространения римской власти по берегам Средиземного моря все большее число лиц покидало полевые работы, чтобы приняться за торговлю, ростовщичество и спекуляции.

Общество того времени Само земледелие сделалось индустрией, требовавшей капиталов, изыскивавшей лучших методов и открытой нововведениям. Стоимость жизни, желание благосостояния, роскошь увеличивались во всех классах из поколения в поколение со всевозрастающей быстротой. Ремесленники делались все многочисленнее во всех городах, и ремесла, которыми они занимались, становились все разнообразнее. Старая земельная знать пришла в упадок. Богатые купцы и капиталисты образовали многочисленный класс, гордый и очень могущественный. Средний класс приобрел более благосостояния и независимости. На образование, некогда бывшее роскошью и прерогативой маленькой аристократии, с жадностью бросились средние классы, делая из него орудие могущества и богатства и пользуясь им, чтобы оживить и возобновить старые традиции во всей частной и общественной жизни: от воспитания до медицины, от права до военного дела, от земледелия до политики. Деньги и образование сделались двумя самыми могущественными орудиями властвования. Рим рос так же быстро, как Париж, Нью-Йорк, Берлин и Милан в XIX столетии. Второстепенные города начали также увеличиваться и украшаться, потому что повсюду распространялся вкус к городской жизни.

Объединенная Италия Италийцы не были более нацией трудолюбивых и экономных крестьян, но завоевателями и ростовщиками всего средиземного мира; они были нацией с буржуазными аппетитами, в которой, за немногими жалкими исключениями, все классы: знать, финансисты, коммерсанты — образовывали одну только буржуазию, желавшую вести широкую жизнь на доходы со своих капиталов, на быструю прибыль от завоевания и эксплуатации своих рабов, которые под их внимательными взглядами обрабатывали землю, занимались своими ремеслами, несли домашние работы и употреблялись в торговле, управлении, политике. Нужда, волновавшая Италию и вызвавшая заговор Катилины, была смягчена большими капиталами, привезенными в Италию Помпеем, его офицерами и солдатами, доходами с новых завоеванных провинций и новыми откупами налогов. Драгоценные металлы сделались менее редкими; снова было легко найти кредит.

Деревенская жизнь в Италии Поэтому снова начались смелые спекуляции; по всей Италии рубили столетние леса, ломали плохие сельские постройки средних и крупных собственников; исчезали мрачные эргастулы и толпы закованных рабов; культура оливкового дерева и винограда распространялась повсюду. Вокруг крупных городов среди обширных поместий строились фермы и изящные виллы, где под руководством образованного управляющего из Греции или с Востока вновь привезенные рабы возделывали виноградники и оливковые плантации и разводили домашних животных и птиц. Страна была усеяна красивыми домиками собственников, обрабатывавших свои земли с помощью нескольких рабов. Города, еще окруженные циклопическими стенами, сохранившимися от того времени, когда велась бесконечная война между горой и долиной, рекой и морем, городом и его соседями, теперь благодаря миру, царствовавшему вдоль всего полуострова, украшались храма-

ми, общественными зданиями, красивыми базиликами, пышными дворцами — созданием восточных архитекторов. В согласии с неизменной красотой своего неба и моря Италия сбрасывала с себя грубый покров своих лесов и хлебных полей, чтобы одеться в красивый костюм восточных деревьев, виноградников и оливковых рощ, и, как драгоценностями, украшалась своими прекрасными городами, виллами и фермами.

Три проблемы современности Италия проходила через такой же период обновления, через который проходит современная Европа и Соединенные Штаты. Из сельской и военной аристократии она делалась буржуазной и торговой демократией и попадала в те же самые противоречия, какие смущают нашу современную цивилизацию: противоречие между демократическим чувством и неравенством состояний, между выборными учреждениями и политическим скептицизмом высших и средних классов, между ослаблением военных доблестей и национальной гордостью, между платонической любовью к войне и отвращением мирных классов к активной военной деятельности.

Господа и слуги государства Старая знать погибла; связь ее со средним классом, выражавшаяся в патронате, была порвана; независимость, гордость и могущество среднего класса возросли; с образованием и философией распространилась политическая идеология. В Риме возник многочисленный ремесленный пролетариат, в одно и то же время революционный и предоставленный самому себе, и таким образом пало узкое, но могущественное аристократическое правительство той эпохи, когда одна знать несла политические обязанности, заседала в сенате и умела повиноваться для того, чтобы подчинить всю Италию одной и той же воле. Мысль, что государство существует для народа и через народ, что политика доступна критике общественного мнения, что государственные чиновники не господа, а слуги нации, господствовала в Италии так же, как и в Европе XIX столетия. И вместе с тем, как и в современной Европе и Соединенных Штатах, большинство людей высшего и среднего классов, занимаясь торговлей, земледелием, науками и удовольствиями, пренебрегало общественными делами, не хотело занимать государственных должностей, участвовать в публичных дебатах, нести долгую военную службу и не шло даже на голосование.

Труды лиц, не участвовавших в политике Но это не значило, что эти классы жили беззаботно и бесполезно. Они сажали на итальянских холмах новые породы деревьев, привезенные с Востока; они улучшали разведение виноградных лоз, оливковых деревьев, скота; они изучали греческую философию, вводили в Италии азиатские искусства и промышленность, воздвигали храмы, дома, общественные здания, украшали их произведениями искусства, наконец, они сделали из грубой сельской Италии предмет удивления и восхищения для всех последующих поколений. Уже шестнадцать столетий, как пала империя, а дело этих классов существует доселе, хотя у многих современных историков они, так сказать, скрываются за личностями отдельных политиков и полководцев. В долинах и на холмах современной Италии виноградники, оливковые рощи и фруктовые сады колеблют по ветру последние уцелевшие трофеи мировой империи Рима.

Panem et circenses Но гражданский дух угасал в этих классах, и выборные учреждения государства попадали во власть политических дилетантов и профессионалов, между которыми наиболее легко овладевали ими те, кто лучше умел руководить римскими рабочими. Это была единственная часть населения, еще интересовавшаяся политикой, потому что она находила в ней бесплатное развлечение, занимавшее место дорогостоящих времяпрепровождений высших классов, и потому что она более других нуждалась в помощи политических партий и государства. Без этой помощи у римского пролетариата не было бы хлеба, он не мог бы время от времени напиваться тонкими винами и наедаться дроздами и свиной на публичных банкетах; он никогда не имел бы ни легкой работы в общественных предприятиях, ни зрелищ, ни нескольких се-стерций для игры в кости и для оплаты ласк уличных куртизанок.

Социализм и городской рабочий В более грубой форме разве это не соответствует возрастающему могуществу, приобретаемому в современных парламентских государствах социалистической партией, состоящей из городских рабочих, наиболее нуждающихся в покровительстве государства? И разве не поучительна параллель между зажиточными классами Италии и современной буржуазией, которая, легко прибегая к прямой помощи государства, развлекается своими частными делами, ослабевшая от слишком многочисленных и разнообразных удовольствий, гордая своей образованностью, богатством и могуществом и вследствие этого слишком склонная к критике, к презрению, злословию, несогласию, устранивается от политической борьбы? Цезарь политической революцией своего консульства только закончил давно начавшееся преобразование, и в этой части его труда его можно до известной степени сравнить с современным вождем социалистов или, скорее, с руководителем (boss) нью-йоркского Таммани Холла. Римская политика сделалась, таким образом, мировой ярмаркой должностей, законов, привилегий, провинций, царств, грязных доходов; она была наполнена интригами, обманами, изменами, насилием, и ею занимались не только наиболее вероломные и наглые мужчины, но и развращеннейшие женщины той эпохи. Случайно попавший туда честный человек скоро изгонялся, если не делался подобным прочим.

Милитаризм и новая военная система Одновременно с гражданским чувством у этой буржуазной нации пропадала и готовность к войне. Завоевания Лукулла и Помпея неизмеримо подняли империалистическую гордость среднего класса и распространили чувство удивления перед Александром Великим вместе со всеми иллюзиями мирового могущества. Но громадное большинство лиц, предлагавших на пирах и в дружеском кружке завоевать мир, шествуя по стопам македонского героя, не согласилось бы прожить ни одного дня на походном положении. Закон, по которому все мужчины от 17 до 46 лет несли военную службу, всегда оставался в силе, но купцы, капиталисты, собственники не хотели более, чтобы воинская повинность мешала им в делах или удовольствиях. Магистраты, производившие наборы войска, брали только добровольцев, как это делается в современной Англии,⁷³⁰ т. е. наемников, которые, не достигнув ничего ни в городе, ни в деревне, брались за воен-

---

⁷³⁰ Rüstow. Н. К. С. 2.

ное ремесло, которое давало им в год 225 динариев⁷³¹ и в котором, кроме того, они получали пищу и одежду, подарки от полководцев и возможность достигнуть звания центуриона. Государство пользовалось своим правом принуждать к военной службе только тогда, когда был недостаток в добровольцах, и оно всегда набирало своих солдат среди городских нищих, свободных крестьян, мелких горцев, в которых еще сохранились кое-какие следы старой земледельческой расы, победившей Ганнибала. Увеличение благосостояния было так велико, что Италия вся сделалась буржуазной нацией, любящей удовольствия и наживу, прилежной и неспособной к войне до такой степени, что, хотя армия была немногочисленна, становилось все труднее и труднее пополнять комплект рекрутами, набранными в Италии. Пришлось не только удерживать солдат на службе долгие годы, но и набирать их по ту сторону По у латинян Цизальпинской Галлии, где жизнь оставалась более простой и где старая кельтская раса и италийские поселенцы, смешавшись, образовали класс средних собственников с той же плодovitостью и теми же нравами, как полтора столетия тому назад.⁷³² Мы увидим, что, действительно, в следующие десять лет вербовщики республики покидают почти совершенно истощенную Италию и в поисках за молодыми людьми отправляются в долину По.

Глас народа Только время от времени, как и теперь еще случается в Европе, стоячие воды этого гражданского скептицизма были волнуемы сильными бурями. Тогда происходила одна из тех встрясок обычно столь апатического общественного мнения, которые захватывают врасплох политические котерии и их вождей. Авантюристы, не боявшиеся более ни небесных богов, ни земной власти, еще дрожали перед той невидимой силой, какой было общественное мнение, т. е. мнение средних и высших классов. Ни одна партия не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы сметь систематически противодействовать чувству среды, могущественной своим богатством, своей численностью и своей культурой. Помпей, несмотря на свою славу и богатство, старался поэтому не оскорблять республиканского чувства Италии, и очень богатый и могущественный Красс по этой же причине старался заставить забыть свои прошлые интриги. Что касается Цезаря, то он отправился в Галлию с намерением приобрести там большими победами удивление этого класса, у которого он был слишком дискредитирован своей беспорядочной жизнью, своими долгами, своей продажностью, демагогическими насилиями последних лет и радикальной революцией своего консульства.

Античная война и современная индустрия Но если аналогичные противоречия смущают и колеблют современную цивилизацию, то древняя Италия рисковала умереть от них. Политический скептицизм цивилизованных наций и их нелюбовь к войне, по-видимому (теперь, по крайней мере), не угрожают самому существованию белой расы, потому что жизненные условия торговых демократий нашего времени покоятся на усилиях, в котором борьба человека с природой одерживает верх над борьбой человека с человеком, т. е. на индустрии, старающейся утилизировать силы природы наиболее производительным образом. Напротив, в усилиях основать торговую

---

⁷³¹ Ibid., 32.

⁷³² Nitzsch. G. V., 196.

демократию древней Италии борьба человека против человека одерживала верх над борьбой человека с природой. После только что приведенных аналогий необходимо изучить также и это существенное различие, проистекающее от того, что античный мир был беднее, менее образован, менее населен и менее продуктивен. Торговая буржуазия, подобная образовавшейся тогда в Италии, теперь может существовать в очень маленькой беззащитной стране, как Бельгия, в великой морской и империалистической нации, как Англия, в огромной демократии, созданной, подобно Соединенным Штатам, на почти пустынном континенте, в воинственной монархии, подобной Германии, которая была основана на самых бесплодных землях Европы. Для этого достаточно, чтобы небольшое число деятельных и предприимчивых людей образовали промышленную аристократию, накопили известный капитал, разумно употребляли его и давали работу ремесленникам. Если в стране не хватает рук, рабочие придут издалека. Они сами в поисках работы переедут через океан; они возьмут ее, как бы тяжела она ни была; они спустятся внутрь земли, проведут всю свою жизнь на хрупком судне, качающемся на море; они останутся весь день с восхода до захода солнца в пещере циклопов, перед горнами, где плавится железо, повинаясь властному кодексу индустриальной дисциплины, в выработке которого они не участвовали.

**Космополитическая иммиграция
прежде и теперь**

Таким образом мучается на фабриках Соединенных Штатов космополитическая масса рабочих, добровольно эмигрировавших из всех стран света. В древнем мире было иначе: там для основания торговой буржуазии нужна была обширная империя и военное господство. В Риме была масса рабов и вольноотпущенников — восточных, галльских, германских, испанских, скифских, работавших на богатых и зажиточных буржуа, но они, вместо того чтобы добровольно покидать свою родину подобно рабочим, эмигрирующим в Америку, силой были привезены в Италию. Причина же этой существенной разницы состояла в том, что в ту эпоху земля не была еще довольно населена, а жизнь была слишком проста.

Традиции современного общества

В современном цивилизованном мире условия жизни различных социальных классов идут от нищеты к богатству, постепенно проходя бесчисленные промежуточные стадии комфорта, так что в каждом классе, даже среди рабочих, различие в потребностях для каждого человека и каждого ремесла так же велико, как между различными классами. Эта градация является очень тонким и могущественным орудием, с помощью которого капиталистическая буржуазия может в настоящее время привлекать к себе на службу людей даже из очень отдаленных стран. В нашем столь населенном и столь жадном к удовольствиям мире всегда возможно, возбуждая волю пропорциональным вознаграждением, найти людей, которые для удовлетворения своих нужд, предоставления себе немного большего количества удовольствий и роскоши, соглашаются обучиться и выполнять самые утомительные и наиболее трудные работы, требующие наибольшей дисциплины и самообладания.

Великая пропасть в античном мире

В древности, напротив, было гораздо менее оттенков в удовлетворении потребностей: от безумной роскоши, доступной только богачам, переход был сразу к самым

элементарным потребностям народа, который умеренно питался и развлечениями которого было немного любви, несколько глотков вина и какой-нибудь даровой праздник, предложенный жрецами, богачом или государством. Имея менее потребностей, свободный восточный ремесленник был менее деятелен и менее предприимчив, чем современный рабочий, и, если даже при увеличении населения жизнь становилась труднее, оставался в своей стране. Так как он не имел ни средств, ни желания улучшить свое положение, то ничто не побуждало его подвергаться опасностям и трудам отдаленной эмиграции и работать на иностранного господина. Искатели приключений и бродяги в большом числе добровольно являлись в Рим из всех стран мира, но рабочие туда приходили только приведенные насильно. Поэтому-то рабство было существенным учреждением античного мира, а совсем не потому, что, как утверждает Лория,⁷³³ тогда было много свободной земли.

Ключ к пониманию древнего рабства

В империи в действительности не было ни одного шага земли, которая была бы свободной. Рабство толкало Рим к завоеваниям и делало их необходимыми. Пленниками, теперь являющимися помехой, тогда отчасти погашали военные издержки, и римляне показывали себя в своих завоеваниях более смелыми и более честолюбивыми по мере того, как нужда в рабах давала себя все более чувствовать. Одна из причин популярности завоеваний Лукулла была та, что они влекли за собой изобилие рабов на рынках Италии, имевшей нужду в рабочих руках.

Отсутствие хлебных законов в древности

Когда капиталистическая и торговая буржуазия переживает период благоденствия, население так увеличивается, что окружающей территории не хватает более для его пропитания. Это происходит теперь во многих европейских странах, а тогда происходило в Риме. Но теперь частная торговля легко помогает этой нужде, потому, что средства передвижения легки и недороги и потому, что в новых странах, очень плодородных и не густонаселенных, живут люди, имеющие ту же цивилизацию, что и мы, те же потребности и возделывающие хлеба гораздо более, чем нужно им самим. Поэтому они готовы предложить нам свой хлеб в обмен на продукты нашей индустрии; и предлагают его нам в таком количестве, что многие промышленные страны отказываются от части его, устанавливая ввозную пошлину на хлеб. Для древнего человека, воскресшего к жизни, не было бы ничего более непонятного, как пошлина на хлеб. В старину вовсе не было страны, которая не испытывала бы затруднения в добывании необходимого ей хлеба; и даже те страны, которые, подобно Сицилии, Египту или Крыму, собирали обычно богатые урожаи, предпочитали сберегать свой хлеб для себя. Капиталистические страны, далекие от того, чтобы ограничивать ввоз, напротив, старались благоприятствовать ему. Они старались в особенности распространить свою власть на области, богатые хлебом, чтобы быть в состоянии вывозить его по своей воле.⁷³⁴ Продовольствие Рима сделалось, действительно, одним из наиболее важных вопросов римской политики с того времени, как город стал мировой столицей. Это была также одна из причин, по

---

⁷³³ Loria. *Analisi della propriet  capitalistica*. Torino, 1889.

⁷³⁴ См. Приложение А.

которой торговая демократия древности была благосклонна к завоевательной политике.

**Современные орудия
производства**

Прогресс торговой демократии определялся тогда, как и теперь, прогрессивным ростом потребностей из поколения в поколение и увеличением числа желающих жить более богато. Мы констатировали этот прогресс из поколения в поколение в течение полутора столетий, от поколения, выросшего в конце Ганнибаловой войны, до поколения Цезаря. Каждый, оглядываясь вокруг себя, может наблюдать то же явление в современной цивилизации. Но орудия производства, которыми мы располагаем, так могущественны, богатство, уже собранное людьми, так велико, что, когда энергия тех, кто управляет промышленностью торговой демократии, не падает, легко бывает удовлетворить возрастающие потребности новых поколений, потребляя часть уже добытых богатств не для удовлетворения текущих потребностей, а для добывания нового богатства. Промышленные аристократии могут извлечь из плодородного ложа земли все необходимое для увеличения производства: как драгоценные металлы, употребляемые при более развитом теперь обмене, так и большие запасы хлеба и сырых продуктов. Драгоценные металлы в особенности так многочисленны и так легко достаются, что те, кто обещает платить небольшой процент и возратить их, всегда их находят.

**Редкость драгоценных
металлов в древности**

В древнем мире, где производство было более медленно и менее изобильно, желания поколений возрастали быстрее, чем средства для их удовлетворения; торговым демократиям постоянно недоставало средств, необходимых для увеличения производства и потребления; особенно они страдали от недостатка в драгоценных металлах. Действительно, с 70 по 60 г. до Р. Х., когда Италия была ростовщиком для всего бассейна Средиземного моря, а Рим — античным Лондоном, финансовая метрополия, где государи и города всей средиземноморской области заключали свои займы, постоянно страдала от недостатка драгоценных металлов; жаловались на слишком высокий процент, хотели препятствовать вывозу золота и серебра в слитках; требовали уничтожения долгов. Нужда в деньгах росла быстрее самих денег, даже так быстро, что не знали, что сделать, если для ее удовлетворения не прибавить к процентам войну, грабеж всех храмовых сокровищ, царских дворцов, домов богачей — и все это как у цивилизованных народов, так и у варваров. Война возбуждала циркуляцию капиталов, слишком медленную для нетерпеливых желаний возникающей буржуазии, и выполняла таким образом жизненную функцию, которую она более не выполняет.

Созидание через разрушение

Бедность, ограниченное население, незначительность производительной силы древнего мира делали то, что капиталистическая буржуазия не могла там образоваться без войны и борьбы человека с человеком. С другой стороны, война приносимыми ею опустошениями и разорениями везде препятствовала росту населения, прогрессу промышленности, увеличению богатства, несмотря на то, что она, тем не менее, приносила меньший убыток, чем теперь, так как стоила дешевле. Противоречие было неразрешимо, и современники Цезаря не могли выйти из этого заколдованного круга.

Отсутствие в Риме бюрократии В то время как для увеличения империи нужна была армия и могущественное правительство, подобно тому как теперь Соединенные Штаты, Германия или Франция нуждаются в могущественной и сложной индустрии, армия и правительство, все общественные должности, от самых низших до наиболее важных, были в беспорядке, тем более ужасном, что в Риме все магистратуры были выборными, и не было прочной бюрократии, подобной бюрократии современных государств, которая посреди партийной борьбы продолжает почти механически выполнять наиболее важные государственные функции. В Риме дома горели и разваливались в то время, как эдилы занимались устройством игр. Воды было недостаточно: первый водопровод построили в 312 г. до Р. Х., второй в 272, третий в 144, четвертый в 125, но затем правительство не заботилось более об удовлетворении нужды постоянно возрастающего населения.⁷³⁵ Суда, привозившие в Рим хлеб, были принуждены бросать якорь в Остии на естественном рейде, который был невелик, небезопасен и не оснащен,⁷³⁶ или им нужно было подниматься по Тибру и выгружать свои товары в Эмпории, доках того времени, построенных в 192 и 174 гг. у подошвы Авентина, где теперь находится Lungo Tevere dei Pierleoni и Lungo Tevere Testaccio.⁷³⁷ Римские улицы были так же малобезопасны, как леса, полные разбойников; кроме убийц⁷³⁸ и воров проходившим угрожали экипажи, кучи щебня, пожары, неожиданно рушившиеся дома.

Последние дни сената Беспорядок в метрополии был равен анархии в правительстве. С тех пор как в итальянском обществе образовалось различие привычек, желаний, занятий, аналогичное тому, которому мы удивляемся в нашем современном обществе, сенат мало-помалу, подобно современным парламентам, сделался клубом знатных политических дилетантов, деловых людей, честолюбивых адвокатов, ученых политиканов, ненавидевших друг друга и отличавшихся один от другого своим происхождением, классом, традициями, идеями, профессией.⁷³⁹ Каждый поэтому имел свое честолюбие, защищал интересы своего класса, своей партии, своих клиентов.

Борьба интересов Сенат был, таким образом, как почти все современные парламенты, орудием, которым поочередно пробовали пользоваться социальные силы, оспаривавшие вне его друг у друга управление империей и которые, исключая бюрократию и крупную промышленность, были тогда почти те же, что и теперь: крупные финансисты, крупные и средние землевладельцы, уцелевшие представители аристократии, средний класс с его социальными стремлениями, влиятельные милитаристы и демагоги. Так измененный, этот великий аристократический корпус не имел более силы; он не управлял более, предоставив всю государственную администрацию традиционной рутине и революционному насилию фракций.

---

⁷³⁵ Lanciarli. T. R. A., 255 сл.

⁷³⁶ Jordan. T. R., I, 3 429.

⁷³⁷ Ibid., 431.

⁷³⁸ О частых убийствах в Риме см. интересное место у Варрона: R. R., I, LXIX, 3.

⁷³⁹ О составе сената см.: Willems. S. R. R., I, 556 сл.

Сенат и финансы Когда Италия сделалась финансовой метрополией средиземноморской области, сенат продолжал чеканить серебряную монету; бесчисленные займы, заключавшиеся в Риме, делались в иностранной монете или в слитках. Только генералы, имевшие право чеканить монету для уплаты своим солдатам, начинали чеканить золотую монету, но каждый ставил на ней особую надпись и изображение.⁷⁴⁰ Государственные финансы были в постоянном беспорядке, как теперь в Турции. Ничего не делали, чтобы уничтожить пиратство, правда, несколько ослабевшее после гибели Митридата и завоевания Крита и Сирии. Разбойничество опустошало все области империи.

Милитаризм и военная дезорганизация Обстоятельство, еще более странное для военной империи, — была совершенно дезорганизована армия. Когда древняя национальная милиция превратилась в наемную армию, для рекрутов нужно было установить военное обучение, но никто не думал об этом. Легионы, оставленные на отдаленных границах, часто уменьшались наполовину против своей действительной силы.⁷⁴¹ Каждый год меняли генералов, если только можно назвать генералами политиканов, время от времени покидавших форум, чтобы внезапно принять командование армией в сопровождении толпы друзей, из которых они делали своих главных офицеров без всякого знания искусства, которому те должны были обучать своих солдат. Они знали только то, что прочитали в греческом руководстве, гораздо более занятые тем, чтобы найти в провинции хорошее помещение для своих капиталов, чем тактическими и стратегическими занятиями. И все они уезжали назад в скором времени. Сам Цезарь отправился принять командование над четырьмя легионами, не имея другой военной практики, кроме осады Митилены и небольших набегов, предпринимавшихся им в 61 г. в Испании. Только центурионы, набранные из рядовых солдат, знали немного военное дело. Самый состав армий сделался очень неполным, ибо они состояли из одной только пехоты. Некогда кавалерийский корпус состоял из молодых людей богатых фамилий, но молодые люди предпочитали теперь давать в провинциях в долг деньги под 40 % или пользоваться в Риме накопленным их отцами богатством. Впрочем, если бы они все стали солдатами, то и этого числа всадников было бы недостаточно. Рим принужден был поэтому иметь варварскую конницу из фракийцев, галлов, германцев, испанцев, нумидийцев, а для команды этими эскадронами римским генералам приходилось прибегать к переводчикам. В общем, самые завоевания делали нацию неспособной к войне; и эта военная эпоха в Риме так точно соответствовала нашей промышленной эпохе, что военные доблести слабели там так же, как слабеют они теперь.

Иностранная политика сената Трудно найти в истории государство, которое произвело бы такие обширные завоевания, будучи столь слабым с политической и военной точки зрения. Сенат, по конституции долженствовавший быть органом иностранной политики, не имел ни правильно организованного получения известий, ни агентов, знающих принципы и традиции, которым должно было следовать при различных являвшихся за-

---

⁷⁴⁰ Mommsen. R. M. W., 400.

⁷⁴¹ Rüstow. H. K. C, 3.

труднениях. Он воздерживался, насколько мог, от решительных действий, держась той неопределенной традиции благоразумия, которая началась со времен Сципиона Африканского и благодаря которой уже более ста лет Рим увеличивал свою империю только по принуждению и с отвращением. Лукулл и Помпей, однако, доказали, что эта традиция не соответствует более новым мировым условиям и новым потребностям. Рим всегда поэтому являлся захваченным врасплох событиями, как это было с событиями в Галлии. Многочисленные вассальные или союзные государства были предоставлены самим себе, и никто не заботился поддерживать нужные отношения с их главами или следить за ними. Политика по отношению к этим вассалам, как и по отношению к независимым государствам, изменялась из года в год по капризу правителей, посланных в пограничные провинции. Очень часто в наиболее решительный момент самые важные дела были предоставляемы случаю.

Влияние вождей народной партии Этот невероятный беспорядок во внешней политике объясняет нам по большей части успехи народной партии. Консульство Цезаря, по-видимому, положило, к выгоде этой партии, конец борьбе, начавшейся в 70 г., ибо правительство было теперь не в курии, но в атриум или кабикуле дворцов Помпея и Красса и в палатке или носилках Цезаря, разъезжавшего по Галлии. Цезарь, Помпей и Красс соединились, чтобы управлять внутренними и внешними делами империи, распределять должности, готовить законы, рассуждать о расходах государственного бюджета, заставляя избирательные банды Клодия и нескольких стоворчивых сенаторов, которые на почти пустых заседаниях продолжали фикцию парламентского управления, все это одобрять, прибегая в своей корреспонденции, в своем счетоводстве, своих занятиях, своих интригах к помощи наиболее умных и ловких из своих многочисленных рабов. Последние сделали, таким образом, неотвественными чиновниками этого неотвественного и незаконного правительства, состоявшего из трех лиц. Несмотря на свои недостатки демократическая партия пожинала успехи, потому что она ранее консерваторов поняла важность восточных предприятий Лукулла; заметила, что наступательный империализм и личная инициатива генералов лучше соответствует новым потребностям, чем старый конституционный педантизм; обещала вдохнуть, а отчасти уже и вдохнула во внешнюю политику ту энергию, которой ей уже давно не доставало.

Дело триумвиров Но каким образом могла двигаться огромная машина империи при непрочной помощи коллегий римских рабочих и челяди трех лиц, столь не похожих друг на друга? Превосходили ли триумвиры своих сограждан до такой степени, что безнаказанно могли разделить между собою эту огромную империю, наследие стольких поколений? Для ответа мы должны обратиться к их характеристикам.

Помпей Помпей был умный вельможа, вполне довольный своими почестями, своим огромным богатством, своей неожиданной страстью, явившейся у него уже в зрелом возрасте, к молодой и прекрасной Юлии; вельможа, убежденный, что он великий человек, готовый согласиться управлять миром при условии, что это не будет мешать его привычкам и его удовольствиям.

Красс Красс был человек более твердый и более упрямый, честолобец, ненасытный во власти и богатстве. Не довольствуясь обладанием столькими рабами, домами, кредитом, таким большим количеством золота, столькими землями, рудниками, он снова замыслил свои старые проекты о великом военном предприятии, которое сделало бы его равным Лукуллу и Помпею и вознаградило бы его за неудачи последних лет. Но вне своей семьи это был ужасный эгоист, менее занимавшийся порядком или беспорядком в империи, чем здоровьем своих детей или мелкой ошибкой в своих частных счетах.

Цезарь и его критики Что касается Цезаря, то никто не мог произнести тогда о нем беспристрастного суждения. Этот патриций, имевший такой прекрасный литературный талант, чудно говоривший и писавший, изучавший и быстро усваивавший столько вещей, от астрономии до стратегии, и выступивший на политическую арену с умеренностью и здравым смыслом, обманул потом надежды всех серьезных людей. Он внес столько цинизма в политику, делая огромные долги, продаваясь, меняя каждый день свою программу и идеи, впутав в политику женские интриги, возбуждая бедных против богатых и знатных, что все были настороже. Разве он, вождь партии бедняков, стремившийся положить конец злоупотреблениям крупных капиталистов, не осмелился продаться им в одном из наиболее двусмысленных дел своего времени — в деле о понижении откупной платы за азиатские подати? И такой-то несерьезный человек готовился ехать в Галлию, вести там войны и производить завоевания! У него не было никакой практики: все в Риме знали, что у него не было даже крепкого здоровья, что он очень нежен, болезнен и подвержен падучей болезни. Современники, видевшие во всех событиях дело небольшого числа людей, не могли объяснить себе, как события, так сказать, роковым образом отвратили Цезаря от его самых мудрых намерений, от его самых прекрасных проектов, от его самых высоких стремлений. Этот человек, которого почти все современные историки так искренне рассматривают как решившего с юных лет завоевать мир и жизнь которого они описывают как сознательное усилие, обдуманное и направленное к верховной цели столь неизмеримого честолубия, напротив, был до этих пор более всякого другого человека своего времени игрушкой событий; он постоянно был принужден ими действовать противно своим намерениям. Одаренный удивительным научным и артистическим умом, полный воображения, деятельности, честолубия, он даже в политике всегда искал силы и красоты, гармонии и равновесия. Выступая в качестве вождя демократии, состоявшей из выдающихся и образованных людей, он действительно думал быть римским Периклом, приготавливавшимся к управлению обширной империей изучением в школах красноречия, искусства и изящества. Но бедность его фамилии и прогресс политического индифферентизма в высших классах разрушили его прекрасный проект. Чтобы выдвинуться, он должен был войти в долги, потом, когда демократия изменилась в демагогию, проданся Крассу. Он навлек на себя ненависть знати и, безжалостно преследуемый, вынужден был защищаться, заискивать расположения бедных классов, прибегать к всевозможным средствам, чтобы добыть деньги и, наконец, путем последовательных падений сделался политиканом, демагогом и деловым человеком. Живой и впечатлительный, он в бешенстве борьбы много раз доходил до потери своей умеренности, до жестокого преследования своих врагов, до скандальной наглости. Однако он никогда не позволял себе окончательно увлечься. Он все-

гда умел удержаться в тот момент, когда рисковал уступить невозвратному безумию; столь сильны были в нем благоразумные и умеренные инстинкты даже посреди волнений этой беспокойной эпохи.

Судьба и человеческое величие И теперь судьба уводила его, четвертого Гая римской демократии, по той Фламиниевой дорожке, которую ее первый вождь открыл в будущее; она вела его окончить великое предприятие, начатое Гаем Фламинием и продолженное Гаем Гракхом и Гаем Марием. Однако его единственной целью при отъезде в Галлию было удачными победами снова завоевать удивление высших классов, отнятое у него цепью роковых обстоятельств.⁷⁴² Закон жизни был тогда тот же, что во все времена, и великие люди той эпохи были так же невежественны, как и великие люди других времен, в историческом деле, бессознательными орудиями и жертвами которого они были в одно и то же время. Они, как все другие человеческие существа, были игрушкой того, что мы можем назвать Судьбой истории и что является только совпадением, непредвиденной стремительностью событий и взрывом скрытых сил. Этому взрыву было суждено быть ужасным как раз для трех лиц, соединившихся с целью сделаться властителями империи. Если эти люди поднялись так высоко, если слава, богатство, честолюбие, ум, удача дали им могущество, возраставшее по мере того, как разрушались учреждения древней республики в прогрессе политического скептицизма высших классов, то им все же нельзя было избежать общего закона, господствующего во всей мировой истории. Скоро должен был наступить день, в который их величие принудило бы их взять на себя ответственность и бремя, превышавшее их силы так же, как они пользовались почестями более их заслуг. Темная Судьба готовила для всех их трагические сюрпризы.

Лукулл Посреди такого беспорядка один Лукулл, наиболее удивительный человек в истории Рима, из обширных садов на Пинчио, с возвышенного места, где теперь находится бельведер виллы Медичи, мог, философствуя с греческими учеными, мирно созерцать Рим, расстилавшийся у его ног подобно неизмеримому морю, постоянно волнуемому приливами и бурями. Он навсегда покинул его; он жил в атмосфере света и спокойствия, на восхитительном островке удовольствия и отдыха. Его одного желала Евфанасия, богиня спокойной смерти. Этот единственный гений, этот счастливый отшельник приближался к вечеру своего жизненного дня, выполнив великую историческую миссию, и в то же время, как приготавливалась трагическая катастрофа созданного им нового империализма, он один из всех великих людей своего времени спокойно уснул на руках молчаливой богини.

---

⁷⁴² Намерения, которые Моммзен (R. С, III, 222) приписывает Цезарю, по моему мнению, проистекают из его преклонения перед ним. Они слишком глубоки. Способ, которым Цезарь вел войну с галлами, доказывает, что в своих действиях он всегда повиновался непосредственным мотивам.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А

О хлебной торговле в древнем мире (к с. 31 и 228)

Общее мнение историков, что причиной земледельческого кризиса, начавшегося в Италии после 150 г. до Р. Х., была конкуренция иностранного, сицилийского и африканского, хлеба. Только Вебер (R. A. G., 225) и Сальвиоли (D. P. F., 62 сл.) высказали в этом сомнение. Я, напротив, смотрю на это объяснение как на совершенно ложное. В древности не существовало частной и международной торговли хлебом, подобной современной, но каждая страна потребляла свой хлеб.

Вот доказательства этого: когда в V и IV вв. до Р. Х. Аттика сделалась промышленной страной и приобрела известное политическое могущество, население сделалось так густо, что собственных урожаев было недостаточно. Поэтому Аттика даже в урожайные годы принуждена была ввозить запасы хлеба, по Демосфену (*in Lept.*, 31), до 800 000 медимнов, т. е. около 415 000 гектолитров; но Бёк (E. P. A., 154) считает миллион медимнов, т. е. приблизительно 518 000 гектолитров. Принять ли цифру великого оратора или новейшего ученого, все же дело идет о довольно малом запасе сравнительно с цифрами современной торговли. И однако частная торговля не могла доставить в Атику эти полмиллиона гектолитров без помощи, а иногда без принуждения, со стороны государства. Из речи Демосфена (*in Lacrit.*, 50–51) следует, что все суда, принадлежавшие афинянам или субсидированные афинскими гражданами и метеками, были принуждены под страхом строгих наказаний возвращаться нагруженными отчасти хлебом. Речь Демосфена (*in Phorm.*, 36–37) доказывает, что судохозяин, ведший торговлю между Афинами и греческими колониями в Крыму и выгрузивший зерно в другой гавани, а не в Афинах, мог быть казнен. Гл. 38 этой речи доказывает, что рассматривали как гражданскую заслугу для богатого капиталиста всегда соблюдать эти законы. (См. также об этих законах: Демосфен *in Theos*, 10.) Следовательно, ввозная торговля хлебом даже в расположенных у моря Афинах была родом тягостной повинности, налагавшейся государством на купцов в обмен на покровительство и другие предоставленные им выгоды. Кроме того, если ввоз хлеба был полупринудительным, сама торговля привезенным в Атику хлебом вовсе не была свободной. Две трети хлеба, выгруженного в Пирее, говорит нам Аристотель (*Ath. resp.*, 51), должны были отвозиться в Афины. Лисий в речи *Adversus frumentarios* рассказывает, что спекуляции с хлебом наказывались смертью. В то время как за мелкой продажей всех других съестных продуктов надзирали ἀγοράνομοι, за хлебным рынком следили особые магистраты σιτοφύλακες (*Lys.* XXII, 16), которые (*Demosth.*, XX, 32) должны были вести подсчет ввезенному из разных стран хлебу. Однако продовольствование было недостаточно, и голод был нередок, так что время от времени необходимо было производить в Афинах за счет государства или частных благотворителей раздачу хлеба по пониженной цене, как позднее такое обыкновение существовало в Риме (*Arist. Vesp.*, 718 et *schol. ad loc.*; *Schol. Equit.*, 103; *Demosth. in Phorm.*, 37 sq.; C. I. A., II, 108, 143, 170, 194, 195. Схолиаст *ad Arist. Ach.* (548), по-видимому, указывает, что Перикл построил большую общественную житницу). Были даже особые магистраты для покупки хлеба

(σιτωναι), не назначавшиеся по жребию, а выбиравшиеся народом и часто производившие эту покупку за свой счет (Demosth. de Cor., 248; С. I. А., II, 335 и 353).

Наконец, в то время как теперь промышленные страны всеми силами стараются ограничить ввоз хлеба, устанавливая покровительственные пошлины, Афины всеми дипломатическими и военными средствами старались сделать ввоз хлеба насколько возможно обеспеченным и изобильным. Демосфен восхваляет великодушие Левкона, тирана Крыма, предоставившего афинским купцам привилегию вывозить любое количество хлеба, не платя никаких пошлин, что равнялось ежегодному дару в 13 000 медимнов, т. е. менее 7000 гектолитров. И однако этот дар казался Демосфену очень щедрым. Стремлением афинян во время расцвета их могущества было сделаться господами Черного моря, а особенно Босфора, для того, чтобы быть в состоянии захватить хлебную торговлю в свои руки или предоставить ее на определенных условиях кому пожелают (Boeck. E. P. A., 124; Demosth. de Cor., 87; С. I. А., I, 40). Существуют многочисленные декреты в честь египетских царей, дававших привилегию вывозить хлеб.

Эти факты можно объяснить, только допуская, что хлеб нелегко было перевозить и продавать вне местного рынка. Исключая некоторые страны, где население было редко, а земля очень плодородна, как в Крыму, и другие, где население, напротив, было густо, но умеренно, а земля необычайно плодородна, как в Египте, урожаев с трудом хватало для собственного потребления. Поэтому были склонны запрещать вывоз хлеба, и, действительно, мы видим, что он очень часто запрещается. Добыча хлеба даже при обыкновенных условиях не была, следовательно, очень значительной. Кроме того, в древности издержки и риск, связанные с перевозом товаров даже по морю, были велики. Это зависело от редкости капитала и очень высокого процента, от небольших размеров и медлительности судов, от частых войн, от пиратов, вероломства и варварства. Эти издержки и опасности еще увеличились при перевозке по суше. При таких условиях торговцы старались не развивать число операций, а стремились заработать побольше на каждой из них. Охотно привозили товары небольшого объема, цена которых в той стране, где их покупали, была низка и высока в той стране, где их продавали, чтобы быть в состоянии получить большую прибыль при небольшом транспорте. По этой причине, как часто отмечалось, древние народы обменивались между собой только предметами роскоши, потребление которых было ограничено и цену которых можно было повысить, ибо они продавались людям богатым. Сверх того, так как на берегах Средиземного моря было немного цивилизованных народов между массой варварских и так как цена вещей находится в прямом отношении к цивилизации, то многие предметы, даже не бывшие предметами роскоши, например, сушеные фрукты, шерсть, мед, благовония, были дешевы в очень бедной и варварской стране и дороги в стране богатой и цивилизованной. Этими предметами также велась торговля. Одним словом, торговля велась так, чтобы груз корабля или каравана всегда мог принести значительную сумму и вознаградить за издержки путешествия, проценты на капитал и риск, которому подвергался купец. Хлеб же был громоздким товаром, и его перевоз стоил дорого; следовательно, частные лица имели выгоду привозить в другую страну иностранный хлеб, даже купленный по очень низкой цене, только в эпохи сильного голода и при условии ввоза не-

большого количества, несколько уменьшавшего голод, но не уничтожавшего его совершенно. Если бы купцы привезли количество хлеба, достаточное для того, чтобы значительно понизить цену, они не получили бы прибыли, достаточной для покрытия огромных издержек от такого громоздкого товара и сопряженного с ним риска. Другими словами, частная торговля хлебом делалась тогда спекуляцией на местный и частичный голод; она не была, как теперь, средством распределять припасы по всем странам и уравнивать цены так, чтобы они не поднимались очень высоко, но и не падали слишком низко в какой-нибудь стране. Это подтверждают Ксенофонт (Econ. XX, 27, 28), определенно говорящий нам, что хлеботорговцы спекулируют на голоде, продавая хлеб из одной страны в другую, и Демосфен (in Dionys, 7—11), описывающий очень интересный род треста, образованного многими торговцами для спекуляции во время голода всякий раз, когда он случался бы в средиземноморских странах, путем привоза небольшого количества хлеба из стран, где он был дешев, в те, где был голод, и получения большой разницы в этих ценах. Если бы торговля хлебом была международной, то спекуляция на повышение зависела бы не от рынков, а от времени года, как теперь; теперь спекулируют, не покупая хлеб, где его много, а покупая его в то время, когда он очень дешев, чтобы продать его, когда он подорожает. Кроме того, так как местные ограниченные рынки были очень изменчивы, спекуляторы подвергались тогда большому риску (Demosth. in Zenothemidem, 25).

Я остановился на торговле хлебом в Аттике, потому что для нее у нас есть много документов, но в этом отношении условия античной цивилизации были одинаковы, и мои соображения одинаково применимы к Риму и Италии. Если в V и IV вв. до Р. Х. понтийский или египетский хлеб не мог быть перевезен в богатый приморский центр, подобный Афинам, без субсидии со стороны государства или без поддержки богатых купцов, которые добровольно или вынужденно оплачивали часть издержек, то как мог египетский хлеб два столетия спустя продаваться внутри Италии, в Циспаданской Галлии или в городах, расположенных в Апеннинских горах? Перевезенный так далеко хлеб стоил бы столько, что никак не мог конкурировать с местным хлебом: издержки транспорта и прибыль торговца лучше покровительствовали бы тогда местному земледелию, чем современные покровительственные пошлины; и они, действительно, покровительствовали ему так хорошо и делали ввоз хлеба столь трудным, что в Риме, по крайней мере, нужно было прибегать к искусственным мерам, аналогичным употреблявшимся в Афинах для увеличения ввоза. Покупка хлеба за счет государства и даровые раздачи его частными лицами были мерами того же порядка и вызванными теми же потребностями, как и вышеуказанные меры, употреблявшиеся в Афинах. Когда Рим возрос и население столпилось вокруг семи холмов, цена хлеба быстро возрастала, по мере того как приходилось запасаться хлебом в более обширной полосе, ибо издержки перевоза увеличивались и трудно было доставить в Рим большое количество хлеба, необходимое для пропитания столь многочисленного населения. Современные европейцы и американцы так привыкли видеть огромные города, насчитывающие миллионы людей, правильно снабженные припасами благодаря частной торговле, что они думают, что это естественное положение вещей. Напротив, эта правильность снабжения съестными припасами является одним из наиболее чудесных и недавних результатов цивилизации, сделавшихся возможными благодаря изобре-

тению железных дорог, пароходов, благодаря могущественной организации современной промышленности и торговли, благодаря распространившейся привычке к работе и огромному возрастанию богатства. В древности было трудно продовольствовать город в 100 000 жителей. Этим объясняется, почему почти все древние города были невелики; и это заставляет нас также не слишком легко верить очень высоким цифрам, до которых иногда поднимают население некоторых из этих городов; это, наконец, объясняет нам, как в стране, обогащенной, подобно Аттике, торговлей и промышленностью или, подобно Италии, ростовщицеством, ввозом капиталов и завоеваниями и где население охотно покидало деревню, чтобы собираться в городах, трудность продовольствования делалась очень важным политическим вопросом. Жизненным вопросом для государства была возможность получать хлеб из страны, где ежегодно был его избыток, а для этого нужно было сохранять с этими странами хорошие дипломатические отношения или же завоевывать их. Это же объясняет и то, как военное расширение древних государств отчасти зависело от владения очень хлебобородными областями. Рим мог послать армию во все страны Средиземного моря, когда завоевал Сицилию, Сардинию, Испанию и установил хорошие дипломатические отношения с Египтом, т. е. когда он имел огромные житницы, готовые открыться по первому его требованию. Митридат мог предпринять свою долгую войну против Рима, когда завоевал плодородный Крым. Многочисленная армия есть подвижный город, искусственное собрание населения, которое нужно кормить. Страна, производившая количество хлеба, едва хватавшее для ее потребностей, была бы осуждена на вечный голод, если бы вынуждена была посылать часть своего хлеба вдаль для пропитания своих армий. Поэтому мне кажется вероятным, что Цезарь и Красс потребовали в 65 г. завоевания Египта, потому что Египет был самой богатой житницей Средиземного моря. Они надеялись, что эта мысль будет принята народом, постоянно боявшимся голода, с тем же энтузиазмом, как и весть о победе Помпея над пиратами.

Так как невозможно допустить, что итальянское земледелие было разрушено, начиная с 150 г. до Р. Х., конкуренцией иностранного хлеба, то я предполагаю, что причиной кризиса было увеличение стоимости жизни. Это единственное предположение, кажущееся мне вероятным. Историки древности на тысячу манер рассказывают об увеличении роскоши в Италии после второй пунической войны, и Плиний нам сохранил важные примеры, указанные мной в моем рассказе. Это увеличение роскоши — не что иное, как поднятие интенсивности жизни путем подражания более утонченной цивилизации, достаточно объясняющее кризис в очень бедной стране. Аналогичные факторы весьма часты в истории; например, экономический кризис, испытанный Италией в последние двадцать лет, происходил от увеличения издержек, причиненных введением с 1848 г. англо-французской индустриальной цивилизации в старое земледельческое общество. Подобное же явление произошло в России после 1861 г. То же, но в менее обширных размерах, произошло в древней Италии. Греческая и восточная цивилизация, более сладострастная и более дорогая, проникнув в древнюю земледельческую и бедную Италию, произвела там не только нравственное, но и экономическое разложение социальных классов, разрушая древние основы благосостояния. Но этот важный и обширный вопрос я намерен подробно рассмотреть в специальном очерке.

Б

Хронология войн Лукулла (к с. 99, 102)

До Рейнака всегда допускали, что война за завоевание Вифинии началась весной 75 г. Таково мнение Моммзена (R. G. III, 55 сл.). Рейнак, напротив, допуская, что Никомед умер в конце 74 г., помещает начало войны на 73 г. (М. Е., 321, примеч. 1), и его мнению следует Jürgens (*De Sallusti historiarum reliquiis*. Göttingen, 1892). Maurenbrecher (*Sallusti Crispi historiarum reliquiae*. Leipzig, 1893) и Bernhardt (*Chronologie der mithridatischen Kriege*. Marbourg, 1896) недавно вернулись к прежней хронологии. Я долго изучал вопрос и нахожу невозможным принять поправку Рейнака. Цицерон (*Pro Миг.*, XV, 33), Ливии (Р., 93), Евтропий (VI, 6) и Аппиан (*Mithr.*, 72), рассказывая о Лукулле и Котте или об одном Лукулле, говорят, что консулы были посланы для начальствования на войне. Мне кажется очень смелым предположение, что все они написали «консулы» вместо «проконсулы». Правда, Цицерон (*Acad. prior.*, II, I, 1) говорит: *Consulatum ita (Lucullus) gessit ut... admirarentur omnes; post ad Mithridaticum bellum missus a senato...* Но Лукулл провел в Риме в качестве консула по крайней мере четыре или пять месяцев, и Цицерон, очевидно, имеет в виду эти месяцы. Точно так же фразу Веллея (II, 23): *L. Lucullus... ex consulate sortitus Asiam* — нельзя приводить для подтверждения этого мнения. Веллей резюмирует в случайной фразе, присоединенной через *qui* к имени Лукулла, историю войны и допускает различные ошибки в этом беглом и спутанном резюме. Он приписывает Лукуллу провинцию Азию вместо Киликии; он упоминает победу при Кизике — первую, одержанную Лукуллом, — после поражений, нанесенных Митридату в последующих кампаниях. Это доказывает, что Веллей плохо знал историю этих запутанных войн, которую резюмирует в общих чертах. Он ошибается и при указании провинции, ошибается и в перечислении важных событий, он мог ошибаться и при указании должности, которую занимал Лукулл при отправлении в Азию. Его авторитет не может иметь большего значения, чем авторитет Евтропия, Аппиана, Тита Ливия, а особенно Цицерона.

Не перечисляя других аргументов, извлеченных из текстов и указанных в очерке Бернгардта, я думаю, что можно прийти к окончательному заключению по этому поводу другим путем, т. е. изучая историю этой войны и ее многочисленные темные места. Мы знаем эту историю по двум главным источникам: Плутарху, в биографии Лукулла резюмирующему, без сомнения, Саллюстия, и Аппиану, следующему в изложении войны Митридата рассказу менее хорошему, чем Саллюстий (Николаю Дамасскому?). Оба они, тем не менее, полны неясности и неопределенности. Это происходит от того, что, желая слишком сконцентрировать рассказ о таком сложном эпизоде, оба писателя сократили или совершенно опустили существенный факт, именно, что Митридат вторгнулся в Вифинию и в Азию — безразлично, было ли это в 74 или в 73 г., но — и это существенно — неожиданно, и когда Котта и Лукулл были еще в Италии, в то время, как смерть Октавия оставила свободным управление Киликией, а в Азии было только два легиона Фимбрия под начальством простого пропретора. Я думаю, что спутанность обоих древних рассказов и изложения большого числа современных историков, в том числе и Рейнака, происходит оттого, что ни те ни другие не обратили внимания на факт, что история первого года войны представляет много неразрешимых трудностей. Если бы Котта занимал с арми-

ей Вифинию ранее, чем Митридат вторгнулся в нее, то как объяснить, что ни один город Вифинии, кроме Халкедона, не оказал сопротивления? Котта, конечно, поставил бы гарнизон по крайней мере в Никомидии, столице, где были царские сокровища, и по крайней мере в Никомидии сделали бы попытку оказать сопротивление Митридату. Если бы Лукулл был в Азии с пятью легионами в момент вторжения Митридата, то набор солдат, произведенный Цезарем, бывшим на Родосе (Suet. Caes., 4), был бы смешным и преступным хвостовством, за которое Лукулл мог бы потребовать у него отчета. Напротив, этот набор является разумной, хотя и бесполезной мерой, если допустить, что вторжение произошло неожиданно, тогда, когда в Азии было только два легиона Фимбрия под начальством пропретора, что богатые классы боялись новой революции и все города, вероятно, думали защищаться как могли. Мы знаем, кроме того, что Лукулл, как только в Риме поднялся вопрос о войне, желал получить управление Киликией, чтобы через Каппадокию попытаться вторгнуться в Понт (Plut. Luc., 6), но, когда он получил Киликию, он, вместо того чтобы отправиться в провинцию, высадился в Азии, где не имел еще никакой власти, вопреки утверждению Рейнака (M. E., 231, примеч. 1; см. Lange. R. A., III, 201).

Лукулл, следовательно, изменил свой план войны. Основанием для этой перемены могло быть только одно: Митридат вторгнулся в Азию, и вместо завоевания неприятельской территории, как Лукулл ранее думал сделать, приходилось защищать свою. Но решительным доказательством всего этого служит для меня факт разделения командования между Коттой и Лукуллом и декрет об этом разделе, к счастью, сохраненный Цицероном (Pro Mithr., XV, 33): *ut alter Mithridatum persequeretur, alter Bithyniam tueretur*. Нельзя предположить, чтобы сенат издал подобный декрет, когда Митридат был еще в Понте, когда было еще неизвестно, на что он решится, и все в Риме еще думали, что можно будет вести незначительную войну. К чему было посылать Котту на защиту Вифинии и Пропонтиды, которым никто не угрожал? К чему поручать Лукуллу *преследовать Митридата* — выражение, ясно указывающее на врага, уже начавшего военные действия? Напротив, это решение становится разумным, если допустить, что оно было принято, когда сенат узнал, что Вифиния и Азия были захвачены двумя армиями. Сенат послал Котту для обратного завоевания Вифинии, а Лукулла — для борьбы с армией, находившейся в Азии. Это объясняет нам причину высадки Лукулла в Азии. Наконец, как можно объяснить, что Лукулл, немедленно по своем приезде в Азию и не имея законной власти, даровал ее жителям финансовые облегчения, если бы Митридат не был уже в Азии и если бы полководцу не казалось необходимым успокоить недовольство населения, раньше чем отправиться на север, где находилась понтийская армия? Наконец, наше предположение позволяет нам очень ясно объяснить всю историю интриг, предшествовавших назначению Лукулла, которая у Плутарха остается загадкой. Лукулл должен был сперва интриговать и заискивать у Претии и Луция, чтобы получить киликийское проконсульство, но когда узнали, что Митридат вторгнулся в Вифинию и Азию и испугались повторения событий 88 г., тогда признали, что нельзя оставить ответственность за такую войну на пропреторе, имевшем только два легиона, а Киликию — без правителя. Захотели, хотя бы путем чрезвычайной меры, подобной принятой в бытность Помпея в Испании, послать человека, способного оказать сопротивление врагу. А единственным таким человеком был Лукулл. Он был не только консул, но и пользо-

вался громкой военной репутацией: он знал Восток, где уже с честью сражался с Митридатом. В опасный момент все другие конкуренты были устранены, и им были даны второстепенные командования.

Итак, Митридат вторгнулся в Азию и Вифинию весной, последовавшей за смертью Никомеда, когда в Риме не делали никаких приготовлений к войне. Была ли это весна 74 или же весна 73 г.? По моему мнению, очевидно, это была весна 74 г. Луций Октавий был проконсулом Киликии в 74 г. Если бы война разразилась в 73 г., то управление Киликией было бы в руках его преемника, а не было бы вакантным, что вызвало столь сильный страх в Риме. Кроме того, Лукулл был бы тогда уже в своей галльской провинции, а не в Риме. Из тщательного разбора рассказа Плутарха видно, что интриги относительно восточного командования имели место, когда Лукулл и Котта были консулами в Риме, и такое предположение вероятно само по себе. Если бы Лукулл, который должен был быть уже проконсулом в Галлии, остался в Риме, надеясь получить проконсульство в Вифинии, и не для того, чтобы заместить умершего проконсула, а чтобы заменить уже назначенного правителя, мы знали бы об этом: до такой степени этот факт был бы необычным и незаконным. Проще сослаться на Цицерона, который нам ясно говорит, что *консулы* Лукулл и Котта были посланы на войну. Это бывало не часто, но и не так редко, как думает Рейнак. Что касается даты смерти Никомеда, то аргумент, основывавшийся на вифинских тетрадрамах, вычеканенных в 124 г. вифинской эры, начавшийся в октябре 74 г., которым пользуется Рейнак (М. Е., 318, примеч. 2) для доказательства, что Никомед умер в конце 74 г., уже опровергнут Мауренбрехером. Вполне возможно допустить, что даже после смерти Никомеда при политическом хаосе, последовавшем за аннексией, продолжали чеканить старые монеты, особенно если, как говорит Мауренбрехер, эти монеты были с изображением не только что умершего царя, а его отца Никомеда II (S. N. R., 228).

Я допускаю, основываясь, главным образом, на Плутархе (Sert., 24), что Митридат в его первое вторжение был в армии, вторгшейся в Азию, а не в той, которая вторглась в Вифинию. Этот текст, конечно, относится к первому вторжению и дает слишком много деталей, чтобы можно было сомневаться в его правдивости. Неудивительно, впрочем, что Митридат, сильно желавший восстания в Азии, захотел своим присутствием при Марке Марии доказать, что восстание не означает разрыва с Римом, и этим путем побудить к революции классы, менее отважные и более расположенные к Риму. Это предположение влечет за собой другое, правда менее обоснованное, именно, что два генерала, Таксил и Гермократ, о которых говорит Аппиан (Mithr., 71), были посланы в Вифинию. Но Евтропий (VI, 6) и Аппиан (Mithr., 70) говорят, что Котта был побежден Митридатом при Халкедоне. Это заставляет меня предполагать, что Митридат, узнав о прибытии Котты с флотом в Халкедон, оставил азийскую армию и отправился лично принять командование над вифинской армией, чтобы вести ее для осады Халкедона. Присутствие в Халкедоне римского флота могло сильно повредить всей понтийской армии. Митридат тем более спешил победить Котту, что революционное движение в Азии делало мало успехов, поэтому он лично руководил операциями против Котты. Он совершил, таким образом, ту же ошибку, что и римляне, разделив свои силы для преследования двух целей, но, по безрассудству Котты, эта ошибка сделалась для него выгодной. Он имел время нанести Котте поражение и возвратиться, ведя, вероятно, с

собой часть войск, осаждавших Халкедон, чтобы идти против Лукулла, наступавшего со своей реорганизованной армией.

Можно возразить, что, если Митридат вторгся в Азию, когда Котта и Лукулл были еще в Италии, ему по меньшей мере три месяца приходилось сражаться в Азии с незначительными силами. Почему же он не воспользовался этим, чтобы овладеть большей частью провинции Азии? Почему все время он оставался на севере? Причина этого, без сомнения, была в положении азиатских городов. Только немногие и наименее важные стали на сторону завоевателя; другие, испуганные воспоминаниями о прошлой революции, потерпевшей такой жалкий конец и которую пришлось так сурово искупать, под влиянием римских эмигрантов и богатых классов, на этот раз не давших захватить себя врасплох, остались сдержанными. Было бы неблагоприятно, ввиду недостатка провианта, двинуться в середину неприятельской страны и тратить на осады городов силы, которые Митридат хотел сохранить нетронутыми для того, чтобы помериться ими с римской армией, долженствовавшей прийти ему навстречу.

Отношения Красса и Помпея в продолжение десяти лет, протекших между их консульством и консульством Цезаря, очень важны для объяснения событий этого времени; но рассказы античных историков так спутаны и так не полны, что я считаю необходимым присоединить несколько замечаний для объяснения предположений, на которых основывается моя передача фактов.

Допустив, как я уже сказал в тексте, что Помпей и Красс поссорились еще до окончания их консульства, я предположил, что первой причиной этой ссоры были интриги Красса, старавшегося помешать Помпею заместить Лукулла. Для объяснения последующего естественно и необходимо предположить, что у Помпея было это намерение, как признал и Моммзен (R. G., III, 106), но он объяснил отказ Помпея от своей мысли тем, что в 70 г. война с Митридатом казалась уже оконченной. Мне, напротив, кажется более вероятным, что Помпей отказался от своей мысли, принужденный к этому Крассом. Действительно, и в 70 г. легко было предвидеть, что из войны с Митридатом родится армянская война. Кроме того, ссора двух соперников, возгоревшаяся после примирения в январе 70 г. благодаря событиям, связанным с консульством, чтобы стать такой ожесточенной, продолжительной и опасной для народной партии, должна была иметь серьезные мотивы, а не только личные несогласия. А какой мотив можно представить более серьезным и вероятным, чем борьбу честолюбий из-за получения такого чрезвычайного проконсульства? Выставленным мною предположением легко объясняется рассказ Веллея Патеркула (II, 31), в котором он говорит, что консул Помпей поклялся *se in nullam prouinciam ex eo magistrati! iturum*. Такое торжественное и публичное заявление не было бы сделано без всяких мотивов. Не вероятно ли предположить, что Красс при помощи консерваторов распространял клевету о честолюбивых замыслах Помпея, например, о его желании отправиться на Восток с целью сделаться потом господином всего государства, подобно Сулле (этот план действительно приписывали Помпею до его возвращения с Востока), и что Помпей, устав от этих клевет, раздраженный встреченными затруднениями, сделал это презрительное заявление. Кроме того, мне кажется невозможным, чтобы Помпей остался добровольно в Риме после своего консульства, и его презрительное и сдержанное положение, ненависть, обнаруживаемая по отношению к Крассу, по-видимому, указывают, что именно Красс принудил его вернуться к частной жизни.

Эта гипотеза подтверждается положением, позднее принятым Крассом. В 69 и 68 гг., когда Помпей тайно интриговал против Лукулла, а явно предавался отдыху частной жизни, Красс спокойно занимался своими делами, воздерживаясь от политики; он не пошевелился даже в 67 г., когда Помпей был послан против пиратов. Но после того, как в 60 г. Помпей был назначен преемником Лукулла, Красс снова неожиданно выступил, и притом так безрассудно и энергично, что мы с трудом узнаем в нем благоразумного банкира предшествующих лет. Он внезапно захотел добиться от сената, к великому негодованию консерваторов, декрета о завоевании Египта, страны дружественной и союзной уже с давних пор (Plut. Crass., 13). Правда, Светоний (Caes., 11) говорит, что этого командования домогался Цезарь, но я думаю, что здесь прав Плутарх, ибо Цезарь, только что избранный эдилом и имевший столько долгов, не мог иметь

таких обширных замыслов. А так как мы знаем, что в эти годы Цезарь состоял на службе у Красса и был самым деятельным его помощником, то, вероятно, Светоний принял пропаганду, ведомую Цезарем в пользу Красса, за личное честолюбие первого. Красс, таким образом, внезапно был охвачен желанием чрезвычайных военных почестей, и столь богатый, столь благоразумный, столь склонный по характеру и расчету к консервативным идеям, во всяком случае, столь дотоле сдержанный, вмешивается в борьбу между народной партией и консерваторами, делается демагогом, очевидно, для получения начальствования в египетской войне. Он предлагает предоставить право гражданства жителям Транспаданской Галлии; он участвует более или менее в заговоре 63 г.; он тратит деньги, чтобы доставить в 63 г. консульство Катилине.

Эта перемена, если не хотят объяснить ее как умопомрачение, должна была иметь внешнюю причину. И этой причиной, на мой взгляд, была посылка Помпея на Восток, бывшая личным ударом для Красса. Вероятно, он хвалился, что помешал Помпею наследовать Лукуллу, и этот успех неизмеримо поднял его репутацию. Но вот Помпей, в свою очередь, одерживает победу! Старое соперничество возрождается: Красс захотел компенсации и чрезвычайной должности, которая снова поставила бы его выше Помпея. Если бы положение дел было иное, если бы в 70 г. Помпей добровольно, а не по принуждению Красса, отказался от провинции, все это казалось бы почти необъяснимым.

Каково было участие Красса в заговоре 66 г.? Возможны разные гипотезы, ибо нет ни прямых документов, ни документов, которые можно было бы контролировать. Хотя Дион (XXXVI, 42) и Саллюстий (С: С, 18) не называют Красса между инициаторами заговора; хотя Светоний (Caes., 9) и Асконий (in Toga candida) пишут по поводу участия Красса, что все дело ограничивалось темными слухами, я лично думаю, что Красс и Цезарь были в нем замешаны. Иначе нельзя объяснить, как отметил John, такого снисходительного отношения сената. Если бы сенат и консулы оказались только перед Автронием, Суллой и Пизоном, они погубили бы их, тем более что процесс, начатый против Суллы три года спустя, показывает, что у них не было недостатка в желании отомстить за себя. Напротив, они пощадили их и даже вознаградили. Как объяснить это поведение, не допустив, что за ними скрывался гораздо более могущественный человек, и этим человеком должен был быть тот, кто в это время мучился такими честолюбивыми замыслами и кто является в рассказе Саллюстия виновником почестей, назначенных Пизону в награду за его заговор. Но почему Красс дал эту миссию Пизону? Этот вопрос связан с другим: почему Красс участвовал в заговоре? Я говорю *участвовал*, ибо мне казалось вероятным, вопреки предположению John'a, что он не был задуман Крассом, а что, скорее, он ободрил его творцов, которыми, без сомнения, были оба консула. Передаваемый Светонием слух, что Красс хотел быть избран диктатором с Цезарем в качестве *magister equitum*, кажется мне необоснованным. Даже если бы Красс был назначен в 65 г. диктатором, то как бы он удовлетворил свою ненависть к Помпею и достиг своих дальнейших целей, если у него не было армии? Сулла мог быть властелином Италии целый ряд лет, но не потому, что был диктатором, а потому, что привел с собой из Азии свою армию. Даже если допустить, что Красс для защиты от возможных нападений Помпея по его возвращении домогался тогда диктаторской власти, какая была у Суллы, ему нужно было приготовить армию, а это можно было сделать только во время войны. Поэтому мне кажется

более вероятным, что, помогая Сулле и Автронию сделаться консулами, он хотел, имея их на своей стороне, легче добиться командования в египетской войне. Потерпев неудачу, он попытался в 65 г. заставить дать жителям Транспаданской Галлии права гражданства, а потому возбудил народную агитацию при помощи Цезаря, давшего в качестве эдила игры, оплаченные, конечно, Крассом. Когда не удалось и обе эти попытки, упрямый человек вернулся к мысли заставить избрать консулами двух своих друзей и заключил союз с Катилиной и Антонием. Неудача этой попытки, потом открытие заговора рассеяли его планы, и Красс окончательно отказался от своих честолюбивых замыслов. В общем, я думаю вместе с Моммзеном (R. C, III, 172 сл.), что завоевание Египта и стремление получить командование в этой войне были конечной целью той агитации, с помощью которой Красс старался одержать верх над Помпеем. Поэтому посылка в Испанию Пизона не может быть связываема с революционными проектами, ибо управление Испанией было бесполезно для достижения истинной цели, т. е. завоевания Египта; но вместе с тем это было ударом Помпею, врагом которого был Пизон, и удовлетворением личной гордости Красса, доказательством перед лицом Рима его могущества и средством окончательно прекратить слухи, распространявшиеся по поводу его участия в заговоре. Роль Сития, напротив, остается необъяснимой. Я безуспешно старался найти предположение, которое удовлетворительно объясняло бы ее.

Я хочу еще оправдать мое изложение отношений между Крассом и Цезарем во время удаления Помпея. Моммзен, которому следует John, предполагает, что Цезарь и Красс соединились, чтобы доставить себе путем завоевания Египта и посылки Пизона в Испанию армию, которую можно было бы противопоставить армии Помпея. Но этой теории можно противопоставить одно, по-видимому, решительное, возражение: Цезарь, в отличие от Красса, не имел повода бояться или ненавидеть Помпея, с которым он был в дружеских отношениях. В начале 66 г. Цезарь помогал принятию закона Манилия; почему же в конце этого года, когда Помпей еще не победил окончательно Митридата, он стал бы стараться защититься против результатов закона, утверждению которого он содействовал десять месяцев тому назад? Его поведение было бы совершенно непоследовательно. Кроме того, рост могущества Помпея, ослабляя консервативную котерию и вызывая больше доверия к народной партии, был полезен Цезарю, который, будучи тогда эдилом, не мог даже состязаться с Помпеем за первое место в Риме. Со своей стороны, Помпей не имел оснований не доверять Цезарю, гораздо менее могущественному и бедному, которому он, вероятно, ссужал деньги и который уже оказал ему важные услуги и мог оказать их и впредь. Однако если, помогая Крассу, Цезарь рисковал поссориться с Помпеем, с которым ему более выгодно было оставаться другом, то он должен был иметь для этого серьезное основание. Обремененный долгами, Цезарь был тогда в крайне стесненном положении: это доказывается предложением Катутла при выборах в понтифики и конфискацией багажа при отъезде в Испанию. Это подтверждается и кризисом, добычей которого была Италия: редкость денег была причиной всех политических волнений этой эпохи и делала более трудным возобновление кредита. Однако Цезарь должен был продолжать делать траты со своей обычной расточительностью и, кроме того, произвести большие расходы во время своего эдильства. С другой стороны, мы знаем, что Красс давал Цезарю деньги. Извлекаемое из этих фактов заключение мне кажется вероятным и

подтверждается другим соображением, именно, что Цезарь, очевидно, старался, чтобы его рвение к честолюбивым домогательствам Красса не обозначало его вражды к Помпею, другом которого он старался оставаться. Действительно, в 63 г. Цезарь поддерживал предложение, сделанное одним из его наиболее преданных сторонников, Лабием, по которому Помпею по окончании войны с Митридатом предоставлялись чрезвычайные почести. В 62 г. он сам предложил новые почести и соединился для борьбы против консерваторов с Кв. Метеллом Непотом, сторонником Помпея и автором предложения об отозвании Помпея в Италию. Даже если бы это возобновление ревностной дружбы к Помпею было вызвано неудачей интриг Красса, то как бы мог Цезарь сделать эти приложения и соединиться с Метеллом, если бы в два предшествующих года он стоял открыто среди врагов Помпея? Как мог бы Цезарь два года спустя выступить примирителем Красса и Помпея и положить конец долгому раздору, если бы он не был другом их обоих? Очевидно, что Цезарь все это время считался другом Красса и Помпея и что, как он помогал Помпею получить начальствование в Азии, он хотел помочь и Крассу получить начальствование в Египте. То обстоятельство, что Красс хотел этого начальствования отчасти из зависти к Помпею, могло раздражать Цезаря, но не отвратить его от помощи. Помпей не мог не признать справедливости и лояльности такого поведения.

Почитающие культ героев будут рассматривать, конечно, как богохульство попытку отыскать такие низменные и личные мотивы в поступках, имевших огромную важность в жизни Цезаря и являющихся существенными событиями во всемирной истории. Но иначе посмотрит тот, кто знает немного жизнь и знает, как часто наиболее важные акты совершаются именно потому, что люди не знают их отдаленных последствий.

СПИСОК КНИГ, УПОМЯНУТЫХ В ТЕКСТЕ

- Aumale (Duc d.). — Alesia, в *Revue des Deux Mondes* du 1-er mai 1858.
- B. C. H. — *Bulletin de correspondance Hellénique*. Paris.
- Babelon. — M. R. R.: *Description historique et chronologique de monnaies de la République romaine*. Paris, 1885–1886.
- Barbagallo — R. R. E.: *Le relazione politiche di Roma con l'Egitto, dalle origini al 50 a C.* Roma, 1901.
- Barnabei. — Di un termine gracciano scoperto presso Atena, в *Notizie degli scavi*, mars 1897.
- Barone. — I. G. C.: *I grandi capitani sino alla rivoluzione francese*. Torino, 1898.
- Bellezza. — F. S.: *Dei fonti e dell' autorità storica di C. Sallustio Crispo*. Milano, 1891.
- Beloch. — B. A. W.: *Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*. Leipzig, 1886.
- Beloch. — I. B.: *Der Italische Bund unter Roms Hegemonie*. Leipzig, 1880.
- Bernhardt. — C. M. K.: *Chronologie der mithridatischen Kriege*. Marbourg, 1896.
- Bertrand. — *Les tombelles l'Auvenay*, в *Revue archéologique*, 1861.
- Blasel. — *Die Motiven der Gesetzgebung des C. Sempronius Gracchus*. Trieste, 1878.
- Blumner. — G. T. A.: *Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Alterthums*. Leipzig, 1869.
- Böckh. — E. P. A.: *L'Economia pubblica degli Ateniesi*, Milano, editione de la Biblioteca di storia economica, под редакцией Vilfredo Pareto.
- Bonfante. — D. R.: *Diritto Romano*. Firenze, 1900.
- Borsari — T. R.: *Topografia di Roma antica*. Milano, 1897.
- Brunn. — G. G. K.: *Geschichte der griech. Künstler*. Stuttgart, 1857–1859.
- Bruns. — *Fontes juris romani antiqui*. Tübingen, 1860. Busolt, в N. I. P. P., см N. I. P. P.
- Bynum. — L. M. J. B.: *Das Leben des M. Junius Brutus bis auf Caesars Ermordung*. Halle, 1898.
- Caetani-Lovatelli (comtesse Ersilia). — *I giardini di Lucullo*, в *Nuova Antologia*, 16 августа 1901.
- Caetani-Lovatelli. — *I giornali dei Romani*, в *Nuova Antologia*, ноябрь 1901.
- Caliegari. — L. S. C.: *La legislazione sociale di Caio Gracco*. Padua, 1896.
- Cantalupi. — M. S.: *La magistratura di Siila durante la guerra civile*. Roma, 1899.
- Castelli. — Gli E.: *Gli Ebrei*. Firenze, 1899.
- C. I. A.: *Corpus inscriptionum atticarum*.
- C. I. Gr.: *Corpus inscriptionum graecarum*.
- C. I. L.: *Corpus inscriptionum latinarum*.
- Ciccotti. — D. P.: *Donne e politica negli ultimi anni della repubblica romana*. Milano, 1895.
- Ciccotti. — P. V.: *Il processo di Verre*. Milano, 1895.
- Ciccotti. — T. S.: *Il tramonto della schiavitù nel mondo antico*. Torino, 1899.
- Cohen. — *Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain*.

Vol. I. Paris, 1859.

Courbaud. — B. R. R.: Le bas-relief romain a représentation historiques. Paris, 1899.

Croiset. (A. et M.). — Histoire de la littérature grecque. Vol. V. Paris, 1899.

Daremberg, Saglio et Pottier. — D. A.: Dictionnaire des antiquités grecques. Paris, 1873 cjl.

Dareste, b N. R. H. D., cm N. R. H. D.

Deloume. M. A. R.: Les manieurs d'argent a Rome. Paris, 1890.

Di Marzo. — S. P. C. R.: Storia della procedura criminale romana. Palermo, 1898.

De Saulcy. — Guerre des Helvètes, b Revue archéologique, 1861.

Drumann. — G. R.: Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung. Bd 12. Zweite Auflage herausgegeben von P. Groebe. Berlin, 1899. Bd II. Koenigsberg, 1835; Bd III. Koenigsberg, 1837; Bd IV. Koenigsberg, 1838; Bd V. Koenigsberg, 1841.

Duruy. — H. R.: Histoire romaine. Vol. III. Paris, 1881.

F. H. G.: Fragmenta Historicorum Graecorum edidit. C. Müller. Paris, 1874.

Fabroni. — Storia degli antichi vasi fittili aretini, 1841.

Ferrero (E.). — Dei Dbertini. Torino, 1877.

Forcella. — I. C. M.: Le industrie e il commercio a Milano sotto i Romani. Milano, 1901.

Foucart — cm. Le Bas.

Franchina. — Le condizioni economiche della Sicilia di tempi di Verre. Palermo, 1897. Franke.—I. P. P., cm. N. I. P. P.

Friedlaender. — D. S. G. R.: Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit vom August bis zum Ausgang der Antonine. (6 Ausg.). Leipzig, 1888. Fustel de Coulanges. — C. A.: La cité antique. Paris, 1870. Fustel de Coulanges. — G. R.: La Gaule romaine. Paris, 1891. Gardthausen. — A.Z.: Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1896.

Gilbert. — T. R.: Geschichte und Topographie der Stadt Rom im Alterthum. Leipzig, 1883–1890. Giri. — Il suicidio di Lucrezio. Palermo, 1895.

Giussani. — L.R.: Litteratura romana. Milano, Ed. Francesco Vallardi.

Goler (von). — Gaesars Gallischer Krieg in dem Jahre 52. Karlsruhe, 1859.

Head. — Historia nummorum. Oxford, 1887.

Heller, b Phil., cm. Philologus.

Hermes. Zeitschrift für classisene Philologie. Berlin.

Ho molle. — B. C. H.: Les Romains a Délos, b Bulletin de correspondance hellénique. Vol. VIII. Hübner. — De senatus populi romani actis. Leipzig, 1860. Ihne.—R. G.: Römische Geschichte. Vol. VI. Leipzig, 1886.

John. — E. G. C. V.: Entstehungsgeschichte der Catilinarischen Verschwörung, b Janrbücher für Philologie und Paedagogik. Suppl.-band. VIII. Jordan. T. R.: Topographie des Stadt Rom in Alterthum. Berlin, 1878. Judeich. — CO.: Caesar in Orient. Leipzig, 1885. Jullian. — Vere: Vercingétorix. Paris, 1901. I. P. P., cm. N. I. P. P.

Kariowa. — R. R. G.: Römische Rechtsgeschichte. Leipzig, 1893. Kromayer, b Phil., cm. Philologus. Kromayer, b Hermes, cm. Hermes.

Lanciani, b B. O.: Bolletino della commissione archeologica comunale di Roma.

Lancia ni. — T. R. A.: Topografia di Roma antica; i Commentarti di Frontino intorno le acque e gli acquedotti, Silloge epigrafica aquaria. Roma, 1880. Lanciani. —

Forma urbis Romae. Mediolani, 1893. Land ucci. — Storia del diritto romano. Padua, 1895.

Lange. — R. A.: Römische Alterthümer.: Bd I (2 Aufl.). Berlin, 1863; Bd II (2 Aufl.). Berlin, 1867; Bd III (1 Aufl.). Berlin, 1871.

Le Bas, Waddington et Foucart. — V. A.: Voyage archéologique en Grece et en Asie Mineure pendant les années 1843–1844. Paris, 1847—1877.

Loewy — cm. Zeitschrift für Bildende Kunst, XXIII, 74 cji. 1888.

Lombroso. — L'Uomo delinquente. Torino, 1897.

Lossau. — I. K.: Ideale der Kriegführung.

Manfrin. — C. P.: La cavalleria dei Parthi nelle guerre contro i Romani. Roma, 1893.

Marquardt. — R. S. V.: Römische Staatsverwaltung (Handbuch der rom. Alterthümer). Leipzig, 1871.

Marquardt. — V. P. R.: La vie privée des Romains. Paris, 1892.

Masi. — V. S. A. hjim A.: Vicende politiche dell' Asia dall' Ellesponto all' Ingo. Vol. I, Modena, 1898; vol. II, Città di Castello, 1901.

Maurenbrecher. — C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae. Leipzig, 1893.

Meyer. — Oratorum Romanorum fragmenta. Fübinger, 1842.

Meyer. — U. G. G.: Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen. Halle, 1894.

Micalella. — F. D. C: La fonte di Dione Cassio per le guerre galliche de Cesare. Lecce, 1896.

Mommsen, b Hermes, cm Hermes.

Mommsen. — P. R.: Le Province romane da Cesare a Diocleziano. Trad. di Ruggiero. Roma, 1887.

Mommsen. — R. F.: Römische Forschungen. Berlin, 1864.

Mommsen. — R. G.: Römische Geschichte. Berlin, 1874.

Mommsen. — R. M. W.: Geschichte des Römischen Münzwesens. Berlin, 1860.

N. I. P. P.: Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik. Leipzig.

Napoleon III. — J. C: Histoire de Jules Cesar. Paris, 1865–1866.

Neumann. — G. R. V.: Geschichte Roms während des Verfalls der Republik vom Zeitalter des Scipio Aemilianus bis zu Sullas Tode. Breslau, 1881. Niccolini, b S. I. F. C, cm. S. I. F. C.

Nissen, b H. Z.: Der Ausbruch des Bürgerkrieges 49 vor. Ch.; b Historische Zeitschrift. Bd. XLIV h XLVI.

Nitzsch. — G. V.: Die Gracchen und ihre nächsten Vorgänger. Berlin, 1847. N. R. H. D.: Nouvelle Revue historique du droit. Paris.

Overbeck. — G. G. P.: Geschichte der griechischen Plastik. Leipzig, 1893–1894. Pa uly- Wi sso va — Kr oll. — R. E.: Real Encyclopädie der classischen Alterthumwissenschaft. Stuttgart, 1894 oi.

Peter. — G. R.: Geschichte Roms. Halle, 1881.

Petsch. — Die historische Glaubwürdigkeit der Commentarteli Caesars vom gallischen Kriege nach gegenwärtige Stande der Kritik. Glückstadt. I. 1885; II. 1886. Phil.: Philologus; Zeitschrift für das klassische Alterthum. Göttingen.

Pohlman. — Die Uebervölkerung der antiken Grosstädte. Leipzig, издание Jablonowski-Gesellschaft. 1882.

Porzio, в R. S. A., см R. S. A.

Rauchenstein. — F. C: Der Feldzug Caesars gegen die Helvetier. Zürich, 1882.

Rawlinson. — S. O. M. или S. G. O. M.: The sixth great Oriental monarchy.

London, 1873.

Reinach. — M. E.: Mithridate Eupator, roi du Pont. Paris, 1890.

Rheinisches Museum für Philologie, Frankfurt.

R. S. A.: Rivista di storia antica. Messina.

Rüstow. — H. K. C.: Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesars. Nordhausen, 1862. Salvioli. — D. P. F.: Sulla distribuzione della proprietà fondiaria in Italia al tempo dell'impero romano. Modena, 1899.

Schanz. — G. R. L.: Geschichte der römischen Litteratur. München, 1890.

Schiller-Voigt. — Die römischen Privatalterthümer und Kulturgeschichte. = Handbuch der class. Alterthumwissenschaft. Bd IV. Nordlingen, 1885.

Schmidt. — B. W. C.: Der Briefwechsel des M. Tullius Cicero von seinem Prokonsulat in Cilicien bis zu Caesars Ermordung. Leipzig, 1893.

Schmidt, в Rhein. Mus.: Der Ausbruch des Bürgerkrieges in 49, v. Ch., в Rheinisches Museum. Bd XLVII.

S. I. F. C.: Studi italiani di Filologia classica.

Stern. — C.: Catilina und die Parteikämpfe der Jahre 66–67. Dorpat, 1883.

Stobbe. — Die Candidati Caesaris; в Philologus. Bd XXVII.

Sumpf. — B. O.: Casars Beurtheilung seiner Offiziere in den Commentarien vom Gallischen Kriege. Quedlinburg, 1892.

Sunden. — De tribunita potestate a L. Sulla imminuta quaestiones. Upsala, 1897. Tarentino. — C. C.: La congiura catilinaria. Catania, 1898. Vogel, в I. P. P., см. N. I. P. P.

Voigt. — I. N.: Die Lehre vom Jus Naturale et Jus Gentium der Römer. Leipzig, 1856.

Vaglieri. — Di un nuovo frammento del cosiddetto elogio di Turia, в Notizie degli scavi, октябрь 1898.

Waddington, см. Le Bas.

Waltzing. — C. P. R.: Etüde historique sur les corporaüons professionnelles chez les Romains. Vol. I. Louvain, 1895.

Weber. — R. A. G.: Die römische Agrargeschichte. Stuttgart, 1891. Willems. — D. P. R.: Le droit public romain. Louvain, 1872.

Willems. — S. R. R.: Le sénat de la république romaine. Louvain, vol. I, 1878; vol. II, appendice et table, 1885.

Wlassak. — Edict und Klageform. Jena, 1882.

Ziehen, см. Rheinisches Museum, 1896. C. 593 сл.

Zumpt. — C. E.: Commentationes epigraphicae. Vol. I. Berolini, 1850.

Zumpt. — S. R.: Studia romana. Berolini, 1859.